

Императрицы Рима

Джозеф Маккейб

THE EMPRESSSES OF ROME

JOSEPH McCABE

1911

pgdp.net

The Project Gutenberg eBook of The Empresses of Rome.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Empresses of Rome

Автор: Джозеф Маккейб

Дата выхода: 15 декабря 2019 [eBook #60933]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: Английский

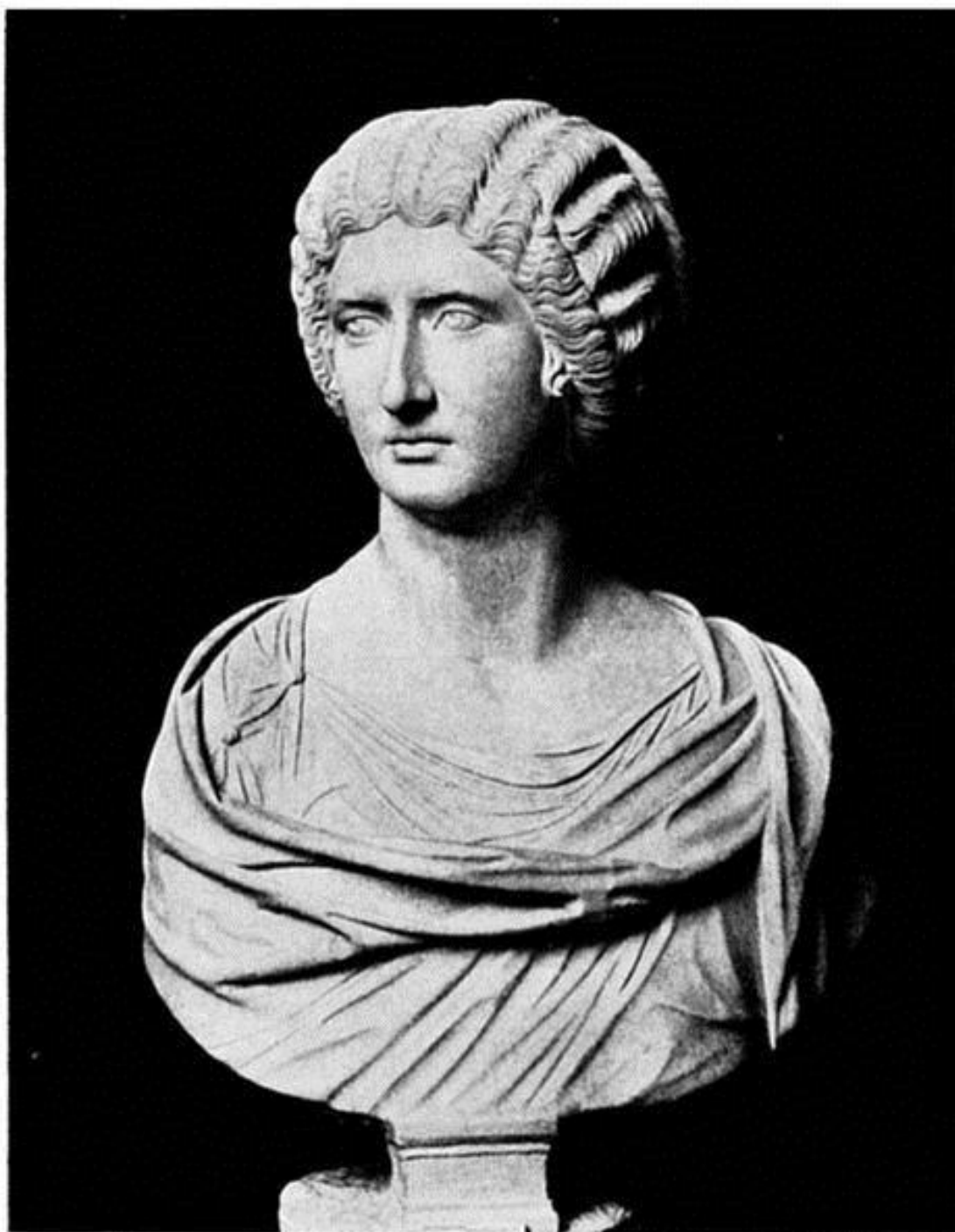
Авторские права: Тургут Динсер, Чарли Ховард и команда онлайн-распределенной корректуры (<http://www.pgdp.net>) с изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА "ИМПЕРАТРИЦЫ РИМА" ***

Электронная книга проекта "Гутенберг", "Императрицы Рима", автор Джозеф Маккейб

Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. See
Примечание: <https://archive.org/details/cu31924028299075>

РИМСКИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

КРИСПИНА

БЮСТ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

РИМСКИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

Джозеф Маккаби

АВТОР КНИГИ "УПАДОК РИМСКОЙ ЦЕРКВИ"

С ДВАДЦАТЬЮ ЧЕТЫРЬМЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

НЬЮ-ЙОРК
ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ
1911

ПРИМЕЧАНИЕ

Период, охватываемый этой работой, простирается до падения Западной империи или до середины пятого века. Было сочтено, что более широкий охват повлечет за собой либо неудобно большой труд, либо неадекватную трактовку. Поэтому, хотя императрицы Востока были включены вплоть до падения Рима, казалось, что распад империи в Риме и на Западе - вполне естественный срок для настоящего исследования. Это ограничение позволило автору рассказать все, что известно об императрицах Рима в этот период, расширить интерес исследования, обрамляя императорские характеры эпизодическими зарисовками их окружения, и сплести нити биографии в непрерывную историю.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
Введение	1
ГЛАВА.	
I. СТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ	7
II. КОНЕЦ ЗОЛОТОГО ВЕКА	23
III. ЖЕНЫ КАЛИГУЛЫ	46
IV. ВАЛЕРИЯ МЕССАЛИНА	60
V. МАТЬ НЕРОНА	79
VI. ЖЕНЫ НЕРОНА	105
VII. ИМПЕРАТРИЦЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА	122
VIII. ПЛОТИНА	136
IX. САБИНА, ЖЕНА АДРИАНА	149

X.	ЖЕНЫ СТОИКОВ	163
XI.	ЖЕНЫ СИБАРИТОВ	179
XII.	ЮЛИЯ ДОМНА	194
XIII.	ВО ВРЕМЕНА ЭЛАГАБАЛА	210
XIV.	ЕЩЕ ОДНА СИРИЙСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА	222
XV.	ЗЕНОБИЯ И ВИКТОРИЯ	233
XVI.	ЖЕНА И ДОЧЬ ДИОКЛЕТИАНА	250
XVII.	ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ	265
XVIII.	ЖЕНЫ КОНСТАНЦИЯ И ЮЛИАНА	286
XIX.	ЮСТИНА	306
XX.	РОМАН ЕВДОКСИИ И ЕВДОКИИ	322
XXI.	ПОСЛЕДНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЗАПАДА	340
	ИНДЕКС	351

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Криспина. Бюст в Британском музее С фотографии, сделанной В. А. Мэнселлом и Ко.	<i>Фронтиспис</i>
ЛИЦЕВАЯ СТРАНИЦА	
Ливия в образе Цереры. Статуя в Лувре	20
Юлия. Бюст в музее Кьярамонти	28
Агриппина Старшая. Бюст в музее Кьярамонти	46
Мессалина. Бюст во дворце Уффици, Флоренция	70
Агриппина Младшая. Бюст в Национальном музее, Флоренция	82
Октавия. Бюст Порфирия в Лувре	112
Поппея. Бюст в Капитолийском музее, Рим По фотографии Андерсона.	118
Домиция. Бюст в галерее Уффици, Флоренция	130
Плотина. Статуя в Лувре С фотографии, сделанной компанией W. A. Mansell & Co.	142
Сабина. Бюст в Британском музее С фотографии У. А. Мэнселла и Ко.	154
Фаустина Старшая. Бюст в Лувре По фотографии А. Жиродона.	164
Фаустина Младшая. Бюст (предположительно) в Британском музее	172

По фотографии В. А. Мэнселла и Ко.	
Луцилла. Бюст в Национальном музее, Рим.	184
По фотографии Андерсона.	
Юлия Домна. Бюст в Ватиканском музее	202
С фотографии Андерсона.	
Юлия Меза. Бюст в Капитолийском музее, Рим	214
По фотографии Андерсона.	
Юлия Мамæа. Бюст в Британском музее	226
По фотографии В. А. Мэнселла и Ко.	
Марсия Отацилия Севера	236
С фотографии В. А. Мэнселла и Ко.	
Зенобия	248
Увеличено с монеты в Берлинском музее.	
Салонина и Валерия	262
Увеличено с монет, хранящихся в Британском музее.	
Фауста и Флавия Елена	280
Увеличено с монет в Британском музее.	
Ælia Flaccilla и Honoria	316
Увеличено по монетам из Британского музея.	
Евдоксия и Пульхерия	330
Увеличено по монетам из Британского музея.	
Плацидия и Евфимия	342
Увеличено по монетам из Британского музея.	

РИМСКИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

ВВЕДЕНИЕ

История императорского Рима часто и впечатляюще рассказывалась в нашей литературе, и немногие главы в длинной летописи человеческих деяний и неудач имеют более драматическое качество. За семь веков до начала нашей эры, когда большая часть Европы еще скрыта под девственными лесами или отталкивающими болотами, а угасающие цивилизации Востока бросают, умирая, свое семя на почву Греции, мы видим в серой дымке легендарного периода скудный народ, поселившийся на одном из семи холмов у Тибра. По мере его роста враги отступают, и он уверенно распространяется по соседним холмам и соединяющимся с ними долинам. Постепенно она распространяет свое господство на другие итальянские народы, укрепляя свою руку и совершенствуя свое искусство в долгой борьбе. Он осознает свое могущество и посылает свои легионы на восток, за синее море, чтобы собрать богатства и культуру Египта, Ассирии, Персии и Греции; на запад и север, за белые Альпы, чтобы посеять семена в Германии, Галлии, Британии и Испании. За сто лет до начала нашей эры крошечное поселение на Палатине стало владычицей мира. Его орлы пересекают воды Дуная и Рейна, сверкают под солнцем Азии и Африки. Но вместе с богатствами умирающего Востока он унаследовал и зародыши смертельной болезни. Рим,

сердце гигантского каркаса, теряет свою бодрость. Сильные бронзовые конечности выглядят бледными и худыми; ясный холодный мозг затуманен парами вина и разгорячен трепетом чувств; и Рим уходит, дряхлый и обесчещенный, со сцены, на которой он сыграл столь полезную и роковую роль.

Новый аспект этой знакомой истории, который я предлагаю рассмотреть, заключается в изучении женщин, которые формировали или омрачали последующих императоров в их неспособности остановить, если не в их вине в ускорении, прогресс болезни Рима. Женщина сыграла свою роль как в становлении, так и в разрушении Рима. В прежние времена, когда ее деятельность ограничивалась стенами дома, ни один консул не направлял судьбу Рима, ни один солдат не нес его орлов к границам мира, но какая-то женщина учила его уста складывать слоги национального кредо. Однако задолго до начала нашей эры мысль и сила римской женщины вышли в большой мир общественной жизни; и когда создается империя, когда управление могущественными ресурсами государства передается в руки одного правителя, жена монарха может разделить его власть и, несомненно, разделяет его интересы для нас. Даже как простые женщины Рима, как отдельные фигуры и типы, поднимающиеся к светящейся высоте трона из темной и неразличимой толпы, они заслуживают того, чтобы их рассмотрели.

Такой обзор мы, несомненно, имеем в двух великих произведениях, развернувших перед глазами английских читателей панораму императорского Рима. В изящных и сдержанных главах Меривейла мы видим, что ранние императрицы обрисованы не менее очаровательно, чем образованно. В более пышном и сладострастном повествовании Гиббона мы можем с некоторой периодичностью проследить судьбу и оценить характер более поздних императриц. Но, каким бы прекрасным умением группировки ни обладал историк, его сцена слишком тесна, чтобы мы могли выделить отдельный персонаж с должной отчетливостью или оценить его с полной точностью. Мимолетные взгляды на императриц, которые мы улавливаем, когда перед нами проплывает великолепная панорама, должны слиться в более полную и устойчивую картину. Беготня и удары армий, хитрости государственных деятелей, социальные революции, которые поглощают историка, должны отойти на задний план, чтобы единая фигура могла быть видна во всей полноте. Когда это будет сделано, окажется, что есть много суждений об императрицах, как у Меривейла, так и у Гиббона, которые биограф осмелится поставить под сомнение.

Для изучения ранних императриц английский читатель найдет много полезного в книге г-на Баринг-Гулда "Трагедия Сезаров" (1892). Однако и здесь, хотя императрицы нарисованы с разборчивой свежестью и полным знанием дела, они постоянно сливаются с огромной толпой персонажей. Цель настоящей работы - поместить их на передний план и продолжить исследование далеко за пределы работы г-на Баринг-Гулда. В этом отношении она также отличается от блестящей "Kaiser-Frauen" Стара, которая, по сути, сейчас почти недоступна; и особенно от недавней работы В. Сильваны под несчастливым названием "L'Impero e le Donne dei Cesari", которая просто включает небольшие и знакомые очерки о четырех императрицах в общее исследование этого периода.

Эта работа отличается совсем от другой - от эрудированной и занимательной книги старого французского писателя Роргаса де Сервье, ранний английский перевод которой недавно был переиздан под названием "Римские императрицы, или История жизни и тайных интриг жен двенадцати царей" - название неподходящее, поскольку работа далеко не ограничивается женами царей. Это трудолюбивая компиляция оригинальных упоминаний об императрицах, переплетенных с большим искусством, чтобы построить гармоничные картины, и украшенных большим очарованием и пикантностью фразы, хотя и некоторой

пустотой чувств. Но он так стремится развлечь нас, что часто жертвует точностью ради этой восхитительной цели. Сервез не выдумал ни одного существенного эпизода, но он окружил факты самыми очаровательными ореолами воображения, а там, где авторитеты расходятся, как это часто бывает, он без колебаний выносит свой вердикт тому писателю, который наиболее живописно поносит добродетель одной из своих императриц. Роргас де Сервез был дворянином из Лангедока во времена "великого монарха". Его императрицы и принцессы слишком точно отражают хрупкий характер дам при дворе Людовика XIV. Для него самым надежным писателем является тот, кто меньше всего склонен искать добродетель в придворных дамах.

Нет нужды говорить о том, что настоящий автор обязан этим авторам, ученому Тиллемону и другим, которые будут названы в ходе работы. Но это исследование основано на тщательном изучении всех упоминаний об императрицах в латинских и греческих источниках, с дополнительной помощью монет, статуй, надписей и случайных исследований комментаторов. По ходу дела мы будем рассматривать различный авторитет этих авторов. Мы найдем в них недостатки, которые налагают тяжелую ответственность на писателя, чьей целью является восстановление этих потускневших и тонких портретов императриц, поверх которых более поздние художники нанесли свои более резкие и грубо раскрашенные фигуры. Можно, однако, сразу сказать, что не предполагается призывать к каким-либо революционным изменениям в существующей оценке характера большинства из них. Если честно отбросить несколько романтических приключений, мы обнаружим, что Мессалина все еще щеголяет своими пороками во дворце, Агриппина все еще преследует свои более мужские амбиции, Пoppея все еще представляет собой нарядно одетую марионетку того роскошного мира, а Зенобия в сверкающем шлеме все еще отдает звучные приказы своим войскам.

Но прежде чем мы представим первую, одну из лучших и величайших императриц, стоит взглянуть на развитие римской жизни, которое подготовило путь женщины к столь возвышенному достоинству. Состояние женщины в раннем Риме часто восстанавливалось. Мы видим младенца женского пола, судьба которого трепещет в руках человека с того момента, как его глаза открываются для света, поставленного перед деспотичным отцом для решения его судьбы. Взглянув на маленькую белую рамочку, он скажет, будет ли она выброшена на улицу, чтобы торговцы человеческой плотью собрали ее, или же ее отдадут на воспитание следующему поколению граждан. Мы следим за ней на протяжении всего ее детства, когда она учится прясть и ткать, и видим, как она переходит от тирании отца к тирании мужа в том возрасте, когда современная девушка еще только начинает нервно поглядывать на брак как на далекий и мистический опыт. Затем мы видим ее, не столь узко ограниченной, как ее греческая сестра, но все же не более чем служанкой своего мужа. Общественное мнение, правда, смягчило более суровые черты и запретило более серьезные последствия этой древней традиции. В течение многих веков развод в Риме был неизвестен. Однако горизонт женщины ограничивался домом, в то время как ее муж мог похвастаться своей долей в управлении растущей жизнью содружества.

Во втором веке до Рождества Христова мы находим симптомы бунта. Самые богатые женщины Рима возмущены тем, что закон Оппиана ограничивает их наряды после окончания войны (195 г. до н. э.). Старомодные сенаторы с ужасом замечают, что они устраивают публичные собрания, обходят все подступы к сенату, требуя голоса, и даже вторгаются в дома трибунов, заставляя их отказаться от оппозиции. Правда в том, что Рим изменился, и женщины чувствуют эти перемены. Прохождение победоносного Рима через города Востока развратило патриархальные добродетели. Римские офицеры не могли

спокойно смотреть на уцелевшие памятники афинской культуры, устраивать праздники в дремучих покоях коринфских куртизанок или в развратных рощах Дафны, не меняя своего жизненного идеала. Блеск восточной мудрости и порока сделал бледным старый стандарт римской *добродетели*. Огромные богатства, добытые в покоренных провинциях, раздували гордыню патрицианских семей, пока они с презрением не выходили за узкие стены отцовских домов. На холмах Рима стали возвышаться мраморные особняки, обрамленные тенистыми и просторными садами, с которых презрительные патрицианские глаза взирали на жалкие и праздные толпы в долинах Субуры и Велабрума. Рим стремился иметь свое искусство и свою литературу.

Римские женщины не могли уединиться от новой культуры и не могли избежать стимуляции своего нового мира. Римскому мужу необходимо было уберечься от искусных куртизанок Греции и сладострастных сирен Азии, найдя в своей жене не меньшую привлекательность. Таким образом, ближний горизонт женского сознания расширялся. Надпись, найденная в Ланувии, где императрица Ливия имела виллу, свидетельствует о том, что в маленьком провинциальном городке существовала *curia mulierum* - женский дискуссионный клуб. На стенах Помпеи, когда с ее выжженного лица сошла пелена лавы, были обнаружены предвыборные послания, подписанные женщинами. Весь мир отражался в Риме, и немногие умы могли сохранить свою первобытную простоту, созерцая эту соблазнительную картину.

К началу первого века новой эры у женщин Рима были широкие возможности для развития культуры и политического влияния. В великих конфликтах того времени их имена занесены в хроники как вдохновительниц многих главных действующих лиц. Они поднимаются и падают вместе с делами сената или народа. Они объединяют культуру с характером, общественные интересы с красотой и материнством. Наконец противоборствующие стороны исчезают одна за другой, и власть, которую они оставили, собирает молодой полководец Октавиан, внучатый племянник Юлия Цезаря. Юноша с тонкими и необычайно изящными чертами лица, скорее утонченный и задумчивый, чем напористый, он узнает, что Цезарь сделал его наследником своих богатств и возможностей; он смело отправляется в Рим, ловко использует его силы для уничтожения тех, кто убил Цезаря, заставляет Марка Антония разделить правление миром с ним и Лепидом, а затем уничтожает Лепида и Марка Антония. Именно в этот момент, когда он возвращается в Рим после своих последних побед, когда весь мир гадает, удержит ли он собранную им власть или безропотно передаст ее в руки сената, и начинается повествование.

ГЛАВА I

СТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

Августовским утром 29 года до н. э. миллионы граждан Рима выстроились на пути триумфальных процессий, чтобы приветствовать человека, принесшего им незнакомое благословение мира. От Триумфальных ворот до Капитолия, мимо Большого цирка и через густой квартал Велабрум с его узкими улочками и высокими домами, болтливая толпа выстроилась в две беспокойные линии по обе стороны дороги, готовая откликнуться на звонкое "Io Triumphe" бронзовых солдат, бурлящих обсуждением о черном от войны прошлом и более приятных перспективах будущего. Под обрывом Палатинского холма и на

Форуме, через который пролегал Священный путь к белому храму Юпитера, возвышавшемуся над ними и венчавшему Капитолий в конце Форума, зрительские изгороди были гуще, а дебаты оживленнее. Там завоеватель должен был принести жертву, прежде чем снова опуститься в ряды граждан Республики. Действительно ли молодой Октавиан сложит с себя власть и станет гражданином среди многих, раз уж он стал хозяином римского мира?

Возможно, одна женщина, смотревшая на бурлящий Форум и сверкающий храм Юпитера из скромного особняка на Палатинском холме, знала ответ на этот волнующий вопрос. Возможно, он был неизвестен и самому Октавиану, ее мужу. Она слышала звуки труб и видела, как гладкие белые волы, позолоченными рогами и зелеными гирляндами, движутся по Священному пути и поднимаются на Капитолий. Она видела, как качался и дрожал от волнения народ, как рисовались сцены далеких далматинских лесов, где одерживались последние победы ее мужа, а золото и серебро опустошенного Египта и дети ведьмы Клеопатры были брошены на растерзание завоевателю. Она видела, как медленно проходили краснокожие ликторы, их фасции были увенчаны лавровым венком; видела, как оркестр танцоров и музыкантов исполнял радостную музыку на его пути; наконец, она увидела четверку белых коней, влекущих триумфальную колесницу, в которой ее муж и двое ее детей принимали неистовые оvationи народа.

Октавиану шел тридцать четвертый год. Пятнадцать лет борьбы наложили отпечаток мужественной серьезности на красивое мальчишеское лицо, хотя выющиеся золотистые волосы все еще казались странным ложем для венчавшего их лаврового венка. Его полные бесстрастные губы, пристальный взгляд и широкий гладкий лоб производили впечатление отрешенности, как будто он был незаинтересованным зрителем событий дня и всей национальной драмы, а не центральной фигурой. Бюсты, изображающие его в этот период, в профиль, как мне кажется, напоминают Наполеона Давида, но без дремотного огня и жесткого эгоизма. Мужчины напоминали друг другу, как пятнадцать лет назад, когда он был еще мальчишкой, он с удивительной ловкостью прокладывал себе путь в лабиринте интриг. Теперь Марк Антоний был мертв, Брут и Кассий мертвы, Лепид мертв, а последователи Помпея рассеяны. Естественно было предположить, что за маской благодушного спокойствия скрываются мечты о дальнейшей власти.

За Октавианом шли сенаторы в тогах с пурпурными полосами и серебряными полумесяцами на сандалиях. Когда хвост процессии прошел дальше, ряды зрителей разбились на группы, сплетничающие между собой. Белые быки пали перед алтарем Юпитера. Октавиан произнес обычную речь перед сенатом и присоединился к Ливии в небольшом особняке на Палатине. Но еще много дней после этого Рим бурлил, восхваляя его. Уже много лет не было таких боев, от которых краснел песок амфитеатра, таких клоунов, фокусников и актеров, заполнявших сцену театра, таких спортивных состязаний, которые приводили в восторг 300 000 граждан в цирке. Никогда прежде в Риме не видели носорога или гиппопотама в непристойном виде. С начала гражданских войн через лавки Велабрума и таверны Субуры не проходило столько денег. Опустошение Египта пополнило общественную казну такими богатствами, что банкиры были вынуждены снизить процентную ставку. Для народа, выросшего в паразитов, искушение сделать царя было непреодолимым; и тем, кто придерживался строгих демократических форм, было легко заметить, что Октавиан был необычайно скромен для человека, достигшего столь блестящего и изобретательного положения. Так за несколько месяцев Октавиан стал императором, а Ливия, говоря современным языком, императрицей [Рима](#)¹.

Ливия, к несчастью для Рима, не дала Октавиану прямого наследника пурпура, поэтому мы можем вкратце рассказать о ее происхождении. Она происходила из рода Клавдиев, одного

из старейших и гордых родов Республики, насчитывавшего в своей линии двадцать восемь консулов и пять диктаторов. Сильная, надменная раса, скорее полезная, чем блестящая, религиозно преданная старой Республике, они во многом способствовали тому, чтобы Рим стал владычицей мира. Отец Ливии, Ливий Друз Клавдиан, взял в руки оружие против Октавиана и Антония и с римским достоинством покончил с собой, когда Брут и Кассий пали и он увидел, что на город надвигается тень деспотизма.

Ливии тогда шел шестнадцатый [год2](#), и она рано познакомилась с бурями римской политической жизни. Ее муж, Тиберий Клавдий Нерон, не раз получал повышение от Юлия Цезаря, но после убийства Цезаря перешел в более благоприятное, по его мнению, течение. Похоже, он умело проводил свой курс до 41 года до н. э., когда, как и многие другие мелкие интриганы, попал под влияние жены Марка Антония, Фульвии. В то время Антоний был пойман в шелковую сеть, с помощью которой Клеопатра не давала ему реализовать амбиции Рима за счет своей страны. Фульвия, мужественная и страстная женщина, пыталась вырвать Антония из своих объятий, спровоцировав восстание против Октавиана. Она подговорила своего шурина и других вельмож к восстанию, и Нерон, который в то время был префектом небольшого городка в Кампании, присоединился к движению.

Октавиан направил свои легионы на юг и рассеял поредевшие ряды повстанцев. С младенцем - будущим императором Тиберием - на руках девушка-жена бежала с мужем на побережье и пережила все ужасы гражданской войны. Солдаты Октавиана так близко наступали им на пятки, что в какой-то момент крик младенца едва не уничтожил их. До женитьбы на Ливии Октавиан не проявлял особой милости к мятежным вельможам. Наконец они добрались до побережья, где галеры Секста Помпея уже висели, чтобы принять беглецов, и отплыли в Сицилию. Там их радушно приняли помпеянцы, но, отправившись в Грецию, они снова стали объектом охоты войск. Долгое время после этого в Риме рассказывали, как нежная девушка, потомок всех Клавдиев, ночью бежала через горящий лес перед римскими солдатами, опаливая волосы и одежду, когда мчалась вперед с ребенком на руках. Беспокойная история Рима на протяжении ста лет была запечатлена в ее памяти личным опытом, который она никогда не сможет забыть. С израненными ногами и больным сердцем она и ее муж наконец нашли приют, пока не улеглась вражда между Антонием и Октавианом.

Из тяжелого изгнания они вернулись в свой милый дом на Палатинском холме, и история ее приключений стала распространяться и набирать обороты в римском обществе. Если эксперты правы, приписывая Ливии небольшой особняк, который был обнаружен на холме, то мы узнаем, что в 38 году до н. э. она жила всего в нескольких шагах от дома Октавиана. Среди дворцовых построек, которые теперь белеют на склонах римских холмов, дом Нерона - впоследствии дом Ливии - был беден, но его настенная роспись относится к числу самых тонких, которые были обнаружены под нависшим веками мусором средневековья. Небольшой портик укрывал от летнего солнца, а маленький, прохладный атриум (зал) вел лишь в полдюжины скромных комнат. Но Ливия была счастлива в своем муже и трезва в своих вкусах. Ей шел девятнадцатый год, молодая женщина с правильными и приятными, хотя и не очень красивыми чертами лица и округлыми формами, одна из тех, кто счастливо соединил старую добродетель матроны с новой любовью к обществу и веселью. Весь Рим обсуждал ее приключения, а щедрое чувство, которое вызывал ее роман, заставляло людей наделять ее исключительной красотой и остроумием - качествами, которые ни ее мраморное изображение, ни ее записанная карьера не позволяют нам принять в значительной степени. До самых дней ее могущества не было слышно ни единого шепота клеветы в ее адрес. Теперь ей предстояло внезапно покинуть этот мирный и счастливый маленький мир.

Октавиан, который очень свободно общался со своими друзьями и часто ужинал с литераторами, которых сейчас в Риме было множество, услышал сплетни о юной Ливии и стал искать ее. Он уже был женат, и прежде чем соединить его с Ливией, следует сказать несколько слов о *манекенщицах-императрицах*.

В ранней юности он был обручен с девичьей дочерью Публия Сервилия Исаврика, но простое обручение не имело силы в то время, когда даже брачные узы были столь непрочны. Когда он столкнулся с Марком Антонием, под командованием которого находилось множество мрачных легионов, и возникла угроза новой гражданской войны, миротворцы предложили обратить бурю с полей Италии с помощью брачного союза. Солдаты, уставшие убивать друг друга, одобрили это предложение. Сервилия была принесена в жертву, а Октавиан был женат на юной и едва ли пригодной для брака дочери Фульвии. Как мы видели, в 41 году произошел новый разрыв с Антонием, и Октавиан отослал девицу, как он ее описывал, обратно ее разгневанной матери. Некоторые из наших авторитетов утверждают, что Фульвия пыталась вырвать Антония из объятий Клеопатры, занимаясь любовью с его красивым соперником, но можно только предположить, что Антоний улыбнулся бы, если бы ему сказали, что его неприятная супруга - женщина, которая, как говорят, злорадствовала над окровавленной головой Цицерона и воткнула свою заколку в его язык - предлагает свое сердце Октавиану. Поэтому мы не можем принять слухи о том, что, когда Октавиан вернул Фульвии ее дочь, он злонамеренно объяснил это тем, что хотел избавить Фульвию от неприятных мыслей о том, что он предпочел милую бесчувственность Клодии ее собственным более напористым качествам.

Брак с Клодией был откровенно политическим, и он, естественно, распался в условиях нового политического распада. Второй брак имел такое же происхождение и такой же желанный конец. Он женился на Скрибонии, женщине старше себя, во время разрыва с Антонием, потому что ее брат был одним из главных членов помпеянской фракции. Лидер этой партии, Секст Помпей, удерживал Сицилию и не только принимал беглецов от гнева Октавиана, но и командовал морским путем в Рим. Через своего преданного друга Мекенаса, знаменитого покровителя писем, Октавиан предложил Скрибонии брак. Для тридцатилетней женщины, пережившей уже двух мужей, не было бы ничего противоестественного в том, что она с нетерпением ждала и, возможно, любила такого изящного, амбициозного и прогрессивного юношу, как Октавиан; но для него этот союз был лишь еще одним ходом в большой игре, которую он вел. Он мог легко перенести напряжение дипломатического брака, ведь нет причин отвергать утверждения Дио и Суетония о том, что он находил привязанность среди жен своих знатных друзей.

Принято считать, что Октавиан скрывал напряженное и непоколебимое честолубие под напускной веселостью, а его нарушения оправдывались тем, что он использовал их как средство для выявления политических шепотков в римском обществе. Но такой взгляд на характер Октавиана можно с уверенностью поставить под сомнение. Его вкусы, как мы увидим, оставались чрезвычайно простыми, когда он мог спокойно предаваться любому чувству роскоши, когда все соперники были устранены. То, что он был честолубив, было бы глупо оспаривать; но его честолубие не должно измеряться его успехами. Мало найдется в истории случаев, когда судьба так бесцеремонно сглаживала путь и увлекала вперед легкие и колеблющиеся амбиции. Октавиан вполне мог поверить заверениям халдейских астрологов, что он рожден для власти.

Однако при всей своей простоте Октавиан чувствовал некоторую роскошь в любовных делах, и его воображение блуждало. Твердая добродетель Скрибонии не отличалась ни одной из граций новой римской женщины, ее скупые прелести уже поблекли под

безжалостным солнцем Италии, и она была остра на язык. Кроме того, его брак с ней оказался ненужной жертвой. Бурная карьера Фульвии завершилась вскоре после возвращения дочери, а Антоний и Октавиан поделили между собой римский мир. Антоний женился на сестре своего коллеги, но бледная добродетель Октавии не устояла перед пылкими ласками, а то и расчетливым патриотизмом Клеопатры. Во время второго разрыва между Антонием и Октавианом ее изгнали из дворца Антония в Риме, где она терпеливо переносила его дальнюю неверность, и отправили обратно к брату. Тем временем Октавиан нашел более приятный способ заключить мир с помпеянами, чем терпеть резкие причитания Скрибонии о его неверности. Он обнаружил или предположил, что Секст Помпей не обуздал пиратов Средиземноморья, как следовало бы, и решил вырвать у него богатые полномочия, которые тот занимал. Он был в таком настроении, когда в 38 году до н. э. в Рим приехала молодая Ливия, и преувеличенная история о ее приключениях и красоте начала распространяться среди особняков Палатина.

Некоторые власти описывают Октавиана как витающего вокруг нее некоторое время и говорят, что пышность, с которой он отпраздновал свой *барбаторий*, или первое бритье бороды, была вызвана щедростью его новой страсти. Более вероятно, что он сразу же сообщил Нерону о своем решении жениться на Ливии. Тацит прямо говорит, что неизвестно, согласилась ли Ливия на смену мужа или нет. Как ни велика была тогда свобода римских женщин, с ними редко советовались по таким вопросам. Скрибония получила письмо о разводе, в котором говорилось, что извращенность ее характера делает ее неподходящей супругой для столь странствующего мужа. За несколько дней до этого она родила дочь, и последующие главы этой хроники не раз будут освещены яркой ненавистью, порожденной этим деспотичным увольнением. На данный момент я должен лишь отметить, что более поздние римские писатели заимствовали свою оценку характера Ливии у правнучки Скрибонии, императрицы Агриппины, и мы должны с осторожностью принимать их утверждения. Саму Скрибонию, которая так близко подошла к статусу императрицы, мы теперь должны отбросить, разве что еще раз взглянем на нее, когда она последует за своей беспутной дочерью в изгнание.

Римский закон предписывал разведенной жене отсрочку, прежде чем она сможет снова выйти замуж, но Октавиан был нетерпелив. Он обратился к священным авгурам, и, если легенда верна, прорицатели дали восхитительное доказательство своего искусства. Они серьезно сообщили, что предзнаменования благоприятствуют немедленному браку, *если* у просителя есть основания полагать, что он будет плодотворным. Такой вердикт обрадовал Рим, поскольку было известно, что Ливия находится на большом сроке беременности, а Октавиан считается ее отцом. Так это или нет, но Октавиан намекнул Нерону, что должен развестись с Ливией, и мы не думаем, что она сильно переживала, когда ее пригласили разделить особняк на Палатине, на который теперь были устремлены все римские взоры. Анекдот того времени легко иллюстрирует легкость, с которой в Риме совершались подобные брачные переезды. Дио рассказывает, что во время праздничной трапезы один из тех украшенных драгоценностями мальчиков, которые в то время составляли часть семьи римской знати и чьи порочные услуги вознаграждались чрезвычайным правом, сказал Ливии, когда она сидела за столом с Октавианом: "Что ты здесь делаешь, госпожа? Твой муж вон там". Очаровательный юноша указал на Нерона за другим столом. Он уже выдал невесту и весело участвовал в пире.

Второй сын Ливии, Друз Нерон, родился через три месяца после ее свадьбы и был отправлен Октавианом в дом Нерона. Вскоре Нерон умер и сделал Октавиана опекуном своих сыновей, так что они вернулись под опеку матери. Крайняя привязанность Октавиана к младшему

мальчику не придает никакого значения слухам о том, что Друз был его родным сыном. Скорее всего, Октавиан в своей стремительной манере женился на Ливии, как только на ней остановилось его воображение. Принятые бюсты Друза не дают никакой поддержки клевете о том, что Октавиан был его отцом. Он любил обоих мальчиков и помогал в их воспитании в ранней юности. Только когда его дочь Юлия приводит в дом своих красивых детей, мы обнаруживаем начало отчуждения между ним и его преемником Тиберием.

Семья, в которой медленно прорастали первые семена трагедии, в 38 году до н. э. отличалась большой простотой и трезвостью. Они жили в сравнительно небольшом доме, в котором родился Октавиан, и Ливия с легкостью и достоинством переняла его простой образ жизни. В тот век смертельной роскоши, когда вены Рима набухли от первого прилива паразитического богатства, Октавиан и Ливия довольствовались благоразумным приспособлением старого римского идеала к новому веку. Знатные гости, которых Октавиан приглашал к своему столу, обнаружили, что его простой вкус отвращается не только от павлиньих мозгов и соловьиных языков, которые подавались на их собственных более пышных банкетах, но даже от фазана, кабана и других обычных роскошеств патрицианского ужина. Грубый хлеб, сливочный сыр, рыба и обычные фрукты составляли его обычную трапезу. Часто можно было видеть, как он, возвращаясь домой в своем экипаже после какого-нибудь утомительного государственного дела, например, отправления правосудия, перекусывал хлебом и фруктами, как какой-нибудь скромный крестьянин. Вина он пил мало и никогда не принимал изнуряющих ночных пирушек, которые истощали силы Рима. В то время как богатые сенаторы и рыцари продлевали часы развлечений после вечерней трапезы, нанимали изящных сирийских танцовщиц, обнаженных украшенных драгоценностями мальчиков и сальных мимов, чтобы разжечь тусклые глаза своих гостей, пока те, насытившись, лежали на кушетках из шелка и роз, под струями духов с крыши, попивая отборное вино, охлажденное снегом Атласа или Альп, Октавиан после экономного ужина удалялся в свой кабинет, чтобы писать дневник, диктовать щедрую корреспонденцию и наслаждаться поэтами, открывавшими золотой век латинской письменности. Когда к нему приходили гости, он готовил для них подходящие блюда и музыку, но по окончании трапезы часто удалялся в свой кабинет. После семи часов сна в самых скромных покоях он был готов возобновить свой ежедневный обход.

Поскольку Октавиан сохранил эти трезвые привычки до конца жизни, спустя годы после того, как они могли преследовать какие-либо дипломатические цели, удивительно, что многие авторы считали их искусной ширмой его амбиций. Мы также не можем думать иначе о Ливии. Если Октавиан представляет собой здоровый контраст с отвратительной чувственностью некоторых из его преемников, то его жена не менее ярко контрастирует с последующими императрицами и не менее несправедливо обвиняется в коварстве. Насколько развилось ее честолюбие в последующие годы, мы рассмотрим позже. По крайней мере, в период расцвета его мужественности она довольствовалась ролью жены Октавиана. Своими руками она помогала прясть, ткать и шить его повседневную одежду. Она заботливо воспитывала двух своих мальчиков, ухаживала за немного ослабленным здоровьем Октавиана и культивировала ту приятную степень приветливости, которая поддерживала привязанность ее мужа и уважение мужей других знатных дам. Дио хотел бы, чтобы мы поверили, что ее самым полезным качеством была готовность не замечать гениальных нарушений Октавиана; но Дио проявляет чрезмерное стремление обнаружить слабости в своих героях и героинях. У нас нет серьезных доказательств того, что Октавиан продолжал вести разгульный образ жизни после женитьбы на Ливии. Самое простое и здоровое прочтение хроники заключается в том, что они жили счастливо и сохранили большую привязанность друг к другу, даже когда судьба начала осыпать их злополучный дом ударами.

Но прежде чем мы доберемся до этих трагических дней, нам нужно вкратце рассмотреть годы, когда Октавиан установил свою власть. Первым его шагом после брака с Ливией было уничтожение власти помпеянцев. Ливия с тревогой следила за ходом борьбы со своей загородной виллы в нескольких милях от Рима. Секст Помпеи был опытен в морской войне, и, когда стали приходить сообщения об ошибках и поражениях войск Октавиана, она затрепетала от тревоги. Ее уверенность была восстановлена одним из многочисленных чудес того времени. Однажды орел спустился на курицу, которая только что сорвала веточку лавра во дворе фермы. Орел неуклюже уронил курицу вместе с лавром рядом с Ливией, и столь явное предзнаменование не могло быть истолковано неправильно. Вскоре прошел слух, что орел положил лаврового птенца к ногам Ливии. Как и во всех подобных случаях, скептики из последующих поколений замолчали, получив вещественное доказательство. Цыпленок стал матерью выводка, который в течение многих лет разносил славу деревни по всей Южной Италии; веточка лавра превратилась в дерево и со временем стала благоприятной веточкой, из которой сплетали короны победоносных полководцев.

По воле ли Юпитера или благодаря полученному от Антония подкреплению в виде ста пятидесяти кораблей, Октавиан в конце концов одержал победу и, к радости Рима, расчистил путь, по которому из Африки шли корабли с кукурузой. Теперь между Октавианом и верховной властью оставались только два человека - те двое, которые вместе с ним образовали Триумvirат, правивший Республикой. Первый, Лепид, вскоре был осужден за недобросовестное управление своей африканской провинцией и переведен к невинным обязанностям понтификата в Риме под присмотром Октавиана. Октавиан присоединил провинцию Африка к своей половине римского мира и оказался во главе сорока пяти легионов и шестисот судов. Сенат, в котором работал его преданный друг Мекенас, предвидевший выгоду для Рима от его правления, оказал ему новые почести.

Затем Октавиан вступил в свой последний конфликт с Марком Антонием. Я уже протестовал против правдоподобного мнения, что Октавиан преследовал определенные амбиции при всей своей внешней простоте. Обстоятельства сговорились сначала дать ему власть, а затем создать видимость жажды этой власти. Однако на самом деле он не уничтожил Антония: Антоний уничтожил себя. Апология, принесенная Клеопатре в последнее время, лишь усиливает вину Антония. Говорят, что она использовала все то неуловимое очарование своей личности, о котором древние писатели затрудняются передать впечатление, все свое богатство и остроумие, только чтобы ослабить руку, которую Рим протянул, чтобы захватить ее любимую землю. Эта теория ничуть не противоречит фактам, и приятнее верить, что последняя представительница великой свободной женственности Древнего Египта пожертвовала своей личностью и своим богатством на алтарь патриотизма, чем в то, что ее роман с Антонием был лишь томным и эгоистичным потворством в час национальной опасности. Но если правда, что Клеопатра была последней египетской патриоткой, то Антоний тем более был явным предателем Рима. Эта ссора нас не касается. Октавиан побудил сенат начать войну с Египтом; и можно поверить, что, когда он в одеянии герольда читал объявление войны у дверей храма Беллоны, мысль о презируемой сестре добавила тепла в его фразы. Бледное, терпеливое лицо и возмущенная добродетель Октавии ежедневно заново клеймили Антония в глазах Рима.

Ливия и Антония следили за стремительным ходом последней борьбы из Рима. Они слышали о встрече флотов у Актиума, о победоносном натиске Октавиана, о бегстве Антония и Клеопатры. О том, что последовало за этим, Ливия вряд ли могла знать. Говорят, что Клеопатра предложила Антонию предать Октавиана, и такое предложение полностью соответствует патриотической теории ее поведения. Пока его способный, но плохо

управляемый соперник, покинутый своими силами, приближался к краю пропасти, Октавиан навел Клеопатру в ее дворец. Ее соблазнительные формы были представлены на шелковой кушетке, а из прорезанных глаз опасный огонь ласкал молодого завоевателя. Клеопатра, вероятно, рассчитывала на слабость Октавиана, но его чувственные порывы сдерживала более твердая мысль. Он чувствовал, что должен обладать этим славным созданием, чтобы украсить свой триумф в Риме. Клеопатра увидела, что потерпела неудачу, и с грустью, с последним достоинством, ушла к трону Осириса. Октавиан вернулся в Рим с огромными сокровищами Египта, чтобы насладиться триумфом, который я уже описал, и ожидать пурпура.

После обретения верховной власти домашняя жизнь Ливии и Октавиана ничуть не утратила своей простоты. Через некоторое время после того, как сенат (27 г. до н. э.) укрепил его положение, придумав для него титул "Август" - титул, под которым он обычно, но неправильно, описывается в истории после этой [даты3](#), - он переехал из небольшого дома, который оставил ему отец, в более просторный особняк, построенный оратором Гортензием на Палатине. В 6 году до н. э. он сгорел, и горожане по общественной подписке построили новый дворец для Ливии и Октавиана. По приказу императора взнос каждого был ограничен одним *денарием*. Если верить археологам, он был скромным по размерам, но отличался восхитительным вкусом, особенно в мраморной облицовке интерьера. С одной стороны он смотрел вниз, на крутой склон холма, на пространство с колоннами, Форум, в котором сосредотачивалась жизнь Рима. С другой стороны он был обращен к группе общественных зданий, возведенных Октавианом, которые поразили граждан своей либеральностью на государственной службе. Великолепный храм Аполлона, публичная библиотека и другие здания, украшенные самыми изысканными произведениями искусства, которые его провинциальные экспедиции привезли в Рим, составляли прекрасный контраст с его собственным простым особняком, самым гордым украшением которого был выцветший венок над дверью - римский крест Виктории, свидетельствующий о том, что он спас жизнь гражданина.

В этом скромном дворце Ливия воспитывала своих двоих детей в лучших традициях старой Республики, а Октавиан совершал долгие путешествия по провинциям, которые заполнили многие годы после обретения им власти. Ливия не была узким консерватором. Она принимала полное участие в достойных развлечениях патрицианской жизни и, как и многие другие знатные женщины того времени, строила храмы и другие сооружения, приносящие очевидную пользу обществу. Один из провинциальных городов получил название Ливиада в ее честь. У нас есть множество доказательств того, что Октавиан советовался с ней по государственным делам и оказывал на нее благотворное влияние. В одном из анекдотов, собранных поздними авторами, рассказывается, что однажды она встретила на дороге группу обнаженных мужчин. Вполне вероятно, что это были невинные рабочие или солдаты в жару, а не "банда развратных вельмож", какими их представляют развратные писатели. Однако Октавиан поспешно потребовал их головы, когда она сказала ему об этом, и Ливия спасла их замечанием, что "в глазах порядочной женщины они были не более оскорбительны, чем группа статуй". В другой раз она отговорила Октавиана от казни молодого аристократа за заговор. По ее предложению благородного привели в личную комнату императора. Когда вместо заслуженного смертного приговора Цинна получил лишь доброе напутствие, предложение дружбы Октавиана и дальнейшего продвижения по службе, он был полностью обезоружен и побежден. Мы увидим еще одно доказательство того, что мудрые и гуманные советы Ливии в немалой степени способствовали миру и процветанию, которыми наслаждался Рим в свой золотой век.

ЛИВИЯ КАК ЦЕРЕС

СТАТУЯ В ЛУВРЕ

Ведь это был поистине золотой век по сравнению с предыдущими ста годами и грядущими столетиями. Пламя гражданской войны раз за разом испепеляло Республику. Лучшие солдаты Рима вымирали, лучшие лидеры гибли в бесчестной борьбе амбиций. Коррупция, как раковая опухоль, распространилась по всем слоям граждан Рима и далеко в провинциях.

Претенденты на должности в городе в белых халатах (*candidati*) теперь полагались на покупку голосов через опытных и признанных агентов. Сотни тысяч граждан паразитировали на государстве или на богачах, которым они продавали свои голоса и от которых получали бесплатную еду и бесплатные развлечения. Отвратительное зрелище представляли собой огромные толпы сильных праздных мужчин, кичащихся своим достоинством граждан Рима, которые протискивались к назначенным ступеням за своей ежедневной порцией кукурузы. Многие из них с трудом могли заработать монету, чтобы купить кубок вина, партию в кости или посетить *лупанарий* в Субуре. С помощью других агентов богачи пополняли свою казну за счет поборов в провинциях и демонстрировали в Риме роскошь, которая зачастую была столь же грубой, сколь и преступной. Рим, некогда трезвый и мужественный, теперь сиял на лице земли, как какой-то цветок-паразит, смертоносной красоты, на лице леса.

Возможно, ни один человек не смог бы спасти Рим от гибели, но Октавиан сделал многое, чтобы очистить его вены от яда, и его летопись велась бы совсем по-другому, если бы его не сменили Калигула, Клавдий и Нерон. Он порицал несправедливость в провинциях, очищал отправление правосудия в Риме, боролся с растущей практикой искусственного бесплодия и искусственного порока и с любовью навязывал сенаторам свой собственный идеал трезвой государственной службы. Из своего особняка на Палатине он без сожаления взирал на праздных болтунов на Форуме, у которых он отобрал власть, которой они все еще хвастались, чтобы управлять своей распространяющейся империей. Среди тех, кто взирал на его непритязательный дворец на краю обрыва, тоже было немало тех, кто не чувствовал, что они выиграли от продажи своей запятнанной демократии. В хвастовстве Октавиана о том, что он нашел Рим городом из кирпича, а оставил его городом из мрамора, было больше, чем буквальной правды.

Однако все предсказатели и прорицатели Рима не смогли предвидеть быстрых и страшных последствий этой, казалось бы, счастливой перемены. Как ни была развращена и отвратительна демократия, монархия должна была в скором времени явить зрелища, которые превзойдут все ужасы ее гражданских войн и затмят гнусность ее скупости. Новая раса правителей должна была опуститься так низко, чтобы использовать свою императорскую власть, чтобы разрушить то, что осталось от старой римской добродетели, и украсить порок самыми богатыми наградами. От трезвости и общественного духа Октавиана мы быстро переходим к мрачной меланхолии Тиберия, беспричинной жестокости Калигулы, бессильной чувственности Клавдия, чопорной глупости Нерона, чередованию обжорства и жестокости Домициана, прежде чем мы дойдем до второй честной попытки предотвратить судьбу Рима. От гениальной добродетели Ливии мы переходим к беспутным развлечениям Юлии, холодному честолобию Агриппины, грубой вульгарности Кессонии, заразительному пороку Мессалины и тусклому баловству Поппеи. Если бы в божественных посланиях, которые авгуры и халдеи видели в каждом движении природы, была хоть крупница истины, даже благодетельное правление Октавиана не заставило бы людей пожертвовать даже тем чучелом власти, которое осталось у них и которое они легкомысленно продали за меру кукурузы и кровавые оргии амфитеатра.

ГЛАВА II

КОНЕЦ ЗОЛОТОГО ВЕКА

Проследивая дальнейшую карьеру Ливии, мы вступаем в начальные акты трагедии Сезаров, и нам предстоит тщательно рассмотреть, есть ли хоть доля правды в обвинении, что Ливия сама инициировала длинную серию убийств, которые сейчас кровавым следом проложены по летописям Рима. С приходом империи мы все реже встречаем легион против легиона в ужасах гражданской войны, но мы видим, как бесчувственное честолюбие опускается до подлой помощи отравителю, как самодержавие парализует лучших представителей знати своими убийственными подозрениями, а глупость становится все глупее с ростом великолепия императорского дома. Мы уже знаем, что зародыши этой болезни были обнаружены в тихом доме Ливии и Октавиана на Палатине. Скрибония получила письмо о разводе через несколько дней после рождения дочери Юлии. Поскольку Ливия не родила прямого наследника императора, а Юлия стала многодетной матерью, перед нами сразу же возникла драматическая борьба за престол. А когда мы узнаем, что императорская кровь, зародившаяся в Юлии, густо подпорчена болезнями, мы готовы к кровавому и беспринципному конфликту. И когда мы задумываемся о том, что на этом неустойчивом стержне будет вращаться огромная империя на протяжении многих поколений, мы начинаем понимать всю трагедию падения Рима.

Давайте сначала взглянем на интерьер скромного дома на Палатине. Помимо Ливии и Октавиана, с которыми мы уже знакомы, здесь есть Октавия, сестра императора и разведенная жена Марка Антония, нежная дама, наделенная матримониальными достоинствами того времени, когда римлянин мог убить свою жену или дочь за неподобающее поведение. С ней были ее дети, Марцелл и Марцелла, о которых мы еще много услышим. Были и два сына Ливии - старший, Тиберий, высокий, молчаливый, угрюмый юноша, мало заботившийся о том, чтобы понравиться; младший, Друз, красивый, жизнерадостный, светловолосый мальчик, угрожавший родовому праву старшего. Октавиан внимательно следил за воспитанием мальчиков. Он учил их писать на восковых табличках тем самым мелким шрифтом, которым гордился сам, держал их рядом с собой за столом и возил на своей колеснице по государственным делам.

Но самой интересной и судьбоносной фигурой в этой группе была Юлия. Октавиан в раннем возрасте забрал ее из-под опеки Скрибонии и удочерил во дворце. Под строгим взглядом Ливии и Октавии она научилась прясть и ткать, помогала шить одежду для семьи. Император был очарован красивой и живой девушкой и хотел сделать из нее вторую Ливию. Хорошо зная, хотя бы по собственной молодости, пороки и безрассудство, которыми изобиловали особняки на холмах Рима и грохотали по ночам в его тускло освещенных долинах, он держал ее в стороне. Никому из молодых пажов, безумно мчавшихся на своих колесницах у Фламинских ворот и попивавших вино после ужина под развратные шутки мимов, не позволялось приближаться к ней. И не в первый и не в последний раз в истории закрытие юных глаз приводило к эффекту, совершенно противоположному задуманному. Римская девочка становилась женщиной в четырнадцать лет, матерью - в пятнадцать. Именно в таком раннем возрасте, в 25 году до нашей эры, Юлия вышла замуж за своего кузена Марцелла, которому тогда было семнадцать. Марцелл был настолько очевидным возможным наследником трона, что придворные вились вокруг него и обучали его искусству княжеской жизни. Двери потаенного мира были открыты, и нежные глаза Юлии были ошеломлены.

Власти небрежны в хронологии, и мы можем не верить, что Юлия сразу же вступила на путь буйства, который привел ее к пропасти. Ее брак волнует нас в совершенно ином отношении.

Все авторы, придерживающиеся мнения, что Ливия была жесткой и беспринципной женщиной, - а Тацит, должно быть, взял это мнение из мемуаров внучки ее соперницы, императрицы Агриппины, которые были обнародованы в его время, - считают, что этот брак Юлии и Марцелла знаменует начало ее преступной карьеры. Предполагается, что она была встревожена браком двух прямых потомков Цезаря, поскольку у нее самой не было ребенка от Октавиана. Несомненно, она была амбициозна в отношении своего старшего сына. Мальчик, которого она прижимала к груди, когда бежала по дорогам Кампании и через горящие леса Греции, теперь был умным и образованным юношей, и она хотела, чтобы Октавиан усыновил его. К сожалению, Тиберий отличался угрюмым и одиноким характером, и его легко вытеснили из привязанности Октавиана красивый и популярный Марцелл и красивая и остроумная Юлия.

Первая туча появилась в 23 году до н. э. Октавиан тяжело заболел, и надежды Ливии на престолонаследие для своего сына были нарушены двумя грозными конкурентами. Одним из них был Марцелл, а другим - друг Октавиана и самый выдающийся полководец М. В. Агриппа. Он был бедного происхождения, но обладал выдающимися способностями и характером, и его подозревали в намерении восстановить республику. Он был женат на Марцелле и с некоторым презрением относился к избалованному мальчику, ее брату Марцеллу - презрение, которое Марцелл отплатил мелочностью и злобой. Октавиан оправился, отправил Агриппу с важным поручением на Восток и назначил Марцелла эдилом города. Марцелл одерживал победы, думали восторженные наблюдатели, как вдруг он тяжело заболел и умер. Смерть оказалась настолько удачной для Тиберия, что неудивительно, что слабый шепот яда пронесся по Риму, когда его прах был положен в возвышенной мраморной башне, которую Октавиан построил на лугах у Тибра. Но нам нет нужды задерживаться на этом первом обвинении против Ливии. Даже Дио, который не является скептиком в отношении слухов, порочащих императриц, не решается навязывать нам столь воздушный и неправдоподобный миф. Лето было жарким и пагубным, и Марцелл, похоже, заболел лихорадкой, слишком долго оставаясь на своем посту, прежде чем отправиться в Байе на побережье.

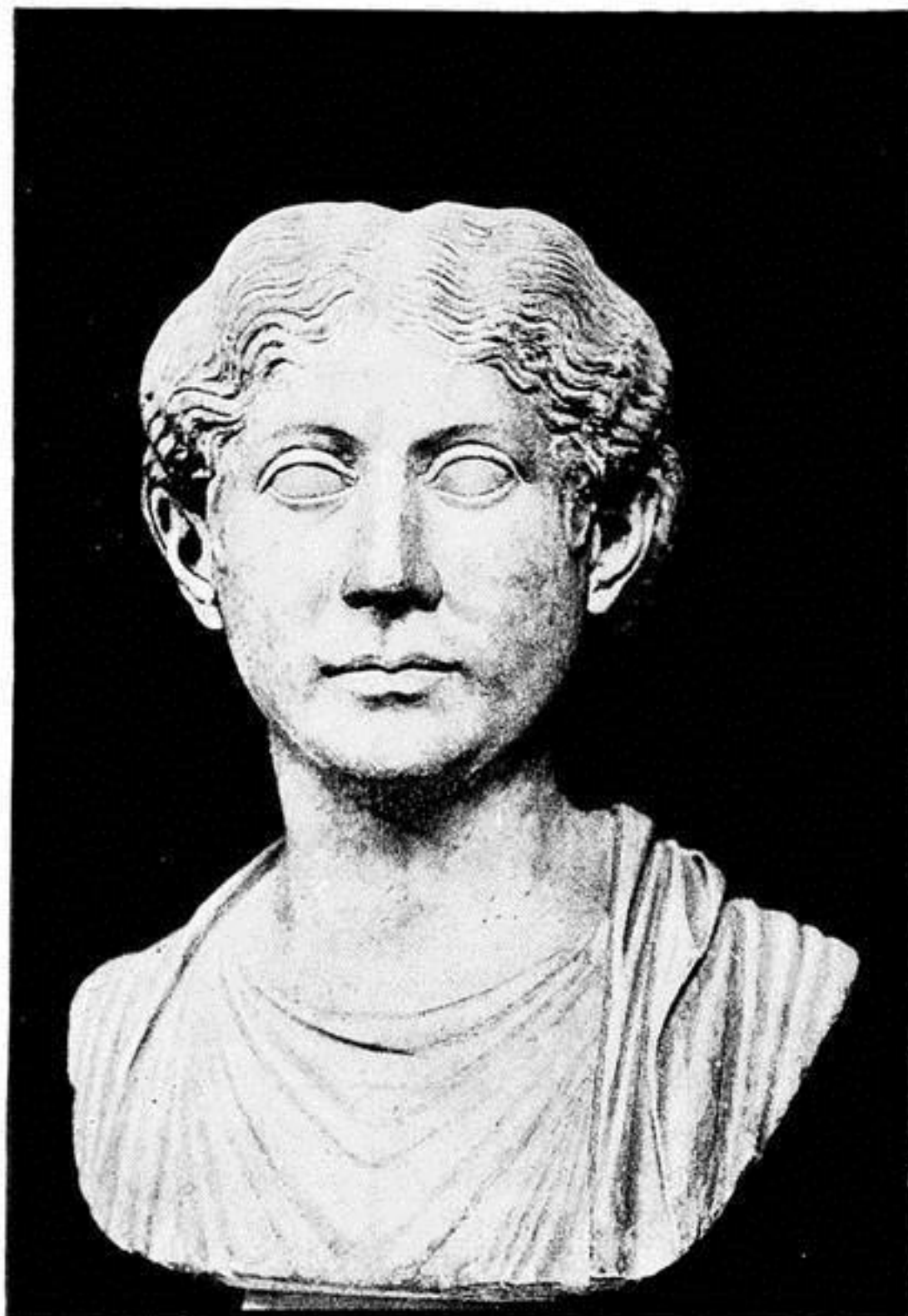
Смерть Марцелла, не способствуя продвижению Тиберия, поставила на его пути еще более грозное препятствие. Октавиан послал за Агриппой и велел ему развестись с Марцеллой и жениться на Юлии. Генералу, которому шел сорок второй год, было неважно, кто из двух юных принцесс разделит с ним ложе, и Октавия согласилась на развод дочери - по некоторым предположениям, чтобы помешать замыслу Ливии. К радости Октавиана, союз крепкой мужественности и пылкой женственности оказался плодотворным. За десять лет брака Юлия родила ему трех сыновей и двух дочерей. Счастливо не подозревая о трагедиях, которые должны были завершить карьеру этих детей при его собственной жизни, Октавиан принял их с большим энтузиазмом. На протяжении всего своего правления он предпринимал тщетные усилия, чтобы побудить или заставить лучшие семьи Рима принять более активное участие в заселении империи. Когда он ввел наказание за безбрачие, они победили его, заключая браки с намерением немедленно развестись. Когда он сделал прелюбодеяние публичным преступлением, нашлись знатные женщины - правда, немногочисленные; факты часто преувеличивают - которые занесли себя в позорный список, и знатные люди, которые приняли унижительное звание гладиаторов, чтобы избежать наказания. Он создал почетную гильдию для матерей, родивших не менее трех детей; но это отличие показалось римским дамам недостаточной наградой за столь обременительное достижение, и они посмеялись, когда Ливия была зачислена в гильдию, хотя единственный ребенок, которого она зачала от Октавиана, так и не увидел света.

Однако гораздо большее удовольствие Риму доставило то, что Октавиан выставил Юлию в качестве образца материнства, и демонстративно ласкал ее младенцев на публике. Грубый и остроумный ответ, который она, как говорят, дала, когда кто-то спросил ее, как получилось, что все ее дети так похожи на ее мужа, был тогда распространен в римском обществе и сохранился у Макробия.⁴ Красивая, живая и культурная, молодая девушка с восторгом променяла скучный домашний уют отцовского особняка на увенчанные розами банкеты своего нового мира. Брак с Агриппой на время сдержал ее веселье, но мужа часто вызывали в дальние провинции, и она была предоставлена своим беспутным друзьям. Октавиан не замечал ее поведения, но когда Агриппа был вынужден отправиться в длительную миссию на Восток, он приказал Юлии сопровождать его. Не исключено, что путешествие усилило бы ее порочные наклонности. В старой пословице о том, что весь свет пришел в Европу с Востока, есть своя правда, но вряд ли менее правдиво то, что тьма пришла в Рим с Востока. Юлия не могла не знать, как древний римский пуританизм был испорчен привнесением восточных привычек и типов - отравитель, халдейский астролог, сирийская танцовщица, евнух, культурный греческий раб, жрецы оргиастических восточных культов. Такой ум, как у нее, стремился проникнуть в глубины, из которых вышли эти типы. В Греции она нашла бы остатки благоухающих пороков, застывших у подножия истлевших памятников. В Антиохии не было недостатка в вольноотпущенниках, которые могли бы удовлетворить ее любопытство в отношении ее противоестественных излишеств и всемирно известной свободы ее роц. В Иудее ее долго и пышно развлекали при дворе Ирода, монарха с десятью женами и бесчисленными наложницами.

Они вернулись в Рим в 13 году, а в следующем году Агриппа умер от подагры, и Юлия получила свободу. Одна из самых удивительных особенностей ее бурной карьеры - та, которая заставляет нас колебаться в признании обвинений против нее, если бы колебания были возможны, - заключается в том, что Ливия либо не знала о ее более серьезных проступках, либо не смогла убедить в них Октавиана. Ливия вряд ли пощадила бы ее, поскольку Юлия разжигала неприязнь Октавиана к Тиберию. Утонченный, чувствительный и ученый, молодой человек избегал шумных развлечений, в которых проводили свой досуг другие молодые патриции, и его холодная меланхолия делала его неприятным для них. Один из римских писателей хочет заставить нас поверить, что Юлия занималась с ним любовью при жизни Агриппы и что она подстрекала Октавиана против него в отместку за то, что он отверг ее ухаживания. Эта история неправдоподобна. Нам остается только предположить, что Юлия, говоря о Тиберии, использовала пренебрежительный язык, который был характерен для ее друзей. Ни Ливия, ни Тиберий, похоже, не пытались открыть императору глаза на поведение Юлии. Октавиану не нравились ее роскошные похождения, но он был слеп к ее порокам, хотя имена ее любовников были у всех на устах. Однажды Октавиан отругал ее за то, что вокруг нее толпится толпа молодых вельмож, и порекомендовал ей брать пример с Ливии. Она обезоружила его, ответив со смехом, что, когда она состарится, ее спутники будут такими же старыми, как императрица. Один из авторов утверждает, что Октавиан заставил ее отказаться от слишком роскошного дворца, который она занимала. Более склонна верить история о том, что, когда он упрекнул ее за роскошь, она ответила: "Мой отец может забыть, что он - Сезар, но я не могу забыть, что я - дочь Сезара".

Несмотря на их взаимную неприязнь, Октавиан приказал Тиберию жениться на ней. Он уже был женат на Випсании, добродетельной и ласковой дочери Агриппы, и эта вынужденная разлука с той, кого он любил с пылом, угасавшим от римского брака, и союз с той, кто контрастировал с Випсанией, как дикий пламенный мак контрастирует с лилией, еще больше озлобили и озлобляли его. Мы можем в нескольких словах рассказать о его отношениях с женщиной, которая должна была стать второй императрицей Рима. После

нескольких лет, проведенных, как правило, в далеких пограничных войнах, он вернулся в Рим в 6 году до н. э., чтобы обнаружить, что его жена перешла последние границы приличия, а Октавиан слеп, как никогда. В глубоком отвращении, несмотря на уговоры матери, он вымолил у императора разрешение провести несколько лет в литературных и научных исследованиях на Родосе. Не смея открыть Октавиану глаза на истинный характер его дочери, он вынужден был смириться с его гневом и презрением и искать утешения в спокойных тайнах планет и тонких чувствах греческих трагиков.

ЮЛИЯ

БЮСТ В МУЗЕЕ КЪЯРАМОНТИ

Юлия отбросила последние следы сдержанности. В хрониках с ней связывают полдюжины молодых римских вельмож, и, как бы ни были сплетни и ненадежны записи, в данном случае сюжет располагает к тому, чтобы поверить обвинениям. Вокруг такой репутации, как у нее, неизбежно должны были вырасти легенды, и добросовестный биограф должен быть сдержан в описании деталей. Например, Дио рассказывает, что она требовала от своих любовников возлагать короны за каждый успех, которого она им позволяла достичь, к подножию статуи Марсия - общественной статуи, к ногам которой римские юристы имели обыкновение возлагать корону, когда выигрывали дело. Как бы то ни было, несомненно, что в ночном разгуле Рима, когда плебейские преступники стремились в темноту Мильвийского моста или гуляли в тавернах и борделях Субуры, партия Юлии была одной из самых смелых и заметных. Не довольствуясь буйным ужином, который теперь было модно продлевать при свете ламп в благоухающих покоях до глубокой ночи, Юлия и ее друзья выходили на улицы и веселились в том самом трибунале на Форуме - Ростре, помосте, украшенном носами захваченных судов, с которого ее отец оглашал свои императорские [решения](#)⁵.

Гром императорского гнева разметал эту развратную шайку где-то во втором году до Рождества Христова. В начале года Октавиан развлекал Рим одним из захватывающих зрелищ, которые он часто устраивал. Чтобы отпраздновать открытие нового храма Марса, который он построил, он затопил Фламинианский цирк, устроил для народа инсценировку морского сражения и заставил гладиаторов зарезать тринадцать крокодилов. Юлия так долго обманывала императора, что она и ее друзья, похоже, потеряли всякую сдержанность, и об их приключениях стало известно императору.

Обвинения против Юлии, должно быть, были бесспорными, так как Октавиан, глубоко любивший ее, сразу же отдал ее на суд правосудия. Против ее спутников было выдвинуто обвинение в заговоре. Один из молодых вельмож покончил с собой, а остальные были изгнаны. Юлия была осуждена за прелюбодеяние - зло, с которым ее отец боролся десять лет, - и из блеска Рима ее грубо отвезли на бесплодный скалистый остров Пандатерия (Понца) в Гетском заливе. В этой тесной и унылой тюрьме, без женского присмотра, без вина и нарядов, в сопровождении лишь своей несчастной матери, очаровательная юная принцесса провела пять лет, с тоской глядя на голубую воду, на слабые очертания холмов Италии или на юг, на усыпанные розами воды Байи, где она провела столько блестящих летних снов. Рим, тронутый жалостью к убитой женщине, умолял Октавиана простить ее, а когда тот поклялся, что огонь и вода должны встретиться, прежде чем он помирует ее, народ по наивности бросил в Тибр горящие факелы. Узнав через несколько лет, что существует заговор с целью ее освобождения, Октавиан приказал перевести ее в более надежную тюрьму в Калабрии. Там она влачила жалкое существование, пока не умер ее отец и на трон не взошел Тиберий. Когда он, в свою очередь, отказался освободить ее, она медленно погрузилась в покой смерти.

В связи с этой трагической судьбой Юлии нет никаких обвинений в адрес Ливии, но в эти годы исчез еще один возможный соперник Тиберия, и обычно звучат туманные обвинения в том, что императрица содействовала действиям природы. Друз, ее младший сын, умер в 9 году до н. э., и Ливию обвиняют в том, что она принесла его в жертву своей привязанности к старшему сыну. Обвинение абсурдно. Друз, действительно, был гораздо популярнее Тиберия

в Риме. Его добродушная и увлекательная манера поведения давала ему большое преимущество перед замкнутым и почти угрюмым Тиберием. Но братья глубоко любили друг друга, и когда Тиберий, совершавший турне по северу Галлии, услышал, что Друз опасно болен в Германии, он сразу же проскакал четыреста миль верхом и держал Друза в своих объятиях в его последний час. Ливия была в Тицинуме, на севере Италии, вместе с Октавианом, когда до них дошла эта новость. Предположения о том, что Ливия или Тиберий - а обвиняются оба - могли каким-либо образом способствовать смерти Друза, легкомысленны. Эпитомист Ливий, Тацит и Суетоний описывают смерть как естественную. Друз был сброшен и ранен взбесившейся лошадью. Клевета о том, что его смерть была каким-то таинственным образом ускорена, возможно, была запущена его сторонниками. Считалось, что он выступал за восстановление республики, и обвинение могли выдвинуть коррумпированные чиновники, которые после его смерти потеряли слабую надежду вернуться к временам казнокрадства и взяточничества. Никаких доказательств этому не приводится. Ливия и Октавиан с большой скорбью провожали останки в Рим. Сенека говорит, что императрица была так расстроена, что вызвала одного из стоических философов, чтобы утешить ее.

Следующее обвинение против Ливии требует более тщательного изучения. К началу нашей эры, когда слабое здоровье Октавиана дало повод для многочисленных спекуляций по поводу престолонаследия, было всего два соперника на шансы Тиберия. Это были старшие сыновья Юлии, и Ливия, должно быть, мрачно размышляла об их судьбе. Пока Тиберий находился в отшельничестве на Родосе, молодые принцы были предметом обожания Октавиана и всего народа. Тиберий предлагал вернуться в Рим после изгнания Юлии, но Октавиан раздраженно велел ему остаться в Греции. Каждый астролог в Риме должен был прочитать в планетах, что либо Кай, либо Луций рождены для пурпура. Они были избалованы Октавианом, обогащены преждевременными почестями и, сверкая серебряными атрибутами, появились на зрелищах как "принцы римской молодежи". Пусть эти юноши будут удалены со сцены по какой-либо случайности, и такой распутный город, как Рим, обязательно обнаружит некие коварные действия со стороны Ливии; а более поздние писатели, задумчиво разглядывая хронику, в которой честолюбие свободно ведет к самым жестоким убийствам, будут склонны считать ее виновной.

Несколько удивительно обнаружить, что более поздние авторы попались на эту ошибку. Мы не недоумеваем, когда любящий скандалы Сервез открывает свою главу о Ливии пылким перечислением ее добродетелей, принимает почти все клеветы против нее по ходу дела и завершает весьма мрачной оценкой ее характера; но мы вправе ожидать большей дискриминации от Меривейла. Даже мистер Тарвер в своем недавнем "Тиберии-тиране" (1902), оправдывая сына, делает много несправедливого по отношению к матери. Он говорит о ней как о "жесткой, скупой и любительнице власти" и без малейших доказательств - более того, против всякой вероятности - утверждает, что именно Ливия убедила Октавиана оставить Тиберия в отставке на Родосе. Он выставляет Ливию враждебной Тиберию в пользу сыновей Юлии на том основании, что они покажутся ей более сговорчивыми, чем Тиберий. Все остальные авторы предполагают как раз обратное. Они заставляют ее убивать сыновей Юлии в интересах Тиберия.

Смерть младшего сына, Луция, неясна. Он был послан с миссией в Испанию во 2 году н. э. и умер в Марселе по дороге. Поскольку единственным основанием для слухов о том, что он был отравлен, является неопровержимый факт его смерти, нам не стоит задерживаться на его рассмотрении. Затем Октавиан отправил старшего брата Кая с миссией в Сирию под присмотром своего старого наставника Лоллия. Его советник, к несчастью, умер на Востоке,

и молодой принц был оставлен на попечение злобных компаньонов, которые рассматривали его как будущего раздатчика императорских милостей. Он погряз в восточных нравах и в конце концов (3 г. н.э.) был вероломно ранен сирийским патрицием. Вместо того чтобы вернуться в Рим, он остался в нездоровой атмосфере Востока, предаваясь привычкам томления и порока, и умер через восемнадцать месяцев после смерти своего брата. В его смерти нет никакой неясности. Несомненно, что он был тяжело ранен сирийцем. Но смерть обоих братьев произошла так удачно для Тиберия, что не приходится удивляться подозрениям некоторых умов, что Ливия отравила юношей. Ни Тацит, ни Дион, ни Суэтоний, ни Плиний не сообщают нам ничего более, чем этот смутный слух; и только из чистого любопытства более поздние авторы, такие как Сервез, приняли и подчеркнули подозрение, записанное римскими историками. Не на таких слабых основаниях мы должны жертвовать концепцией характера Ливии, которую нам навязывают более простые факты ее карьеры. Молодежь была нежной; Кай, по крайней мере, подорвал свое хрупкое телосложение роскошью, если не пороком; а римский мир таил в себе смерть в сотне форм.

Если мы все еще колеблемся между хитростью Ливии и действием естественных причин в этом устранении препятствий на пути продвижения Тиберия, нам достаточно взглянуть на судьбу остальных детей Юлии. Третий сын, Агриппа, был так же крепок телом, как и его слабые братья, но он был неполноценен умом и лишен нравственного контроля. Его хамское поведение в детстве причиняло сильную боль Ливии и Октавии, а огромная физическая сила вырывалась наружу в неконтролируемых порывах страсти. В юности он с готовностью перенял худшие пороки, которым мог научить его Рим, и Октавиан был вынужден обречь его на заточение и изгнание. Оставались две дочери, Юлия и Агриппина. Младшая, самая здравомыслящая из детей Юлии, жила, интригуя ради власти и сильно смущая Ливию в ее последние годы; впрочем, та же трагическая судьба постигла ее после смерти императрицы, которая ее защищала. Старшая, Юлия, была изгнана (9 г. н. э.) за кровосмешение, и, как и ее мать, не имея ни мужества, ни добродетели, чтобы покончить со своим позором, как это делали более благородные римляне, она затянула свою несчастную жизнь на двадцать лет, и ее тяжелая участь была облегчена только благодаря благотворительности Ливии.

Судьба устранила всех возможных конкурентов на престол Тиберия. Он вернулся в Рим, и его благоразумная и осторожная деятельность устранила последние следы недовольства императора. После долгих лет бури в особняк на Палатине вернулся мир. Но Октавиан глубоко страдал от этих ужасных и постоянных бурь. Рим его мужественности исчез. Все его друзья и советники исчезли, и будущее его народа внушало ему опасения. Патриции разлагались от роскоши и порока, простые граждане жаждали бесплатной еды и бесплатных развлечений, слепо пренебрегая законами здоровья нации. Он сторонился всеобщего внимания и ласково прислонялся к Ливии и Тиберию.

В 14 году он остался в Риме в начале летнего зноя и тяжело заболел. Ливия и Тиберий отправились с ним на побережье, где он поправился и провел несколько приятных дней на купленном им острове Капрее (Капри). Они перебрались на материк, где Тиберий оставил их, но вскоре был отозван сообщением от матери, что император тонет. В последнее утро своей жизни Октавиан оделся с непривычной тщательностью и позвал друзей к своему ложу. Был ли Рим спокоен, получив известие о его опасном состоянии? Одобрели ли они его поведение и достижения? Они дали ему желаемое заверение и удалились. Если бы они могли предвидеть череду правителей, которые запятнают пурпурную мантию кровью и позором на многие десятилетия вперед, они бы прослезились. Последние мгновения были посвящены Ливии. Он умер, целуя ее и пробормотав: "Помни о нашем браке, Ливия. Прощай". Так мирно закончился союз, продлившийся пятьдесят два года в городе, где развод был столь же

малопочтенным, как и брак. В характере первой императрицы Рима не может быть серьезных сомнений.

Ливия, вероятно, скрывала смерть Октавиана до тех пор, пока Тиберий не прибыл из Далмации. Было распространено сообщение, что Тиберий прибыл вовремя, чтобы получить последние наставления императора. В этом можно усомниться, не подвергая серьезному сомнению ее характер; если, конечно, именно она, а не Тиберий, распространила это сообщение. Существовали серьезные опасения - вполне обоснованные, как мы увидим, - что в интересах коррупции был составлен заговор, чтобы помешать престолонаследию Тиберия. В ночной прохладе, чтобы избежать сильной августовской жары, останки с большой pompой доставили в столицу. Там, на ложе из слоновой кости и пурпура, перед которым стояли восковые чучела Октавиана и предыдущих правителей Рима, тело отнесли в храм Юлиев, где Тиберий прочитал погребальную речь. Далее кортеж проследовал к Марсову полю на берегу Тибра через ряды граждан в черных одеждах. Там зажгли костер, и зоркие глаза увидели, как душа Октавиана возносится к небу в облике орла.

Ливия, по утвержденному обычаю, пробыла у священного пепла пять дней, а затем вернулась, чтобы встретить новую жизнь, которая открылась перед ней. Особенно дикое предположение о том, что она ускорила смерть своего мужа, мы можем не принимать во внимание. Именно благодаря ее заботе больной и нежный Октавиан дожил до старости. Но необходимо кратко рассмотреть вторую клевету, связанную со смертью Октавиана.

Предчувствия или тайные сведения умирающего императора оказались верными. Не успели объявить о его смерти, как слуга заключенного сына Юлии поспешил на побережье и отплыл на остров Планасия с намерением привезти Агриппу в Рим в качестве кандидата на пурпур. Прибыв на место, он обнаружил лишь истекающий кровью труп. Центурион, отвечавший за это, отправил Агриппу, как только ему стало известно о смерти императора.

Кто отдал приказ об этой казни? Нельзя назвать это убийством, ведь Агриппа был непригоден для возвращения в общество, и любая попытка возвести его на трон была бы гибельной для Рима. Власти, как обычно, просто сообщают нам о слухах, которые ходили в то время, и оставляют нас выбирать между Октавианом, Ливией и Тиберием. Выбор не представляет особой сложности. Для Октавиана или Тиберия было бы настолько естественно подавить заговор, казнив Агриппу, что введение Ливии является излишним. Скорее всего, Октавиан оставил указания опекуну Агриппы. Существует любопытная история, имеющая несколько противоречивых версий, но достоверная по сути, о том, что Октавиан в последние годы своей жизни нанес тайный визит в Планасию, чтобы лично убедиться в реальном состоянии Агриппы. Наиболее правдоподобной представляется версия о том, что, лично убедившись в его безумии, Октавиан счел за лучшее для Рима, но не бесчеловечно по отношению к Агриппе, предать его смерти, как только вопрос о престолонаследии будет открыт.

Мы подошли к последнему этапу карьеры Ливии. Тиберий был уже высоким, красивым мужчиной, хотя и слегка обезображенным, с длинными светлыми волосами и чертами лица, странно тонкими для человека его исключительной физической силы. Лучший солдат, чем его предшественник, и не самый плохой государственный деятель, он был достаточно хорошо приспособлен для того, чтобы распоряжаться властью, которую фактически завещал ему Октавиан. Но замкнутый нрав, несчастная юность и долгие годы учебы заставили его избегать общества кого-либо, кроме ученых, и он долго не решался взойти на трон, на который его пригласил сенат. У нас нет веских оснований считать это нежелание притворным. Наконец он согласился, и критики Ливии считают, что теперь ее честолюбие

перешло те границы, которые были установлены способностями Октавиана. Можно смело признать, что она с нетерпением ждала возможности тесно сблизиться во власти с сыном, за карьерой которого она следила с такой преданностью и готовностью помочь. С другой стороны, мы увидим, насколько выгодным для государства было ее влияние; об этом наглядно свидетельствуют те беды, которые сразу же начинают омрачать жизнь Рима, когда Тиберий отвергает ее советы. Также нет никаких доказательств того, что она стремилась к власти из каких-либо других побуждений, кроме блага государства. Она могла гордиться тем, что сделала, и даже преувеличивать это, но такая гордость не противоречит мнению, что она всегда была мягкой, гуманной и великодушной.

Первое испытание ее характера происходит через несколько лет после воцарения Тиберия. По мере того как весть о смерти Октавиана медленно распространялась по империи, во многих провинциях среди легионов начались мятежные движения. Особенно в Нижней Германии войска считали, что их командир Германик, племянник Тиберия, имеет право на пурпур, и просили его вести их на Рим. Это был красивый, привлекательный молодой полководец императорской крови, с умеренными способностями и большим тщеславием, завоевавший расположение солдат посещением больных и раненых, выдачей им жалованья из собственного кошелька и другими популярными действиями. Он был женат на дочери Юлия, Агриппине, которая жила с ним в лагере. Они одевали своего маленького сына Кая в солдатскую одежду, и его причудливый вид в миниатюрных военных сапогах дал ему прозвище Калигула ("Маленькие сапожки"), под которым он известен в истории. Легионеры решили, что перед ними образцовая императорская семья, и пообещали вырвать трон у Тиберия. Германик слабо организовал мятеж, в основном подделав письмо на имя Тиберия, а затем вероломно казнив вождей, и попытался прикрыть свои промахи энергичными и довольно бесцельными нападениями на германцев. Тиберий отозвал его в Рим, чтобы насладиться "триумфом" и удержать от дальнейших злоключений.

Меривейл признает, что его завоевания были "полностью провидческими", но Германик унаследовал обаяние и популярность своего отца, Друза, и Рим с легкостью его. Люди выходили из ворот, чтобы встретить его, и с благоговением смотрели на его гигантских голубоглазых пленников и на большие цветные картины с изображением его побед в Германии. Это был новый источник беспокойства для Ливии и Тиберия, и, к удовлетворению критиков Ливии, опасность закончилась, как и все предыдущие.

Германик и Агриппина были отправлены с миссией на Восток. Тиберий, похоже, с некоторым презрением относился к своему избалованному и тщеславному племяннику и прекрасно понимал заинтересованные цели тех, кто хотел видеть в нем реставратора старой республиканской свободы. Он выбрал более старого государственного деятеля, кн. Кальпурния Пизона в качестве губернатора Сирии, чтобы наблюдать за движениями Германика и благоразумно руководить ими. Вместе с Пизоном была его жена Планцина, близкая подруга Ливии. От них Тиберий и Ливия вскоре услышали неутешительные рассказы об успехах Германика и Агриппины. Приехав в Афины, Пизон обнаружил, что Германик льстил грекам за их древнюю культуру, вместо того чтобы добиваться господства Рима. Он свободно комментировал поведение молодого полководца, пропускал его галеры, когда они плескались в греческих водах, и к моменту прибытия Германика был занят в Сирии. Жены вели ссору с большей ясностью, чем их мужья.

В Риме теперь была своя партия Германика и партия Тиберия, и новости с Востока горячо обсуждались. Германик отправился в Египет, не спросив разрешения императора, покровительствует греческим и египетским культам, которые Тиберий пресекает, и ходит в греческой, а не римской одежде. Пизон жестоко поссорился с Германиком и покинул

Сирию. И не успели они обсудить это важное известие, как приходит сообщение, что Германик опасно болен; что под полом и между стенами его дома найдены кости мертвецов, полусгоревшие фрагменты жертвоприношений, свинцовые таблички с нацарапанным на них именем Германика и другие смертоносные чары. Наконец приходит весть о том, что Германик мертв и что при последнем вздохе он призывал своих друзей отомстить за него. Рим погружается в траур. Все магазины закрыты, повсюду собираются толпы людей, чтобы обсудить эту новую трагедию императорского дома. Среди ночи распространяется слух, что Германик не умер, и люди заливают улицы светом своих факелов, врываются в храмы. Но роковая весть подтверждается, и когда, наконец, Агриппина приходит с золотой урной, содержащей его прах, то по нему объявляется такой траур, какого не помнит ни один живой человек.

Люди заметили, что ни Ливия, ни Тиберий не появились на похоронах. Ливии незачем было присутствовать, а Тиберий знал, что демонстрация вызвана в основном духом вражды к нему самому. Для остальных это были просто чувства легкомысленного народа к красивому и несчастному юноше. Но более серьезные нарекания Ливия получила во время последовавшего за этим суда над Пизоном. Бывший губернатор Сирии решительно защищал себя в течение дня или двух, а затем, узнав, что его бросила жена, покончил с собой. Теперь гнев горожан обратился на жену, Планцину. Императрица, с которой она все это время поддерживала тесную связь, умоляла Тиберия спасти ее, и он неохотно прекратил преследование. Ливию, конечно же, обвинили в том, что она укрывает убийцу. Следует помнить, что рассказ об этой истории частично взят из мемуаров дочери Агриппины и окрашен предвзятым отношением к Тиберию и его матери. В поведении Ливии нельзя усмотреть ничего более серьезного, чем неосмотрительность. Ее убежденность в невинности Планцины достаточно понятна, и в равной степени можно понять, как она могла не доверять суду, проводившемуся в Риме в условиях накаленного общественного чувства. Нет никаких серьезных оснований подозревать в смерти Германика действие какого-либо другого яда, кроме испорченной атмосферы Востока.

Но вмешательство Ливии раздражало Тиберия, и последующие десять лет были полны разногласий между матерью и сыном. Негодование императора по поводу участия его матери в государственных делах началось еще в его правление. Ливия предложила воздвигнуть статую в память об Октавиане. Тиберий вмешался и направил ее в сенат за разрешением. Затем она предложила устроить памятный банкет для сенаторов и их жен. Тиберий ограничил ее женами, а сенаторов развлекал сам. Он сократил ее эскорт, не одобрял публичных почестей, которые ей оказывали, и возмущался ее вмешательством в государственные дела. Однажды ее подругу Ургуланию вызвали за долги и, полагаясь на ее близость к императрице, отнеслись к процессу с презрением. Ливия попросила Тиберия отменить разбирательство, и тот намеренно так задержался по пути на Форум, что дело было разрешено продолжить.

Это лишь несколько историй, иллюстрирующих отсутствие гармонии между ними. Ливия была во многом виновата в этом. Не было ничего противоестественного в том, что она, с которой так часто и с пользой советовался Октавиан, ожидала большей власти при молодом императоре, но она не сумела тактично учесть крайнюю чувствительность Тиберия. Если верить Суетонию, она настолько потеряла благоразумие во время одной из их ссор, что достала старые письма, в которых Октавиан с горечью размышлял о недостатках Тиберия. Однако вина была не полностью на ее стороне. Тиберий ревновал, когда сравнивал почет и уважение, оказываемые ей, с общим чувством сдержанности и недоверия к себе, и в качестве предлога для ее сдерживания приводил старомодные представления о женской

сфере. Он ворчал, когда однажды обнаружил, что она руководит тушением пожара, как она не раз делала во времена Октавиана, и серьезно рассердился, когда обнаружил, что она поставила свое имя выше его на общественной надписи.

Но оставим эти мелкие дела и перейдем к следующей трагедии в императорской хронике, тень которой омрачила последние годы жизни Ливии. Она удалилась из дворца в дом, доставшийся ей в наследство от первого мужа, Тиберия Нерона. Здесь она оставалась опечаленным и беспомощным зрителем грядущей катастрофы. Тиберий, которого она видела еще только один раз перед смертью, стал угрюмым и мрачным стариком. Его высокая крепкая фигура сгорбилась, голова облысела, лицо, всегда обезображенное прыщами, теперь было отвратительным от экземы, или скрытым повязками. Его большие меланхоличные глаза так пугали людей, что они верили, будто он видит в темноте. Астрологи и оккультисты собирались вокруг него во дворце, который он построил на Палатине, и путь для искателей приключений был открыт.

Главными претендентами на власть были Агриппина, вдова Германика, и Сеян, любимый полководец Тиберия. Младшая дочь Юлия, похоже, сосредоточила в своем лице всю мужественность своей семьи. "Непримиримая", как говорит Тацит, гордая и амбициозная, она еще больше усугубила мрачную обстановку на Палатине. Меривейл называет ее "волчицей". Кажется вероятным, что она искала брака с престарелым Тиберием, чтобы обеспечить власть себе или своему сыну. Единственный сын императора был отравлен Сеяном, как мы увидим далее, а ее сын имел все шансы унаследовать пурпур. Власти рассказывают, что однажды Тиберий застал ее в слезах, а на вопрос о причине умолял найти ей мужа. Она посчитала целесообразным забыть о предполагаемой доле Тиберия в смерти ее мужа.

Однако ее невинные маневры были встречены зловещими интригами Сеянуса, одного из самых беспринципных персонажей, с которыми нам доводилось сталкиваться. Под покровом дружелюбия он противодействовал ее планам и разрушал ее дом. Он соблазнил ее дочь Ливиллу, жену сына Тиберия Друза, при ее попустительстве отравил юного принца и долгие годы скрывал эту тайну от императора. Говорят, что тогда он сделал Агриппине предложение объединить их амбиции, а когда оно было отвергнуто, решил уничтожить ее и закрепить верховную власть за собой. Он поставил свои способности на службу императору, и однажды ему посчастливилось спасти свою жизнь, перекинув свое геркулесовое тело через Тиберия, когда на них обрушилась крыша пещеры. Вполне вероятно, что он разжег обиду Тиберия на свою мать, а затем использовал разрыв отношений, чтобы увеличить непопулярность императора. В Риме были распространены гнусные пасквилы на "неблагодарного сына". Иногда их приписывают писателям, состоявшим на службе у Ливии, но распространение их было бы естественной частью плана Сеянуса. Однажды знатная дама, Аппулея Варилия, была обвинена сенатом в кровосмешении Тиберия и Ливии. Тиберий посоветовался с матерью и заявил сенату, что они хотят отнестись к клевете с презрительным безразличием.

Сеяну мы также должны, на основании Тацита, приписать заговор против Агриппины, который другие авторы приписывают Тиберию или Ливии. На пиру во дворце было замечено, что Агриппина, бледная и угрюмая, прошла мимо всех блюд нетронутой. В конце концов Тиберий предложил ей съесть яблоко, которое он сам выбрал. Под всеобщими взглядами она отдала его слуге, чтобы тот выбросил, и Тиберий не преминул пожаловаться на ее несправедливые подозрения. Тацит, который приводит наиболее правдоподобную версию этой истории, говорит, что агенты Сеяна предупредили ее, что на пиру ее отравят, чтобы она повела себя так, что император возмутится.

Тибериус, уставший от бурных столичных страстей, теперь жил в основном в Кампании. Не исключено, что его уродство сделало его чувствительным. Рим не стал бы щадить чувства столь непопулярного правителя. Совсем не очевидно, что он уклонялся от своих императорских обязанностей - Сутоний прямо говорит, что он считал возможным лучше управлять из провинций, - или что он хотел предаваться диким распутствам, которые некоторые приписывают ему. Вероятно, Сеянус, чтобы добиться для себя большей власти, убедил его, что лучше всего исполнять свои обязанности из провинциального кресла.

В этот момент, в 29 году, опечаленная разлукой с сыном, его беспомощной сдачей беспринципному авантюристу и растущим вырождением Рима, Ливия умерла. Ведя трезвый образ жизни, добавляет Плиний, постоянно жуя сладости, содержащие некий целебный корень, и употребляя пунцийское вино, она достигла великого возраста - восьмидесяти шести лет. Она видела, как ее муж развеял долгие ужасы гражданской войны, обновил империю и украсил Рим; и в свои последние годы она ощущала мрак и холод грядущей трагедии. Немногие из императриц были оценены так по-разному, как Ливия. Меривейл считает ее "незабываемым примером успешной хитрости, добившейся последовательно, если не преступлением, то хитростью, всех целей, которые она могла пожелать в карьере женских амбиций". Он добавляет: "Но она уже давно пережила все искренние привязанности, которые она когда-либо могла внушить, и ни один голос потомков не возвысился, чтобы восполнить недостаток честных восхвалений в ее собственное время" ⁶.

Более концентрированные исследования биографа часто должны отменять вердикт историка, и в данном случае они должны оправдать Ливию как в ремесле, так и в пороке. Утверждение, что Ливия не имела "честных хвалебных отзывов" в свое время, является исключительной ошибкой. Римский сенат подвергается презрению историков за свою угодливость правящему императору, но после смерти Ливии он попытался почтить ее память, несмотря на недовольство Тибериуса. Император отказался ехать в Рим, чтобы увидеть ее перед смертью или присутствовать на ее похоронах. Он подал Риму пример молчаливого безразличия. Однако ему пришлось использовать свой авторитет, чтобы помешать сенату издать указ о божественных почестях Ливии, построить арку в ее память и провозгласить ее "матерью своей страны". Дио отмечает, что сенаторы были вынуждены сделать это из искренней благодарности и уважения. Мало кто из небогатых членов сената не воспользовался ее щедростью. Их дети получили образование, а их дочери - приданое из ее кошелька. Ее щедрость признана всеми авторитетами. Ее гуманность становится очевидной из содержания этой главы.

Неблагоприятная оценка характера Ливии основана главным образом на "Анналах" Тацита, и уже давно признано, что Тацит взял свой рассказ в основном из воспоминаний младшей Агриппины, дочери женщины, которая ненавидела Ливию. Однако после смерти Ливии Тацит добавляет: "С этого момента правление Тибериуса превратилось в жестокую деспотию. Пока жила Августа, оставался один путь к спасению, поскольку император был привычно почтителен к своей матери, и Сеянус не смел препятствовать ее родительской власти; но когда это ограничение было снято, ничто не могло помешать их дальнейшей карьере" ⁷.

Мы видели, что Ливия оказывала такое же сдерживающее влияние на импульсивность Октавиана. Вместе с ней умер атрибут или мудрая политика императорского милосердия, возрожденная лишь императорами, принявшими стоическое вероучение, в котором она нашла утешение после смерти сына. То, что она была "жесткой" и "беспринципной", полностью расходится с наиболее достоверными фактами ее карьеры. Сказать, что она была "скупой", - чистейший абсурд. Она до конца сохраняла трезвые личные привычки и брала деньги только для того, чтобы одарить ими неимущих и достойных или потратить их на

возведение общественных зданий. Мы можем признать, что у нее были некоторые амбиции, но можем утверждать, что для Рима было хорошо, что она их имела. Она совершила множество ошибок в своих суждениях в поздние годы, когда римская жизнь была опутана столь сильными течениями интриг; но именно эти ошибки дискредитируют мнение о том, что она использовала превосходное искусство и сильный ум для продвижения своих собственных интересов. Одним словом, именно пороки и безрассудства более поздних императриц располагают историков к тому, чтобы считать ее трезвые добродетели лишь маской.

ПРИМЕЧАНИЕ

Для ориентировки широкого круга читателей целесообразно добавить несколько слов о латинских авторитетах, которых мы теперь постоянно цитируем. Тацит, главный источник наших знаний до 70 г. н. э., не только ослаблен как историк самой силой своей морали, но и слишком легкомысленно следовал мемуарам, в которых позднейшая Агриппина порочила соперничающую императорскую семью. Суетоний, дошедший до Домициана, не менее честен, но у него слишком искренняя и снисходительная любовь к анекдотам, чтобы отбрасывать их на том лишь основании, что они неправдивы или неправдоподобны. Дио Кассий, который охватывает первые два века, обычно описывается как злобный; но можно усомниться в том, что он делает больше, чем потакает и дальше тому же приятному предпочтению пикантности правде. История Августа", которая является нашим главным авторитетом для большей части императриц и богатейшим источником скандалов, много и с пользой обсуждалась с тех пор, как Гиббон возложил на нее такую надежду. Сейчас некоторые специалисты считают, что авторы этой серии биографических очерков о римских императорах жили в начале третьего века и придерживались сравнительно трезвых стандартов работы. Ближе к концу третьего или началу четвертого века работа была написана заново группой менее скрупулезных авторов, чьи имена или псевдонимы стоят во главе ее глав. Но еще более поздний автор вновь переработал произведение и понизил его авторитет. Он писал откровенно с точки зрения пикантного анекдотиста, опуская многое, что могло бы заинтересовать только прозаичного студента точных фактов, и заполняя освободившееся место такими слабыми легендами об императорских пороках и глупостях, которые в его время еще оставались вне поля зрения истории или возникали в области романтики. Этот вопрос подробно рассмотрен Отто Шульцем, "Leben des Kaisers Hadrian" (1905), и профессором Корнеманом, "Kaiser Hadrian" (1906).

ГЛАВА III ЖЕНЫ КАЛИГУЛЫ

Оставшаяся часть правления Тиберия нас не касается, но очень краткий рассказ о ней сразу же подтвердит нашу оценку влияния Ливии и подготовит нас к почти невероятно унижительным сценам, которые наблюдались при его преемнике. Мы видели, что два

человека интриговали за пурпурную мантию, которая вскоре должна была упасть с плеч престарелого и нездорового императора. Одна из них была женщиной с большими способностями и мужественной отвагой, которая добивалась престолонаследия для одного из своих сыновей. Другой был сильным солдатом и проницательным министром, человеком беспринципным и лицемерным. Смена формы правления уже давала о себе знать. Судьба огромной империи казалась лишь мячом, перебрасываемым от игрока к игроку. Но дело обстояло еще хуже, чем предполагал самый трезвый наблюдатель. Перед смертью Тиберия и сильный мужчина, и сильная женщина должны были быть уничтожены, а императорская власть должна была перейти к тому, кто был совершенно непригоден для ее осуществления.

АГРИППИНА СТАРШАЯ

БЮСТ В МУЗЕЕ КЪЯРАМОНТИ

Менее чем через год после того, как прах Ливии был заложен в мраморной башне на берегу Тибра, в сенат поступило письмо от придворных с обвинением Агриппины и двух ее старших сыновей. По словам Тацита, "было принято считать", что это письмо было написано за некоторое время до этого и было утаено благодаря влиянию Ливии. Единственная разумная

интерпретация, которую мы можем дать этому слуху, заключается в том, что люди были настолько убеждены в человечности Ливии, что не думали, что письмо было бы написано или отправлено, если бы она была жива. Как бы то ни было, Агриппина и ее сыновья предстали перед судом и были приговорены к изгнанию, несмотря на разъяренную толпу, собравшуюся у здания суда. С драматической внезапностью Агриппина перешла от своей мечты править миром к тоскливой ссылке в Геркулануме, а через некоторое время - к гораздо более страшной тюрьме Пандатерии, где ее мать провела четыре года мучений. Там она со всей силой своей гордой и честлюбивой натуры ожидала смерти Тиберия. Но единственные вести, которые приходили к ней через море, постепенно сломили ее дух. Ее сыновья, Друз и Нерон, были осуждены за противоестественные пороки, а также за заговор; и хотя в отношении заговора мы можем испытывать некоторые сомнения, второе обвинение заслуживает доверия, если мы знаем привычки класса, к которому принадлежали молодые люди. Нерон был заключен в тюрьму на одном из островов группы Понца, и вскоре его мать, жившая на соседнем острове, узнала, что он уморил себя голодом или был уморен до смерти. Через некоторое время она узнала, что Друз последовал его примеру, и отчаявшаяся женщина в свою очередь отказалась от пищи и отправилась в более доброе изгнание - смерть. Последний из детей Юлии не избежал трагической судьбы, которая нависла над семьей. Нам еще предстоит увидеть, как проклятие падет на третье поколение.

Сеянус, чьи действия мы с уверенностью можем видеть в гибели Агриппины, теперь стоял у ступеней трона, с нетерпением ожидая ухода презираемого императора. Он был обручен с Ливиллой, вдовой единственного сына Тиберия Друза, которого он отравил при содействии Ливиллы. С супругой кесарийской крови он чувствовал, что сможет легко занять место Тиберия. И в самый разгар его развращенной власти и преступных надежд месть судьбы обрушилась на него, как удар молнии. Говорят, что жена, с которой он предлагал развестись, открыла Тиберию, что Сеянус был убийцей его единственного сына. В течение нескольких часов он был привлечен к суду, осужден и предан смерти. Все, кто собрался вокруг него в надежде на его грядущее могущество, были рассеяны или уничтожены неистовым гневом Тиберия. Мать убеждала Ливиллу похоронить свой позор в могиле. Она отказалась и была изгнана. Мы еще встретимся с ней в хронике порока и насилия.

После этого страшного испытания Тиберий удалился в Капрею, где построил дворец. Прогуливаясь несколько лет назад среди руин того, что, как считается, было дворцом Тиберия, я обнаружил, что там все еще сохранились отголоски мрачных историй, которые рассказывали в Риме о его последних годах жизни. Люди говорили, что он закрылся в этом укрытом морем дворце только для того, чтобы незаметно предаваться грубейшим извращениям чувственной натуры, и что новая профессия слугителей похоти, описание которой можно найти у Тацита, выросла из его усталости даже от противоестественных пороков. Нельзя с готовностью допустить, чтобы такие оргии устраивал человек в возрасте от семидесяти второго до семьдесят восьмого года, и мне кажется, что можно предложить объяснение мифа, которое также послужит для знакомства с третьим императором Рима и его женами.

Суэтоний описывает Тиберия как окруженного учеными людьми и поглощенного непонятными проблемами астрологии, мифологии и письма. Самому решительному приверженцу более романтической истории должно быть трудно примирить эту группу прозаичных педантов с чувственными оргиями, которые народная молва устраивала в одиноком дворце. Однако, когда мы узнаем, что два молодых принца, отличавшихся наименьшим интеллектом и самым безнравственным характером, составляли часть семьи, мы видим, что во дворце в Капрее могли протекать две совершенно разные жизни. Если мы

предположим, что эти молодые люди и их подхалимы свободно предавались порокам, которые в то время были свойственны римской молодежи, в то время как их старшие были увлечены славными планетами неаполитанского неба, мы получим удовлетворительное объяснение легенды. Ужас Рима перед кровавой местью императора за убийство своего сына не располагал людей к добросовестной дискриминации.

Одним из этих принцев был Ирод Агриппа, сын царя Иудеи, которого Октавиан привез в Рим для охраны. Другой, на год младше, был "Калигулой", как прозвали солдаты выжившего сына Агриппины и Германика. Каю Цезарю - так его звали на самом деле - шел девятнадцатый год, когда его мать была изгнана. Спустя несколько лет Тиберий забрал его в Капрею, где он оказался искусным учеником Ирода в восточных делах. Жилы нравственной испорченности, если не безумия, которые мы прослеживаем во всех потомках Юлии, наиболее ярко проявляются в Калигуле, и трагедия Цезарей углубляется, когда в 37 году Тиберий умирает, и на трон восходит Калигула.⁸

В 33 году он был женат на Юнии Клавдилле, дочери Юния Силана, проконсула с выдающимися заслугами и знатным родом. Она счастливо избежала участи разделить трон с Калигулой, умерев при родах. О том, какой должна была быть ее жизнь в Капрее, не дает покоя ее ранняя смерть. Нет в Европе более приятной перспективы, чем та, что раскрывается перед зрителем на зеленых вершинах Капри, откуда взгляд может блуждать по широкому голубому заливу с его серебряной бахромой прибоя или по полумесяцу вечнозеленой земли, который начинается от Сорренто и величественно проносится мимо подножия Везувия к далекой дымке, в которой когда-то жила Баия. Однако для утонченной и чувствительной молодой женщины этот великолепный дворец должен был стать смертельной тюрьмой. Отталкиваемая и слепыми учеными, и развратными принцами, тягостная монотонность учебы и порока, не разбавляемая визитами в Рим, она за три года погрузилась под свою ношу - ей не хватило всего одного года, чтобы получить титул второй императрицы Рима. Ее отец, известный сенатор, пытался сдерживать расточительность Калигулы в первый год его правления. Жестокий император велел ему "передать привет духу мертвых". Бросив последний печальный взгляд на будущее своей страны, Юний Силан повиновался.

Нам достоверно рассказывают, что после этого Калигула занялся любовью с Эннией, женой префекта гвардии. Сеянус убедил Тиберия сформировать корпус "преторианской гвардии", императорской телохранительницы, которой было суждено оказать пагубное влияние на будущее Рима. Фактический префект или командир этого полка, Макро, был самым влиятельным человеком в свите Тиберия. При его попустительстве или без него его жена уступила Калигуле с условием, что он женится на ней, когда станет императором. Макро и Энния сопровождали Калигулу, когда он вез завещание и прах Тиберия в Рим. В последние годы правления Тиберия на Италию опустился мрак, и люди приветствовали молодого Калигулу, как приветствуют солнце и голубое небо после мрачных морских бурь. Стоя у своих украшенных цветами алтарей, выходя с факелами по ночам, люди приветствовали его неистовыми эпитетами. Он был их "звездой", "цыпленком", "дорогим ребенком", каким он был для солдат в Германии много лет назад. Не то чтобы он был красивым юношей. Он был худым и долговязым, а его движения неловкими. Он был преждевременно облысевшим, а его впалые глаза угрюмо смотрели с бледного лица. Но он был сыном Германика, внуком Юлия. Все безрассудства, которые совершала семья, были забыты.

На месяц или два он оправдал надежды своего народа. Царствование террора сразу же прекратилось. Он вызвал из ссылки своих сестер и с большим почтением привез в Рим прах матери и братьев. Цирк и амфитеатр вновь огласились ликованием народа. Золотой век Октавиана был восстановлен, говорили люди. Но выхолощенная система и слабый ум

Калигулы оказались не в состоянии выдержать нервное напряжение. В начале правления Энния напомнила ему о его письменном обещании жениться на ней, а Макро, советуя ему, пользовался покровительством. В порыве внезапной свирепости он приказал казнить Эннию и ее детей и милостиво разрешил Макру покончить с собственной жизнью. Он нашел себе жену - свою сестру Друзиллу.

Его кровосмесительная связь с Друзиллой вскоре стала темой для обсуждения в Риме. Вероятно, они начались еще до ее изгнания, а когда он вернул ее в свой дворец, молодую и красивую девушку лет двадцати, то воспылал к ней неистовой страстью, развелся с ее мужем и объявил, что намерен на ней жениться. Император, по его словам, был выше всех законов. Рим смеялся смехом глупцов. Он обеспечивал его потрясающими развлечениями. Игры в цирке шли по двенадцать часов день за днем, а ночь превращалась в свежий день с иллюминациями, банкетам и такими удовольствиями, которые можно было получить на деньги, которые он свободно раздавал. В разгар всего этого он заболел; не исключено, что он расплачивался эпилепсией за свои дикие излишества. В Риме царила такая скорбь, какую редко испытывали при болезни величайших граждан. Люди клялись жизнью за жизнь любимого императора, и Калигула, когда выздоровел, убедился, что они сдержали свои клятвы. Он проболел много недель, а когда к нему вернулись силы, он утратил то небольшое здравомыслие и трезвость, которые природа заложила в его плохо скомпонованный каркас. Остаток его правления был кошмаром.

Друзилла умерла во время его болезни или вскоре после его выздоровления. Некоторые авторы предполагают, что ее недуг был вызван чувством глубокого стыда, но описание, которое дает Дио, не подтверждает эту точку зрения, как и то, что потомкам Юлии была известна одна добродетель - раскаяние. Горе Калигулы было не менее безумным, чем его страсть. Ни один прославленный римлянин не был удостоен такой пышности похорон, как эта женщина, чью кровосмесительную жизнь он оплакивал на весь мир. Один сенатор видел, как ее душа возносится к небесам из горящей кучи, и был вознагражден миллионом сестерций. Дегradировавший сенат объявил ее богиней, и было постановлено, что отныне женщины должны клясться в божественности Друзиллы. Земля и небо сотрясались от его безумных стонов; и еще до того, как Друзиллу причислили к богам, он женился снова.

Ливия Орестилла, вторая императрица Рима, - одна из тех дам, о которых мы знаем только по привычной фразе, что она была молодой женщиной большой красоты и из знатного рода. В ее случае нам не нужен более подробный портрет, ведь она была императрицей всего несколько дней. Перед концом первого года своего правления (37), в разгар своих причитаний по Друзилле, Калигула был приглашен на свадьбу Кальпурния Пизона, знатного и богатого человека. Калигула полюбил невесту и сразу же сделал ее своей императрицей. С таким же правом он развелся с ней через несколько дней после этого, и она узнала, что такое падение с высоты трона. Он запретил ей иметь какие-либо дела с мужем, которого лишил ее, а затем, заявив, что его приказ был нарушен, сослал их обоих в отдаленные и разные части империи.

Следующей дамой, на которой отдохнуло его необузданное воображение, стала Лоллия Паулина. Калигулу, вероятно, больше привлекло ее богатство, чем замечательная красота, высокий характер и выдающееся происхождение, которые приписывают ей хроники. В ее семье скопились богатые трофеи из завоеванных провинций, а ее муж, губернатор Македонии и Ахайи, усердно приумножал их богатство. В Риме рассказывали, что однажды она отправилась на свадьбу в жемчугах и изумрудах, которые оценивались в пятьдесят миллионов сестерций. Ее высокая добродетель, похоже, соответствовала демонстрации, которая сделала ее темой застольных разговоров и привела к плачевной судьбе. Калигула,

привлеченный рассказами о ее богатстве и красоте, приказал своему мужу привезти ее в Рим, и вскоре после этого она была установлена в его дворце в качестве третьей императрицы Рима. Через год Калигула развелся с ней на том основании, что она не дала обещания увековечить его род.

Часто говорят, что Калигула женился на ней только для того, чтобы завладеть ее состоянием, поскольку его расточительные траты быстро опустошали казну. Это кажется ошибкой, так как в следующей главе мы увидим, что ее постигла несчастная участь из-за огромного богатства. На самом деле Калигула тем временем нашел даму, чей нрав полностью соответствовал его собственному, и в чьей плодовитости он был фактически уверен.

Весной или в начале лета 39 года мы видим, как он совершает один из своих потрясающих актов безрассудства в Байе. В теплую погоду он имел обыкновение путешествовать по побережью Кампании со своей женой и свитой. Он построил две большие либурнские галеры, каждая из которых имела десять весел, их носы сверкали золотом и драгоценными камнями, а палубы были украшены виноградниками, колоннадами и различными причудами безответственного богатства. Когда они проплывали мимо залива, кто-то напомнил ему о старой пословице, в которой говорилось, что проехать из Байи в ПUTEОЛИ через рукав залива - одна из самых невозможных задач. Он тут же приказал построить мост через воду и тщательно его украсить. В доспехах Александра Македонского, поверх которых была наброшена мантия из пурпурного шелка, покоритель невозможного проехал из Байи в ПUTEОЛИ. На следующий день он проехал на своей колеснице через весь город; и далеко ночью, когда холмы вокруг были освещены огромными кострами, он устроил дебош, который отпраздновал его славный подвиг. В опьянении множество людей скатывалось с моста в душистые воды.

Жажда новых побед, он перенес свой восторженный двор в Галлию и объявил, что идет против свирепых германцев. Племена не восставали, и вся экспедиция была комедией; некоторые римские писатели говорят, что несколько прирученных пленников были переправлены через реку и отправлены на охоту, чтобы император мог честно сообщить сенату, что он одержал победу и заслужил триумф. Суетоний даже добавляет, что, когда император вернулся в Рим и отпраздновал свой триумф, нескольких рабов заставили выучить немецкий язык и покрасить волосы, чтобы они изображали перед его колесницей покоренных соплеменников. Тем временем в Лионе происходили события, которые волнуют нас больше всего.

Расточительность Калигулы стремительно опустошала казну. За двенадцать месяцев он потратил 2 700 миллионов сестерций. В его ваннах использовались самые драгоценные мази; его банкеты были специально организованы так, чтобы тратить деньги - один только стоил 80 000 фунтов стерлингов в пересчете на современную монету - и, когда поток не был достаточно быстрым, он пил жемчуг, растворенный в уксусе, а золото выделявали в форме еды и подавали гостям. Он с презрением смахнул с Палатина дворцы Октавиана и Тиберия, а также другие особняки и возвел дворец необычайных размеров и варварского великолепия. Подобные привычки привлекли к нему толпу благородных паразитов, и можно поверить, что он обнаружил заговор против себя в Лионе. Он блудил чеством Рима в такой детской и низменной манере, что мало кто мог остаться равнодушным. Заметив богатство галлов - ведь Лугдунум (Лион) был тогда центром процветающей и возделанной области, - он начал продавать им имущество императорского дома. Он присутствовал на торгах, и выручка была настолько удовлетворительной, что он послал в Рим повозки с мебелью, реликвиями и диковинами из императорских дворцов и, когда они выставались на продажу, сам указывал на историческую ценность каждого предмета.

В его свите находился первый муж его сестры Друзиллы. Этот знатный вельможа, Лепид, возможно, обменивался мнениями о безумии императора с отвращенными галлами. Как бы то ни было, Калигула отправил в сенат сообщение о том, что обнаружил заговор против своей жизни, и добавил, что его сестры, Ливилла и Агриппина, были осуждены за прелюбодеяние с Лепидом. Он предал Лепида смерти и заставил Агриппину, гордую и пылкую молодую принцессу, пешком нести в Рим урну с прахом ее предполагаемого любовника. Мы увидим, как по возвращении в Рим Калигула искупил порока этим жестоким наказанием за прелюбодеяние. На самом деле у него уже была любовница при лионском дворе, и теперь эта дама сместила Лоллию Паулину и стала четвертой императрицей Рима.

Милония Сезония - одна из самых странных фигур в той разнообразной галерее, через которую проходит наш рассказ. Юлия и Мессалина - императрицы в своих пороках. Цезония, чьи пороки так мало обсуждаются, стоит совершенно особняком от других императриц - по крайней мере, первого века. Совершенно лишенная характера и культуры, уже измученная рождением троих детей, она, похоже, завоевала и сохранила расположение Калигулы - нельзя назвать это привязанностью или уважением - благодаря красивой фигуре, крепкой мужественности и полному отсутствию утонченности. Он часто показывал ее обнаженной своим друзьям, поощрял ее одеваться как амазонка и скакать на лошади перед армией. Его расстроенный разум порой ломал голову над тем, как она его очаровала. Он поглаживал ее сильное белое горло и с удовольствием бормотал, что при одном его слове в него вонзится нож палача; а иногда, с тем же жестоким юмором, угрожал ей пытками, чтобы узнать, какой фильтр она тайно применяет к нему. У нее было много такта и никаких угрызений совести. Их дочь Друзилла родилась в день их свадьбы, согласно Суетонию, или через тридцать дней после нее, согласно более достоверным источникам. Когда ребенок подрос, он проявил нрав дикой кошки. Калигула с восторгом наблюдал за его неистовствами, когда он кричал и кусал свою кормилицу; по его словам, не оставалось места для сомнений в отцовстве.

С такой супругой и со своей любимой куртизанкой Пираллис, которую он также поселил в своем новом дворце, Калигула предавался своим безумным порывам без малейшего сдерживания. Уже через несколько месяцев после того, как он подверг свою сестру столь ужасному наказанию, он давал императорские уроки кровосмешения и прелюбодеяния. Значительная часть римской знати пала так низко, что ни один меч не был направлен на императора или его владельца, когда он завершал свои банкеты повелением вступать в беспорядочные половые связи с мужчинами и женщинами патрицианского ранга, которых он принимал. Его излишества не ограничивались стенами его дворца и были известны только по неопределенным слухам. У него появилась страсть к езде на колесницах, он часто посещал конюхов и гладиаторов. Рим искренне аплодировал, поскольку это предполагало все более продолжительные представления в цирке и амфитеатре. Борьба различных фракций на скачках, среди которых Калигула поддерживал "зеленых", как никогда оживляла скучные дни праздного населения. Калигула заставлял вельмож заниматься низменной и опасной профессией гладиатора, а также управлять колесницами перед толпой в цирке.

Но развлечение Рима достигло своего апогея, когда Калигула в 39 году открыл свою божественность. Другие императоры оставляли лесть своему народу, чтобы обнаружить в себе божественность после завершения своей человеческой карьеры. "Я превращаюсь в бога", - иронично сказал один из них, умирая. Калигула считал, что его великолепие уже было божественным. Вителлий, презренный придворный, отец будущего императора, проникательно позаимствовал эту идею у восточных монархов и предложил ее Калигуле. Тогда в Риме произошли сцены, с которыми не могли сравниться даже самые дикие экстравагантности Нерона. Его граждане должны были под угрозой своей жизни сдерживать

смех и склоняться в почтительном поклоне, когда худой, некрасивый юноша - ему было всего двадцать семь лет - с изнеможением рассеянности на бледном лице проходил по их улицам в одежде Юпитера, с бородой из золотых нитей, или шествовал мимо них с луком, колчаном и золотым нимбом Аполлона, или одевался в более подходящую для него роль Венеры. Была сделана машина, с помощью которой он мог, как ни странно, имитировать гром соперничающего бога; он приказал срубить головы со статуй греческих божеств и заменить их копиями своих собственных. У божества должен быть культ. Калигула назначил себя и своего коня, для которого он выстроил мраморный дворец и ясли из слоновой кости, верховными жрецами своего культа. Кессония была приобщена к жречеству, а должность рядового жреца культа была продана различным вельможам по цене восемь миллионов сестерций каждому. Бедняки были вынуждены разорить себя и покончить с жизнью; более состоятельные люди безропотно выдавали себя за слугителей божества, которое во время каждой трапезы насыщалось едой и вином и прибегало к рвоте, чтобы вернуться за стол.

Как долго природа терпела бы это безумие, разлагая падший город, сказать невозможно, но истощение казны заставило Калигулу предпринять шаги, которые пробудили некоторых римлян от летаргии. Он повторил в Риме аукционы, которые проводил в Лионе, и о его жестокой безответственности рассказывают множество историй. Правдивость этих историй всегда сомнительна, но одну из них можно привести в качестве иллюстрации народного чувства. Говорят, что один из сенаторов заснул во время одной из распродаж. Калигула злобно обратил внимание аукциониста на то, что спящий человек кивает при каждой ставке, и сенатор проснулся и обнаружил, что купил тринадцать гладиаторов и другое имущество по баснословным ценам. Калигула даже стоял у дверей своего дворца, чтобы принять подарки, умоляя, что пополнение в семье привело к его обнищанию.

Тогда он открыл новый источник средств - казни богатых вельмож. Жестокий и кровожадный с самого начала, его растущее безумие и восторг от гладиаторских представлений способствовали его жестокости. Один актер был заживо сожжен на Форуме за то, что осмелился даже намекнуть в двусмысленной фразе, что поведение императора достойно осуждения. Других он пытал и казнил в своем присутствии, чтобы получить удовольствие от вида их мучений. Но в основном в поисках денег для поддержания своих ужасных расходов он опускался до самых низких пределов. Ни один богатый человек в Риме не был в безопасности. Информаторы жаждали четвертой части имущества жертвы, на которую они имели право после успешного импичмента; Калигула жаждал оставшихся трех четвертей. Каждые десять дней он "сводил счеты", как он выражался, или обрекал на смерть богатых сенаторов, которых он решил внести в список подозреваемых. Возвращаясь из суда, он хвастался Сессонии, что проделал тяжелую работу, пока она спала. В городе царил ужас, люди говорили об императоре шепотом. Знамения и знаки множились. В Рим привезли статую Юпитера Олимпа, и однажды рабочие в тревоге бросились из храма, в котором она была установлена, крича, что мраморный бог разразился приступом смеха.

24 января 41 года наступил конец этому ужасающему мраку, и третий император и четвертая императрица Рима были справедливо смещены. Долгое колебание римлян не следует слишком легко приписывать трусости. На окраине города теперь стояла гвардия Преториана, которая получала богатое вознаграждение за личную преданность императору, так что надежда на успешное восстание граждан была очень слабой. В большинстве своем эти грозные солдаты были наемниками, не заботящимися о чести Рима и верными, как собаки, своему хозяину. Только после того, как один из офицеров этого полка возглавил заговор, можно было предпринимать какие-либо действия с перспективой на успех. Этот офицер был любимцем Калигулы, но императорская дружба выражалась в таких грубых и

жгучих эпитетах, что он был вынужден взбунтоваться. Он и его соратники решили убить Калигулу, когда тот в конце января посещал Палатинские игры. Для этого случая был возведен большой деревянный театр, и Калигула с восторгом наблюдал за отвратительными зрелищами. Народный энтузиазм был настолько велик, что заговорщики день за днем окружали Калигулу, не решаясь его тронуть. Его германская гвардия, нечувствительная к обидам римлян, сразу и слепо выступила бы против восстания, а люди, казалось, забыли о его тирании во время кровавого зрелища, которое он им устроил.

Наступил пятый и последний день игр. Калигула был нездоров и хотел остаться во дворце, но его уговорили сделать над собой усилие и посетить последнее представление. Перед огромной аудиторией актеры представили распятие банды разбойников, и сцена была омыта кровью. У главного актера того времени был трюк с выливанием крови изо рта, и остальные актеры неуклюже подражали ему. Когда все закончилось, Калигула, воодушевленный бурными овациями горожан, вошел в узкий проход, который вел из театра в его дом на Палатине. Заговорщики воспользовались последним шансом и обрушили на императора свои мечи. За несколько часов Рим настолько изменился, что сторонникам Калигулы пришла очередь трепетать. Его тело было вывезено и тайно похоронено Иродом Агриппой.

А Цезония, по-видимому, осталась во дворце с маленькой дочерью, или предшествовала Калигуле. Крики стражи и шумное смятение во дворце вскоре должны были возвестить ей о катастрофе. У нее не было времени ни на бегство, ни на выработку какой-либо политики. В ее комнату ворвался сотник и заколол ее до смерти. Ее младенец был грубо схвачен солдатом, и его мозг был разбит о стены дворца, где короткие злоключения его отца и матери привели к упадку цивилизации Рима.

ГЛАВА IV ВАЛЕРИЯ МЕССАЛИНА

Падение Цезонии было едва ли менее романтическим, чем приход на ее место женщины, которая известна каждому читателю римской истории, да и многим другим, как Мессалина. Когда Калигула вошел в узкий проход, ведущий на Палатин, после представления в театре, перед ним шли несколько членов его свиты. Среди них был его дядя Клавдий, тугодум и презренный человек, которому шел пятидесятый год и которого Калигула вызволил из унижения и ввел в должность. Он уже вошел во дворец, когда неистовые крики германской стражи и вспышки оружия известили его об убийстве императора. Стражники рубили всех заговорщиков, до которых могли дотянуться. В инстинктивном ужасе Клавдий спрятался за занавеску и не успокоился, увидев, что солдаты проходят мимо с головами убитых ими вельмож. Вскоре один из солдат прусской гвардии заметил его ноги под занавесом и вытащил его наружу. Клавдий в ужасе упал на землю и стал умолять их пощадить его жизнь. Однако солдаты узнали его. Они усадили его на подводу и понесли на плечах в лагерь. Горожане, мимо которых они проходили на улице, жалели безобидного и, как считалось, полубезумного принца. Наконец кто-то узнал или разгадал замысел стражников, и Клавдий очнулся от ужаса, услышав странный возглас "Salve, Imperator", и понял, что его хотят сделать императором Рима.

За три года до этого он был женат на Валерии Мессалине, которая стала пятой императрицей. Будучи младшим сыном Друза, брата Тиберия, и Антонии, дочери Марка Антония и Октавии, он был естественным наследником Калигулы. Императорская власть ни в коем случае не была наследственной, но привязанность гвардейцев-прародителей к правящей семье и их неоспоримое господство над Римом на некоторое время обеспечили своего рода наследственное престолонаследие. Однако никакого намеренного предложения посадить Клавдия на трон не было. Пока будущее империи определяли грубые наемники в лагере пренторов, которым Клавдий обещал солидное вознаграждение за свое возвышение, в сенате обсуждался вопрос о восстановлении республики. Несколько обезображенный лицом, неуклюжий в походке и корпулентный, заикающийся в речи, не обладающий, по крайней мере, силой выражения, Клавдий всегда считался ничтожным отпрыском юлианского рода. Мать говорила о нем как о "маленьком чудовище", Октавиан относился к нему как к полуумному, а когда он достиг ранней зрелости, Тиберий отказался дать ему какой-либо чин или должность. Однако Калигула дал ему консульское звание и продвинул по службе во дворце, хотя относился к дяде с грубой насмешкой, которую, как считалось, оправдывала его умственная неполноценность.

Мы увидим, что такое обращение было далеко не справедливым, ведь Клавдий обладал некоторыми прекрасными качествами; но презрение семьи оттолкнуло его от общества слуг и заставило искать утешения в удовольствиях за столом и игрой в кости. В ранней юности он был обручен с дочерью Джулии. Этот договор был расторгнут, когда обнаружились пороки Юлии, и он был женат на молодой даме из знатной и богатой семьи, Ливии Медуллине Камилле. Она умерла в день свадьбы, и он женился на Плаутии Ургуланилле, дочери интимной подруги императрицы Ливии, Ургулании. Подозревая через несколько лет, что ее дружба с его освобожденными друзьями-рабами была более теплой, чем он предполагал, он развелся с ней, и женился на Элии Петине, которая, в свою очередь, вскоре развелась.

В 38 году он женился на печально известной Валерии Мессалине, чье имя дает каждому изучающему историю или мораль краткое представление о худших чертах ранней империи. Дух нашего времени так решительно настроен на то, чтобы возложить грехи детей на их отцов, так решительно настроен искать секрет характера в наследственности, что от старой биографической практики составления генеалогий нельзя полностью отказаться; хотя можно задаться вопросом, не может ли испорченная атмосфера Рима быть более смертоносной, чем испорченный род. Достаточно сказать, что оба ее родителя принадлежали к роду Юлиев и были первыми двоюродными братьями Клавдия. Ее отец, Валерий Мессала Барбатус, был выдающимся сенатором. Он известен нам как сенатор, который в старом римском духе предпринял тщетную попытку удержать женщин от вторжения в общественную жизнь и лагерь. У ее матери менее солидный послужной список. Мы увидим, что в конце концов она попадает под обвинение в заговоре и магии; но мы можем узнать, что ее более серьезным преступлением была сильная ненависть к императрице Агриппине, которая выдвинула против нее обвинение.

Мессалине, как мы теперь кратко назовем ее - с мимолетным протестом против этого неотесанного выражения, "Мессалина", - на момент замужества было шестнадцать лет. Снисходительное воображение сможет оценить опасное положение молодой девушки. Вступив в подростковый возраст в мир самых соблазнительных удовольствий и полной свободы, с такой отзывчивой и импульсивной натурой, как у нее, она нуждалась в руководстве мужчины, которого она могла бы хотя бы уважать. Вместо этого она оказалась замужем за мужчиной сорока восьми лет, чей полный живот, длинные худые ноги и трепетная голова были предметом насмешек Палатина, и который проводил часы в обществе

греческих вольноотпущенников или в слишком длительном наслаждении богатыми блюдами и дорогими винами. Клавдий, правда, обожал ее, но его обожание лишь делало его еще большим дурнем в ее жажде побряжек. Ее проступок, вероятно, начался рано. Когда после вечерней трапезы она оставляла супруга в состоянии алкогольного опьянения храпеть над опустошенными блюдами, когда ему щекотали горло перышком, чтобы он срыгнул и вернулся к императорским лакомствам, молодая девушка, естественно, поддавалась советам беспринципных придворных, которыми изобилует такой дворец.

Путь в бездну для нее стал более легким благодаря тому, что ее муж полагался на своих вольноотпущенников. В поздние годы Республики, когда власть Рима распространилась на Восток, в патрицианских дворцах появилась практика нанимать более искусных рабов из Греции и Сирии. Одинаково искусные в ведении счетов или потворстве пороку, они добивались освобождения и приобретали большие состояния на службе у своих новых хозяев. Обычно к ним относились с презрением, но, как мы видели, Клавдий был вынужден общаться с ними, и они достигли большой власти, когда он вззошел на трон. Теперь Рим обнаружил новое зло в принятом им императорском правлении. Все, кто хотел обратиться к императору с просьбой, должны были льстить или подкупать вольноотпущенника Каллиста, которому была поручена эта часть обязанностей Клавдия. Его управляющий финансами Паллас, секретарь Нарцисс и советник по письмам Полибий стояли то на одной, то на другой аллее дворца и требовали плату со всех, кто приближался. Должности распределялись через их скупые руки, и вскоре стало известно, что они построили великолепные виллы в окрестностях Рима. Независимо от того, правдивы эти слухи или нет, в Риме считали, что некоторые из знатнейших дам заплатили этим людям позорную цену за те услуги, которых они добивались, или были выданы им императрицей. Во всяком случае, ясно, что Мессалина вскоре пришла к взаимопониманию с ними. И они, и она нуждались в том, чтобы обмануть ослепленного императора, и было решено, что дружеское сотрудничество будет лучше, чем опасная борьба за верховенство.

Еще до конца первого года правления Клавдия этот коррупционный сговор начал проявлять свое влияние. Клавдий начал хорошо. Он сразу же приступил к работе, чтобы исправить несправедливость и глупости Калигулы. Была объявлена всеобщая амнистия, очищены судебные инстанции, к управлению были допущены более способные провинциалы, а государственные средства были потрачены на общественные работы, приносящие большую пользу. Насколько вольноотпущенники были ответственны за эти меры, сказать сложно, но, похоже, мы должны признать за Клавдием не только добрую волю, но и некоторую рассудительность. В то же время с самого начала есть свидетельства некоторой немощи ума. Его работа в качестве судьи, похоже, отличалась скорее промышленностью, чем просвещением. Однажды разгневанный рыцарь (*eques*) швырнул в него книгами в здании суда; в другой раз, во время нехватки кукурузы, народ забросал его заплесневелыми корками на Форуме. В те первые месяцы он, очевидно, был гуманен, но, похоже, не смог избавиться от своей прежней репутации и проявить хоть какое-то личное достоинство.

Вскоре даже его человечность была искажена злобными уговорами его жены и развращенным попустительством его вольноотпущенников. В наш век апологетов были предприняты некоторые попытки освободить характер Мессалины от тяжелого бремени позора или, по крайней мере, дискредитировать приводимые для этого доказательства. Я уже достаточно сказал о римских властях, чтобы оправдать некоторую сдержанность в отношении переданных нам подробностей о Мессалине. Читая Тацита, мы должны помнить, что перед ним были мемуары ее злейшего врага и преемника, Агриппины. Когда мы читаем Суетония, Дио и более поздних авторов, мы не должны забывать об их любви к ярким

краскам и романтическим деталям. Однако эти авторы в свое время располагали официальными записями и чем-то вроде публичных журналов, относящихся к более раннему периоду, которые ставят под сомнение злобные и беспринципные действия Мессалины; менее поразительные истории о ее неверности мы имеем достаточно доказательств в замечательном и достоверном эпизоде, который завершает ее карьеру. Нельзя сомневаться в том, что традиционная оценка характера Мессалины в значительной степени справедлива, хотя мы должны проявлять определенную осторожность, принимая те или иные высказывания о ней.

С этой оговоркой мы можем проследить в честном хронологическом порядке карьеру этой молодой девушки девятнадцати лет, ошеломленной внезапным обретением императорского богатства и власти, пока на двадцать пятом году ее детские попытки пронзить свое лоно кинжалом не будут пресечены мужественным ударом солдатского меча. Она родила дочь Октавию еще до воцарения своего мужа и была уже далеко в детородном возрасте, когда Калигула был убит. Клавдий, не в силах поверить в свою удачу и ежедневно ожидая, что какое-то новое движение сместит его с трона, оставался с ней во дворце. Через месяц после его воцарения она родила сына, Тиберия Клавдия Германика (позже известного как Британник), и Клавдий решился выйти в свет, чтобы показать своего наследника народу и выразить свою радость. Он так и не смог полностью избавиться от страха. Солдаты прислуживали ему за столом, а всех, кто приближался к нему, обыскивали. Но его мягкое и сравнительно просвещенное правление снискало ему некоторую популярность, его обжорство и слабое остроумие не замечали, и он подавал надежды на процветающее царствование.

Первый признак того, что его слабая зависимость от Мессалины и вольноотпущенников стала очевидной, произошел еще до конца 41 года. Клавдий вызвал из ссылки сестер Калигулы, Юлию Ливиллу и Агриппину, и вернул им имущество. Агриппине, чей характер и карьера займут следующую главу, шел двадцать пятый год, а Ливилле - двадцать третий. Обе они обладали красотой юлианских женщин в самом расцвете сил. Агриппина быстро поняла свое положение и благоразумно скрыла свои амбиции, но младшая женщина была слишком горда, чтобы проявлять дипломатию, и ее заподозрили в амбициях, которых она, возможно, не имела. Мессалина начала ревновать и донесла на нее Клавдию, обвинив в прелюбодеянии. Клавдия убедили, что открытый суд повлечет за собой скандал для императорской семьи, и несчастную женщину сослали без возможности защиты. Вскоре после этого она умерла от голода своей тюрьме, и, ознакомившись с дальнейшим ходом этой истории, вряд ли кто-то согласится с заверениями летописцев, что это тяжкое преступление было совершено по приказу Мессалины.

В том, что обвинение против Ливиллы было злонамеренным, не приходится сомневаться, когда мы узнаем, что ее любовником, по слухам, был знаменитый стоический моралист Сенека. Болезнь Рима уже вызвала естественное лекарство. Строгий кодекс морали, который Зенон сформулировал несколькими столетиями ранее на мраморной колоннаде в Афинах, теперь был принят лучшими римлянами. Указывая на ослабление и деградацию, которые принесла в их город эпидемия восточного порока и роскоши, философы утверждали, что необходимо вновь обуздать чувственные порывы и вернуть Риму былую мужественность. Сенека был самым выдающимся представителем этой растущей школы в Риме, и каким бы двусмысленным или даже предосудительным ни казалось нам его поведение в более поздний период, в данном случае мы предпочли бы списать его наказание на известный порок Мессалины, а не на слабость с его стороны, о которой у нас нет никаких сведений. Мудрые и справедливые советы, которые он давал Клавдию,

вероятно, были неприятны Мессалине и вольноотпущенникам. Без суда и защиты он был сослан на Корсику. Иногда говорят, что, поскольку Сенека нигде не порицает добродетель Мессалины, мы можем не доверять обвинению в пороке, которое мы находим у всех позднейших хронистов; но Сенека также не упоминает о ее более значительных и совершенно бесспорных проступках, так что это упущение не имеет никакого значения. Сенека пробыл в изгнании шесть лет и был знаком с распутством Мессалины не более лично, чем Суетоний.

Первый же ее успех ободрил императрицу. Через несколько месяцев она выбрала другую даму, Юлию, дочь Друза, и донесла на нее Клавдию. Добродетель и проницательность, которыми мог обладать Клавдий, теперь ослабли из-за чувственных излишеств, которым его жена и министры побуждали его предаваться, а его человечность была запятнана страстью к гладиаторским представлениям, которой он постепенно заразился. Мы не должны слишком поспешно признавать самую низкую оценку его способностей. Если Октавиан мог так долго и так легко быть обманутым Юлией, мы можем допустить, что невежество Клавдия сочеталось с некоторой долей здравого смысла, который он все еще проявлял в управлении провинциями и выполнении общественных работ. Но уже в конце первого года своего правления он так подло и бесчестно поддается замыслам Мессалины, что защищать его становится невозможно. Не успела его жена обвинить Юлию, как она была изгнана без суда и следствия, и легко поверить, что ее быстрая смерть от рук центуриона, отвечавшего за нее, была вызвана приказами Мессалины. Поговаривали, что Юлия возбудила подозрения императрицы слишком нежным отношением к Клавдию.

Более благоразумная Агриппина теперь искала защиты у мужа. Говорят, что она выбрала будущего императора Сульпиция Гальбу и убеждала его развестись с больной женой; но мать жены приняла участие в интриге и завершила ее, прилюдно наострив уши Агриппине. Вскоре после этого жена умерла, но Гальба, опасаясь недовольства Мессалины, не стал жениться на Агриппине. Тогда она уговорила Криспа Пассиена, богатого и знатного вельможу и знаменитого оратора, развестись с женой и жениться на ней. Она унаследовала небольшое состояние от предыдущего мужа - отца ее сына, будущего императора Нерона, а огромное богатство и выдающиеся заслуги Пассиена ставили ее в гораздо более выгодное положение. Вскоре Пассиен умер, оставив свое состояние Агриппине и Нерону. О том, как это состояние было использовано для продвижения матери и сына и как Агриппина в конце концов была убита своим сыном, будет рассказано в следующей главе. Сервий без колебаний повторяет слух, слегка воспроизведенный в одной из хроник, о том, что она убила Пассиена, чтобы завладеть этим богатством. Обвинение носит самый легкомысленный характер. Ее муж обеспечил ей некоторую защиту: состояние без мужа скорее привлекло бы, чем отвлекло страсть Мессалины.

42 год ознаменовался заговором, который, к несчастью, располагал Клавдия больше, чем когда-либо, довериться Мессалине и вольноотпущенникам. Войска в Далмации должны были быть задействованы для свержения Клавдия. Однако в последний момент солдаты были ошеломлены столь многочисленными и неоспоримыми признаками гнева богов, что вернулись к своей верности и убили своих офицеров. Штандарты не могли вытащить из земли - не такое уж и неестественное событие, как можно подумать, в далматинскую зиму, - а венки упали с орлов.

О заговоре сообщили во дворец, и Мессалина вместе с вольноотпущенниками составила длинные списки людей, которых было желательно устранить или обездолить. Более состоятельные люди выкупили свои жизни, заплатив значительные суммы; других подвергли пыткам, отправили в тюрьму или могилу. В летописи этих гонений есть история, которая

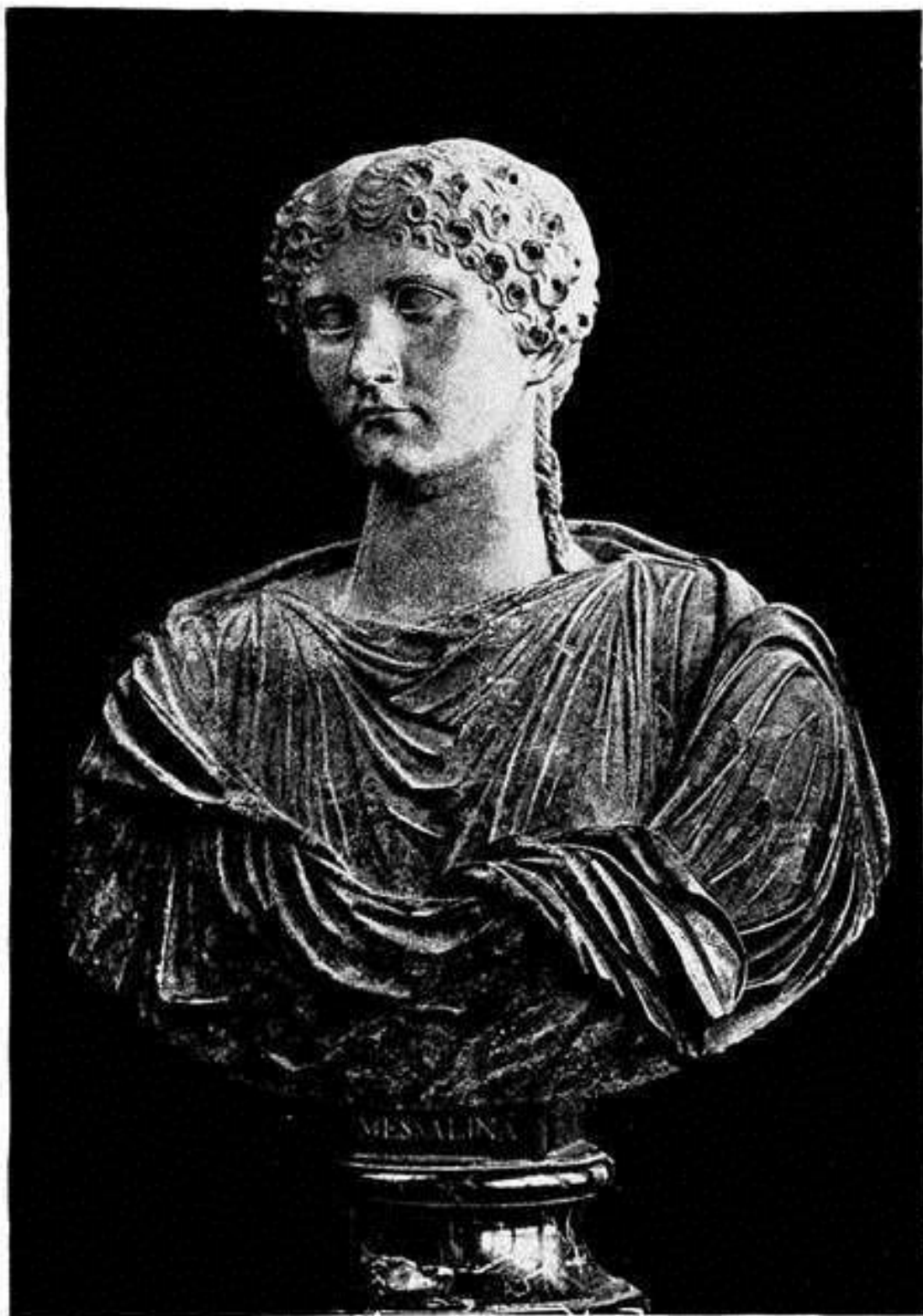
должна уберечь нас от распространенного заблуждения, что древний дух Рима совсем угас. Один знатный патриций узнал, что его имя внесено в список осужденных. Его жена убеждала его избежать позора публичной казни, покончив с жизнью, и, когда он заколебался, она закопала кинжал в собственное лоно, а затем вручила его ему со словами, достойными Корнелия: "Это не больно". Другой жертвой стал Аппий Силан, который женился на матери Мессалины, Домиции Лепиде. Летописцы утверждают, что его преступление заключалось в том, что он отверг ухаживания, которые делала ему Мессалина. Каким бы ни был мотив, она подговорила вольноотпущенника Нарцисса рассказать Клавдию, что тот видел во сне, как Силан всаживает кинжал в сердце императора. Клавдий нервно посоветовался с женой, которая с артистическим ужасом призналась, что такой же сон часто мучил ее. Тем временем они вызвали Силана во дворец, и, когда он вошел в этот момент, император приказал немедленно казнить его.

Таковы некоторые из темных преступлений, приписываемых Мессалине, которые мы не можем подвергнуть серьезному сомнению и которые полностью готовят нас к тому, чтобы поверить в менее бесчеловечные проступки, в которых иначе можно было бы усомниться. В следующем году (43 г. н. э.) Клавдий отправился в Британию, оставив свою императрицу в Риме. Похоже, именно в это время, если только мы не отбросим произвольно одну группу обвинений в записях и не признаем другую, Мессалина предалась тем действиям, которые обеспечили ей незавидное бессмертие. Совершенно достоверное продолжение истории покажет, что она настолько пренебрегала даже притворством нравственных чувств, что утверждения летописцев ни на минуту не могут быть признаны неправдоподобными. Одним словом, Мессалина превзошла Калигулу как в собственных проступках, так и в распространении порока. Завидуя ремеслу низших женщин Рима, она оборудовала одну из комнат во дворце по образцу покоев *меринок* в доходных домах Субуры, вывесила над дверью имя одной из самых отъявленных женщин этой касты, Лициски, и предложила развратные объятия императрицы любому, кто пожелает заплатить оговоренную цену. Другие помещают эту сцену в настоящий бордель. Не довольствуясь собственным унижением, она заставила самых знатных дам Рима последовать ее примеру. Она одаривала почестями и должностями, которые Клавдий оставил в ее распоряжении, тех мужей, которые благодушно наблюдали за растлением своих жен, а тем, кто отказывался, предлагала смертельные списки. Как бы мы ни сомневались в том, что эти утверждения не являются преувеличением ее поведения в народном сознании того времени, они вполне согласуются с достоверными фактами ее карьеры.

В 44 году Клавдий с радостью вернулся в то, что он все еще считал целомудренными и нежными объятиями своей молодой императрицы. Он так высоко ценил ее добродетель, что добился от сената разрешения на ее поездку в церемониальной машине (*carpentum*) - честь, которая была уготована только священникам и строго запрещалась женщинам. Он также предоставил ей возможность ехать на его колеснице в день его триумфального шествия. Легкость, с которой она его обманула, привела ее к новым излишествах. Говорят, что, увидев ночью его пропитанное вином тело, она положила к нему одну из своих служанок, а сама отправилась со спутницами разврата. Если верить неправдоподобной истории, получившей позднее некоторое подтверждение, она заставила самого слепого императора потворствовать ее порокам. Однажды она пожаловалась Клавдию, что популярный актер Мнестер не слушается ее, когда она приказала ему покинуть сцену и поступить к ней на службу. Клавдий заставил его сделать это; а три года спустя, когда поведение Мессалины было разоблачено, Мнестер показал императору шрамы на своем теле, которые служили доказательством грубого знакомства с Мессалиной. Даже когда она использовала

бронзовую монету Калигулы, изъятую из обращения, для изготовления статуи Месстера, Клавдий ничего не заподозрил.

Это развратное поведение продолжалось до 47 года. Мессалине шел только двадцать пятый год, когда долгая безнаказанность заставила ее сделать шаг, который погубил ее. Ее бюст, хранящийся во Флоренции, и камея в Вене дают представление о ней, которому мы не склонны не доверять. Вьющиеся золотисто-желтые волосы - Ювенал сообщает нам их цвет - тщательно уложены на низком лбу, а большие глубоко посаженные глаза расположены ненормально близко. В неоспоримой красоте лица есть некоторая неправильность, а тонкие губы и маленький рот, слабо опущенный к углам, непреодолимо наводят на мысль о приключениях, если бы такая история не была приписана ей в хрониках того времени. Несомненно, физиогномистам легко обнаружить в чертах лица моральное искажение и выявить неизвестные, а также проверить известные пороки императрицы в правдивом мраморе. Однако любой вдумчивый наблюдатель будет склонен увидеть в этих безжалостных чертах откровение правды о Мессалине и ее роде. Это картина силы, истерзанной повторными бурями страсти, красоты, увядающей вместе с болезнью, которая предшествует смерти.

МЕССАЛИНА

БЮСТ ВО ДВОРЦЕ УФФИЦИ, ФЛОРЕНЦИЯ

Прежде чем мы перейдем к венцу ее карьеры, необходимо добавить к истории Мессалины еще одно преступление. В Риме оставалась одна женщина, более красивая, чем она, и один

знатный патриций, чья добродетель обличала ее, а богатство манило. Она решила похоронить их обоих под общей гибелью.

Валерий Азиатик, патриций консульского ранга и больших заслуг, удалился из Рима на Крит, когда безумие Мессалины и слепота Клавдия усилились. К несчастью для него, он владел прекрасным и знаменитым садом, который Лукулл разбил на вершине Пинциева холма, и Мессалина теперь жаждала его. Она поручила воспитателям своих детей объявить императору, что Азиатик стоит во главе важной фракции в Риме и отправился воспламенять восточные провинции своим мятежным духом. Предзнаменования, о которых сообщали с Востока, показались Клавдию излишними. Луна потемнела от затмения, а из Эгейского моря поднялся новый остров. Халдейские мудрецы истолковали эти знамения с присущим им искусством, и Азиатика привезли в Рим.

Он с презрением выслушал обвинения в заговоре и прелюбодеянии, которые выдвинули против него наставники Сосибий и Суийлий, но когда они перешли к обвинению его в противоестественном пороке, он гневно отверг все обвинения. Мессалина присутствовала на суде - совершенно неуместном в покоях Клавдия - и увидела, что император взволнован. Она шепнула Вителлию, подхалиму, который первым обнаружил божественность Калигулы и заслонил его глаза от огня, что Азиатик ни в коем случае не должен сбежать, и вышла из комнаты. Вителлий с готовым остроумием припал к ногам императора. Он долго рассказывал о великих достоинствах обвиняемого и в заключение искусно попросил Клавдия разрешить Азиатика покончить с собой, вместо того чтобы отдать его в руки общественного палача. Клавдий согласился на эту уловку и, думая, что проявляет милосердие. Азиатик, верный лучшим традициям своих отцов, вернулся в свой дворец, искупался и поужинал в полном спокойствии, а затем вскрыл себе вены. Мессалина закрепила за собой сады Лукулла.

Дамой, с которой, как говорят, ссорился Азиатик, была Поппея Сабина, единственная женщина в Риме, превосходившая Мессалину по красоте. Этого было бы достаточно, чтобы вызвать ревность Мессалины, но нам рассказывают, что она еще больше обиделась, считая, что Поппея слишком близко общается с актером Мнестером, которого императрица присвоила себе. Дочь Поппеи вскоре предстанет перед нашими глазами в галерее римских императриц, и если из ее поведения можно сделать вывод о характере наставлений и примера ее матери, мы не можем отбросить это обвинение как неправдоподобное. Впрочем, обсуждать его нет необходимости. Не успели осудить Азиатика, как Мессалина отправила весть об этом в Поппею и покончила с собственной жизнью. Сосибий получил миллион сестерций в качестве особой награды за свои заслуги в обучении молодых принцев; богато были одарены и другие служители жестокости, скупости и страсти императрицы.

Теперь Мессалина решилась на столь вопиющее нарушение не только приличий, но и умеренного благоразумия, которое до сих пор скрывало ее поведение от мужа, что ее позорная карьера была доведена до жестокого конца. В течение некоторого времени она питала страсть к Каю Силию, одному из самых красивых мужчин среди римской знати. Тацит уверяет, что в их любовных отношениях не было никакой тайны. Она уговаривала Силия развестись с женой, посещала его дом с большой свитой и неоднократно делала ему подарки в виде рабов и другого имущества, принадлежащего императорскому дому. Непонятный отрывок из Тацита, кажется, намекает на то, что ее нетерпение ко всем законам привело к тому, что она задумала выйти замуж за Силия, будучи замужем за Клавдием, и подробности того, что последовало за , дошли до нас в противоречивых версиях. Одни говорят, что Силий предложил ей сместить Клавдия и разделить с ним трон, и что она колебалась только из страха, что Силий может развестись с ней, как только завладеет пурпуром. Другие авторы утверждают, что феникс появился в Египте, как и перед смертью

Тиберия, и что нервному императору далее сообщили о предсказании, что муж Мессалины умрет до конца года. Чтобы обмануть это предначертание судьбы, говорит Суетоний, Клавдий подписал развод с Мессалиной и отправился на побережье, оставив ее свободной для брака с Силием. Он намеревался вернуться и вернуть ее, как только Силий исполнит пророчество и умрет.

Понятно, что к правдивому рассказу о событиях, приведших к падению Мессалины, примешалось много легенд, и можно лишь попытаться выстроить правдоподобную историю из разноречивых версий. Тацит, высший авторитет, ничего не знает ни о пророчестве, ни о разводе, который, как утверждается, стал его причиной. Его молчание не является убедительным, а ход, приписываемый Клавдию, каким бы экстравагантным он ни казался, не противоречит его ненормально робкому характеру. В целом, однако, можно согласиться с Меривейлом, что Клавдий не слышал о пророчестве, не подписывал развод и ничего не знал о связи до более позднего времени, как предполагает Дио. Но Меривейл явно ошибается, полагая, что брак Мессалины и Силия - это клеветническая легенда, заимствованная из мемуаров Агриппины. Когда он утверждает, что такой брак не мог состояться без ведома императора, он забывает, что, как утверждают или подразумевают все авторитеты, Клавдий покинул Рим и отправился на побережье. Император вернулся в город, как только узнал о браке.

Реальный ход событий выглядит так: Клавдий был смутно осведомлен о существовании заговора против него. Он горько пожаловался сенату, некоторое время провел во дворце, а затем, октября, отправился в Остию, чтобы осмотреть некоторые общественные работы, которые там велись. Обрадованная его отъездом, Мессалина прошла с Силиусом через форму брака - более мягкую, а не торжественную (*confarreatio*) - и отбросила последнюю тень сдержанности. Как бы ни была изменна ее натура, она, должно быть, устала от ночного зрелища отвратительного старика, откинувшегося в сытости на кушетку, пока рабы щекотали ему горло перышком, чтобы вызвать рвоту. Силиус был молод, красив и не лишен остроумия. Казалось, перед ней открывалось лучшее будущее. Возможно, слабоумный император не станет бороться за свой трон; возможно, город и стража с радостью пожертвуют им ради этой красивой молодой императорской пары. В резном лице Мессалины появился расчет. Но весть об этом быстро дошла до Остии, и страшный конец был близок.

Вскоре после свадьбы наступил праздник винограда, Вакханалия, которую жених и невеста, а также их друзья отпраздновали с самым бурным весельем. Эта последняя сцена в развратной карьере Мессалины, должно быть, произвела глубокое впечатление на чувства Рима, и она навсегда запечатлена в одной из самых ярких вспышек описания Тацита. Мессалина подарила Силию императорский дворец и его содержимое, а в саду дворца они воздали должное оргиастическому культу Вакха. Были установлены винные прессы, и женщины из окружения Мессалины, их белые конечности и груди, скудно прикрытые полосками овечьей кожи, пели и танцевали вакхический танец вокруг больших чанов с виноградным соком. Мессалина, ее золотые волосы распустились под венком из плюща, трясла тирсом и возглавляла дикий танец. Силий лежал у ее ног, увенчанный плющом, и кивал головой в такт развратному хору. В тот осенний день вино лилось рекой, и мир и далекая Остия были забыты; или настолько забыты, что когда Веттий Валенс, один из отвергнутых любовников Мессалины, в мальчишеском буйстве взобрался на высокое дерево, а вокруг собрались люди и спросили, что он видит, он радостно воскликнул: "Ураган из Остии". Но не успел закончиться вечер, как из Остии прилетел ураган и в ужасе разметал веселящихся. В сад принесли весть о том, что Клавдий спешит в Рим, чтобы отомстить за свое бесчестие.

Вольноотпущеннику Нарциссу не нравилась мысль о том, что Силий получит власть, тем более что Мессалина недавно предприняла зловещий шаг, добившись казни его коллеги Полибия. В свите Клавдия в Остии были две служанки, вежливо называя их Кальпурнией и Клеопатрой, которые были взяты Нарциссом в совет и узнали свои роли в его замысле. Кальпурния бросилась к ногам императора с криком: "Мессалина замужем за Силием". Клеопатра и Нарцисс были вызваны императором, и они заверили его, что его жизнь в опасности, и он должен поспешить в Рим. К ним присоединились и другие советники, которых Нарцисс подготовил к своей роли, и ошеломленный и колеблющийся Клавдий подчинился их указаниям. Его тут же усадили в колесницу, и Вителлий с Нарциссом поехали вместе с ним. По дороге Клавдий вяло обсуждал новости, а Вителлий, не уверенный в том, какая из сторон одержит победу, молчал; но вольноотпущенник усердно подпитывал медленно разгорающийся гнев императора.

Силий бежал из вакхического сада на Форум и старался скрыть свое участие, ревностно погружаясь в дела. Мессалина увидела, как все спутники ее веселья бегут в безопасное место и оставляют ее одну встречать бурю в дворцовом саду. Отбросив беспорядочные остатки пира, она поспешила в свои лукулловы сады на Пинциане. Там ее мужество, по-видимому, возродилось, и она решила предпринять попытку обезоружить мужа. Поручив начальнице весталок следовать за ней с детьми, она вышла на дорогу, ведущую в Рим из Остии. Весть об этом уже облетела весь Рим. С тремя спутниками, только из веселой толпы своих последователей, и Вибидией, Весталковой Девой, чье лицо было священным, она отважилась на безжалостные взгляды горожан, которые так долго видели ее колесницу, проносящуюся мимо с триумфом, и пешком дошла до ворот города. Там силы ее подвели, и она была вынуждена сесть на обычную тележку садовника. Когда они прошли небольшое расстояние от ворот, то увидели приближающуюся колесницу императора, и она сошла с нее. То ли от искренней привязанности к ней, то ли от вялой нелюбви к неприятностям, Клавдий еще раз замешкался, когда на его пути показалась жалкая фигура молодой жены; но Нарцисса напомнила ему о ее замужестве и приказала вознице ехать дальше. Ее последний отчаянный призыв не был услышан. Колесница понеслась галопом, оставив ее стоять на дороге. Чуть дальше Весталка, опираясь на свое высокое положение, потребовала, чтобы Клавдий дал своей жене возможность защищаться, и поставила перед ним своих детей. Вид любимых Октавии и Британика вновь заставил императора задрожать. Нарцисс велел вознице ехать дальше, и Мессалина медленно повернулась, чтобы встретить свою судьбу в Риме.

Чтобы развеять последние тени нежности в душе императора, Нарцисс провел его сначала в дом Силия и показал ему сокровища императорского дворца, которыми Мессалина одарила своего любовника. Затем он привел его в лагерь прусской гвардии и побудил произнести речь перед солдатами. Слабый дух императора был сломлен полным разоблачением вероломства Мессалины. Теперь, полностью подчинившись властному вольноотпущеннику, он занял свое место в трибунале и вынес смертный приговор, который был немедленно приведен в исполнение, Силию, Мнестеру, Веттию Валенсу и всем сообщникам Мессалины. Мнестер тщетно срывал с себя мантию, чтобы показать, что он получил от императрицы скорее отпечаток ее гнева, чем объятия, в которых его обвиняли. Император подписал приговор всем и усталое вернулся во дворец. Восстановленный едой и вином, он стал противиться диктовке Нарцисса и приказал ему сообщить Мессалине, что выслушает ее на следующий день. Вольноотпущенник понял, что промедление разрушит его замысел. Он вышел из комнаты и сообщил стражнику, что император приказал немедленно казнить его жену.

Мессалина вернулась в свой сад на Пинциане, где к ней присоединилась мать. Наступила ночь, и они сидели в беседке, обсуждая безумный блеск прошлого и страшный мрак будущего. Домиция Лепида чувствовала, что надежды вернуть расположение Клавдия нет, и убеждала дочь покончить с жизнью, как предписывает римская традиция. Сильная лишь тем, что цеплялась за жизнь, как и большинство других хрупких женщин дома Юлиев, Мессалина упала к ногам матери и зарыдала. Вскоре тишину пустынного сада нарушил топот солдат и призыв у ворот. Мессалина все еще боялась вечного мрака, с которым так неожиданно столкнулась. Только когда стражник рассказал ей о приказе, который отдал ему Нарцисс, а вольноотпущенник, пришедший со стражником, стал нагло поносить ее за преступления, она взяла кинжал из рук матери. При свете единственного светильника в беседке маленькая группа с жалостью и презрением смотрела, как нервные руки Мессалины наносят бесполезные раны на ее белое лоно. Затем трибун милосердно вонзил свой меч ей в сердце. Ее дети поднялись и нашли безжизненное тело матери в луже крови.

Такое достоверное завершение карьеры Мессалины должно склонить нас к мысли, что в историях, которые о ней рассказывают, может быть мало или совсем нет преувеличений. Штар в своем блестящем апологетическом исследовании об императрицах осмеливается утверждать, что Сенека не воспроизводил эти истории о Мессалине, потому что знал, что они исходят из-под пера озлобленного клеветника; и можно предположить, что Тацит почерпнул значительную часть своего материала из мемуаров женщины, которая уклонилась от мстительной жестокости Мессалины и со временем пришла ей на смену. Но на счету императрицы так много преступлений, а ее последнее приключение демонстрирует такое бесстыдное пренебрежение к закону или приличиям, что ни одна деталь не кажется невероятной или неправдоподобной. Мы найдем такие эксцессы, приписываемые последующим императорам, у писателей, которые не просто записывали слухи, которые могли набрать объем за десятилетия передачи из уст в уста, что для Мессалины не может быть ничего невозможного. Гуманному биографу остается только молиться, что она вошла в мир самых ослепительных соблазнов порока и преступлений с природой, уже запятнанной и искаженной грехами ее отцов, и что ужас той последней сцены в садах Лукулла может быть оставлен как милосердный саван над ее несчастной памятью.

ГЛАВА V МАТЬ НЕРОНА

Тацит передает нам яркую картину жизни в императорском дворце в те месяцы, которые последовали за казнью Мессалины. Сам Клавдий погрузился в состояние дремотного безразличия, когда буря, вызванная его открытием, улеглась. "Где императрица?" - спросил он, сидя за ужином в ночь после ее смерти и заметив пустое место на диване. Нарцисс ответил ему, что она мертва, и больше он ничего не спрашивал. Но дворец вокруг его дремлющей фигуры вскоре начал гудеть от противоречивых интриг за право наследования ее покоев. Дамы, которые с нервной осторожностью посещали Палатин при жизни Мессалины, теперь приезжали, чтобы продемонстрировать свои прелести и выразить свою нежность обожаемому императору. От мрачной ночи трагедии Рим с облегчением перешел к легкому наслаждению новой комедией. Вольноотпущенники, окружавшие и контролировавшие Клавдия, выбирали своих кандидатов.

В речь, которую Нарцисс побудил его произнести перед прусской гвардией, Клавдий вставил одно собственное чувство. Он поклялся, что больше не женится. В его окружении были дамы, такие как Кальпурния и Клеопатра, которые поддержали бы это решение; но вольноотпущенники решили, что он должен капитулировать при столь справедливой осаде, и было бы лучше принять участие в создании новой императрицы. Каждый из греков выбрал свою даму. Нарцисс, получивший за свое рвение высокую государственную должность, поддержал кандидатуру Элии Петины, с которой Клавдий легкомысленно развелся двадцать один год назад. Каллист выступил в защиту Лоллии Паулины, богатой и красивой женщины, которую Калигула оторвал от мужа и так несправедливо использовал. Управитель Паллас оказался более удачлив в своем выборе. Он выступал за брак с Агриппиной, и, поскольку мысли Агриппины совпали с мнением ее сторонника более решительно, чем это, по-видимому, случилось в случае ее соперниц, его кампания увенчалась успехом. Она обнаружила самую нежную и внимательную привязанность к своему дяде, усердно посещала его и уговорила обручить его дочь Октавию со своим сыном Луцием Домицием (впоследствии Нероном).

Октавия уже была обручена, и Агриппина, как говорят, устранила первое препятствие на пути ее замыслов жестоким и беспринципным поступком. Нам говорят, что она побудила и, по крайней мере, ясно, что она позволила подхалиму Вителлию, который поддерживал ее иск, обвинить молодого человека, с которым была обручена Октавия, в кровосмешении со своей невесткой. Тацит настолько низко оценивает молодых людей и их поколение, что не считает это обвинение серьезной клеветой. Однако он настаивает на том, что Агриппина сфабриковала дело против них и таким образом начала свою мрачную императорскую карьеру с преступления.

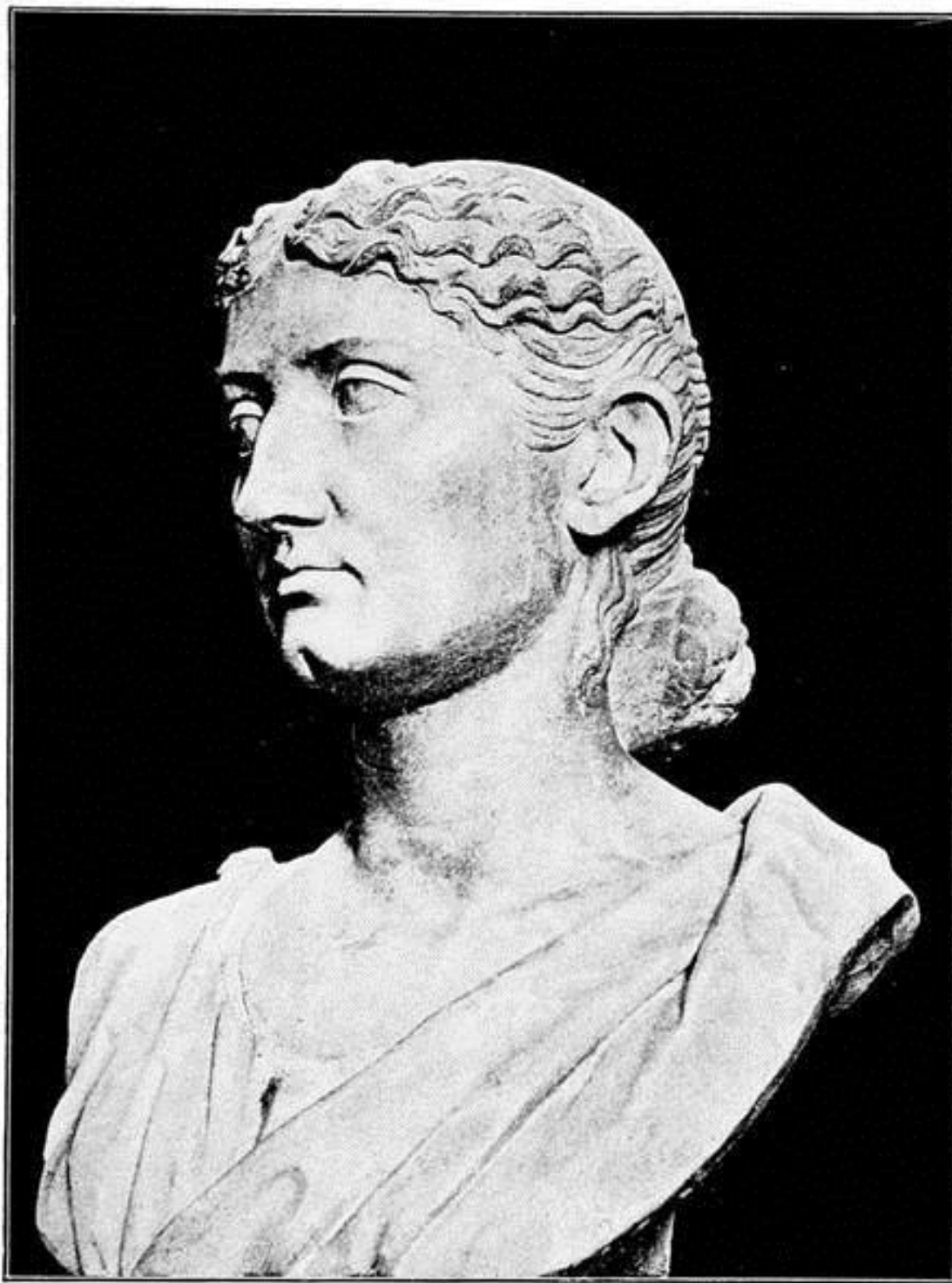
Мы приближаемся к поколению, в котором жил великий историк, и рассматриваем ту самую женщину, чьи мемуары снабдили его более серьезными обвинениями против ее соперниц и предшественниц. Поэтому может показаться странным, что, если мы будем послушно следовать нашим авторитетам, мы должны приписать самой Агриппине очень порочный и беспринципный характер. Мы отвергли слухи о том, что она отравила своего второго мужа, но это далеко не единственное обвинение, которое выдвигается против нее до того, как она вышла замуж за Клавдия. Власти единодушно утверждают, что она имела кровосмесительные отношения с Калигулой в ранней юности, была печально известна своими похождениями при жизни Мессалины, а теперь очень грубо предоставила в распоряжение Клавдия все почести, которые у нее были. Эти обвинения мы не можем контролировать. Позже мы найдем еще более серьезные обвинения в ее адрес, и нам придется относиться к ним сдержанно или с откровенным недоверием. Это была литературная мода - делать супругу Сезара императорской в своих пороках. В целом, однако, мы вынуждены думать, что старшая дочь Агриппины и Германика имела отпечаток своего рода. Она унаследовала мужественные амбиции своей матери и была еще менее щепетильна в их реализации. Лучшее, что можно сказать о ней, - это то, что она стремилась скорее устроить будущее своего сына, чем свое собственное. И когда этот сын оказывается императором Нероном, убийцей своей матери, мы склонны читать ее историю со снисходительным чувством жалости.

Когда старшая Агриппина была изгнана Тиберием, как мы видели, в 12 году н. э., ее дети воспитывались в доме своей бабушки Антонии. В этом простом доме старой римской добродетели Калигула, как говорят, заразил и развратил всех своих сестер. Агриппина покинула его на тринадцатом году жизни, чтобы выйти замуж за кн. Домиция Агенобарба. Поскольку мнения властей относительно его характера резко расходятся, мы не можем

проследить его влияние на развитие ее характера. Он умер в 40 году, оставив ее с трехлетним мальчиком Луцием Домицием. Агриппина была еще молодой и красивой женщиной, и, как говорят, пользовалась свободными нравами римского общества, пока, как мы видели, отношение Мессалины не заставило ее выйти замуж. Вскоре она во второй раз стала вдовой, обладая значительным богатством. После смерти Мессалины ее честолюбие возродилось, и она стала оказывать Клавдию самые притягательные и вопиющие знаки внимания. Мы выйдем за рамки хроники, если предположим, что она подкупила Вителлия и Палласа для продвижения своего иска. Достаточно сказать, что они преодолели нежелание Клавдия и получили материальную выгоду от ее вступления на престол.

Клавдий признался, что ему не хотелось жениться на своей племяннице, и предложил удочерить ее как свою дочь. Эта пустая честь вряд ли была достаточным вознаграждением за ежедневное созерцание его дряхлости и чувственности. Вителлий убедил его подчиниться своему нежному чувству сенату и народу, а затем искусно представил сенаторам, что, если Клавдий женится на Агриппине, она избавит их от ненавистного влияния вольноотпущенников. Тацит, чье презрение к покорному сенату ранней империи всегда усугубляет его комментарии к их поведению, описывает, как они мчались друг за другом во дворец, чтобы сообщить Клавдию о своем решении, и как народ, не исключено, подстрекаемый Вителлием, собрался под Палатинским холмом и ратовал за этот брак. Тупой и слабохарактерный Клавдий согласился, и через несколько дней, в 49 году, Агриппина стала шестой императрицей Рима. Она и не подозревала, что вступает в последнее десятилетие своей богатой событиями жизни и что оно завершится самым ужасным образом.

Ей шел тридцать третий год, Клавдию - пятьдесят восьмой. Годы чувственных наслаждений не улучшили ни его характер, ни его ум, и никто в Риме не мог рассчитывать, что он проживет больше тех нескольких лет, которые ему оставались. Агриппина ждала того времени, когда она станет единоличной хозяйкой империи. Ее прекрасная статуя, выставленная в Латеранском музее, имеет нравственную физиономию, настолько согласующуюся с подлинными записями о ее карьере, что мы с уверенностью представляем ее себе. В ее лице и фигуре есть все, что слово "императорская" вызывает в воображении. Надменная, сильная и спокойная в своей самоуверенности, она потеряла последний оттенок страха с уходом Мессалины и имеет величественный вид владычицы мира. Ее низкий лоб и крупный, тонко вырезанный овал лица, по мнению некоторых физиогномистов, несут в себе все признаки чистоты и утонченности, но внимательный наблюдатель обнаружит в ее чертах лишь утонченность страстей, которую можно было бы ожидать от ее честолюбия. Одним словом, это лицо женщины, которая не опустится до порока или преступления, чтобы удовлетворить чувственный порыв, но может прибегнуть к любому из них, когда ее честолюбие придает этому определенную целесообразность.

АГРИППИНА МЛАДШАЯ

БУСТ, МУС. НАЗ., НАПЛЕС

Карьера Агриппины показывает, что она действительно была моральной оппортунисткой такого характера. Мы не должны осуждать ее честолюбие. Несчастливым было бы государство, в котором мужчины и женщины не были бы порой воодушевлены желанием использовать свои силы более энергично, чем их собратья. Но невозможно игнорировать настойчивые и гармоничные заявления латинских историков о том, как Агриппина реализовывала свои амбиции. Мы можем не замечать амурных приключений ее ранних лет; мы можем отвергнуть как легкий и неправдоподобный слух, который охотно подхватывают распутные дневники,

обвинение в том, что она делала какие-либо бесчестные авансы Клавдию до своего замужества, или управляющему Палласу, или ее сыну Нерону в более поздние времена; и мы можем колебаться, признавая, что она была причастна к убийству Клавдия. Но мы не можем найти никаких других мотивов, кроме не слишком приятных амбиций, в ее браке с престарелым и отталкивающим императором, и у нас есть серьезные основания подозревать ее в поведении, которое во многих последующих событиях было не менее преступным.

Самой грозной из ее соперниц за трон была Лоллия Паулина. Красивая, богатая и популярная, бывшая жена Калигулы, казалось, угрожала безопасности Агриппины. Стремясь избежать скалы наследственной власти, римляне направили свое судно в Харибду интриг, и любой видный мужчина или женщина с опаской относились к тем, кто носил пурпур или стремился его носить. У Агриппины была сильная и законная надежда, но не гарантия, что ее сын добьется успеха. Сын Мессалины, юный Британик, был болен и страдал эпилепсией, и его вообще не принимали во внимание в рассуждениях о престолонаследии. Поэтому вполне естественно, что римские сплетники обвинили Агриппину в уничтожении Паулины, и Тацит не менее щедр в изложении обвинений против нее, чем в признании ее клеветы на Ливию. Он утверждает, что именно императрица убедила Клавдия преследовать Паулину по обвинению в том, что она консультировалась с оракулами и астрологами о продолжительности своего брака, и что, когда ее имущество было конфисковано и она была отправлена в ссылку, Агриппина послала солдата, чтобы заставить ее совершить самоубийство. Дио, как обычно, улучшает повествование. Он описывает, как Агриппина злорадствует над кровоточащей головой своей соперницы, как Фульвия радовалась голове Цицерона, и открывает рот, чтобы увидеть некоторые особенности зубов, по которым можно было бы ее опознать.

Роковой недостаток более яркого рассказа Дио в том, что, как мы знаем из Плиния, двойные клыки, о которых он говорит, принадлежали самой Агриппине, а не Паулине, и считались верным предзнаменованием удачи. Однако суть этой истории мы не можем легкомысленно отвергнуть. Красивая и счастливая женщина была доведена до смерти не по более серьезной причине, чем, в крайнем случае, праздное покровительство восточных шарлатанов, которыми в то время изобиловал Рим; и, поскольку такие консультации с оракулами были обычным делом, должна была существовать особая причина для выбора Паулины. Мотив, предложенный Тацитом, слишком вероятен. Он добавляет, что Агриппина также изгнала женщину по имени Кальпурния. Если мы можем отождествить эту даму с той Кальпурнией, чьи услуги Клавдию были настолько любезны, что позволили ей раскрыть ему преступления его возлюбленной Мессалины, то она вряд ли долго оставалась во дворце Агриппины.

Если не считать подобных эпизодов, когда ревность или скупость заставляли ее недостойно использовать свою власть, она правила разумно и исправно. Клавдию шел шестидесятый год. Его слабый ум был в полном упадке, и было уместно и полезно, чтобы Агриппина правила от его имени. О ее деятельности свидетельствует чеканка монет того времени. Живой памятник ее правления находится в городе Кельне, который она основала как форпост цивилизации на самых дальних рубежах империи под названием *Colonia Agrippina*. Она придала достоинство и этикет легкомысленному двору Клавдия, имела право входить в пределы Капитолия и ездить на позолоченной императорской колеснице, а когда в Рим привезли знаменитого британского принца Карактака, ее трон был поставлен рядом с троним императора. Более древняя римская идея о женской сфере теперь была дискредитирована философами и презрительно игнорировалась самими женщинами, но

граждане двигались медленно, и было много недовольства и консультаций с астрологами. Их изгнали из города, но в охраняемых покоях патрицианских семей они продолжали, одетые во внушительные халдейские одежды, составлять гороскопы и размахивать сверхъестественными жезлами над своими символическими треножниками - примерно так, как это делают сегодня на Бонд-стрит. Более просвещенный читатель, склонный относиться к суевериям со снисхождением, должен задуматься о том, что пророки могли иногда, чтобы оправдать свое искусство, поддаваться искушению оказать небольшую человеческую помощь, когда природа медлила со смертью, которую так ясно предсказывали планеты.

Во дворце все заботы Агриппины были сосредоточены на воспитании сына для пурпура. К радости Рима, она вызвала из изгнания философа Сенеку и поручила ему обучение сына. Когда в последующие годы раскрылся истинный характер Нерона, было сказано, что Сенека всегда недолголюбил его и даже предсказывал, что мальчик станет диким чудовищем. Сам же Сенека говорит лишь о том, что мальчик был избалован, а его воспитанию мешала мать. Нерон прилетал к Агриппине, когда Сенека пытался сдержать его порывы, и весь урок пропадал в ее неосмотрительных ласках. Не считая этой неестественной слабости, Агриппина прилагала самые похвальные усилия, чтобы подготовить сына к трону. Развращенный воспитатель, которого Мессалина привела во дворец, был уволен - Дио говорит, что он был казнен за покушение на жизнь Луция Домиция, - чтобы освободить место для самого выдающегося моралиста того времени, а военное обучение было поручено Буррусу, о честности которого мы узнаем в ближайшее время. Паллас был награжден такими почестями, каких не удостоивался ни один вольноотпущенник, а Вителлий был избавлен от какого-то неясного обвинения в заговоре и восстановлен в своем звании.

Агриппина теперь обладала огромным богатством и властью. Она разъезжала по Риму на великолепной колеснице, щеголяла драгоценностями императорского дома и получала подарки со всех концов земли. Среди редких подарков, присланных в знак примирения, были белый соловей, который стоил 6 000 сестерций, и говорящий дрозд. Должно быть, задержка Клавдия была ей неприятна, но необходимо было обеспечить преемственность сына до смерти императора. Единственным очевидным препятствием был мальчик Британник, который, будучи сыном Клавдия и Мессалины, имел более справедливый титул для избрания. Однако он был подвержен эпилептическим припадкам, слаб здоровьем и раздражителен нравом. Агриппине не составило труда оттеснить его в сторону в пользу своего собственного красивого и привлекательного мальчика. *Tora virilis*, или мужское одеяние, обычно надевалась римским юношей в семнадцать лет, но в случае с принцами этот возраст был предвосхищен, и Домиций должен был получить ее в конце 50-го года. Однако в течение года природные судороги так явно предвещали какое-то важное событие, возможно, переход Клавдия к своим божественным предшественникам, что Агриппина потребовала немедленного проведения обряда. На небе показались три солнца, землетрясение сотрясло твердую землю, а на храм сели птицы со злым предзнаменованием. Клавдий согласился, и будущий император, чье имя было изменено на Нерон, был преждевременно наделен мужским достоинством и другими высокими отличиями. Он вступил в жреческую коллегию, получил полномочия проконсула, маршировал во главе стражи и привлекал внимание всех на играх знаками своего мужского достоинства, в то время как Британник сидел в *претекстах* и *буллах* мальчика. Именно Нерон выступал в сенате в защиту бедствующих городов, именно Нерон был назначен претором, когда Клавдий отсутствовал в Риме. В 52 году он был женат на Октавии, и весь Рим считал его фактическим наследником трона.

Нет никаких сомнений в том, что Агриппина не испытывала никакой привязанности к Клавдию и, должно быть, с нетерпением ждала его смещения, когда престолонаследие будет обеспечено ее сыну. Безусловно, Рим придерживался этой точки зрения и интерпретировал события последующих лет в соответствии с ней. Поэтому мы должны быть готовы к тому, что в хрониках об этом времени будет много клеветнических домыслов. Сервез, который никогда не может устоять перед очарованием скандала, дает нам живую картину того, как Агриппина опускается до любых пороков и преступлений ради удовлетворения своих амбиций. Возможно, нам придется рассказать менее романтическую историю, но она будет достаточно романтической.

Очевидно, что теперь императрица вступила в конфликт с Нарциссом, вольноотпущенником, который погубил Мессалину, а затем поддержал иск Илии Петина в противовес ее собственному. Ее критики предполагают, что она хотела убрать этого верного слугу, чтобы легче было покушаться на жизнь императора, но это предположение излишне. Нарцисс обнаружил, что вольноотпущенник-соперник Паллас вознесен до столь высоких почестей, и почувствовал, что его собственные заслуги в разоблачении Мессалины были так скоро забыты, что он явно интриговал против Агриппины. Тацит утверждает, что именно он распространил слух, который достиг ушей Клавдия, что Агриппина была слишком близка с Палласом. Мы не в состоянии проверить, насколько правдиво или неправдиво это обвинение, и можем его отвергнуть. Агриппина рано воспользовалась случаем, чтобы напасть на грека и дискредитировать его. В центре италийских холмов находилось Фуцинское озеро, которое не имело регулярного выхода и часто вызывало катастрофические наводнения. Клавдий приказал проложить канал, чтобы отвести излишки воды в реку, и отпраздновал его открытие в 52 году морским сражением на озере. Было воздвигнуто три трона: один для кивающего, тяжело дышащего императора, который каким-то образом был втиснут в сверкающие доспехи, один для Агриппины в ее одеянии из золотой ткани и один для Нерона.

Спектакль не прошел гладко, и Агриппина не пощадила Нарцисса, который им управлял. Большие корабли остановились перед императором, и люди, которым предстояло рисковать жизнью или погибнуть, чтобы развлечь его, произнесли обычное приветствие. Забыв, что, ответив на приветствие, он освобождает их от опасной обязанности, Клавдий приветствовал их, а они требовали права воздержаться. Суетоний описывает императора как бегущего вдоль озера и гневно призывающего их к бою. Битва продолжалась, но в конце выяснилось, что воду невозможно спустить, и Нарцисс подвергся горьким нападкам. Представление повторилось позже, когда работы были признаны законченными, но несколько человек утонуло, и ссора возобновилась с новой силой. Агриппина предположила, что средства, выделенные на это мероприятие, были растрачены; Нарцисс отбил атаку, обвинив императрицу в честолюбии.

Император заметно сдавал, и в Риме царил большое волнение, когда в начале 54 года природа вновь возвестила о том, что в барабане судеб должна появиться какая-то волнующая глава. Штандарты и палатки солдат были объаты таинственным пламенем; кровавый дождь, в котором современный натуралист, несомненно, обнаружил бы невинный микроб, охватил ужасом одну часть империи, а рождение свиньи с когтями, похожими на когти ястреба, вызвало такое же смятение в другой; в то время как Рим с повторными потрясениями услышал, что двери храма Юпитера были открыты невидимыми руками, а на его небе появилась ужасная комета, за которой последовала обычная чума. Еще более значимым для благоразумных людей, пожалуй, было сообщение о том, что Клавдий,

вернувшись на обед во дворец после суда над взрослой женщиной, мрачно заметил, что ему не везет в браках; он наказал одну неверную жену и будет знать, как поступить с другой.

В этом замечании Клавдия мы видим не более чем отголосок шепота Нарцисса, но можно представить, как Рим, должно быть, пульсировал ожиданиями и изобиловал сплетнями в начале 54 года. Вера в природные оракулы также не была разочарована. Две трагедии были добавлены в мрачную летопись города в этом году, и в обеих наша императрица обвиняется в преступных действиях.

Первой была приговорена к смерти одна из величайших дам Рима, Домиция Лепида, невестка императрицы; и в этом случае есть все основания подозревать виновность Агриппины. Когда Агриппина была изгнана Калигулой, ее мальчик несколько лет жил у сестры своего отца, Домиции Лепиды, матери Мессалины. Лепида была гораздо снисходительнее Агриппины к хорошенькому и своенравному ребенку, и, когда мать вернулась в Рим и он был возвращен ей, между двумя женщинами началась ожесточенная борьба за его привязанность. Когда стало ясно, что он унаследует пурпур, борьба стала еще более страстной. Нарцисс увидел в ней возможность избежать гибели, которая постигла бы его, если бы Агриппина получила всю полноту власти, и, оправдывая свое обвинение в непостоянстве перед императрицей, он убедил Клавдия сделать Лепиду опекуном Нерона. Весьма вероятно, что эта интрига Нарцисса - единственный источник обвинения в распутстве, выдвинутого против императрицы в зрелые годы.

Разгневанная и встревоженная ожидаемой смертью Клавдия, она решилась на смелый шаг и обвинила Лепиду в преступном поведении. Насколько Лепида была виновна, мы не можем сказать, но поскольку ее обвиняли только в том, что она поносит брак императора и не контролирует своих калабрийских рабов, ставя под угрозу общественное спокойствие, благоразумный читатель оправдает Агриппину в том, что она лишь преувеличила факты. Однако этого преувеличения хватило, чтобы погубить ее выдающегося соперника. Нерон, воспитанный своей матерью, дал показания, что тетка пыталась отвлечь его от себя; ее вполне естественные замечания по поводу брака императора приняли мрачную форму магических проклятий; ее приговорили к смерти.

Но эти живые конвульсии природы предвещали нечто более судьбоносное, чем смерть знатной матроны, и Рим продолжал ждать великой трагедии. Вскоре было объявлено, что Нарцисс удалился в Синуэссу для лечения подагры.⁹ Теперь император был полностью окружен приверженцами Агриппины, и мы вполне можем понять убежденность Рима, когда Клавдий тяжело заболел на пиру и умер через двадцать четыре часа. Тацит решительно приписывает его смерть жене. Один только Суетоний говорит, что, хотя было точно известно, что Клавдий был отравлен, не было определено, кто виновен; слабый запас, поскольку Агриппина была так сильно заинтересована в его смерти.

Неудивительно, что историки последнего времени в целом следовали Тациту. Роргас де Сервез, который редко имеет такие достаточные основания для преступлений, которые он так любит приписывать, без малейших колебаний возлагает вину за убийство на Агриппину. Меривейл не видит оснований для сомнений, хотя и указывает на ряд несоответствий на страницах Тацита. Мистер Хендерсон придерживается традиционной версии в своем недавнем и проницательном исследовании царствования Нерона.¹⁰ Но мистер Баринг-Гулд настаивает на том, что смерть Клавдия была вполне естественной, и любой честный исследователь доказательств должен признать, что они неубедительны.

Факты таковы: 12 октября 54 г. н. э. Клавдий вместе с Агриппиной присутствовал на пиру в коллегии священников. После того как он съел несколько грибов (или инжира, по мнению

других) с поданного блюда, ему стало плохо, и его вырвало. Его отвезли обратно во дворец, за которым присматривал его (и Агриппины) лекарь, но постепенно он понемногу слег и утром 13-го числа скончался. По версии противников Агриппины, она наняла известную отравительницу Локусту - галльскую женщину, которая, несомненно, была в Риме в то время, а затем была нанята Нероном, чтобы приготовить медленный яд ("лекарство, которое нарушит его разум и приведет к медленной смерти", - говорит Тацит). Предполагается, что он был подмешан в прекрасный гриб (или смокву), который принял Клавдий, когда Агриппина съела один из них с блюда, чтобы подбодрить его. Он упал и его начало рвать, и, согласно теории, Агриппина, опасаясь, что он может поправиться и заподозрить ее, вызвала врача Ксенофонта, своего иждивенца, который пощекотал горло императора отравленным пером и покончил с ним.

Мистер Баринг-Гулд отмечает, что, поскольку Тацит прямо описывает яд как "медленный", Агриппина вряд ли могла удивиться и встревожиться, когда яд не подействовал сразу. Он делает вывод, что у Клавдия было сильное несварение желудка из-за того, что он съел слишком много фиг. Эта версия не более убедительна, чем противоположная. Приступ рвоты, будь то естественная причина или непреднамеренное действие яда, мог бы легко встревожить Клавдия, который был очень подозрителен, и побудить Агриппину к действию. Приступ несварения желудка, с другой стороны, вряд ли произвел бы столь бурный и немедленный эффект. Обстоятельство щекотания горла перышком, чтобы вызвать рвоту и в то же время ввести яд, озадачивает; но это был век мастерства в отравлении, и подвиг мог быть возможен. Вопрос должен оставаться открытым. Несоответствия в рассказе не являются для него фатальными, но сама история - не более чем пересказ римских сплетен, которые во все времена были скорее пристрастными, чем щепетильными. Проблема на самом деле зависит от характера Агриппины, а он достаточно неоднозначен, чтобы заставить нас колебаться. Можно просмотреть записи о ее карьере с самым проникательным милосердием и не обнаружить ни одного явного признака высокого характера, в то время как гибель Лоллии Паулины, Домиции Лепиды и других можно с уверенностью отнести на ее счет. Мы можем лишь заключить, что она вполне могла ускорить смерть своего мужа и не имела в этом никакого легкого интереса; однако обстоятельства его смерти вполне согласуются с более добрым мнением, что она произошла из-за его собственной неводержанности. Однако мы еще не подошли к концу ее карьеры, и может показаться, что ее поведение после смерти Клавдия подтверждает более мрачную оценку ее характера.

Злопыхатели Рима непременно стали бы агитировать в пользу Британика, если бы престол не был закреплен за Нероном до того, как стало известно о смерти Клавдия. Искусство, с которым Агриппина предотвратила эту опасность, может вызвать у нас восхищение ее мужественностью и проникательностью, но неизбежно снизит нашу оценку ее чувствительности. Она объявила, что Клавдий опасно болен, и созвала собрание сената. Сознывая, что слуги дворца обычно получают жалованье от кого-то постороннего, она поставила стражу у каждого входа в покои покойника и придумала и осуществила трагикомедию самого необычного характера. Одежда была натянута на безжизненное тело, бинты и припарки были демонстративно приложены к нему слугами, и даже мимы, которые имели обыкновение танцевать, звонить в колокольчики и шутить перед императором, были приглашены, чтобы исполнить свои шутки в камере смерти. В соседней комнате Агриппина присоединила свои супружеские рыдания к причитаниям юного Британика. Нас просят поверить, и нам нетрудно поверить, что, прижимаясь к плачущему юноше, она просто с холодным расчетом не давала ему покинуть дворец, чтобы он не попался на глаза

гвардейцам или какому-нибудь честолюбивому партизану и не был провозглашен императором.

К полудню приготовления ее агентов были завершены. Ворота дворца были распахнуты, и Нерона вывели под присмотром его военного наставника Бурруса, командира гвардии. Несколько голосов пробормотали имя Британика, но крик был слабым, а ответ - незначительным. Гвардейцы давно привыкли видеть превосходство Нерона над болезненным молодым принцем, и их поддержка была обеспечена щедрым обещанием денег. Они проводили Нерона в сенат и попросили этот беспомощный орган принять его. В тот же вечер гонец от Агриппины принес в Синуэссу весть о том, что Нерон стал императором. Нарцисс проиграл, и его фигура исчезла со сцены вместе с неизбежными слухами о том, что он был заключен в тюрьму или отравлен Агриппиной.

Когда в ту ночь гвардейцы пришли к Нерону, чтобы узнать, что такое караул, он сказал им: "Лучшая из матерей", и Агриппина с высоты своего роста уверенно смотрела в будущее. В течение пяти лет ее сын с ужасающей жестокостью предаст ее смерти и будет глумиться над ее обнаженным телом. Никто из сотен тысяч людей, приветствовавших его с диким восторгом и улыбающихся его милым неровностям, не мог предвидеть столь быстрой и грозной деградации. Тогда ему было семнадцать лет, он был поразительно красив и лицом, и фигурой, с серо-голубыми глазами, светлыми вьющимися волосами и точеными конечностями. Его наставник по оружию называл его "молодым Аполлоном". Но его моральный и интеллектуальный воспитатель потерпел такую же неудачу, как и его физический воспитатель. Сенека тщетно пытался заложить в его сознание зачатки благородной стоической философии. Во все времена люди спорили, кто виноват - учитель или учение, а евгеническая школа нашего времени освободила бы от порицания и того, и другого, считая разум Нерона неизлечимо испорченной почвой. Можно осмелиться не согласиться с обоими и задаться вопросом, не сыграли ли обстоятельства большую роль в его деморализации. Как бы то ни было, его приход к безответственной власти в таком возрасте, в таком окружении, которое мы узнаем о нем, был трагедией. Его настоящими советниками были молодые люди, чуть старше его самого и лучше разбирающиеся в роскоши и пороке; и первое, что он сделал, пользуясь своей императорской властью, - это отбросил трактаты моралистов и отдал все свое внимание искусству, гонкам на колесницах и распутству. Как зловеще он использовал поздние или ранние часы дня, и в каком меланхоличном состоянии, должно быть, находилась его жена, мы увидим в следующей главе. Здесь же мы должны рассмотреть только его отношения с матерью.

В течение нескольких лет после воцарения Нерона его мать охотно и с пользой правила от его имени. Не следует думать, что она с проницательностью Марии Медичи воспитала в нем безразличие к политике, чтобы потакать собственным амбициям. Назначение Сенеки его воспитателем - самый похвальный, хотя, к несчастью, и самый бесполезный поступок в ее карьере. Однако, когда молодой император отказался интересоваться проблемами серьезнее, чем искусство управлять колесницей или играть на флейте, она взяла на себя его императорские обязанности или продолжила участвовать в управлении империей, как это было при Клавдии. Она принимала посольства, ее окружала специальная германская охрана, когда она отправлялась за границу, и на чеканке монет она ассоциировалась с Нероном. Трудно точно оценить влияние, которое она оказала на римские дела в этот период, поскольку Сенека и Бурр играли равную, если не большую, роль в правительстве; но можно с некоторой честью для нее напомнить, что первые четыре года правления Нерона были одними из самых счастливых и процветающих, которые Рим наблюдал в течение первого века.

Первым, что помешало ей благополучно и счастливо использовать власть, было некоторое недовольство, вызванное старым предубеждением против женщин в политике. Сенаторы были раздражены тем, что она неосмотрительно прислушивалась к их дебатам. В это время они собирались в императорской библиотеке, а императрица пробила в нее дверь из дворца и сидела за занавеской, слушая. Говорят, что сенаторы наказывали ее за неосмотрительность нелестными замечаниями во время дебатов, хотя трудно поверить, что они еще были способны на столь смелый протест. Однажды в Рим прибыло важное посольство из Армении, и Агриппина заявила, что будет сидеть рядом с Нероном, когда он будет его принимать. Это, по-видимому, было поразительным нововведением, и Сенеке пришлось предотвратить неприятности, посоветовав Нерону спуститься с трона, когда войдет его мать, и ласково вывести ее из комнаты.

Случившийся вскоре инцидент послужил ядром для выкристаллизации этого распространенного раздражения. Умер знатный дворянин Юний Силан, и знакомый шепот о нечестной игре вновь пронесся по всем слоям горожан. Его брат Луций Силан был тем самым молодым аристократом, который был обручен с Октавией и так жестоко разлучен с ней Агриппиной. Разве не естественно, что Юний Силан захотел отомстить за своего младшего брата, а Агриппина обнаружила его заговор и отстранила его от дел? Тацит и Дио полностью верили в это. Однако, как и во многих других подобных случаях, единственным основанием для обвинения, насколько нам известно, является тот факт, что Силан, несомненно, умер, и мы не будем тратить время на его обсуждение. В сенаторе было так мало от заговорщика, что даже Калигула называл его "золотой овцой". Но Рим был убежден, что императрица виновна, и распространилась история, которую полностью подтверждает Тацит, что она задумала длинную серию казней тех, кто противостоял ее прогрессу, и что Сенека и Бурр должны были сдерживать ее кровавую мстительность.

Можно не согласиться с этим обвинением на основании столь скудных и спорных доказательств; но Агриппина теперь навлекла на себя гнев своего сына и стремительно падала с высоты своего могущества. Молодой император, как я уже говорил, воспользовался своей императорской лицензией, чтобы игнорировать своих наставников и потакать своим низким и чувственным вкусам. Он привлек на свою сторону группу самых рассеянных молодых людей в городе, и о его ночных подвигах заговорил весь Рим. Одной из менее болезненных его поблажек была страсть к Акте, красивой вольноотпущеннице с восточного рынка, которую Дюма сделал знакомой. Агриппина возмутилась этой связью - видимо, из чувства справедливости к Октавии - и упрекнула Нерона. Он ополчился на нее, когда она попыталась пресечь его развратные действия, и пригрозил уволить ее любимца Палласа. Агриппина была встревожена. Она видела, что вокруг ее сына выросла мощная партия, глубоко враждебная ей самой, и чувствовала, что поддержка Сенеки и Бурра уходит. Она перестала говорить об Акте и с тихой тревогой наблюдала за грубыми выходками сына, которые он демонстрировал на улицах каждую ночь. Примирение такой дорогой ценой не могло быть долгим. Вскоре после этого Нерон прислал ей несколько богатых драгоценностей и одеяний из императорских сокровищниц. Она решила расценить это как напоминание о том, что императорский гардероб больше не в ее распоряжении, и гневно отказалась от подарков.

Палласа сразу же обвинили в государственной измене. Обвинение было настолько неуклюжим, а Сенека так умело его защищал, что его пришлось оправдать; но Агриппина в своей победе забыла о благоразумии. В ходе ссоры с Нероном она пригрозила, что вместе с Британником уйдет в лагерь прусской гвардии и провозгласит его императором. Это привело лишь к тому, что Нерон начал свою долгую преступную карьеру. Несколько месяцев - мы все

еще находимся в начале 55 года - безудержной свободы и лести уничтожили те крохи моральной сдержанности, которым его научил Сенека, и он решил убить Британника. В римской тюрьме сидела искусная отравительница Локуста, которую Агриппина, как считалось, использовала для убийства своего мужа. Нерон приказал ей приготовить смертельный яд, а когда первая попытка не удалась, велел привести ее во дворец. Ударами и клятвами он заставил ее под его взглядом приготовить более смертоносное лекарство, и оно было использовано в тот же вечер. Британник сидел со своими друзьями на одном из диванов в столовой дворца и просил выпить. Стояла зима, и вино (а не суп, как говорит Сервез) было подогрето. Он пожаловался, что оно слишком горячее, и яд был введен вместе с охлаждающей водой, чтобы дегустатору не пришлось делать второй глоток.

В комнате воцарился ужас: Британик, корчась от боли, опустился на пол. Октавия в безмолвном ужасе сидела рядом с мужем, который небрежно заметил, что у Британника один из его обычных эпилептических припадков. Агриппина открыто выказала свой ужас и отвращение, и с этого момента сын стал относиться к ней с ожесточенной враждебностью. Независимо от того, правда ли, что Нерон забелил мелом пятна, выступившие на теле, суть истории нельзя опровергнуть. Правда, Нерону было всего восемнадцать лет, но его поведение было порочным и разнузданным до преступной степени. В течение очень короткого времени мы увидим, что он опустился до самых низких глубин жестокости. Тот факт, что его восхваляют в трактате "О милосердии", который Сенека написал примерно в это время, может свидетельствовать только о том, что слишком снисходительный воспитатель отказывался верить в преступление, или о том, что, как у нас есть слишком много причин знать, выдающийся стоик подошел очень близко к тому искусству казуистики, в котором моралисты многих школ были склонны преуспевать.

В своем отвращении к преступному деянию Агриппина сблизилась с нежной и добродетельной Октавией и противопоставила Нерону суровость, которую слишком долго откладывала. Пропасть между ними расширялась. Однажды Нерон приказал выдать два с половиной миллиона денариев своему любимому секретарю. Агриппина заставила поднести эту массу монет к глазам императора, чтобы тот осознал свою расточительность. Он со смехом заметил, что не считает эту сумму такой уж маленькой, и приказал удвоить ее. Чем больше он расточал, тем тщательнее Агриппина экономила, пока легкомысленные или злобные спутники его пирушек не предположили, что она собирает средства для того, чтобы свергнуть его с трона. Он тут же отозвал приставленную к ней охрану и приказал ей покинуть дворец.

Агриппина лишь год наслаждалась властью, которой так долго добивалась. Ей шел только сороковой год. Царские посланники смиренно склонялись к ее ногам, а ее повозка и охрана промелькнули по улицам Рима с таким впечатлением величия, какого не было ни у одной известной в то время женщины. Но бразды правления перешли из ее рук в руки ее жестокого сына и его презренных придворных. Из дворца она с несколькими преданными сторонниками перебралась в небольшой особняк своей бабушки Антонии, и подхалимы-придворные покинули ее. Благородные горожане, наблюдая за стремительной деградацией императорского дома, с сочувствием следили за ней, но мало кто решался навестить ее в одиноком особняке. К несчастью, с одним из них она поссорилась и едва не лишилась жизни.

Ее давняя подруга Юлия Силана, женщина с большим состоянием, но очень блеклой красотой, предложила выйти замуж за молодого красивого римского рыцаря. Агриппина неосмотрительно посоветовала ему не жениться на женщине столь преклонных лет и с таким авантюрным послужным списком. Ее слова повторила Юлия, и дружба сменилась самой

лютой враждой. Юлия Силана была бездетна, и есть предположение, что Агриппина надеялась унаследовать ее богатство, если она умрет незамужней. Независимо от того, верила она в это или нет, Юлия прониклась к ней глубокой ненавистью и побудила двух своих клиентов обвинить Агриппину в государственной измене. Нерон, по-видимому, находился в неуверенном настроении, и для его победы был придуман хитроумный план.

Однажды вечером, когда он, раскрасневшийся от вина, лежал после пира, к нему пришел развлечься его любимый комедиант Парис. Нерон заметил, что тот взволнован и менее весел, чем обычно, и спросил о причине. Парис, состоявший на службе у заговорщиков, с художественными слезами признался, что готовится заговор с целью свержения его благородного господина, что Агриппина собирается выйти замуж за Рубеллия Плавта, сенатора императорского происхождения, и захватить трон. Опьяневший император тут же потребовал их головы, но Сенека и Бурр сдержали его и заставили выслушать Агриппину на следующий день. В своей речи, которую сохранил Тацит, она опровергла и разгромила своих обидчиков с такой энергией, что, по-видимому, примирилась с Нероном и восстановила свою власть. Юлия Силана была изгнана, камергер Домиция (который руководил актером) казнен, а сторонники самой Агриппины были вознаграждены.

Два года, последовавшие за этим примирением, неясны, и мы можем лишь смутно предположить, что Агриппина имела некоторый мир и престиж, но больше не разделяла императорского правления. Затем, в 58 году, на поле боя появилась другая, неожиданная женщина, и Агриппина стремительно погрузилась в пучину трагедии.

В одной из предыдущих глав мы видели, как Мессалина довела до смерти очень богатую и красивую римлянку по имени Пoppея Сабина. Именно ее дочь, унаследовавшая богатство и красоту, теперь привлекала любовные взгляды императора. Она вышла замуж за одного из любимых спутников Нерона, который в своих чашках рассказывал о ее ослепительной красоте и разжигал желание Нерона. В следующей главе мы прочтем о ее природных прелестях, о необыкновенном искусстве, с которым она их культивировала, и о кокетстве, с которым она их использовала, а также о превосходном и сказочном великолепии ее снаряжения. Достаточно сказать, что Нерон посетил ее, узнал, что она согласна быть императрицей, но не любовницей императора, и решил пойти на любые жертвы, чтобы заполучить столь уникальное сокровище. Первой жертвой новой страсти стала Октавия, и нежная и робкая девушка не оказала бы сопротивления. Но Агриппина вступилась за нее с духом, который искупает многое из ее неправильного поведения, и теперь она видела, что ее собственные интересы, как и интересы Октавии, требуют, чтобы она выступила против Пoppеи со всей силой. В этом решении она написала свой смертный приговор, и не без благородства.

Даже если мы откажемся признать некоторые невероятные заявления, сделанные по этому поводу в хрониках, ясно, что за личность императора теперь шла необычайная борьба. Антагонистами были Пoppея и Агриппина. Октавия была одной из тех хрупких, похожих на лилию римлянок, которые никогда не боролись; муж Пoppеи был легко отстранен. Пoppея проявляла жеманство и отказывалась иметь с Нероном только супружеские отношения, используя при этом все свои чары, чтобы разжечь его. Агриппина боролась так отчаянно, что римские сплетники и римские историки приписывали ей самые позорные приемы. Несмотря на выраженное им сомнение, очевидно, что Тацит разделяет народное поверье, о котором он рассказывает, что Агриппина имела обыкновение сидеть со своим сыном в свободных одеждах, когда он был разгорячен вином, и ездить с ним в одной упряжке. Однако Дио защищает ее от этого обвинения (lxi, 11). Он говорит, что одна из куртизанок Нерона была похожа на его мать, и что легкое замечание Нерона по этому поводу послужило поводом для

клеветы. Пoppея не преминула бы поддержать эту историю. С другой стороны, мистер Бэринг-Гулд пытается найти несостоятельную защиту, когда говорит об Агриппине как о "бедной старушке". Ей было всего сорок второй год, и она была женщиной очень красивой и не слишком щепетильной.

Какие бы приемы ни использовала Агриппина в борьбе, она быстро теряла позиции перед столь грозной соперницей, и Пoppея подстрекала Нерона против нее. Он изводил ее судебными исками, когда она находилась в Риме, и посылал людей оскорблять ее, когда она удалялась на свою загородную виллу. Вскоре Агриппина поняла, что ее борьба за власть превратилась в ужасающий опыт борьбы за жизнь с собственным сыном. Нерон предпринял несколько попыток отравить ее, но она была начеку и не поддавалась этому привычному оружию. Говорят, что у нее было противоядие, состоящее из грецких орехов, инжира, руты и соли. Тогда один из вольноотпущенников в свите Нерона предложил более коварный план. В ее загородном доме шел ремонт, и Аникет приказал рабочим распилить тяжелую древесину над ее кроватью, чтобы комната рухнула, когда она ляжет отдохнуть. Однако Агриппина была предупреждена, и заговор был раскрыт.

К началу весны 59 года Нерон погрузился в самое мрачное и горькое уныние. Пoppея продолжала дразнить его зависимостью от матери и демонстрировать свои безумные чары за пределами досягаемости его жаждущих рук. С другой стороны, лучшие граждане Рима уже поняли его ужасный замысел и с тревогой следили за ходом борьбы. Однажды, когда он сидел в театре в таком настроении, его внимание привлекло одно из сложных механических зрелищ, которые часто ставились на сцене в то время. На глазах у зрителей проплыл корабль, разлетелся на куски и выбросил на сцену множество диких зверей. Нерон спросил Аникета, который был искусным механиком, сможет ли он построить корабль, который в нужный момент развалится на куски на воде. Тот пообещал сделать это, и Нерон в более веселом настроении отправился на побережье.

Был март, когда богатые римляне покидали город ради мраморных вилл, сиявших в лучах весеннего солнца на цветущих холмах у северного угла Неаполитанского залива. Сезон начинался с праздника Минервы 19 марта. С некоторым удивлением и подозрением Агриппина, удалившаяся на свою виллу, получила ласковое приглашение присоединиться к своему сыну в Байе на празднике; из других мест она узнала, что он объявил о желании примириться с ней. Она взошла на борт либурнской галеры, стоявшей у садов ее виллы в Антиуме, и отплыла в Баию. Нерон встретил ее на императорской галере, ласково поцеловал и пригласил на банкет, который его друг Оттон, муж Пoppеи, должен был устроить в ту ночь в честь их примирения. Она согласилась, но очевидно, что колебалась между сознанием полной беспринципности своего сына и ярким видением возвращения к счастью, которое он перед ней открывал.

Когда настал час отплытия, ей сказали, что ее галера потерпела аварию, но что великолепная позолоченная галера с парусами из шелка и военной охраной на борту была прислана в качестве любовного подарка от ее сына в память об их восстановленной любви. Она с подозрением смотрела на этот прекрасный предмет, отражавшийся в водах маленькой гавани, и решила отправиться по суше, на подводе, на виллу Оттона. Но любезное поведение Нерона на пиру развеяло последние тени ее подозрений. В радости, которую доставляли ей его ласки и показная привязанность, она не замечала, как проходили часы до полуночи, когда она поднялась, чтобы уйти. Прекрасный корабль с позолоченными боками и шелковыми парусами снова ждал ее, и на этот раз она села на него. Нерон поцеловал ее глаза и руки, обнял и прижал к груди, задержал последний долгий взгляд в ее глазах, а затем бросил ее на растерзание убийце Аникету.

Галера неслась по гладким душистым водам под пологом блестящих звезд. Агриппина сидела в своей каюте, в мягком весеннем воздухе, и разговаривала о счастливом будущем со своим единственным мужчиной, Креперием Галлом, и единственной служанкой, Ацерронией Поллией. И вдруг, когда они достигли глубокой воды, раздался страшный треск, и крыша хижины обрушилась на них. Галлус был убит, но две женщины спаслись, так как крепкие стены не обрушились, а в темноте среди команды произошло какое-то недоразумение. Служанка бросилась на палубу, призывая на помощь императрицу - другие говорят, что она представлялась императрицей, - и была убита. Агриппина с ужасом слушала треск дерева и беготню вооруженных людей и понимала, что ее сын совершил предательство. И все же она не стала искать смерти. Она тихо перевалилась через борт и поплыла к далекому берегу. Постепенно силы ее покидали, и она уже собиралась отказаться от страшной борьбы, когда какие-то мужчины, ловившие ночью рыбу, подхватили ее и вытащили на берег.

Раненая падающими бревнами, обессиленная борьбой, пораженная до глубины души жестокостью сына, она, тем не менее, сразу же воспряла духом и разработала новый план. Она спокойно отправила Нерону послание, в котором сообщала, что по милости богов выжила после крушения галеры, которую он ей подарил, но просила, чтобы он не приходил к ней, пока ее рана не заживет. Ни слова не говоря своим слугам о страшном заговоре, она приказала приготовить лекарства от своего недуга и верила, что Нерон раскается. Все оставшиеся часы ночи она пролежала на кушетке с одной служанкой, а ее комнату слабо освещал единственный светильник. Вся страна вокруг была оживлена людьми. Берег был освещен их факелами, и они собрались вокруг дома, чтобы выразить свою радость по поводу того, что Агриппина избежала кораблекрушения именно в ту ночь, когда произошло столь знаменательное примирение. С первыми лучами рассвета Аникет и его люди вошли в дом с ответом Нерона. Она прочла по их лицам его содержание и сказала своему предводителю: "Ты пришел навестить меня? Тогда скажи моему сыну, что я выздоровела. Ты пришел убить меня? Тогда я скажу, что тебя послал не мой сын". Матрос ударил ее по голове палкой, и она поняла, что пришел конец. Сорвав с себя свободное одеяние и обнажив перед мужчинами свое белое тело, она печально сказала: "Ударь сюда, Аникет, ведь именно здесь родился Нерон". Она упала замертво под ливнем ударов.

Нерон узнал, что его мать спаслась. Опасаясь, как бы она не возбудила недовольство Рима, он созвал совет своих друзей. Сенека, как говорят, молчал, Бурр возмущался. В этот момент вошел камергер Агриппины со своим посланием. В порыве хитрости Аникет бросил к его ногам меч и сделал вид, что он послан Агриппиной убить Нерона. Император принял подлый предлог, и, поскольку Буррус прямо отказался послать своих солдат казнить ее, Аникет с радостью поручил это дело себе. За свои услуги он был назначен адмиралом одного из флотов. Сохранились сведения, хотя к подобным деталям всегда следует относиться с осторожностью, что, когда слуги вынесли тело своей госпожи в сад и раздели его донага, Нерон стоял рядом и с издевкой сказал: "Я и не знал, что она так красива".

В сенате было опубликовано официальное сообщение о том, что Агриппина покушалась на жизнь императора, а когда Нерон послал людей арестовать ее, она покончила с собой. А сенат лизал ноги Нерону, устраивал игры и празднества в благодарность за его сохранение и руководил энтузиазмом народа. Убийство было так хорошо известно, что один актер насмешливо упомянул о нем в театре. "Прощай, мой отец", - говорил он, поедая гриб, - "Прощай, мать", - добавлял он, имитируя действия пловца. Простые люди повторяли множество этих мрачных шуток. Но им нравились благодарственные игры, сенаторы и

вельможи участвовали в них на сцене и на арене, и Рим быстро погружался в ужасную деградацию позднего правления Нерона, о которой мы поговорим в следующей главе.

Вряд ли стоит добавлять краткую оценку характера Агриппины. По мнению Стара и Баринг-Гулда, а также некоторых других авторов последнего времени, она была "королевой, благородной и чистой" и обладала лишь такими сомнительными пороками, как честолюбие и гордыня. Для Тацита и других латинских писателей она была способна на любые беззакония и виновна в большинстве из них. Как видно, я придерживаюсь промежуточной точки зрения. Она была женщиной выдающейся, способной и сильной. Если бы она жила в эпоху, когда добродетель не была нецелесообразной, она была бы прославленной и добродетельной королевой. Но ей пришлось бороться за получение и удержание власти в эпоху, когда новые, более интеллектуальные моральные стандарты пришли на смену старым, более инстинктивным, и там, где это казалось выгодным, она воспользовалась моральным скептицизмом, который всегда порождают такие перемены. Она была королевой, но не совсем благородной и почти наверняка не чистой. Но она хорошо служила Риму и оставила его счастливым и процветающим; а ее бескорыстная страсть к улучшению положения сына, ее рыцарская и смертельная защита его оскорбленной жены и храбрость, с которой она встретила его невыразимую жестокость, во многом перевешивают ее злые деяния на весах Осириса.

ГЛАВА VI ЖЕНЫ НЕРОНА

Нерон уже не был "юным Аполлоном" своего детства. Разнузданная распущенность и преступность наложили свой отпечаток на тело не меньше, чем на ум. Он был чуть выше среднего роста, но его преждевременно раздувшийся живот плохо держался на стройных и некрасивых конечностях, а кожа была пятнистой и отталкивающей. Тусклые серые глаза выдавали его постоянную снисходительность, а желтые волосы, уложенные в короткие локоны, обрамляли лицо, которое уже точно нельзя было назвать красивым. Его ум был в явном беспорядке. Наш добрый век сослался бы на эти душевные проблемы, чтобы оправдать жестокие преступления, которые он совершил, и чудовищную глупость, которую он собирается совершить. Если бы это была биография императоров, мы могли бы смело попытаться доказать, что безумие последовало за детоубийством, но это нас не касается. Ему шел двадцать второй год.

С этим юным чудовищем порока и преступлений была обвенчана одна из самых нежных юных матрон Сезарийского дома, Октавия, дочь Клавдия и Мессалины. Выданная замуж в тринадцатилетнем возрасте за Нерона, ее робкая девичья натура была парализована грубыми привычками мужа, и она лишь парит на сцене, как смутная тень, в течение всего периода правления Нерона. Должно быть, вскоре после их брака Нерон презрел ее ради прекрасной греческой рабыни Акте, к которой он был более постоянен, чем к любому другому живому существу, и которая, в свою очередь, отдавала последнюю дань его презренным останкам. Сначала один из приближенных Нерона скрыл эту связь, но, как мы видели, о ней стало известно во дворце, и Агриппина предприняла бесплодные попытки отстоять права своей девушки-жены. Однако несправедливость была такой, которую

римские дамы не привыкли терпеть. Вскоре Нерон стал вести себя еще более неблагоприятно. Октавия видела, как он покидал дворец после ужина со своими дикими спутниками, и не требовалось особых усилий воображения, чтобы проследить его путь, когда он возвращался ранним утром в разорванной одежде, с покрасневшими, если не с синяками, лицами и, случалось, с нарисованными вывесками, которые он срывал с дверей магазинов, или с кубками, которые он крал во время набега на какую-нибудь низкую таверну.

Он собрал вокруг себя группу молодых людей постарше, которые поощряли его в разнузданном использовании своей силы и привязались к нему благодаря богатству своего воображения. Главным среди них был Сальвий Отхо, молодой аристократ этрусского происхождения, на пять лет старше Нерона - император Отхо более позднего времени. Он попал во дворец благодаря любовной связи с одной из фрейлин Агриппины, а его обширные познания в области юношеских развлечений снискали ему расположение Нерона, которого он вовлекал в самые дикие приключения. Они бродили по ночам по улицам, веселились в тавернах и борделях популярных кварталов города, в таинственных тускло освещенных долинах, на которые патрицианские девы смотрели из особняков на холмах. В этих центрах ночных беспорядков Нерон и его спутники были самыми дерзкими Мохоками, если можно так выразиться, принадлежащими более поздней истории. Они насиловали женщин и мальчиков и устраивали жесточайшие розыгрыши над безоружными людьми. Однажды ночью Нерона жестоко избил сенатор, чью жену он оскорбил. После этого мужчина узнал, что это был император, которого он избил, и отправился во дворец просить прощения. Нерон заставил его искупить жизнью обиду, нанесенную им императорскому достоинству. Он вывел стражу из Цирка, чтобы наслаждаться боями враждующих группировок, и с Мильвийского моста, ночью, чтобы дать полную свободу пороку на этом ночном курорте.

Целомудренная и трепетная Октавия, которой было всего шестнадцать лет, боялась его грубого пренебрежения. Ей достаточно иметь титул императрицы, сказал он своей матери, когда та настаивала на правах Октавии. Вскоре Нерон заявил, что разведется с ней и женится на красивой гречанке, но Сенека и Буррус сумели ему помешать. Полностью остановить его расстройства они были бессильны, и, похоже, считали, что лучше направлять, чем противостоять его порокам. Однако внезапно, в 58 году, Нерон перенес свою страсть на дочь Поппеи Сабину и начал долгую, трагическую борьбу за то, чтобы сделать ее своей императрицей.

Поппея, которая станет следующей фигурой в нашей галерее римских императриц и поэтому может быть сразу же представлена, была одной из самых красивых, тщеславных и обсуждаемых дам Рима. Ее мать, с которой мы уже знакомы как с одной из жертв Мессалины, была дочерью очень богатого и прославленного провинциала Поппея Сабина. Отец Поппеи, Тит Оллий, был другом Сеяна и был сметен потоком гнева Тиберия. Поэтому она была уже в зрелом возрасте, но так старательно оберегала свои прелести, что сохранила нежную красоту и свежий цвет лица девушки. Она унаследовала также богатство, остроумие и, как говорят, легкий нрав своей матери. Притворная скромность, которую она демонстрировала, надевая вуаль, когда уезжала за границу, искупалась великолепием ее заведения и тщательной культурой ее светлой кожи и милого лица. Мулы, которые везли повозку с вуалью, были обуты в золото, а следы их упряжи были сплетены из золотых нитей. Когда она отправлялась в свой загородный дом или в Байе, пятьсот кобылиц бежали в хвосте ее упряжки и повозки, чтобы обеспечить молоком ее ежедневную ванну. Если верить бьюстам, с которыми связано ее имя, у нее было детское изящество и нежность черт, а не напряженное лицо авантюристки; и мы знаем, что ее волосы цвета янтаря вызывали такое восхищение, что установили или возродили моду на янтарь.

Она вышла замуж за рыцаря Руфуса Криспинуса, от которого у нее был сын. Этот брак был расторгнут, и она стала женой фаворита Нерона, Сальвия Отто. Есть предположение, и в него нетрудно поверить, что она вышла за Отто из-за его близости к императору. Он был отнюдь не красавцем, хотя и прикрывал лысину париком, роскошно одевался, обладал богатством, умом и художественным вкусом. От него Нерон за чашкой чая услышал пикантную историю о красоте и роскоши Пoppей, и вскоре в ее особняк были посланы императорские гонцы. Их не пустили, и даже Нерону, когда он попытался войти, уклончиво напомнили, что Пoppей замужем и предана своему мужу. После бурной осады она милостиво капитулировала, принимая невинные визиты Нерона и доводя его до безумия демонстрацией своей утонченной красоты. Он с горечью говорил о своей матери как о препятствии на пути их брака. Пoppей изводила его своей зависимостью от нее, и мы уже видели, чем это закончилось.

Когда Агриппина была смещена, Нерон сразу же предложил развестись с Октавией и жениться на Пoppее. Молчание Сенеки во всех этих критических моментах деградации Нерона болезненно для каждого поклонника выдающегося моралиста. В защиту молодой императрицы выступил менее любезный и менее добродетельный Бурр. Если Нерон откажется от Октавии, грубо сказал он, то должен будет отказаться и от ее приданого - трона, а Буррус пользовался слишком большим уважением, чтобы ему перечить. Поэтому Октавия осталась в своих одиноких покоях во дворце, беспомощная свидетельница пороков своего мужа.

В течение месяца или двух после убийства Агриппины он вел себя как человек, пораженный дикими и преследующими его угрызениями совести. Он лихорадочно переходил с места на место и собрал вокруг себя группу магов и шарлатанов. Он боялся ехать в Рим, пока не убедился, что Рим радуется его побегу из заговора матери. Немного страниц в истории этого вырождающегося города печальнее той, что повествует о приеме в мае месяце императорского отцеубийства. Сенаторы и их семьи, одетые в свои самые шикарные одеяния, поспешили по Аппиевой дороге, чтобы встретить его, и его путь был усеян ликующими толпами. Он щедро вознаградил их. Пять или шесть театров день за днем открывали свои двери для деградировавших горожан. Для их развлечения были предоставлены новые вещи - такие, каких еще не видели за всю историю города. Мужчины и женщины самого высокого ранга исполняли самые развратные роли мимов на публичной сцене и катались на колесницах в публичном цирке. Нерон был сторонником "зеленой" фракции и ежедневно демонстрировал свое королевское мастерство в цирке против возниц других фракций. Он пел в театре и организовал группу из пяти тысяч красивых юношей в великолепных костюмах, чтобы те аплодировали и осыпали его любимым эпитетом "Аполлон". Он даже осмелился заслужить похвалу в амфитеатре, но один молодой лев, которого он победил, был предусмотрительно накормлен и одурманен до того, как он с ним столкнулся. Он объявил, что его мастерство может быть использовано на частных банкетах, и вельможи заплатили ему за услуги миллион сестерций. Аполлон, по его мнению, не имел бороды в греческих статуях, поэтому он сбрил бороду, а горсть желтых волос заключил в золотую шкатулку, усыпанную жемчугом, и торжественной процессией понес в Капитолий. Во время бурного ликования по поводу этого полного уподобления Аполлону тунейдца, длинноногого, полубезумного юноши, записано, что знатная дама на восьмидесятом году жизни танцевала на сцене в театре. Отпрыски величайших римских семей добровольно вступали в низшие ряды комедиантов и возниц.

В своем исследовании Нерона мистер Хендерсон неохотно признает, что он был безумен. Несомненно, самому проницательному психологу пришлось бы поломать голову, чтобы

выделить в его поведении долю вины и безответственного расстройств; но то, что психическое расстройство имело место, одновременно естественнее и милосерднее предположить. Как бы то ни было, год или около того такой бредовой жизни измотал его крепкий организм, и тяжелая болезнь на время приостановила позорные выступления. К сожалению, когда он выздоровел, то потерял единственного человека, который обладал некоторой властью, чтобы сдерживать его, и достаточной честностью, чтобы использовать ее. Буррус умер в 62 году, и в то же самое время было уничтожено слабенькое влияние Сенеки. Здесь не место обсуждать сложную и деликатную проблему поведения Сенеки в его связи с Нероном. Достаточно сказать, что теперь его обвинили в заговоре, и, хотя он успешно защищался, он перестал иметь какую-либо власть во дворце.

Теперь Нерону предстояло избавиться от бледной юной ханжи, которая стыдилась своих апартаментов, и нашлось достаточно людей, чтобы придумать эту процедуру. Сальвий Отхо уже был отправлен в отдаленную часть империи, а его место занял торговец лошадьми по имени Тигеллин, не отличавшийся особой культурой и еще меньшим характером. С этим новым фаворитом Пoppея вступила в союз, и вскоре молодая императрица с жестоким легкомыслием обвинила себя в прелюбодеянии с Эвцером, александрийским рабом и музыкантом, и в том, что она покрыла свой позор абортom. Тигеллину легко удалось найти свидетелей, но большинство слуг Октавии даже под пытками отказались опровергнуть добродетель своей нежной госпожи. Грубость Тигеллина завела его слишком далеко, и общественное чувство было сильно возбуждено в ее пользу. Нерон сослался на ее бездетность, которую он, вероятно, мог бы просто объяснить, и развелся с ней. В знак уважения к настроениям Рима он сначала отдал ей дом Бурруса и состояние знатного вельможи, которого он казнил. Однако чуть позже, вероятно, под давлением Пoppеи, он изгнал ее в Кампанию. Он женился на Пoppее через две недели после развода с Октавией.

Но вопиющее оскорбление пробудило лучшие чувства, которые Рим еще не совсем утратил, и Нерон был вынужден отозвать ее. К глубокой досаде Пoppеи, толпы народа вторглись во внешний двор дворца, выкрикивая имя Октавии. Они убрали статуи новой императрицы из храмов и общественных мест, вернули на свои места и увенчали цветами отброшенные статуи Октавии. Пoppея гневно потребовала от Нерона утвердить свою власть, и в Рим был вызван находчивый Аникет, убийца Агриппины. Более смелый, чем Тигеллин, он поклялся, что сам вступал в связь с Октавией, и после притворного суда она была изгнана в Сардинию. Пoppея еще не успокоилась, и Нерон объявил, что Октавия была уличена в попытке подкупить командующего флотом. Ее отвезли на скалистый остров Пандатерия, который уже был свидетелем трагедий.

К этому времени добрые чувства Рима, похоже, были исчерпаны, и Октавия лениво сдалась жестокой банде, которая теперь окружала Нерона. В завершении карьеры этой хрупкой и невинной женщины есть особая меланхолия. Грубые солдаты хватают робкую фигуру, несут ее в баню, связывают конечности и вскрывают вены. Робкая и до конца сжимающаяся, молодая девушка - даже сейчас ей всего двадцатый год - с ужасом отступает назад из крошечной тьмы и жалобно умоляет пощадить ее жизнь. Она падает в обморок, и поток ее крови останавливается. Последний вид жалости отброшен, и она задыхается в паровой ванне.

Пoppея, говорит Тацит, послала за ее головой. Трудно решить, увеличивает или уменьшает доверие к этой ужасной детали частое повторение ее в хрониках. Но мы без колебаний можем поверить Тациту, когда он говорит, что сенат заказал благодарственные молебны в храмах за это свежее сохранение жизни императора.

Другая императрица кровью ступила на трон и, в свою очередь, должна была запятнать его своей кровью после нескольких лет императорского безрассудства. Мы уже видели, какую женщину Нерон поставил на место Октавии. Богатая, кокетливая и красивая, Пoppея видела в жизни лишь солнечную дорожку для погони за бабочками. Когда ее представляют нам развратной, мы должны помнить, что с ее именем не связано никакого определенного скандала и что она действительно описывается как "благочестивая" не меньшим авторитетом, чем еврейский историк Иосиф. На самом деле это обстоятельство, а также особенность распоряжения ее телом, которую мы еще рассмотрим, породило в ранние времена предположение, что она стала христианкой. Сервез находит историю ее обращения святым Павлом и последующего "возвращения к своим мерзостям" слишком пикантной, чтобы допускать сомнения. Но обращение еще более спорно, чем мерзость. Среди наших ведущих богословов сейчас много споров о том, посещал ли святой Павел Рим, и есть более простое объяснение фразы, использованной Иосифом. Римский наместник Иудеи - библейский Феликс, брат фаворита Агриппины Палласа - жестоко расправился с иудеями и отправил некоторых их священников в цепях в Рим. Иосиф и другие отправились ходатайствовать за них и по счастливой случайности встретили еврейского комедианта, который пользовался благосклонностью Пoppеи и Нерона. Историк был с почетом принят во дворец и добился такого успеха в своем деле, что вполне мог приписать благочестие Пoppее. Можно согласиться, что этот инцидент, вероятно, свидетельствует о некоторой культуре с ее стороны. Но позже мы обнаружим ее в поведении, которое не позволяет считать ее ученицей святого Павла.

До конца года Пoppея подарила Нерону дочь, и несколько недель бурного ликования вернули ей всеобщее расположение и стерли память об Октавии. Титул "Августа" в избытке лести был присвоен и матери, и младенцу. Сенаторы мчались друг за другом на императорскую виллу в Антиуме, чтобы выразить свою радость по поводу этого существенного обещания продолжения рода Цезарей, затянувшего их в трясины. Вся Италия была охвачена ликованием. Пoppея почувствовала, что ее положение наконец-то надежно. И вот, в результате одной из тех страшных перемен, которые были почти столь же обычны в жизни Рима, как и в трагедиях Греции, и заставляли людей предполагать, что за их ничтожных и снисходительных богов стоит суровая и могущественная судьба, над Италией снова разразилась буря. Ребенок засох и умер, и разум Нерона вновь погрузился в мрачный беспорядок. Он с безумной подозрительностью оглядывался по сторонам, выискивая возможных претендентов на трон, и первой жертвой стал оставшийся сын Пoppеи. Однажды он увидел, как ее мальчик (от бывшего мужа) играет с другими детьми в императора. Через несколько дней Пoppея узнала, что мальчик погиб во время рыбалки. С таким же легкомыслием было приказано казнить еще многих.

ОКТАВИЯ

БЮСТ ПОРФИРА В ЛУВРЕ

Как и прежде, эти ужасные деяния смешивались с самыми пышными и самыми развратными развлечениями. Знатные дамы самого высокого ранга боролись и сражались в амфитеатре перед легкомысленными толпами; город изобиловал школами, где дворяне учились подражать глупости императора и вносить свой вклад в веселье Рима игрой на флейте, цитре

или танцами. Нерон задумал новую идею и рьяно взялся за ее осуществление. Он хотел поспорить за корону с артистами Греции. Пoppея видела, как он тренировался во дворце, как часами лежал с тяжелыми свинцовыми пластинами на груди, как ограничивал себя в питании луком-пореем и маслом. Она видела, как он демонстрировал свое мастерство в театре, поднимая свое покрытое пятнами и распухшее тело в необычайных конвульсиях на тонких ногах, когда он напрягался в поисках высоких нот. Горе тому, кто открыто смеялся над ним или превосходил его! Один из его наставников был предан смерти, потому что Нерон понял, что не может сравниться с ним. Наконец его обучение было завершено, и Рим вздохнул с облегчением, когда тысяча повозок, запряженных мулами с серебряными ногами, и пять тысяч юношей из группы Августа отправились к побережью. Проезжая через Неаполь, они порадовали его зрелищем. Несколько дней Нерон держал изумленных горожан в театре и принимал пищу в оркестре, чтобы не терять времени. Затем наступила неизбежная эпилепсия, и было объявлено, что Нерон, понимая скорбь подданных по поводу его отъезда, отложил греческое турне.

По возвращении в сравнительно здоровое состояние и в Рим он снова приводил горожан в восторг, чередуя всплески бешеной рассеянности и кровавой меланхолии. С момента смерти ребенка и до своего собственного насильственного конца два года спустя Пoppея почти не появляется в хрониках; но, поскольку мы увидим, что вольно или невольно она поддерживала своего мужа в его кровавых преступлениях, можно предположить, что она присоединялась к нему в его менее преступных оргиях. Достаточно одного примера. Он приказал устроить банкет на плоту на большом водном пространстве, известном как озеро Агриппы. Когда в назначенный вечер горожане собрались на берегу, они увидели, что большой плот буксируют суда, отделанные слоновой костью и золотом, на которых сидят юноши, заслужившие позорное звание. Вокруг берега были возведены таверны, бордели и столовые. А когда наступала ночь и прекрасная сцена освещалась светом бесчисленных факелов, публика обнаруживала, что женщины самого высокого ранга были для них не менее доступны, чем проститутки в домах у озера, а раб мог свободно обнимать свою госпожу под взглядом ее мужа. Нерон даже превзошел Калигулу в императорском обучении пороку. В одежде невесты он прошел через религиозную церемонию бракосочетания с человеком низменного характера по имени Пифагор. Он привязывал обнаженных детей к кольям и бросался на них, облачившись в шкуру дикого зверя. А вокруг границ огромной империи, созданной силой и трезвостью его предков, усталые солдаты наблюдали за варварами, готовившимися вторгнуться в нее.

Как раз в это время случился великий пожар, превративший смех подданных Нерона в негодование. Шесть дней и семь ночей пламя прокладывало себе путь сквозь кварталы высоких домов, разделенных лишь узкими улочками, в изнуряющей июльской жаре. Нерон в это время находился в провинции, и по противоречивым свидетельствам невозможно судить о слухах, что он приказал сжечь Рим. Дио дает нам знакомое представление о Нероне, крутящем цитру и распеваящем "Падение Трои" с вершины высокой башни на холме. Другие же утверждают, что он сразу же приказал использовать наиболее эффективные методы для борьбы с пожаром. Но в лагере бездомных с возмущением шептались, что видели людей, бросавших факелы в их дома, и что они действуют по приказу из дворца. Не успокоились горожане и тогда, когда он свалил вину на непонятных и непопулярных приверженцев, называвших себя христианами, и устроил для них жестокое зрелище - водил вокруг цирка на свет горящих мужчин и женщин, чьи живые тела были завернуты в полотенце и пропитаны воском и смолой. Мало кто верил в их виновность. Даже Сенека в конце концов нарушил свою казуистическую или дипломатическую сдержанность и с отвращением удалился из Рима. Нерон в великом унынии отправился в Баию, оставив распоряжение, чтобы при

восстановлении города для него был построен новый дворец, который должен превзойти все, что было в памяти Рима или истории.

Этот "золотой дом", который Нерон воздвиг вокруг более скромных дворцов своих предшественников, дал новый повод для недовольства. Великий и бескорыстный Октавиан довольствовался небольшим патрицианским особняком; Тиберий построил дворец; Калигула расширил его; Нерон расправил крылья над огромным пространством. Казалось, что императоры растрачивали деньги государства пропорционально их бесполезности. Колоссальное сооружение и его чудесный парк простирались от Палатина до Эсквилина, через всю долину, и были окружены тройной мраморной колоннадой. Горожане ютились в тесных кварталах Субуры и Велабрума, а Нерон создавал миниатюрный мир внутри своей мраморной опояски. Здесь было большое озеро, наполненное соленой водой из Остии, с небольшим городом на берегу; виноградники, кукурузные поля, рощи, в которых свободно бегали дикие звери, фонтаны и сады. Сам дворец был таких размеров, что на его крыльце удобно разместилась статуя Нерона высотой в сто двадцать футов. Некоторые комнаты были отделаны золотом и украшены драгоценными камнями. В обеденном зале был потолок из слоновой кости с отверстиями, через которые на гостей сыпались цветы и дорогие духи. Египетские розы, красота которых увяла во время одного банкета в этой комнате, стоили 35 000 фунтов стерлингов в нашей монете.

Теперь Рим осознал цену, которую империя платит за потрясающую глупость, которой она так долго аплодировала. В то время как казна истощалась на развлечения, которыми могли наслаждаться все, ропот был присущ лишь трезвым людям. С того момента, как этот колоссальный символ эгоизма Нерона возвысился над городом, ропот стал слышен и многократно усилился. Нерон, встревоженный угрюмыми взглядами и неясными сообщениями о заговорах, в гневе спустился на побережье. Затем один из рабов выдвинул против своего господина конкретное обвинение в заговоре, и кровь хлынула потоком.

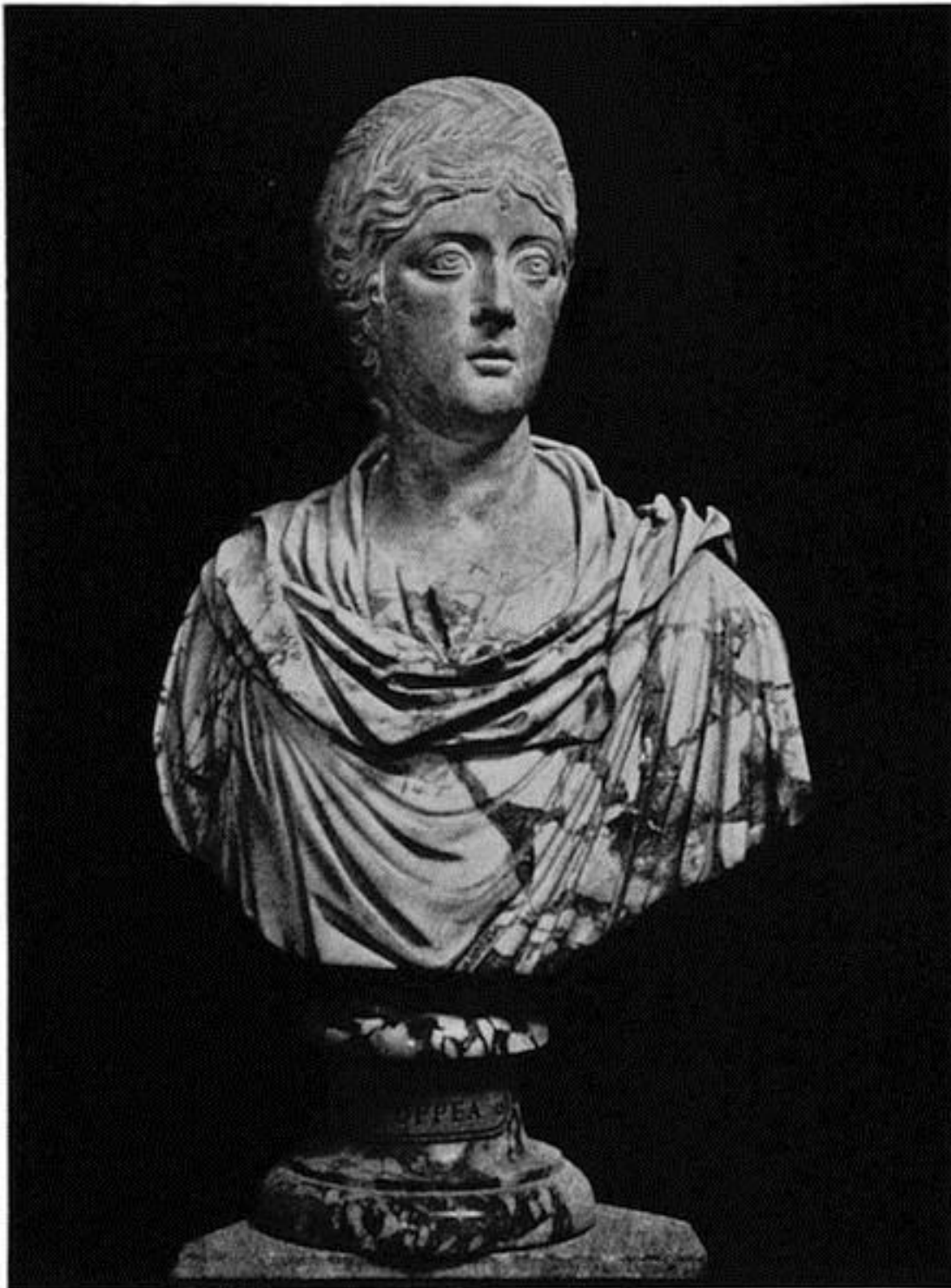
Неприятным фактом, подтверждающим мрачное представление о характере Пoppей, является то, что почти единственная деталь, связанная с ней в хрониках после смерти ее ребенка, - это то, что она была одной из совета из трех человек, руководивших этой ужасной серией казней. Нерон не доверял обычной процедуре римского правосудия. Вместе с Пoppеей и Тигеллином в качестве помощников судьи он сам рассматривал или утверждал каждое обвинение, которое корыстолюбие или злокозненность приносили во дворец. Рим на несколько недель окрасился в красный цвет от пыток, убийств и самоубийств. Изучающие упадок Рима, возможно, недостаточно оценили эффект этого периодического излияния лучшей крови в городе. В предыдущих войнах, как гражданских, так и внешних, падали и хорошие, и низкие. В этих расследованиях заговоров, которые раз за разом наполняют Рим трауром со смерти Октавиана до воцарения Траяна, страдают в основном люди чести. Они представляют собой естественный отбор трусливых и подхалимов.

Город "кишел похоронами", по меткому выражению Тацита, а собрания граждан были черны от траура. Большое количество офицеров и патрициев были казнены или доведены до самоубийства, а их дети подверглись бичеванию или были сосланы в провинции. Сенека понес наказание за свою запоздалую откровенность, и его восхитительный конец поддерживает нашу веру в то, что его характер, несмотря на наши непреодолимые колебания, не противоречил его высокому вероисповеданию. Ему и его жене, благородно попросившей разрешения покинуть мир вместе с ним, вскрыли вены, и Сенека со спокойным достоинством ушел в тишину; его жену, к ее сожалению, вернули к жизни солдаты.

Поппея не дожидая наказания, которое эти преступления навлекли на Нерона. Ее конец наступил быстрее и в более ужасной форме. Бойня была прервана новой вспышкой ликования. Один человек заявил Нерону, что знает, где зарыты сказочные сокровища карфагенской царицы Дидоны, о которых Вергилий так недавно воспел в "Энеиде". В Африку был послан флот, чтобы забрать их, и от мрачной задумчивости Нерон перешел к новому приступу расточительного веселья. Он опустошил последние недра своей казны на зрелища и пожертвования. Когда флот вернулся без единого кубка или монеты, его гнев разгорелся с неудержимой яростью, и однажды, когда Поппея стала ему возражать, он ударил ее ногой в живот. Удар оказался смертельным, так как она была беременна, и светлый ум Нерона перешел от гнева к самым экстравагантным причитаниям. Ее тело не сожгли, как это было принято в Риме, а забальзамировали, и на погребальную кучу принесли в жертву огромное количество редких благовоний. Считалось, что эта особенность ее похорон укрепляет интересную легенду о ее обращении в христианство. Скорее всего, это было вызвано неистовым желанием Нерона устроить уникальное погребение столь уникальной богине, какой ее объявил сенат. Невозможно представить, чтобы Нерон пошел на такую уступку христианским идеям, даже если бы она в какой-то мере разделяла их, и ее жизнь не располагает нас к тому, чтобы требовать для нее такой чести. Легенда не имеет под собой исторического основания, и ранняя церковь может быть легко избавлена от пятна, что причисляла Поппею к своим адептам.

Мы не будем рассматривать безумие императора во всех его формах, которые оно приняло после смерти Поппеи, но у него была третья жена, которую мистер Баринг-Гулд, кажется, упустил из виду, и мы должны вкратце рассказать о ее судьбе. Сразу же после смерти Поппеи Нерон взял себе супругу, которую почти не хочется описывать. Ему показалось, что он обнаружил сходство со своей возлюбленной Поппеей в одном из своих вольноотпущенников, Споре. Этого человека доверили хирургам для проведения отвратительной операции, а затем торжественно обвенчали с императором. Одетый в одежды и драгоценности императрицы, он путешествовал в литаврах Нерона и был публично поцелован и приласкан им.

Эта отвратительная комедия вскоре потеряла интерес, и Нерон решил жениться на сестре Октавии, Антонии. Вспомнив недавнюю судьбу своей сестры, она смело отказалась, и ее предали смерти по обвинению в стремлении к трону. Тогда Нерон выбрал Статилию Мессалину, внучку знатного и богатого сенатора, который при Агриппине был вынужден покончить с собой. Последняя часть "Анналов" Тацита, которая охватывала бы эту дату, отсутствует, и если верить менее авторитетным летописцам, Мессалина уже была знакома с Нероном и вышла замуж в качестве третьего мужа за одного из его близких соратников по дебошам, Аттика Вестина. Ее описывают как красивую, остроумную, богатую и распущенную, но это описание относится к столь большому числу дам того времени, что мало помогает воображению. Из некоторых более поздних деталей мы сделаем вывод, что у нее было больше культуры и, вероятно, больше характера, чем у большинства придворных дам времен Нерона. Складывается впечатление, что она вышла замуж за Нерона, руководствуясь буквальной трактовкой, что лучше быть замужем, чем сожженной. Однажды вечером ее муж развлекал своих друзей, когда в комнату вошли солдаты из дворца. Они отвели его в ванну, вскрыли вены и дали ему истечь кровью до смерти, а Статилия Мессалина стала десятой императрицей Рима.

РОМАН

БЮСТ В КАПИТОЛИЙСКОМ МУЗЕЕ, РИМ

Есть все основания полагать, что она благоразумно избегала казней и увеселений, которые снова чередовались с ужасающими событиями. Пять ее предшественниц были убиты, предыдущая избранница Нерона была убита, а сама она развелась из-за убийства. Похоже, Мессалина сосредоточила все свои силы на том, чтобы остаться в живых, пока последнее и самое справедливое убийство не освободит ее от одиозной связи. Люди устали даже от нелепых представлений Нерона и были уязвлены его жестокостью. Он приставил к зрителям солдат, чтобы те отмечали отсутствующих и выявляли насмешников, так что его праздники

превратились в бедствие. Люди шли на ухищрения: притворялись, что умирают, и их выносили рабы, чтобы избежать требовательной доли восхищенных зрителей. Нерон поклялся, что истребит весь сенатский строй; это самое почетное упоминание о них в хрониках за многие десятилетия. К их облегчению, он объявил, что продолжит свое греческое турне. Мулы на серебряных ногах и великолепный полк авгуров были приведены в движение, волосы Нерона приобрели художественную длину и небрежность, а комедия на время была перенесена в страну Аристофана. О том, как он выиграл все призы, за которые боролся, как грабил храмы и особняки греков, как его свита, словно саранча, пронеслась над беспомощной провинцией, можно прочитать в другом месте. Через восемнадцать месяцев он был отозван в Италию с тяжелыми вестями.

Невозможно удержаться от презрительных высказываний о том, как Рим молча наблюдал или радостно приветствовал сменяющие друг друга безрассудства Нерона, но, как я уже отмечал, он находился в особенно трудном положении. Гвардия Протерия представляла собой двадцатитысячную армию дисциплинированных солдат, которым платили за личную службу правящему дому и которые были слепы к любым другим интересам, кроме своих собственных. Они непреодолимо сдерживали все порывы к восстанию. В то, что такие порывы были, и, возможно, были попытки совратить гвардейцев, заставляет поверить непрекращающийся поток крови в Риме. Надежда империи была в более трезвых и более трудолюбивых провинциях, и именно здесь началось восстание. Предводитель войск в Галлии Виндекс вступил в переписку с войсками в Испании. Испанский полководец, Сервий Сульпиций Гальба, был римлянином из знатного рода, почтенного возраста и сурового характера. Нерон слышал, что Гальбе был предложен пурпур и что легионы Галлии и Испании готовятся к наступлению на Италию.

Однако, вернувшись в Италию, Нерон слышит, что германские легионы наступают на галльские и что Гальба колеблется. Он с радостью возобновляет свои безрассудства и остается глух к политическим увещаниям. Наконец ему в руки попадает манифест, в котором Виндекс называет его "жалким игроком", и это оскорбление его искусства глубоко ранит. Он пишет в Сенат, требуя возмещения ущерба, и отправляется в Рим. Ничто во всей его необыкновенной карьере не является столь трагикомичным, как эта предпоследняя сцена. Одетый в пурпурную мантию, расшитую золотыми звездами, с олимпийской капеллой на голове, он въезжает в Рим как бог искусства. Слуги несут перед ним 1800 корон или чаш, завоеванных им в Греции; пять тысяч авгуров маршируют за его колесницей. Аполлону приносится жертва, и игры возобновляют свой привычный ход. Затем Нерону сообщают, что, хотя Виндекс покончил с собой, Германский и другие легионы присоединились к Гальбе, и огонь восстания распространяется по всей империи. Он объявляет, что будет наступать на Галлию. Дамы его гарема, составляющие прекрасный полк, коротко стригут волосы и, вооружившись игрушечными щитами и другими театральными принадлежностями, маскируются под амазонок.

Последняя сцена коротка и неизбежна. Гальба идет на Рим, гвардейцы Прэтора завоеваны для него, вельможи считают безопасным дезертировать от Нерона. Нервная скотина хнычет и плачет в своей беспомощности. Он улетает в Александрию и зарабатывает на жизнь музыкой. Великий "золотой дом" безмолвен и пустынен. Рим открыто насмехается над ним. Его слуги разбежались; один даже украл шкатулку, в которой хранился яд на такой случай. С ним остались верный Акте, Спор и немногие из тех, кто питался его глупостью. Мессалина покинула его и появится позже в качестве подруги одного из его преемников.

В огромном молчаливом доме с золотыми стенами и потолками из слоновой кости он снимает пурпурные одежды и облачается в старую рубашку и потрепанный плащ. На жалкой

лошадке он едет с ними через огромный пустынный парк и направляется в дом одного из своих иждивенцев, расположенный в нескольких милях от Рима. Там его принимают через проделанное в стене отверстие, дают ему черный хлеб и воду и накрывают одеялом. Они обсуждают ситуацию и в заключение предлагают ему кинжал. Он, как и Юлия, как и Мессалина, страшится ужасной темноты и тщетно напрягает глаза в поисках луча надежды. Наконец они слышат топот конницы на дороге, и Нерон слабо тычет кинжалом себе в грудь, чтобы слуга отвез его домой. А когда по обычаю кремация закончилась, никто, кроме Акте и верной старой кормилицы, не смог положить в могилу униженный прах.

Так десятая императрица Рима сложила свое недолгое достоинство. У Статилии Мессалины было мало причин следовать за Нероном в его унижении. Независимо от того, справедливо или нет обвинение в распущенности, выдвинутое против нее, она была женщиной исключительного ума и культуры и, вероятно, вышла замуж за Нерона только из страха. В хрониках мы встречаемся с ней еще раз, на более позднем этапе. После короткого часа правления Гальбы наступает столь же короткое правление Сальвия Оттона, человека, который когда-то вместе с Нероном грабил таверны в Субуре. Управление провинцией отрезвило его, и он писал ласковые письма Мессалине. Он, несомненно, сделал бы ее императрицей еще раз, если бы был жив, но трон у него отобрали, и Мессалина удалилась в более спокойный мир писем и риторики. В последний раз мы видим, как она произносит ораторские речи, отличающиеся большим красноречием и образованностью, среди интеллектуальных дам Рима.

ГЛАВА VII ИМПЕРАТРИЦЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Дом Сезара погиб вместе с Нероном, и мало кто из трезвомыслящих людей мог сожалеть о том, что у него нет живого представителя, который мог бы покорить воображение легкомысленного народа или слепую склонность гвардейцев. Должно быть, в Риме жили люди, которые были свидетелями всей этой ужасающей деградации, столь стремительной. Цесари за сорок с лишним лет прошли путь от трезвости Октавиана до безумия Нерона; их супруги опустились от сильной Ливии до безрассудства Поппеи; ресурсы империи были растрочены на зрелища, которые оставили ее народ без нервов и разврата; старый римский идеал характера был почти уничтожен в императорском городе. Мы хотели узнать, какую роль сыграли императрицы в этой печальной истории четырех десятилетий. В целом, их биографы должны краснеть, признавая это. Однако мы должны помнить, что продажные правители обязательно выбирали слабых или продажных жен, и мы не можем выразить удивление или разочарование, когда обнаруживаем, что они плывут по течению.

Теперь нам предстоит открыть новую, более привлекательную галерею императорских портретов, чтобы рассмотреть жен тех великих императоров, которые восстановили высокий характер Рима и заново укрепили ткань империи. Очень краткого обзора событий будет достаточно, чтобы связать Цезарей с Антонинами и представить нам один или два любопытных типа императриц, которые смутно проступают в переходном периоде.

В течение года после падения Статилии Мессалины трон императрицы оставался вакантным, а трон императора занимали три человека подряд. Гальба был вдовцом к

моменту своего восшествия на престол. В одной из предыдущих глав мы видели, что Агриппина хотела выйти за него замуж двадцать шесть лет назад, но он отказался. Его жена, Лепида, была деликатной женщиной с прекрасным характером, и он отказался разводиться с ней. У нее была энергичная защитница в лице ее матери, которая стойко боролась с Агриппиной и, если верить истории, наложила на нее руки справедливого патриция. Но Лепида умерла задолго до того, как ее муж стал императором, и он отказался жениться снова. Его правление было недолгим. Традиция обвиняет его в излишней суровости и скупости. Это были несвоевременные пороки, но Рим слишком долго привыкал к снисходительности, а Гальба был слишком самоуверен. Недовольство в Риме разгорелось после известия о восстании в провинциях, и через несколько недель гвардейцы, которым он отказал в обычном пожертвовании, поставили нового императора и предали Гальбу смерти.

Новым правителем стал не кто иной, как первый муж Поппеи, товарищ Нерона по пирушкам, Сальвий Оттон. Рим приветствовал этот выбор и ожидал, что цирк и театр вот-вот вновь откроют свои двери. Но Оттон, возмужавший за годы службы в Испании, с отвращением отвернулся от них. Правда, он восстановил статуи Поппеи и собирался восстановить выброшенные статуи Нерона, но отчуждение римских чувств от него - доказательство того, что он намеревался править трезво. Тот же дух прослеживается в том, что он переписывался со Статилией Мессалиной и, по-видимому, думал на ней жениться. Но легионы в провинциях почти сразу же восстали против него, и в разгар борьбы он покончил с собой.

Двенадцать месяцев в Риме не было императрицы. Со смертью Оттона и воцарением Вителлия мы приходим к одиннадцатой императрице, Галерии Фундане, совершенно новому и несочетаемому типу в ряду императорских женщин.

Имя Вителлия нам уже знакомо. Его отцом был тот пресыщенный придворный, который внушил Калигуле мысль о том, что он бог, и который носил под туникой одну из маленьких шелковых туфель Мессалины. Его жена, Секстилия, была женщиной строгой морали и неамбициозного нрава, но их сын, младший Вителлий, жил в слишком порочной атмосфере, чтобы предпочесть простоту матери ремеслу и жадности отца. Он научился пороку в шайке молодых людей, которые принесли столь дурную славу вилле Тиберия на Капри, и проворно прокладывал себе путь во время правления Калигулы, Клавдия и Нерона. Он сколотил немалое состояние, будучи проконсулом Африки, а по возвращении в Рим женился на Петронии, дочери богатого консула. Она записала свое большое состояние на сына, и когда Вителлий, растратив свое богатство в роскоши и разгуле, решил пожертвовать сыном ради сохранения состояния, принадлежащего его имени, Петрония гневно запротестовала и развелась с ним.

Затем он женился на Галерии Фундане. Она, по словам Тацита, была "образцом добродетели", но поскольку этот недостаток, как мог бы убедиться Вителлий, сочетался с простотой лица, скромностью вкуса и скучным, если не сказать ущербным, общением, то этот брак был в высшей степени несчастлив. Вителлий настолько растратил свои деньги, что не смог оплатить свои расходы в Нижней Германии, когда Гальба поручил ему командование тамошними войсками. Как он получил это важное назначение, неясно. Одни говорят, что Гальба выбрал его, потому что он не был честолюбив; другие - что он добился его благодаря влиянию "синей" фракции в Цирцее, приверженцем которой он был. Он заложил свой дом, а Секстилия продала свои драгоценности, чтобы получить средства на путешествие. Фундана и ее ребенок остались в бедной хижине в Риме, не подозревая, что через несколько недель их вызовут из нее в "золотой дом" Нерона.

Недвусмысленно говорится, что Секстилия и Фундана не имели честолюбия и боялись, что Вителлий будет стремиться достичь головокружительных высот, которые обещал ему какой-то ранний пророк. Поэтому они были встревожены, услышав вскоре после его прибытия на Рейн, что войска предлагают обеспечить ему трон. Его мягкое и снисходительное отношение к солдатам было предательством по отношению к суровому Гальбе, и, возможно, было сделано намеренно, чтобы заручиться их поддержкой. Он стал очень популярен, и его провозгласили вторым Германиком. Вскоре Гальба был убит, и, поскольку германские легионы не принимали участия в выборе Оттона, они призвали Вителлия возглавить их против него. Вителлий некоторое время колебался между безопасными и значительными средствами для самооболащивания, которые он имел как полководец, и неопределенной, но неизмеримо большей перспективой, которую трон предлагал его чувственным мечтам. Офицеры победили его колебания, и он отправился в Рим в тылу восьми легионов, которые заявили о своей поддержке.

Секстилию и Фундану, казалось, грозила опасность, когда в Рим пришло известие, что Вителлий идет на город. Говорят, что Вителлий угрожал расправой, если пострадает его семья, но нет никаких признаков того, что Оттон опустил бы до мести женщинам и детям. Они видели, как он вышел во главе своих войск, чтобы дать бой Вителлию, и вместе со всем Римом с нетерпением ждали, чем закончится гражданская война. И вот, когда сенат и народ наслаждались театральной суматохой, прискакал всадник с известием, что Отто покончил с собой, а Вителлий ведет свои германские войска на Рим. Сенат и народ сразу же объединились, чтобы принять его, и послали ему титул Августа. Он вежливо отказался от него и продолжил неспешный поход на город. В летописи Рима было много триумфальных шествий по дорогам Италии, но ни одно не было столь необычным, как у нового монарха. "Дороги от моря до моря стонали от бремени его роскоши", - говорит Тацит; и если мы не доверяем Тациту, как поклоннику соперника и преемника Вителлия, все римские писатели сходятся во мнении, что первым применением его верховной власти было повеление о грандиозном служении его чувственным аппетитам. Он приказал своим легионам медленно двигаться на юг, в то время как сам, в их сопровождении, истощал каждый следующий регион своими деликатесами и наполнял дни и ночи своими княжескими пирами. Его пример воодушевил дикие германские войска, и их марш можно было проследить по всей Галлии и Италии по их грабежам, жестокости и разврату.

Постоянные сообщения из провинций, несмотря на тревогу, вызывали в Риме смех. Люди помнили, как за несколько месяцев до этого принц-эпикурей укрывался в бедном квартале города, избегая темниц. С скромные и добродетельные Секстилия и Фундана болезненно реагировали на пустую лесть, которой их награждали, и с отвращением следили за походом императора. Он приближался к Риму во главе шестидесяти тысяч человек. Легионы рослых, свирепых, одетых в меха германцев с тяжелыми копьями громыхали по итальянским дорогам и наводили ужас на крестьян. В их тылу находилась огромная армия рабов, поваров, комедиантов, возниц и других служителей императорского аппетита. Он послал за всеми слугами и назначенцами Нерона. Говорили, что он даже намеревался нарушить одну из самых священных традиций города, войдя в него в полном вооружении, во главе армии с обнаженными мечами; но друзья, встретившие его на Мильвийском мосту, уговорили его сменить костюм и спрятать мечи своих солдат. Он вошел в гражданской тоге во главе грозных германцев, его офицеры были одеты в белое, так как несли орлов. Посетив Капитолий и обратившись к сенату в выражениях приятной покорности этому органу и несколько тошнотворной похвалы самому себе, он поселился в великолепном дворце Нерона вместе с Фунданой и ее ребенком. Его войска, развратные от свободы похода, в

беспорядке разбрелись по городу, и Рим смирился с неблагоприятным правлением своего восьмого императора.

О девяти месяцах, в течение которых Галерия Фундана была императрицей Рима, можно сказать так: она была беспомощным и отвратительным зрителем самого императорского разврата, который Рим когда-либо видел. Дио странным образом обвиняет ее в том, что она надменно жаловалась на бедность одеяний, которые нашла в золотом доме Нерона, но свидетельства ее скромности слишком сильны, чтобы мы могли это признать. Более достоверным является утверждение летописцев о том, что она умоляла позволить ей удалиться в скромное жилище, и Вителлий отказался. Его мать недолго переживала свое унижение. Один из слухов, сохранившихся у Суетония, гласит, что Вителлий уморил ее голодом, поскольку предсказывал, что она переживет его; по другой версии, он послал ей яд по ее же просьбе. Фундана осталась одна, чтобы оплакивать его колоссальное обжорство. Она видела, как его начальники поощряли его одурманивающие оргии, в то время как сами обогащались; и ей приходилось молча подчиняться, пока его невестка Триария, "женщина с мужской свирепостью", побуждала его к дальнейшим излишествах. За несколько месяцев своего правления он потратил 900 000 000 сестерций (около 7 000 000 фунтов стерлингов) на еду, питье и развлечения. В течение дня он принимал пищу три раза, а заканчивал ее дорогим и пьяным ужином. Однажды его брат устроил для него банкет, на котором было подано две тысячи отборных рыб и семь тысяч редких птиц. Вителлий в ответ устроил банкет, на котором одно блюдо, состоящее из печени фазанов, языков фламинго, мозгов павлинов, внутренностей миног и икры кефалей, стоило больше, чем весь обед его брата.

От этой отвратительной и глупой мечты об императорской власти Вителлий был разбужен отголосками восстания в провинциях. После нескольких тщетных казней и нескольких рецидивов своего пагубного обжорства он был вынужден отправиться на север. Однако он быстро вернулся и бродил по Риму в истерическом бессилии, в то время как последователи Веспасиана наседали на город. Началась гражданская война, и римляне с ужасом смотрели на священный Капитолий, осажденный германскими войсками и полыхающий огнем. Наконец Вителлий вышел с Фунданой и ее ребенком, одетым в траур, и объявил, что уходит в отставку. Консул отказался от меча, и траурная процессия направилась к дому его брата. Его уговаривали вернуться во дворец, но Веспасианисты захватили Рим, и его отвезли в дом Фунданы на Авентине. Оттуда он каким-то образом пробрался обратно во дворец. "Ужасная тишина ужаснула его; он пытался заглянуть в закрытые двери и с содроганием смотрел на пустые покои", - говорит Тацит. Ошеломленный и неспособный к бегству, он спрятался в грязной комнате, где содержались собаки. Здесь его нашли солдаты, растерзанного и истекающего кровью, и заставили ходить по улицам, держа его голову поднятой острием меча, а люди бросали в него грязь и эпитеты. Затем его убили медленной и мучительной смертью и бросили останки в Тибр.

Фундана была пощажена, а ее дочь с почестями выдана замуж его великодушным преемником. Из краткого и нежеланного блеска "золотого дома" она ушла в частную жизнь и жила лишь для того, чтобы оплакивать жестокую судьбу, вознесшую ее мужа на пьянящую высоту римского трона.

В царствование Веспасиана и Тита императрицы не было, но можно сказать несколько слов о двух замечательных женщинах, которые в той или иной степени разделяли их власть. Веспасиан, чье трезвое и твердое правление было бы приятно противопоставить оргиастическому правлению его предшественников, был грубым солдатом, скромного происхождения и домашнего уклада. Во времена Калигулы он женился на любовнице рыцаря Флавии Домитилле, которая осталась лишь именем в хрониках. Он отличился при

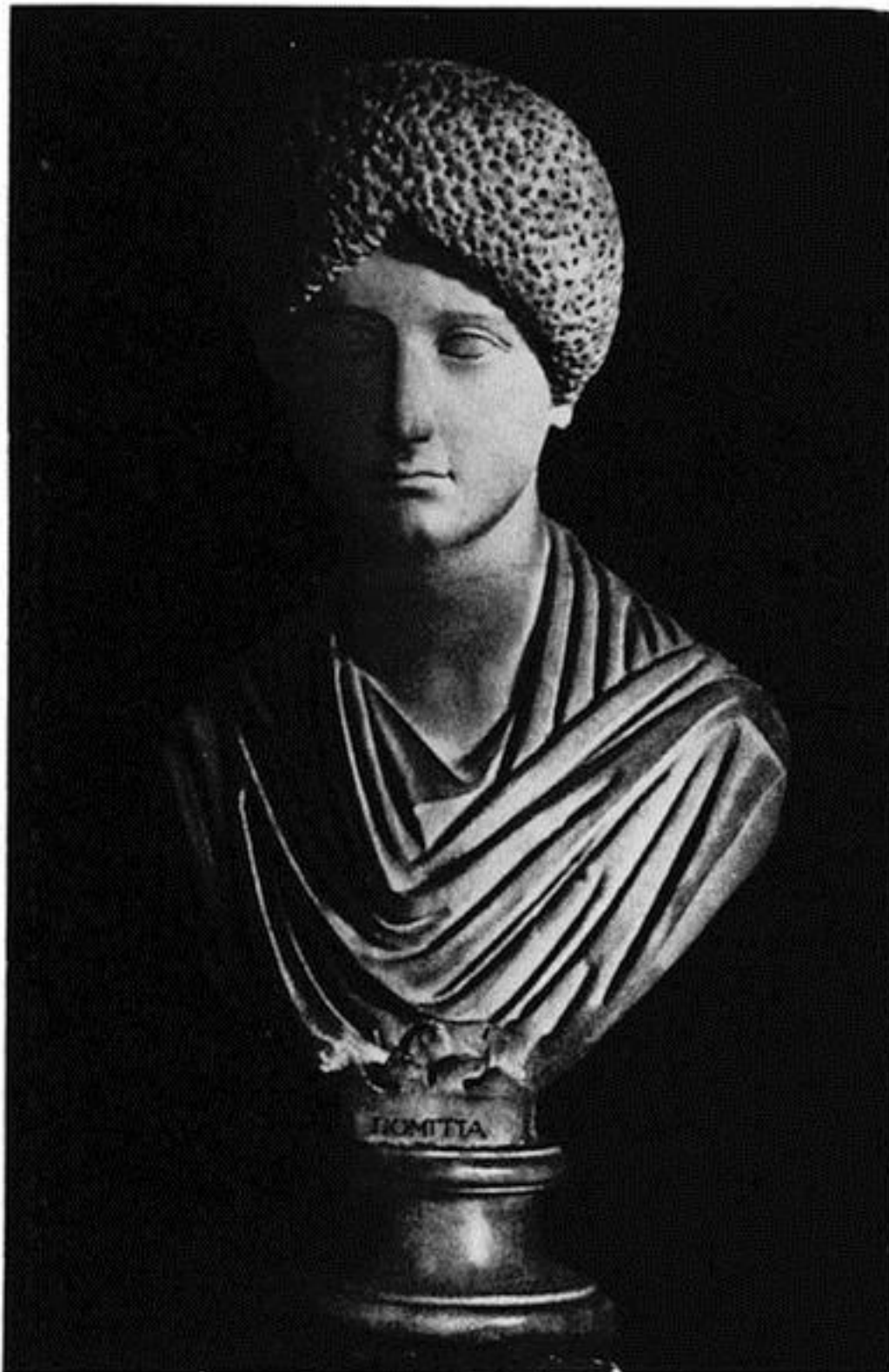
Нарциссе, но триумф Агриппины отправил его и Домитиллу в изгнание. Нерон нанял его для подавления восстания в Иудее, и именно во время этой кампании умерла его жена, оставив ему двух сыновей - его преемников Тита и Домициана. Поэтому он был вдовцом, когда восточные войска сделали его императором, но он взял в свой дворец и обращался как с императрицей с освобожденной рабыней по имени Ценис.

Любовница Веспасиана имеет честь быть связанной - активно и полезно - с ним в одной из самых надежных попыток восстановить разлагающуюся империю. Она была на службе у Антонии, бабушки Агриппины, и, как говорят, именно она первой раскрыла Тиберию коварство Сеяна. С самого начала она была опасной соперницей Домитиллы, и, когда его жена умерла, Веспасиан вступил с ней в квазибрачные отношения, которые в римском праве называются *contubernium*. Она, вероятно, стала бы императрицей, если бы закон позволил ему заключить с ней торжественный брак. Она обладала значительными способностями, но имела дурную репутацию из-за вымогательства и продажи должностей. Однако нельзя сказать, что полученное ею богатство не способствовало восстановлению ресурсов империи Веспасианом. Они забросили и разрушили золотой дом Нерона, центральное место которого сейчас занимает Флавианский амфитеатр, или Колизей. В своих тихих садах в Квиринале они принимали всех граждан, которые хотели их посетить, и не ставили робкую солдатскую изгородь между собой и своим народом. Они желали, чтобы деньги тратились на общественные нужды или копились на случай чрезвычайных ситуаций, а не разбазаривались. "Моя рука - основание статуи: дай мне денег", - сказала Сенис богатому человеку, который предложил воздвигнуть ей статую; но Дио сообщает нам, что эта и другие истории о скупости Сенис принадлежат Веспасиану. Однако она умерла - если дата, указанная Дио, верна - на втором году правления Веспасиана, и не следует приписывать ей слишком большую долю в том великом очищении Рима и оживлении его здоровой провинциальной кровью, которое Тацит считает началом восстановления империи.

Тит, сменивший своего отца в 79 году и правивший два года, одно время грозил дать Риму еще более необычный и нежелательный тип императрицы. В ранней молодости он женился на Аррицидии Тертулле, которая вскоре умерла, а затем на Марции Фурнилле, даме из знатного рода. Он оставил свою жену в Риме, когда принял командование под началом своего отца в Иудее, и влюбился в блестящую принцессу из рода Иродов, Беренику. Он развелся с Фурниллой и привез Беренику жить с ним в Рим. Но римляне возмутились перспективой иметь еврейскую императрицу, и она была вынуждена вернуться. При вступлении на престол он не сделал ни одной попытки навязать ее им. Он царствовал один в течение двух лет, "любовь и восторг рода человеческого", и поддерживал трезвое правление своего отца.

С воцарением его младшего брата, Домициана, Рим получил новую императрицу и, по несчастливому стечению обстоятельств, увидел, как императорский дворец вернулся к порочным путям Сезаров. Те, кто в наше время придает почти все значение происхождению или рождению и мало внимания уделяет обстоятельствам при формировании характера, найдут в Домициане и его жене особую проблему. Император был вторым сыном "простого сабинского мещанина" и крепкого солдата Веспасиана и скромной провинциалки Флавии Домитиллы. Императрица, Домиция Лонгина, была дочерью Домиция Корбула, одного из самых сильных и умелых полководцев, которых Рим произвел на свет в первом веке. Однако от этих крепких и энергичных предков в одном поколении произошли один из самых болезненных императоров и императрица, которая в некоторых отношениях соперничала с Мессалиной. Рим знал их обоих и не питал ложных надежд.

Домиция - так ее обычно называют - впервые предстает перед нами юной девушкой большой красоты и перспектив, которую ласкают и защищают богатство и престиж ее выдающегося отца, который, что интересно, был братом мужественной жены Калигулы - Цезонии. Она была замужем за знатным и известным человеком, Луцием Илием Ламием Эмилианом, и, похоже, была достойной молодой матроной, пока ее отец не вызвал гнев Нерона и не был вынужден покончить с собой. Прокопий и Иосиф, правда, представляют ее добродетельной до конца, но, кажется, мало места для сомнений в том, что более близкие и менее снисходительные авторитеты правы. Ее юному уму открылись гнусные сцены последнего периода правления Нерона и безрассудство Вителлия. Затем она познакомилась с очаровательным и женоподобным Домицианом и очень быстро капитулировала перед его нападками.

ДОМИЦИАН

БЮСТ В ГАЛЕРЕЕ УФФИЦИ, ФЛОРЕНЦИЯ

Гиббон говорит о нем как о "робком и бесчеловечном Домициане", а Дио открывает свой биографический очерк об императоре нарочитым эпитетом "смелый и гневливый". Мы обнаружим вполне естественный страх перед убийством в поздние годы жизни Домициана, но он, несомненно, был смел и хитер на службе у Венеры и чужд моральных чувств. Его

старший брат Тит развил мужественные качества своего отца на полях сражений в Иудее и оказался достаточно сильным, чтобы подавить его нестандартные чувства при вступлении на престол. Домициан остался в Риме, выполняя только гражданские обязанности, и стал одним из самых бессердечных щеголей в группе деградирующих молодых патрициев. Во время гражданской междоусобицы вителлианистов и веспасианистов на улицах Рима он скрылся, переодевшись жрецом Изиды. Тит знал о его порочном и роскошном поведении и попытался остановить его, предложив ему в жены свою очаровательную дочь Юлию; но Домициан был занят тем, что очаровывал красивую и опытную жену Ламия Эмилиана, и отказался. Тит, вступив на престол, привлек его к управлению страной, и первым его действием было разлучить свою любовницу с мужем и жениться на ней.

Триумф Домиции быстро сменился разочарованием. Юлия вышла замуж за своего кузена Сабина, и Домициан, то ли из досады, то ли из дьявольских побуждений, обнаружил ее очарование и соблазнил ее. Для такой пары обретение верховной власти означало повод для императорской вольности, и трезвомыслящие римляне видели, как их общество стремительно теряет позиции, завоеванные в предыдущие царствования. Ходили даже слухи, что Домициан ускорил смерть своего брата, положив его в ящик со снегом во время последней болезни, хотя это не более чем досужие сплетни. Как бы то ни было, Домиция вскоре узнала о презренном характере, ради которого - или ради чьих перспектив - она бросила своего здравомыслящего мужа. Пока дела империи требовали его самого пристального внимания, он часами ловил мух и плевался ими; а от плеванья мухами он вскоре перешел к более серьезному занятию - убийству людей. Он вел свои маленькие пограничные войны из безопасных и роскошных кварталов, а вернувшись домой, наслаждался триумфом и воздвигал колоссальный бронзовый памятник своей доблести. Он изгнал евнухов из Рима и держал их в своем дворце; он вел войну против порока во всех формах и практиковал его во всех формах. В условиях общего смягчения римских нравов даже весталкам-девственницам на несколько десятилетий было разрешено смягчить обременительный обет. Домициан выдавал себя за моралиста, не имея на то никаких других оснований, кроме того, что он был близко знаком со всеми оттенками безнравственности и жестоко карал их. Он возводил прекрасные общественные здания и опустошал государственную казну безрассудными тратами и некомпетентным управлением; преследовал чиновников за вымогательство и предавал смерти людей за их богатство; давал блестящие развлечения и омрачал город и империю своей кровожадной задумчивостью.

Если мы примем оценку Иосифом добродетели Домиции, то должны будем представить ее живущей в меланхолическом уединении в мрачном дворце, возмущенной зрительницей отношений своего мужа с Юлией. Но есть веские доказательства того, что она искала облегчения с чем-то вроде свободы Мессалины. Достоверный случай, произошедший в третий год правления Домициана, ставит ее вину под сомнение. Он приказал убить на улице актера Париса и развелся с Домицием. Народ смело сочувствовал ей и усыпал цветами место, на котором был убит Парис. Император приказал казнить нескольких из них, но общественное мнение, видимо, было настолько сильно, что он был вынужден отозвать Домицию во дворец, и гнусная комедия продолжалась под насмешки Рима. Один поэт был предан смерти за то, что сделал это темой своих стихов; бывший муж Домиции и другие были казнены за свободу слова. Затем прекрасная и пленительная Юлия несчастно погибла в попытке Домициана уничтожить слишком очевидные доказательства их кровосмешения, и он стал мрачен как никогда.

Здесь не место рассказывать длинную и тоскливую историю правления Домициана, в течение двенадцати последующих лет императрица оставалась незаметным и, возможно,

отрезвленным зрителем. В течение нескольких лет он сохранял свое необычное и непонятное сочетание добра и зла, но постепенно светлые черты его правления поблекли, и на дворец и город опустился ужасный мрак. Появились целые сонмы шпионов и доносчиков; множество вельмож обоих полов были казнены или изгнаны по малейшему подозрению, а их богатства делились между доносчиками и сокращающейся казной императора. Император так боялся убийств, что облицовывал портик своего дворца, по которому обычно ходил, белой глазурованной плиткой, которая отражала приближение любого человека, стоящего позади него. Но одного необычного случая, о котором рассказывает Дио, достаточно, чтобы составить представление о царившем в Риме терроре, от которого страдала императрица и весь Рим.

Несколько ведущих граждан Рима были созваны на банкет во дворце в поздний час ночи. Они замерли от ужаса, когда обнаружили, что вся столовая - стены, потолок и пол - задрапирована черным, а напротив каждого гостя установлено миниатюрное надгробие с выгравированным на нем именем. Пока они главели, в зал ворвались несколько обнаженных мальчиков, чьи тела были вымыты чернилами, и стали танцевать среди них, а затем были поданы блюда похоронного банкета. Гости сидели молча и дрожали, а император мрачно рассказывал им о смертях и казнях. Когда банкет закончился, они с облегчением обнаружили, что их отпустили. Однако они обнаружили, что их литеры отосланы, и их посадили в странные машины, с незнакомыми слугами. Мрачное путешествие закончилось в их собственных домах, и они уже начали выдыхаться, когда их вновь охватила тревога от известия, что из дворца прибыл гонец. Посыльным к каждому гостю был один из танцующих мальчиков, уже вымытых, надушенных и одетых в цветы, с золотыми и серебряными сосудами, которые гость использовал на пиру. Мальчики и блюда вручались им вместе с приветствием императора.

К несчастью, Домициан не ограничился запугиванием. Головы богатейших вельмож падали одна за другой, и в глубокой тайне, в окружении целой армии шпионов, императрица и некоторые другие пришли к согласию. История фактического падения тирана, несомненно, была приукрашена множеством недостоверных деталей в народных сплетнях, но даже в самом трезвом варианте она не лишена романтики.

Версия, которую, как уверяет Дио, он "слышал", должна быть принята добросовестным историком без колебаний. Император, говорит он, был проинформирован о заговоре и составил список тех, кто должен был быть казнен за участие в нем. Он положил список под подушку вместе с мечом, который всегда держал там, и лег спать. Мы уже видели украшенных мальчиков, которые свободно бегали по дворцам римлян I века. У Домициана, великого цензора чужих пороков, их было несколько, и, по легенде, один из них, играя в своей спальне, заметил пергамент под подушкой и вынес его во дворец. Домиция встретила с мальчиком и бросила праздный взгляд на пергамент. Увидев свое имя во главе списка приговоренных, она тут же созвала остальных заговорщиков. Они вошли в комнату императора, выхватили меч из-под подушки и отправили его в путь.

Как бы ни была красива эта история, мы должны предпочесть более прозаический рассказ Суэтония, жившего в следующем поколении. Домиция почувствовала, что император наконец-то замыслил покушение на ее жизнь, и послала своего управителя, чтобы тот отстранил его. Тот предложил Домициану выдуманный доклад о заговоре и заколол его, пока тот читал его. По сигналу вбежали другие слуги и завершили убийство. Это единственный поступок, который историки записали в честь двенадцатой императрицы Рима, и мы покидаем ее общество без особого сожаления. Она была обычной женщиной патрицианского мира того времени - стройной, хрупкой, утонченной и роскошной. Со

смертью мужа она вливается в неразличимую толпу эгоистичных и своенравных дам, на которых Ювенал в то время начинал изливать свою преувеличенную риторику.

Остается вкратце описать, как скипетр переходит в более благородные руки стоических императоров и их жен. Трон был предложен и принят Кокцеем Нервой, престарелым аристократом, известным своей умеренностью и долгой государственной службой. Он сразу же устранил все следы ненавистного правления своего предшественника и приступил к трезвому и полезному управлению империей. Ему было около шестидесяти лет, и мы не находим упоминаний о жене. Но задача по принуждению к трезвости столь развращенного населения оказалась слишком сложной для его возраста и умеренных способностей. Против него был раскрыт заговор. Он обезоружил заговорщиков, пригласив их сесть рядом с ним в театре и даже дав им в руки меч и спросив, что они думают о его остроте; но он видел, что нужен более сильный человек, и выбрал своим коллегой Марка Ульпия Нерву Траяна, испанца с большими военными способностями и властным характером, который в то время стоял во главе войск в Германии. Вскоре после этого Нерва умер, и с воцарением Траяна мы имеем дело с тринадцатой императрицей Рима и началом новой, более великолепной главы в истории империи.

ГЛАВА VIII ПЛОТИНА

"Если бы, - говорит Гиббон, - человека призвали указать период в мировой истории, в течение которого состояние человеческой расы было наиболее счастливым и процветающим, он, не задумываясь, назвал бы тот, что прошел со смерти Домициана до воцарения Коммода"; а про Антонина Пия и Марка Аврелия он замечает, что "их совместное правление - возможно, единственный период в истории, когда счастье великого народа было единственной целью правительства".

Этой монументальной хвалебной речи о периоде, к которому мы сейчас приближаемся, - хвалебной речи, которую более глубокие исследования Ренана и более поздние исследования М. Буассье и Д. Дилла ничуть не уменьшили, - будет достаточно, чтобы предостеречь неопытного читателя от древней и популярной легенды о том, что Рим продолжал тонуть под бременем своих пороков, пока не превратился в могилу изживших себя народов. При императрицах, которых мы сейчас рассмотрим, в Римской империи произошло значительное улучшение характера и восстановление сил, но прежде чем мы перейдем к этой более светлой фазе, я хотел бы выразить краткий протест против общего преувеличения мрачности пройденного нами периода. Даже при худших правителях Рим был далеко не полностью развращен. Пороки Мессалины, преступления Агриппины и безрассудства Поппеи так ярко выделяются в этот период только потому, что они были совершены на высоте трона. Даже они вряд ли были хуже, чем преступления и безрассудства жен или любовниц королей во многие другие, менее порицаемые периоды истории; и если вы захотите их сосчитать, то лилий в этой первой серии императриц было столько же, сколько маков, но лилии поникли раньше, и их меньше замечали. Всякий раз, когда в ходе нашей истории свет переходил от трона к менее возвышенной толпе, мы находили прекрасные характеры, смешанные с порочными, даже в самые мрачные годы ранней

Империи. Головы, павшие перед императорскими чудовищами, были столь же многочисленны, как и склонившиеся головы.

На самом деле, если нас не вводят в заблуждение поспешные обобщения и плебейские диатрибы, которые Ювенал в своих "Сатирах" основывает на сомнительных сплетнях, собранных им на задворках римского общества, и от которых историки теперь предостерегают нас, в ранней империи существовало такое же разнообразие поведения, как и в большинство соответствующих периодов роскоши. Более богатые женщины Рима, несомненно, далеко не дотягивали до замкнутой добродетели служанок и матрон Греции; но Греции удалось сохранить этот стандарт домашней добродетели в своих женах и дочерях только благодаря культивированию высокой касты куртизанок для своих бродячих мужей. Можно также признать, что римская женщина в моральном отношении уступала жене египетского аристократа, а также жене знатного или богатого купца в Вавилонии. Но женщины-патрицианки даже кесарева Рима могут сравниться с женщинами большинства более поздних цивилизаций на той же стадии развития; на той стадии, то есть когда нация расслабляется от напряжения создания империи, а ее вены наполняются богатством ее завоеваний. Я бы привел в пример женщин ранних тевтонских народов, как только они обосновались на юге Европы; женщин Италии в раннем Средневековье; женщин Англии при Стюартах и, после более поздней экспансии, при Джорджах; женщин Франции при Людовике XIII и Людовике XIV; женщин России в XIX веке. В Риме, несмотря на позитивное настаивание на пороке Калигулы, Мессалины и Нерона, несмотря на их решительные усилия по отсеиванию хороших людей, мы находим добродетель и мужество, возникающие заново в каждом поколении.

Теперь мы подошли к периоду, когда за три столетия до падения Рима империя очищается от своей исключительной испорченности, а характер приобретает то нормальное разнообразие, которое присуще любой старой и богатой цивилизации. Город Рим, безусловно, был порочен и находился в упадке. Но город не был Империей, как забывают те риторы, которые говорят о ее полной деморализации. В течение полувека Рим был насквозь пропитан разлагающим влиянием; но в провинциях было вполне нормальное количество сильной воли и высокого характера, и теперь они более свободно вливаются в метрополию. Только благодаря такому же притоку более здоровой крови из провинций любой великий город выживает после лихорадочного разбазаривания своих тканей. В Риме этот процесс затормозился, потому что провинциалы, даже в Италии, но особенно в Галлии и Испании, были чужой расы. Рим ревностно помнил, что он - завоеватель, а остальные - покоренные. При Веспасиане, однако, провинциалы стали приниматься более свободно, а с приходом к власти испанца Траяна этот процесс усилился.

В отдаленном и примитивном поселении, которое Агриппина основала на берегу Рейна, где башни Кельнского собора теперь стерегут великолепный город, в 97 году жил командующий войсками в Нижней Германии Марк Ульпий Траян с женой и несколькими родственницами. Траян происходил из умеренной испанской семьи и, как и его отец, проложил свой собственный путь на военной службе империи. Он был неамбициозен, но популярен. Крупный, красивый мужчина сорока пяти лет, с необычайно изящной осанкой и спокойными чертами лица, он очаровывал всех своей простотой и приветливостью, любил хорошую пирушку и грубую солдатскую шутку. Его жена Плотина была простой, честной матроной неизвестного происхождения. Предполагалось, что она была родственницей Помпея Планта, в свое время губернатора Египта, но единственным основанием для такого предположения является то, что Планта был другом Траяна. Поскольку она не обладала ни красотой лица, ни романтическими недостатками характера, летописцы оставили ее в

основном нашему воображению; но она была типом женщины, которую нетрудно представить - женщина с простыми чертами лица, ровным суждением и тем, что эвфемистически называют серьезным, но приятным разговором. Она ни в коем случае не была блестящей, но ее близкая дружба с Адрианом говорит о том, что она не была слишком скучной и прозаичной и имела претензии на культуру. Ее пути были просты, и ее характер может быть избавлен от единственного обвинения, выдвинутого против нее. Она вполне сопоставима с Ливией, но как высшая *буржуазия* сопоставима с *гранд-дамой*. Одним словом, в ней не было осеннего колорита, красоты увядания, присущей женщинам Сезарии, но она обладала менее эстетичным и более полезным качеством, которого им не хватало, - добросовестностью. Для придворного Плиния ("Панегир.", 83) она - воплощение всех добродетелей.

Вместе с ней в Кельне находились сестра Траяна Марциана, вдова с таким же цветом лица, как и Плотина, и дочь Марцианы Матидия, у которой, в свою очередь, было две дочери, Сабина и Матидия. Можно представить себе, как взволновалось это спокойное заведение среди лесов Германии, когда из Рима прибыл гонец с известием, что Траян избран коллегой императора. Они покинули Рим за шесть лет до этого, в середине правления Домициана. Однако, судя по всему, они очень спокойно восприняли перспективу переезда из лагеря на Рейне в императорский дворец. Хотя Нерва умер в январе следующего (98) года, Траян остался на год в Германии, завершив свою задачу по укреплению границы против северных варваров. Затем семья отправилась в долгое путешествие в столицу.

Слава о простоте и любезности Траяна шла впереди него, но Рим с удивлением смотрел на императора, который мог ждать целый год, прежде чем занять дворец, войти в город пешком, без стражи, и так приветливо разговаривать с любым из своих подданных. Плотина не сразу показала, что перед ней императрица нового типа. Поднявшись по ступеням дворца, она обернулась и сказала тем, кто стоял внизу: "Входя сюда сегодня, я верю, что покину его, когда придет время". Удивительная приветливость, простота и умеренность императорской четы пленили римлян, и Траян ответил на их добрую волю самыми разумными и неустанными усилиями на государственной службе. Он сразу же уничтожил отвратительный выводок доносчиков, проверил коррумпированных чиновников и назначил на государственные должности лучших людей. Равнодушный к великолепию и роскоши даже скромного дворца Веспасиана, он провел большую часть своего правления в пограничных войнах или в дальних путешествиях, чтобы укрепить ослабленный каркас империи; он обогатил и украсил Рим так, как не делал ни один император со времен Октавиана.

То, что его энергично поддерживала Плотина, совершенно точно, и есть свидетельства того, что она была не просто сочувствующим свидетелем его трудов. Император Юлиан рассказывал, что Траян часто обращался за советом к Плотине, и тот всегда был дельным. В начале его царствования ей довелось использовать свое влияние. Траян настолько не любил доносчиков, что, когда в провинции произошел случай реального вымогательства, пострадавшие не смогли донести до него. Они обращались к Плотине, и та разумно представляла дело своему мужу и добивалась облегчения. Она оказывала и другую полезную помощь, так что сенат предложил ей и Марциану титул Августы. Они отказались, как Траян отказался от предложенного ему особого титула, но он смирился, и они последовали его примеру.

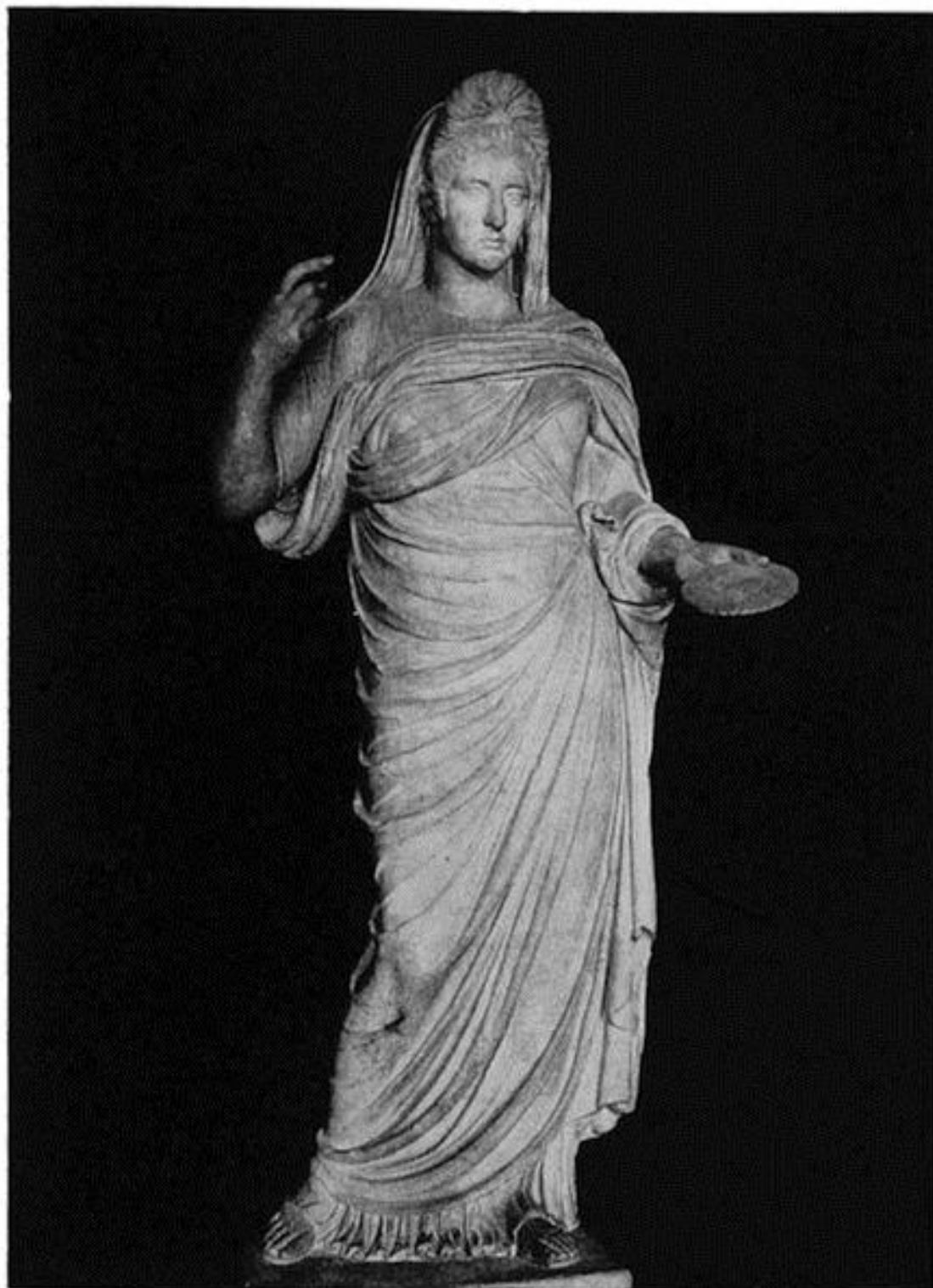
Таким образом, правление Траяна и Плотины было одним длинным эпизодом напряженной и просвещенной государственной службы, но прежде чем мы перейдем к рассмотрению их достижений, следует попытаться получить более близкое представление об их личностях. В

этом летописцы оказывают нам мало помощи, и результат не может быть очень интересным. Биограф всегда с горечью осознает, что описание трезвой жизни - жизни, которая не опускается на нижние уровни порока и не взлетает на непривычные высоты добродетели, - не представляет особого интереса для большинства его читателей; а именно такой была жизнь императорского двора в течение двадцати лет правления Траяна. Сам император не был образцом. Предпочитая легкую жизнь в лагере, он несколько много пил по ночам, его шутки были грубоваты, и его часто обвиняли в пороках, которыми так часто заражались мужчины Империи. Однако в длинной череде императоров в расцвете сил он отличался тем, что ни одна женщина не разделяла и не оскверняла его привязанности к Плотине. Гиббон заметил, оправдывая поведение своего преемника, что "из первых пятнадцати императоров Клавдий был единственным, чей вкус в любви был совершенно правильным". Это было бы высоким комплиментом для Мессалины, но на самом деле, как мы видели, Клавдий не имел права на такое отличие. Обвинение против Траяна расплывчато, и мы скорее должны присудить это отличие ему. Меривейл несколько резко отзывается о нем как о человеке, сохранившем самоуважение только благодаря прямоте своего нравственного чувства. Если мы поставим на чашу весов его сильное чувство общественного долга и верность в сравнении с его единственной определенной поблжкой - выпивкой, то вряд ли согласимся с таким вердиктом.

Добродетель Плотины, напротив, подвергалась более серьезным нападкам со стороны как древних, так и недавних авторов. На службе у императора находился очень красивый и опытный юноша по имени Адриан, сирота, обладавший большим вкусом и искусством в искусстве и письме. Он был нанят Траяном в Кельне как для военной службы, так и для того, чтобы заполнить долгие ночи случайными пирушками, и после их возвращения в Рим он стал большим любимцем дам во дворце. Они образовали небольшой кружок, в котором обсуждали письма и покровительствовали литераторам. В это время происходило нечто вроде литературного возрождения; это был век Ювенала, Марциала, Квинтилиана, Плиния, Суетония, Цельса и Дио Хризостома. Адриан был блестящим учеником, и он ценил этот открытый и легкий путь к отличию. Траян представлен как компаньон молодого человека, но не считал его подходящим для продвижения по службе, так что Плотине пришлось настоять на своем и, в конечном счете, сделать судьбу будущего императора. Великолепный мавзолей, который Адриан воздвиг в память о ней, долгое время свидетельствовал о его горячей и благодарной привязанности.

В этом представлении много преувеличения. Мы увидим, что Траян продвигал Адриана таким образом, чтобы обозначить его в глазах всех как своего преемника; а его главными советниками в этом деле были государственные деятели Сура и Аттиан. В любом случае, нет никаких доказательств того, что Плотина, которая, должно быть, была на двадцать лет старше Адриана, испытывала к одаренному и очаровательному юноше нечто большее, чем вполне естественную симпатию. Плиний упоминает, что ее дружба с ним породила сплетни, но настаивает, что она была "самой добродетельной женщиной". В "Истории Августа" она остается незапятнанной. У Суетония нет ни одного скандала. Только Дио описывает их привязанность как "эротическую любовь"; но на одной из предыдущих страниц Дио прямо говорит, что ее карьера была безупречной. Когда он описывает ее стоящей на вершине дворцовых ступеней, чтобы сказать, что она верила, что покинет этот дворец так же, как и вошла в него, он добавляет: "И она так вела себя на протяжении всего царствования, что не заслуживала никакой вины".¹¹ Замечательные хвалебные отзывы Плиния, молчание других авторитетов и поведение Траяна должны позволить нам сделать выбор между этими противоречивыми заявлениями Дио и действительно заставить нас отвергнуть это необоснованное обвинение против добродетели Плотины.

Другие дамы императорского дома были так же без упреков, и жизнь во дворце была гармоничной и спокойной. Император и императрица передвигались по Риму без охраны, просто и бесцеремонно развлекали своих друзей. Но Траян не любил дворцовую атмосферу, и вспыхнувшая в Дакии через два года после его прибытия в Рим война дала ему повод вернуться в лагерь. Он взял с собой Адриана и пробыл в Дакии год. В 103 году он вернулся в Рим к Плотине, но вскоре война вспыхнула вновь, и ему потребовалось три года, чтобы покорить провинцию и присоединить ее к империи с помощью большого моста через Дунай. Он вернулся в 107 году, и провел семь лет в Риме, прежде чем отправиться в свое последнее путешествие в 114 году.

ПЛОТИНА

СТАТУЯ В ЛУВРЕ

Длительное отсутствие императора возложило на Плотину большую ответственность, и было бы очень интересно, если бы это было возможно, проследить ее участие в огромной работе, которая была проделана для города и империи в то время. Этого, к сожалению, мы сделать не можем. В отсутствие Траяна в Риме оставались умелые советники, и, несомненно, большая часть работы контролировалась непосредственно Траяном во время его пребывания в Риме с 107 по 114 год. Мы знаем только, что он свободно советовался с Плотиной и что он оставил ей большую власть, когда уезжал за границу. Поэтому мы можем лишь в общих чертах считать, что она способствовала процветанию и прогрессу, характерным для правления ее мужа. Она сохраняла спокойствие и довольство Рима и, несомненно, с интересом следила за великими улучшениями, которыми командовал Траян. Холм, соединявший Капитолий с Квириналом в самом центре Рима, был срублен, а на расчищенной площадке между холмами был построен прекрасный Форум, или широкая улица с защищенной колоннадой по обеим сторонам. Поскольку предыдущие императоры уже слегка расширили старый Форум, теперь в центре Рима появился великолепный корсо, выходящий к большому Цирку, в портиках которого жители Субуры, с одной стороны, и Велабрума, с другой, могли с комфортом отдыхать и вдыхать воздух. Это не было простой уступкой для их развлечения. Траян не менее внимательно отнесся к их образованию. По бокам нового Форума были возведены прекрасная базилика, две публичные библиотеки - греческая и римская - и другие великолепные здания, а статуи из мрамора и бронзы были привезены со всех концов, даже из дворца, чтобы украсить его.

Другие города империи разделяли щедрость и общественный дух нового царствования. Для развития торговли были построены гавани, проложены новые дороги, многие города обогатились общественными зданиями. Социальные потребности империи также не были столь важны, как материальные. Предыдущие императоры давали скудное практическое выражение доктрине братства людей, которую распространяла стоическая философия. Траян дал большое распространение этой новой филантропии, о чем мы узнаем из надписей, найденных в почве Италии. По оценкам, только в Италии 300 000 бедных и осиротевших детей были вскормлены за счет благотворительности или императорской помощи. Жребий раба был улучшен, а школьная система Империи стала лучше любой другой, появившейся в Европе до второй половины XIX века. Люди возвращались к трезвости своих отцов, сдобрив ее новым духом мира и милосердия, а также уважением к культуре. Нравственность улучшилась, а характер стал необходимым условием для занятия должности. Единственный открытый скандал за все время правления - интрига весталки с тремя молодыми рыцарями - был наказан со всей строгостью старого римского закона.

Мы должны довольствоваться тем, что Плотина внесла свою лепту в это благородное дело восстановления изможденного каркаса империи, и воздерживаться от попыток оценить ее особое влияние. К 114 году управление было настолько гладким, а западный мир настолько устоявшимся, что Траян обратил свое внимание на Восток. Парфяне вмешивались в дела эфиопов, которые были вассалами Рима, и Траян увидел в этом предлог, чтобы укрепить, если не расширить, восточную границу империи. Он никогда не был на Востоке, и глубокая притягательность его древних городов и упадочного мистицизма придала его экспедиции культурный интерес. Он взял с собой Плотину и Матидию, свою племянницу. Марциана, по-видимому, умерла до этого времени, и Адриан женился на Сабине, дочери Матидии. Адриан и, вероятно, его жена сопровождали их.

Путь на Восток для римлян лежал через Афины, где Плотине и ее спутникам предстояло осмотреть угасающее величие греческой цивилизации, которой они давно интересовались. Там Траяна встретили посланцы от парфян, которые попытались его обезоружить, но он отмахнулся от них и двинулся дальше, к полю, на котором рассчитывал снискать новые лавры. В конце года они достигли Антиохии, и во время их пребывания в этой метрополии восточного порока и роскоши их ждали новые впечатления. Сильное землетрясение потрясло город и даже дом, в котором жил император. Он был вынужден спастись через окно. О дальнейших передвижениях Плотины сохранились скудные сведения, и мы можем лишь представить себе, как она с удивлением взирала на странные зрелища западной Азии. Весной и летом против парфян велась нерешительная кампания, и Траян вернулся на зиму в Антиохию. Весной 116 года император снова отправился в Месопотамию. Он прошел вниз по Евфрату, взял парфянскую столицу, проплыл по Персидскому заливу и даже устремил тоскующий взор за океан, в сторону Индии. Дух Александра дышал в нем, когда он шел по этому театру исторических завоевателей, но бремя возраста и усиливающаяся немощ ставили неохотный предел его амбициям. Он, по сути, превысил пределы своих возможностей и слишком расширил границы империи. В следующем году он ослабел, а восточные племена набрали силу. Оставив задачу своим генералам, император направился в Италию.

Насколько Плотина сопровождала своего мужа в этих далеких путешествиях, нам не известно. Было бы неудивительно и не противоречило бы общему обычаю того времени, если бы она прошла с ним всю или большую часть территории. Как бы то ни было, мы находим ее с Траяном и Адрианом в Антиохии еще раз в течение 117 года. Траян был тяжело болен и вынужден был оставить всякую надежду на решение восточного вопроса. Он держал войска на границе, оставил Адриана в Антиохии легатом Востока и медленно и печально двинулся в Европу. Его высокая фигура согнулась от возраста, волосы поседели, конечности отяжелели от водянки и онемели от начинающегося паралича. Когда они прибыли в Селинус, небольшой городок на обрывистой скале киликийского побережья, всего в нескольких сотнях миль от Эдессы, его болезнь усилилась, и он умер в августе 117 года, на шестьдесят третьем году жизни.

Точная правда о поведении Плотины во время смерти Траяна никогда не будет известна, но беспристрастный анализ заявлений летописцев не может обнаружить никаких явных оснований для недовольства. Дио, чей авторитет в этом вопросе претендует на значительность, поскольку его отец в то время был губернатором провинции Киликия, сначала выдвигает предположение о яде, в обычной форме необоснованного слуха, а затем настаивает на том, что Плотина подделала письмо от имени Траяна, назначив Адриана своим преемником в императорской власти. Автор очерка об Адриане в "Истории Августа" Спартиан развивает легенду дальше. Он описывает, как Плотина положила доверенное лицо в постель мертвого императора, набросил на него одежду и велел ему слабым голосом прошептать собравшимся чиновникам, что он желает, чтобы Адриан стал его преемником. Эта вторая версия совершенно незначительна. Она исходит только от анонимного писателя четвертого века, который во все времена вызывал наше недоверие своими экстравагантными и ничем не подкрепленными заявлениями. Последние комментаторы его работ предупреждают нас о том, что его цель развратна, а метод лишен щепетильности.

С другой стороны, авторитет Дио не следует преувеличивать. Его отец мог передавать ему сплетни, как и любому другому греку или римлянину, и его история о поддельном письме - или поддельной подписи к письму - вполне могла быть частью местной сплетни. Плотина, очевидно, стремилась обеспечить Адриану престолонаследие, и можно допустить, что она

скрывала смерть мужа до прибытия Адриана в Селинус. Такое сокрытие легко порождает догадки. Сервез, естественно, навязывает своим читателям более романтическую версию, но более трезвомыслящие авторы оправдывают Плотину в том, что она использовала имя Траяна после его смерти не более чем формально.

Предположение о яде легкомысленно. Траян уже несколько месяцев болел, и, должно быть, его измотали утомительные путешествия в климате, столь отличном от того, к которому он привык за всю свою жизнь. Он прибыл в Малую Азию в знойном и опасном месяце августе, и приступ энтеритной лихорадки, которая так часто одолевала европейцев на антисанитарном Востоке того времени, положил конец его жизни. Плотина уже некоторое время убеждала его назначить Адриана своим преемником. Из его нежелания не следует делать поспешных выводов о том, что он считал Адриана непригодным для того, чтобы стать его преемником. Он только что оставил его на ответственном посту и, должно быть, ценил то, что великий историк называет "огромным и активным гением" Адриана. Но, возможно, он не счел нужным диктовать сенату, как ему следует распорядиться своим правом выбора. Что произошло на самом деле, доподлинно неизвестно. После смерти Траяна в сенат было отправлено письмо, в котором Адриан выдвигался в качестве кандидата, и Дио говорит, что подпись под этим письмом поставила Плотина. Можно предположить, что такой обман, каким его представляет Дио, был бы легко обнаружен и возмущен влиятельными врагами Адриана в сенате. Вполне вероятно, что, как предполагает Меривейл, письмо действительно было продиктовано Траяном, а подписание его Плотиной было лишь формальным. Мы можем признать изложение фактов Дио и считать, что императрица просто выполняла волю Траяна.

С другой стороны, нет никаких оснований спорить с ее рвением к престолонаследию Адриана или придавать ему необоснованное толкование. Мы увидим, насколько хорошо он поддерживал правильное дело Траяна. Его сразу же вызвали в Селинус, чтобы посоветоваться с Плотиной и престарелым сенатором Аттианом, который был его опекуном вместе с Траяном и не менее ревностно, чем императрица, настаивал на его продвижении. Они решили, что Адриан должен вернуться на свой пост в Антиохии, и Плотина отправилась в Рим с прахом мужа в золотой урне. Последнее место упокоения Траяна было под великолепной колонной, которая до сих пор свидетельствует в Риме о его многочисленных победах, и на протяжении многих веков после этого самым лестным комплиментом, который сенаторы могли сделать императору, было воскликнуть, что он "удачнее Августа и лучше Траяна".

Плотина прожила в Риме четыре года после смерти мужа. Первый год, как мы увидим, был годом больших тревог и испытаний. Воцарение Адриана вызвало недовольство, и вскоре его правление было запятнано казнью четырех самых знатных вельмож. Матидия умерла в следующем году, и всему Риму стало известно, что Сабина живет с Адрианом несчастливо. Говорят, что Плотина продолжала принимать активное участие в управлении империей, хотя сейчас ей, должно быть, шел седьмой десяток жизни или почти седьмой. Дио относит ее смерть к 121 году. Адриан в это время находился в Галлии, и пышность его траура подбадривала клеветников. Он впал в глубокий траур, выразил страстную скорбь в прекрасной поэме и приказал построить храм для культа божества, которым он ее наделил. В Ниме, где он находился в то время, когда было объявлено о ее смерти, он воздвиг великолепный мавзолей, который на века сохранил ее имя в памяти Европы.

Приятно и законно полагать, что в княжеской скорби Адриана по поводу смерти его покровительницы не было ни риторической демонстрации, ни воспоминаний о нерегулярной любви. Помимо его собственного долга перед ней, мир был многим ей обязан. Она была достойной и полезной спутницей великого императора, образцом женственности,

на который с удовольствием обращали взоры римские матроны. В тот день, когда ее неживое тело несли из дворца к погребальному столбу, люди могли повторить, что она действительно покинула этот дом соблазнов так же, как и вошла в него. Более светлая и солнечная жизнь огромной империи была отчасти ее памятником. ¹²

ГЛАВА IX

САБИНА, ЖЕНА АДРИАНА

Мы уже знакомы с происхождением и воспитанием следующей императрицы Рима. Сабина была старшей дочерью племянницы Траяна Матидии и происходила из здорового и трезвого рода испанских провинциалов. Впервые мы встречаем ее в маленьком поселении на Рейне, где она жила со своей овдовевшей матерью и бабушкой в доме Траяна во времена правления Гальбы и Нервы. Она была в раннем подростковом возрасте, скромным и сдержанным ребенком, которым легко руководили три степенные дамы дома. Вскоре после воцарения Траяна в лагерь ворвался очаровательный молодой офицер, чтобы принести свои поздравления. У него была романтическая история о том, как ревнивый шурин подкупил слуг, чтобы они сломали колесницу по дороге, и он пешком пересек огромные леса, чтобы встретить своего опекуна и кузена. Это был будущий император и ее будущий муж Адриан.

Вскоре прибыл злой шурин, Урсус Сервиан, и представил Траяну доказательства безрассудства своего подопечного в виде списка его долгов. Но Траян был очарован красивым и блестящим молодым офицером, оставил его в своей свите и взял с собой в Рим, когда взошел на трон; и мы видели, что он стал большим любимцем императорских дам. Его отец был двоюродным братом Траяна, но Адриан потерял его в возрасте десяти лет, и он был передан на попечение Траяна и Аттиана. Лучшие мастера Рима руководили его обучением письму, искусству, риторике и философии, и он стал самым опытным и ученым, а также, благодаря охоте и упражнениям, изящным и энергичным юношей. В "Истории Августа" прямо говорится, что Траян "любил его", и он быстро продвигался вперед и наслаждался блестящим литературным обществом дворца и столицы. Примерно через два года после их приезда в Рим он женился на Сабине. Один летописец рассказывает, что он потратил огромные деньги, чтобы завоевать ее, и тем самым вызвал раздражение Траяна; другой утверждает, что он с презрением отвернулся от нее, и ему пришлось убеждать Плотину, что этот брак отвечает его интересам. В любом случае, это был, несомненно, *брак по расчету*, и ему суждено было иметь обычное продолжение.

Сабине в то время шел двенадцатый или тринадцатый год, и мы можем себе представить, как происходит спаривание маленькой чопорной девицы с блестящим ученым и многообещающим офицером двадцати четырех лет. В течение многих лет она не более чем безмолвная тень своего мужа, и мы можем лишь смутно следить за ее передвижениями, когда она сопровождает его по империи. Сопровождала ли она его в дакийских войнах между 101 и 106 годами или, что кажется более вероятным, осталась в Риме, чтобы развить вкус к письму во дворце Плотины, мы не можем с уверенностью сказать, но известно, что она склонялась к культуре. Адриан вернулся в 106 году, пользуясь благосклонностью Траяна, который подарил ему бриллиантовый перстень, полученный от Нервы. Он умел и драться, и веселиться, и был доволен императором. По возвращении его назначили претором, и он устроил блестящие игры - за счет Траяна, - на которых было убито 11 000 зверей. Вскоре он стал легатом в Нижней Паннонии и консулом. Престарелый государственный деятель Сура

сказал ему, что он предназначен для трона; слух об этом распространился по Риму, и вельможи, поначалу пренебрегавшие его провинциальным акцентом и завидовавшие его успехам, стали уважать его. Он и, скорее всего, Сабина сопровождали Траяна в его роковом путешествии на Восток, и мы уже видели, что из этого вышло.

В 117 году, примерно на тридцатом году жизни, Сабина стала императрицей Рима, но это возвышение, похоже, не принесло ей счастья и не побудило к активным действиям. Мало сомнений в том, что в лагере или в порочной атмосфере Рима или Антиохии Адриан заразился пороком, который преобладал среди римских мужчин. Однако есть и другая причина, по которой Сабина остается в неизвестности в хрониках. Биограф Адриана, Грегоровиус, избавил его от распространенного обвинения в том, что он отказался от завоеваний Траяна и пренебрег императорскими интересами в менее просвещенном рвении к искусству и письму. Адриан проводил четкую, достойную похвалы и масштабную политику. Он считал, что расширение империи может только ослабить ее, и что более разумным стремлением является обогащение и подъем жизни в пределах ее границ, чем их расширение. Его жизнь прошла в великолепном воплощении этого замысла; и этот замысел настолько превосходил скромный диапазон политического интеллекта Сабины, что она была вынуждена оставаться зрителем его работы. Она, как кажется, очень естественно укоряла его за слабость, которая так близко касалась ее, а Адриан отвечал на это раздраженно и просто передавал ее как незаинтересованную обузу в замечательных путешествиях, которые заполнили двадцать лет его царствования.

Адриану шел сороковой год, он был высоким, очень красивым и атлетически сложенным мужчиной, блестящим собеседником, неутомимой энергией и большим общественным духом. Самый артистичный из всех римских императоров, один из самых артистичных и культурных монархов, он, тем не менее, мог неделями терпеть простой солдатский хлеб и сыр; и он настолько отказался от лошади и колесницы, чтобы поощрять их, что один летописец описывает его как человека, преодолевшего всю империю пешком. С помощью дипломатии и взяток, которыми мы можем восхищаться или не восхищаться, он обеспечил почти непрерывный мир для империи в течение двух десятилетий; а произведения пользы или украшения, которыми он обогатил каждую провинцию империи за эти двадцать лет, представляют собой почти сказочное достижение. Как бы мы ни сочувствовали императрице в ее негодовании по поводу практики, которой предавались его греко-ориентальные вкусы, мы не можем отрицать, что Адриан был великим и благодетельным правителем. Очерк его жизни в этом развратном труде, *"Historia Augusta"* - *скандальной хронике* средней империи - представляет собой монументальный, хотя и неосознанный панегирик.

Биограф императриц не может не прийти к выводу, что Сабина не была подходящей супругой для столь разностороннего и конструктивного гения. Ее превосходство в благопристойности в огромной степени перевешивается великолепной работой Адриана на благо империи. Естественное отчуждение этих двух людей в чувствах не побудило бы ее сотрудничать в его работе, как это сделали Ливия и Плотина, но чувствуется, что это не единственное объяснение, и что ее посредственные способности были полностью поглощены небольшим стремлением к культуре. Не исключено, что, если бы между ними существовало сердечное сотрудничество, она избавила бы Адриана от единственных серьезных пятен на летописи его правления.

Первое из них появилось в год после его воцарения. Привлекая к выполнению императорской задачи свежий и энергичный ум, незапятнанный военными амбициями - хотя он был отличным солдатом, - Адриан окинул взглядом империю и увидел, что сначала необходимо установить мир на ее границах. Восток был охвачен восстаниями, африканские

и германские границы были нарушены, а из Британии приходили вести о неприятностях. Он сразу же пожертвовал завоеваниями за Тигром и Евфратом, умиротворил евреев и другие народы Востока и отправился в Нижнюю Германию, чтобы усмирить беспокойство на северной границе. Старые солдаты и государственные деятели Рима были недовольны тем, что его навязали им. Из Иудеи он неосмотрительно отправил в столицу одного из самых вспыльчивых полководцев Траяна, мавританского принца Лусия Квиета, который с позором вернулся в столицу, и этот человек и другие составили оппозиционную партию. Когда они увидели, что он жертвует завоеваниями Траяна и отменяет его политику, и особенно когда он предложил эвакуировать Дакию, они, как говорят, вступили в нечто похожее на заговор.

Насколько Адриан действительно был ответственен за казнь лидеров этой партии, мы сказать не можем, а его категорическое отрицание ответственности заслуживает внимания. Известно, что, когда престарелый государственный деятель Аттиан написал ему письмо с просьбой убрать римского префекта и других известных злопыхателей, он отказался предпринимать какие-либо действия. Сенат объявил, что заговор с целью убийства Адриана раскрыт, и без суда предал смерти четырех человек консульского ранга - Нигринуса, Пальму, Цельса и Лусия Квиета. По городу пронесся гнетущий ропот, а Адриан поспешно уладил свои дела на Дунае и отправился в Рим. Он решительно отрицал, что дал согласие на казни, и этот вопрос остался открытым.

С учетом такого общественного негодования Адриан сразу же осыпал Рим самыми княжескими милостями и поклялся, что никогда не казнит сенатора без согласия своего приказа. Он списал долги в казну на сумму 9 000 000 фунтов стерлингов, расширил существующие благотворительные учреждения для сирот и вдов, устроил великолепные зрелища для народа и принес в жертву Аттиана, сместив его, к гневу недовольных. Когда сенат предложил ему триумф, причитавшийся Траяну за восточные победы, он отказался от него и поместил восковое изображение мертвого императора в триумфальную колесницу. Возможно, на граждан Рима он произвел меньшее впечатление, когда проявил ревность к общественной морали и запретил смешанные купания, которые до сих пор были разрешены; но за два года неустанной государственной службы ему удалось устранить прежнее недовольство. О том, что он хотел убить Аттиана и действительно казнил архитектора Аполлодора, ходят пустые легенды. Сервез всерьез воспроизводит историю о том, что архитектор нахамил ему, сказав "иди и раскрась свои тыквы", когда он сделал ему предложение в прежние годы, и что Адриан отомстил за это, когда вззошел на трон. Правда в том, что "Historia Augusta" описывает его в консультации с Аполлодором по поводу какого-то строительного проекта десять лет спустя.

Подробности этой обширной деятельности Адриана нас не касаются, поскольку Сабина, похоже, не принимала в ней никакого участия. Имеющиеся у нас ее бюсты демонстрируют холодный и безответный нрав, как будто императрица презрительно созерцает фигуру прекрасного восточного юноши, на котором сосредоточилась привязанность Адриана. В плавных линиях лица и в высоком лбу есть различие и гордая сила, которая вполне могла бы сделать ее "угрюмой и суровой", как описал ее Адриан, когда он дал ей столь явный повод для недовольства. Ее мать умерла в 119 году. В пышной оратории Адриан восхвалял красоту ее лица и характера, но смерть вряд ли улучшила бы отношения императорских супругов.

В 120 или 121 году Адриан отправился в первое из дальних путешествий, которые заполнили всю его карьеру, и Сабина совершила с ним кругосветное путешествие. Если бы их общение было более приятным, судьба Сабины в течение следующих пятнадцати лет была бы очень удачной. Они вместе прошли весь римский мир от Эборакума (Йорка) до Аравии и Египта, осматривая разрушенные империи прошлого и молодые народы будущего в свете той

культуры, которую давала эпоха; и так благотворно было их путешествие, что мириады надписей и монет с такими легендами, как "Золотой век" и "Восстановитель земли", передали потомкам память о великих делах, которые повсюду открывал Адриан. Через Галлию - вероятно, через процветающую греческую колонию Массилию (Марсель), солидный и культурный город Лугдунум (Лион) и маленький торговый центр Лютецию, который однажды станет блестящим Парижем, - они прошли в Германию и пересекли бескрайние леса, скрывавшие почву великой современной нации. Императора не окружала блестящая толпа гвардейцев. Босой, как в снегах Германии, так и под солнцем Сирии, маршируя обычно пешком в одежде солдата и живя на солдатский паек, он восстанавливал жесткую дисциплину легионов везде, где бы он ни был. Мосты, акведуки, дороги, храмы и площади с колоннами возникали в тылу его марша. Его штаб состоял из инженеров и архитекторов.

САБИНА

БЮСТ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

В этой новаторской и восхитительной компании Сабина обошел Галлию и Германию и на императорских галерах переправился в Британию. Из маленькой колонии Лондиниум (Лондон), которая была разрушена за шестьдесят лет до этого, а теперь восстановлена Адрианом, они прошли по твердой римской дороге в Эборакум (Йорк), последнюю великую станцию, с которой цивилизация смотрела на бурные волны шотландского варварства. Именно тогда Адриан приказал построить великую стену, чтобы отгородиться от каледонских мародеров, следы которой сохранились до сих пор. Сабина, возможно, оставалась в Йорке, пока Адриан обследовал неровную территорию на севере, и, похоже, именно по возвращении императора произошел эпизод, который, должно быть, сильно ее озлобил.

Одним из секретарей Адриана был историк Суетоний, чьи работы об императорах дают нам много материала. С ним и культурным командиром прусской гвардии Сабина поддерживала тесную дружбу, и Адриан был очень недоволен этим. Он так пристально вникал в дела своих друзей, что поползли слухи о том, что у него много любовниц среди их жен. Ему доложили, что Суетоний и Септиций Клар "вели себя более фамильярно, чем позволяло достоинство императорского дома", как выражается Спартиан, и они были уволены. Нет никаких предположений о серьезных нарушениях с ее стороны. Идея развода с Сабиной, которую, как говорят, обсуждал Адриан, прямо связана с тем, что он называл ее "угрюмостью и язвительностью"; и мы вполне можем поверить, что ее язвительность принимала форму горьких жалоб на его собственное поведение. Больше ничего не было предпринято, и, хотя мы можем сдержанно относиться к утверждению, что Сабина намеренно не хотела заводить ребенка, чтобы не посадить на трон новое чудовище, императорская чета продолжала свое недружелюбное общение.¹³ На некоторых монетах, отчеканенных в память об их проезде, осмелились нанести легенду "Concordia Augusta" - в честь гармонии императорского дома.

Из Британии они вернулись в Галлию, где Адриан вызвал восхищение пышностью своего траура по поводу смерти Плотины. Затем они проследовали в Испанию, где римская цивилизация пустила глубокие корни, и далее в страну мавров. Колонии, которые Рим основал вдоль полосы территории, спускавшейся с гор к морю, были опустошены варварами, а граница стерта. Адриан оттеснил племена, восстановил города и после более чем годичного отсутствия вернулся в Рим. В городе царил покой, продолжалось строительство великой виллы, которая до сих пор в своих руинах вызывает изумление у посетителей Тиволи. После года или двух мирного правления, видя, что запад, север и юг империи находятся в безопасности и процветают, Адриан обратил свой взор на восток.

Нам нет нужды следить за его путешествием в Грецию и Малую Азию, поскольку неясно, сопровождала ли его Сабина, но оно имело продолжение, представлявшее меланхоличный интерес для императрицы. Из городов Греции он направился вдоль побережья Черного моря в область парфян, где снова восстановил мир, и вернулся через Малую Азию и острова в Рим. Два или три года заняло это путешествие, и Адриан стал менее римским по вкусу, чем когда-либо. Он вернулся домой в окружении греков и с большим рвением к греческим и восточным институтам. В частности, он взял с собой в поездку прекрасного вифинского юношу, чье имя с тех пор неразрывно связано с его именем. Страсть Адриана к Антиною - главное пятно на его характере и, вероятно, главная причина недовольства Сабины. Император посетил Вифинию и, предположительно, встретил там юношу. Каждый путешественник, побывавший среди грубых и здоровых народов, знает, что подобные обычаи отнюдь не ограничиваются упадочными цивилизациями, и изучающий современные нравы не видит в них ничего характерного для жизни древней Сирии, Греции или Рима. Тем не менее удивительная красота Антиноя, знакомая нам по многим статуям, и бесцеремонная

открытость его связи с императором привлекли всеобщее внимание и сильно раздосадовали Сабину.

Поэтому, когда в конце 128 или начале 129 года она вместе с Адрианом отправилась в новое и более обширное путешествие по Востоку, ее удовольствие, должно быть, было сильно омрачено ежедневным и ежечасным присутствием спутников императора. Юный Адонис был не единственным источником оскорблений в свите Адриана. Ближе к Адриану находился молодой римский аристократ, отличавшийся самым женоподобным обаянием и самой беспутной жизнью. Луций Цейон Коммод был впоследствии принят Адрианом в императорское сословие, и, хотя он не дожил до верховной власти, его потомки еще не раз войдут и нарушат нашу историю об императрицах. Спартиан приписывает ему "царственную красоту" лица и фигуры, манеру поведения, остроумный и искрометный разговор и полную испорченность нравов. Он завоевал расположение Адриана не столько знаменитым новым блюдом, которое он изобрел для эпикурейцев Рима - пирогом из кабана, ветчины, фазана и павлина, - сколько чувственным очарованием своей персоны и экзотической чувственностью своей жизни. Он лежал, омытый изысканными персидскими мазями, на кушетке, усыпанной розами, с покрывалом из лилий, наброшенным на себя и свою спутницу. Такие приемы были совершенно чужды натуре Адриана, но его крепкая сила необычайно сочеталась с тонкой художественной чувствительностью и любовью к мягкому Востоку, что привело его ко многим противоречиям.

Спутницей Сабины была греческая поэтесса Юлия Фадилла, настолько добродетельная и утонченная, что где-то воздвигли статую в честь нее как образца непорочности. Несочетаемая партия с ее конфликтующими группами добродетели и порока - подходящий символ несчастного союза Запада и Востока - пересекла море и добралась до Афин, а затем посетила Коринф, Элевсис и другие сохранившиеся города Греции. Каркас той превосходной цивилизации все еще сверкал, почти нетронутый, на земле Эллады, хотя душа Греции уже ушла. Казалось, что человек смотрит на гладкий белый труп прекрасной женщины. Группы софистов все еще спорили в садах или под тенистыми колоннадами; но это были жалкие подражатели Сократа, Зенона и Эпикура. Политики все еще болтали на Агоре, но они благословляли руку Рима, жестоко сомкнувшуюся на горле их прекрасной страны. Акрополь все еще сиял в своем паноптикуме из парийского мрамора, а Адриан восстановил гавань и исправил многие из разрушений, нанесенных временем и насилием. Он сожалел о жадности своих предшественников и стремился восстановить древний дух. Но слабое возрождение искусства, литературы и религии, которое ему удалось осуществить, было лишь последним отблеском жизненной силы Греции.

Они переправились через море в Эфес, который в то время соперничал с Антиохией и Александрией как метрополия приходящих в упадок цивилизаций Востока. Его великий храм Дианы, изобилующий произведениями искусства и сокровищами, привлекал людей со всех концов света, а священники всех религий смешивались на его улицах с потворщиками всех пороков и служителями всех видов искусства и роскоши. Смирна, другой процветающий город Малой Азии, привлекла их своим великолепным собранием храмов, колоннад, бань и театров, а затем они отправились в Сардис и другие города этого очаровательного и отталкивающего греко-ориентального региона, где новый мистицизм пробивался, как золотые жилы в старых вулканических отложениях. Зима прошла в роскоши Эфеса и Смирны, а с наступлением весны они проехали по сменяющим друг друга провинциям Малой Азии, восхищаясь и восстанавливая остатки греческого и персидского величия. Через Сирию, где их на время задержала знаменитая Антиохия, они проследовали, вероятно, в разрушенные города Тир и Сидон, а затем вернулись в Гелиополь, Дамаск и Пальмиру. В

Палестине они нашли оставшихся в живых представителей рассеянного еврейского народа, которые жили в большой бедности и унынии среди развалин своих городов или все еще внимательно изучали пророков и искали Мессию в больших общинах на побережье. На месте Иерусалима, где несколько разрушенных башен меланхолично напоминали о былом процветании, Адриан приказал основать новую римскую колонию.

Из Иудеи они перебрались в Аравию, а затем в Египет. Александрия тогда была вторым городом мира по значимости и первым по интересу. В нее вливались все иссякающие потоки древних цивилизаций. Никогда прежде или с тех пор здесь не было такого космополитического населения, такого собрания старых пороков и новой морали, мертвых религий и новых, культов шеститысячелетней давности и новейших евангелий Иудеи и Персии. Его гавань по-прежнему вмещала корабли всех портов Средиземноморья, его Серапеум, Музей и Сезариум укрывали искусство и культуру всего мира, а его оглушительные улицы звенели языками всего мира. Но душа Египта тоже была мертва, и императорская партия двинулась вверх по Нилу, чтобы полюбоваться уцелевшими реликвиями его прошлого. Несомненно, жрецы и ученые мужи из Александрии будут присутствовать в качестве переводчиков. Они побродили по Мемфису, который песок пустыни уже начал засыпать, прошли через Гелиополис и добрались до Беса, где пережили великую сенсацию тура. Прекрасный вифинский юноша был утоплен в Ниле, и Сабине пришлось с презрением отнестись к женским слезам и экстравагантному трауру императора. До сих пор неясно, была ли смерть случайной или добровольной. Адриан, конечно, сказал, что случайной; но в хрониках сохранился слух, что император в своем новом рвении к восточным суевериям узнал, что его жизнь обречена, если за него не принесут в жертву какое-нибудь любимое существо, и Антиной предложил себя. Адриан унес эту тайну с собой, но храмы и статуи, воздвигнутые им по всей империи, сохранили память о прекрасном юноше на века.

Это произошло примерно в октябре месяце. Даты этих путешествий Адриана вызывают много споров, но одна незначительная деталь определила эту часть тура. Они отправились в Фивы и, в соответствии с обычаем, вырезали свои имена и дату на великой статуе Мемнона. Вероятно, они проследовали до Фил, чтобы увидеть храм Исиды, но в конце года или в начале 132-го вернулись в Сирию, а вскоре после этого - в Рим. Большая вилла в Тиволи была уже достроена, и мы должны предположить, что Сабина жила там в течение трех или четырех лет, которые ей оставались. Это были годы непрерывной меланхолии. Адриан протрезвел, но опечалился. Иудеи нарушили его заветный покой, подняв восстание из-за его намерения построить на месте их святого города римскую колонию, и он безжалостно разрушил то, что осталось от их городов, и стер имя Иерусалима, назвав новый город *Ælia Capitolina*. Болезнь начала подтачивать его силы, и он мрачно размышлял над вопросом о преемнике, который обсуждали люди. В тяжелом унынии он проходил по прекрасным садам и мраморным храмам своей виллы, все еще оплакивая потерю Антиноя. Там был найден обелиск с надписью, что он был воздвигнут юноше Адрианом и Сабиной - выдумка, которая должна была возмутить императрицу, если бы это было сделано до ее смерти. Но она не дожидаясь мрачных лет его жизни. Она умерла в 136 году или около него, "не без слухов о яде", говорит Спартиан; слухи не стоят внимания. В 127 году сенат присвоил ей титул Августы, но Адриан отказал ей в божественных почестях, которые обычно воздавались умершим императрицам. Они были возданы его преемником.

Бюсты Сабины, которыми мы располагаем, дают представление именно о такой личности, как мы поняли из скупых упоминаний о ней в хрониках. Это была женщина с плавными и правильными чертами лица и тонкой фигурой, лишенная красоты и обаяния. Ее лицо производит впечатление интеллекта, добродетели и молчаливого страдания. Она из тех

женщин, которые не замечают пороков мужа, не возмущаются ими и никак не проявляют себя; из тех, кто с презрением отходит к своим книгам. В то, что Адриан обращался с ней "как с рабыней", как говорит Аврелий Виктор, мы можем не верить и считать это утверждение народным преувеличением; с другой стороны, мы не можем согласиться с Грегоровиусом, что письмо, в котором Адриан приглашает свою мать отобедать с ним в день его рождения и говорит, что Сабина уехала в деревню, показывает их "взаимную неприязнь". Дюруи цитирует именно это письмо в опровержение мнения о том, что они были в разлуке, и указывает, что в нем говорится о том, что Сабина "прислала свою долю для семейного обеда". Французский историк считает, что легенда "Concordia Augusta" на некоторых медалях того времени отражает факт. Однако мы не можем представить себе Сабину, смилившуюся со страстью мужа к юношам, а те немногие достоверные подробности, которые дошли до нас о ее отношениях с Адрианом, в целом свидетельствуют о взаимной неприязни. Как императрица она была ничтожеством, а как женщина - восхитительным сочетанием трезвости старого мира и культуры нового.

Адриан пережил ее на два несчастливых года. Вся империя была покрыта памятниками его государственной службы, монеты каждой провинции провозглашали его благодеяния, рабы, вдовы и сироты с благодарностью рассказывали о его великодушии. Но болезнь и депрессия последнего года жизни позволили ему совершить преступление, и, поскольку новое поколение привыкло к хорошему поведению своих правителей, воспоминания о его великих деяниях были почти стерты. К всеобщему изумлению и негодованию вдумчивых людей, Адриан объявил, что выбрал в качестве Сезара своего беспутного и упадочного соратника Луция Вера. Его шурин Сервиан, уже девяностолетний старик, и внук Сервиана, девятнадцатилетний юноша, похоже, были в числе ропотников, и под ничтожными предложениями их предали смерти. Эти жестокие убийства наложили глубокую тень на последний год жизни Адриана, но ему была предоставлена последняя возможность исправить положение. Луций Вер, изможденный и изнуренный дебошем, умер, и Адриан выбрал самого достойного человека в сенате, Тита Антонина, добавив, однако, в своей причудливой манере сочетать добро и зло, что он должен в свою очередь усыновить сына Луция Вера и молодого Марка Аврелия, сибарита и стоика, два противоположных типа римской жизни. Он спустился в Баию, остро страдая от водянки. Боль и усталость были так сильны, что он пытался раздобыть яд или меч, но Антонин благоразумно охранял и выхаживал его. Он умер в 138 году, "доведенный до смерти врачами", - иронизировал он. В последние дни жизни он написал несколько небольших стихотворений, которые я могу перевести:

Маленькая душа, такая усталая и неподвижная,
Гость этой разлагающейся плоти,
Куда теперь ты полетишь?
Бледная, холодная и лишенная речи,
Никогда больше не произносить шуток.

Это была нота духа времени, который так странно воплотился в Адриане. Он объединил в своем лице все противоречия, которые раздирали его эпоху перемен - аскетизм и чувственность, общественный дух и эгоистическую чувствительность, стоицизм и киренаику. Ему нужна была более сильная императрица. Но в конце концов в нем возобладал лучший дух, и на трон взошли стоики.

ГЛАВА X

ЖЕНЫ СТОИКОВ

Двадцать пятого февраля 138 года Адриан созвал сенаторов во дворец. Верус был мертв, и весь мир гадал, на ком в следующий раз остановится переменчивая фантазия больного императора. Среди сенаторов был выдающийся, способный и приятный государственный деятель и полководец Тит Аврелий Фульв Бойний Аррий Антонин, чьи большие заслуги, как следует из длинного ряда имен, были богато вознаграждены старшими родственниками. В последние годы жизни Адриана с ним часто советовались, и он пользовался всеобщим уважением. К большому облегчению сената, колеблющийся палец императора упал на этого человека, и он был провозглашен Сезаром. Он преданно служил Адриану, продлевал бесполезную жизнь, которая оставалась между ним и тронem, и, по слухам, спас немало благородных голов от казни в последних неистовствах Адриана. В начале июля этот великий путешественник отправился в свой последний путь, и на трон взошел Аврелий Антонин - к этому имени сенат вскоре добавил прозвище Пий.

Новой императрицей Рима стала Анния Галерия Фаустина, тридцатичетырехлетняя матрона из древнего и знатного итальянского рода. Добыча Фаустины представляет определенный интерес. Через нее императорский трон вновь перейдет к одному из его самых бесславных обитателей, и Рим стремительно скатится от правления Марка Аврелия к буйству Коммода. Две противоположные тенденции римской жизни встречаются в ее семье, и стоик уступает эпикурейцу - или, скорее, сибариту или киренаику, поскольку евангелие Эпикура было благородством и трезвостью. Рим мог бы сказать, говоря языком Гете, который изображал себя проходящим через подобную фазу:

Zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust.

Одна душа склонялась к лени, чувственному и эгоистичному потворству: другая, с более широким горизонтом, была за умеренность, бодрость и императорский долг. Любопытная особенность этого критического этапа в судьбе Рима заключается в том, что обе тенденции развиваются в одной семье, и стоик уступает место сибариту. Анния Галерия Фаустина родилась от тех же родителей, что и отец Марка Аврелия, и воспитывалась в той же атмосфере древнеримской добродетели, или мужественности, как это слово обозначает. Прадедом Марка Аврелия был Анний Верус, сенатор с большими заслугами и испанского происхождения. Его сын Анний Вер дважды был консулом, а оба его сына - отец и дядя Марка Аврелия - в свою очередь получили должность консула. Все, что мы знаем об этой семье, говорит о прекрасном и трезвом патрицианском типе и подтверждает прекрасное представление о нем, данное нам Марком Аврелием в его "Медитациях".

Единственный элемент возможной слабости в родословной Фаустины и Коммода - это мать Анния Галерия Фаустина. Анний Вер был женат на Рупилии Фаустине. Ее род неясен, и, хотя мы не решаемся связывать с ней эти слабости и пороки на столь слабых основаниях, можно предположить, что она была выдана замуж за свою красоту и принесла в эту крепкую семью запятанный микроб, который созрел в более чем одном из ее потомков. Впрочем, вполне возможно, что сила рода ослабевала - сам Марк Аврелий был деликатен - и его поздние

потомки поддались дурному влиянию. Генеалогическая таблица покажет, как судьба Рима висела на этой семье на протяжении более чем одного поколения:...

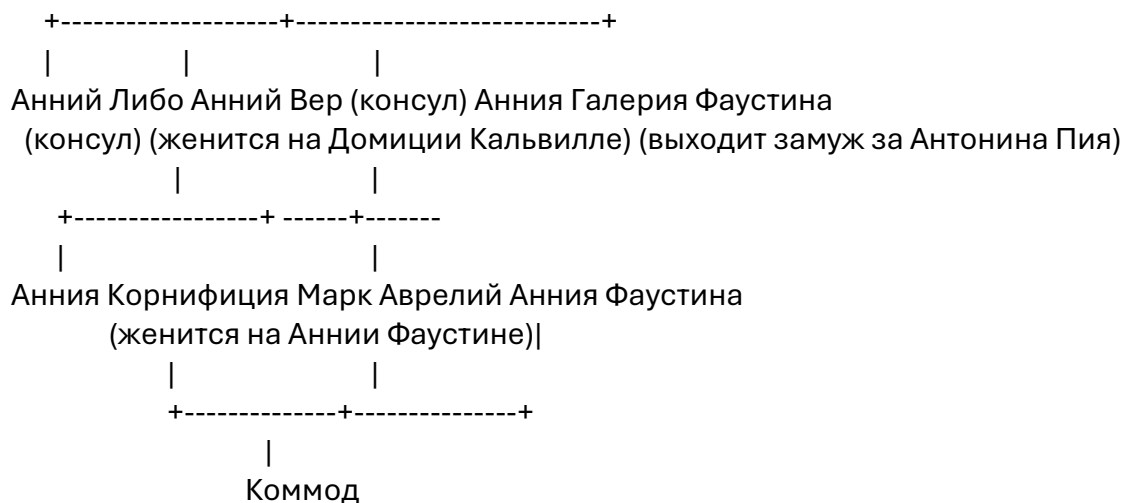

ФАУСТИНА СТАРШАЯ

БЮСТ В ЛУВРЕ

Анний Вер (дважды консул)
и Рупилия Фаустина

|

Фаустина унаследовала красоту своей матери и воспитывалась в очень добросовестном доме. Именно в этом доме Марк Аврелий получил свои первые уроки добродетели, поскольку его отец рано умер, и все летописцы отзываются о ней с большим уважением. Однако мы очень мало знаем о ней, пока она не становится императрицей, а поскольку она умерла через три года после этого, то и забот с ней немного. Считается, что она вышла замуж несколько поздно для римской девушки, примерно на шестнадцатом году жизни (120 г.). Титу Аврелию Антонину шел тогда тридцать четвертый год, он был высоким, изящным и красивым мужчиной, со спокойными и пленительными манерами, хорошим воспитанием, прекрасным характером и лицом, отличавшимся большим достоинством и приятностью. Он происходил из хорошей семьи и быстро продвигался на государственной службе. Вскоре после свадьбы он стал консулом и оставался в Риме в том или ином гражданском качестве до 128 или 129 года. Он был очень богат и пользовался большим уважением.

Один из летописцев обвинил ее в легком поведении, и, поскольку это единственный период, когда мы можем правдоподобно предположить это, мы можем на мгновение рассмотреть это обвинение. Книга истории Дио, относящаяся к периоду правления Антонина Пия, утеряна, поэтому ни он сам, ни его комментаторы не проливают свет на Фаустину. Аврелий Виктор и Евтропий ничего не говорят о ее характере. Единственным враждебным свидетелем является "Юлий Капитолин", анонимный писатель четвертого века, который дает очерк жизни Антонина Пия в "Истории Августа". Он говорит (с. 3): "Многое говорится о чрезмерной свободе и распущенности его жены, которые ему приходилось с трудом преодолевать". Сервез расширяет это со своей обычной свободой. Но поскольку он делает Фаустину сестрой Илиуса Веруса и говорит, что она пренебрегала воспитанием своих детей, что также не соответствует действительности, мы можем не обращать на него внимания.

Сейчас более принято отвергать это обвинение против старшей Фаустины на том основании, что единственный свидетель - легкий анекдот четвертого века. Более того, когда наставник Фронтон написал после ее смерти пылкий панегирик Фаустине, Антонин Пий ответил, что это даже больше правда, чем красноречие, и поклялся, что "предпочел бы жить с ней на Гьяросе [бесплодный остров, куда ссылали преступников], чем во дворце без нее". Тем не менее, мы должны оставить этот вопрос открытым. Антонин Пий не был пуританином. Когда император Юлиан представляет его перед богами в своем очаровательном состязании императоров за высшую похвалу ("Сезары"), он называет его "умеренным человеком, не в любовных делах, а в управлении империей". Фаустина, вероятно, была достаточно очаровательна, чтобы заслужить его искренние сетования. Но поскольку Капитолин смешивает правду и неправду

очень легкой рукой, а соответствующая книга Дио отсутствует, мы не можем решить этот вопрос.

В 128 или 129 году Антонин был назначен проконсулом Азии, и они с Фаустиной отправились в Смирну. Примерно в это же время умерла старшая из двух их дочерей. Забавный случай, связанный с их приездом, описывает Филострат в своей "Жизни софистов". Проконсул сразу же занял самый лучший дом в Смирне, где жил учитель Полемо, который отсутствовал. Полемо был кумиром Смирны и в меру тщеславен. Он привлекал в свою школу юношей со всех концов страны и снискал для города большую благосклонность Адриана. Он ездил на великолепной фригийской колеснице, а его мулы были с серебряными поводьями; и когда некоторые ворчуны намекнули, что он перевел в свой карман часть субсидий Адриана, он напыщенно написал императору: "Полемо дал мне отчет о деньгах, переданных ему тобой". Этот самонадеянный софист добрался до своего дома среди ночи и застал там проконсула и Фаустину в постели. Он быстро выгнал их и жестоко надругался над ними. Спустя много лет, когда императором был великодушный Антонин, а Полемо пришел во дворец, он со смехом сказал одному из слуг: "Смотри, чтобы у Полема были покои во дворце и чтобы никто его не выгнал". Позже один актер приехал из Смирны, чтобы пожаловаться, что самодержец Полемон выгнал его из театра. "В котором часу?" - серьезно спросил император. Это было в полдень. "Это пустяки; он выгнал меня в полночь", - ответил император.

Приветливость и добросовестная работа Антонина, должно быть, покорили Полема, поскольку Адриан, как сообщается, указал в своем завещании, что именно он посоветовал принять Антонина. Но Восток в целом так высоко ценил проконсула, что, вернувшись в Рим, он пользовался большим расположением Адриана. Мы снова теряем из виду Фаустину, пока он не становится императором, а затем есть одно или два кратких упоминания о ней, прежде чем она умирает в 141 году. При вступлении на престол он отказался от большей части денег (*aurum coronarium*), которые по обычаю причитались ему от провинций, и очень щедро использовал свое личное состояние для оплаты связанных с этим огромных расходов. Фаустина, естественно, возражала. "Глупая женщина", - ответил он, как говорят, "когда мы получили империю, мы потеряли то, чем владели раньше". Единственное другое упоминание содержится в письме младшей Фаустины к Марку Аврелию: "Во время отступничества Цельса моя мать увещевала Антонина, чтобы он в первую очередь заботился о своей собственной семье". Мы ничего не знаем об этом восстании. Очевидно, Антонин, как и Марк Аврелий, был склонен к опасной снисходительности. Последнее упоминание о Фаустине гласит, что она умерла на третьем году его правления (141) и была глубоко оплакана им. Провозглашенная при жизни Августой, она была обожествлена после смерти, и Антонин построил в ее честь прекрасный храм, следы которого до сих пор видны в Риме. Он также учредил в ее честь свежий благотворительный фонд для сирот "*Puellæ Faustinianæ*" и приказал нести в процессиях ее золотые и серебряные статуи.

Эта искренняя дань императора говорит, по крайней мере, о большой привязанности и почитании, но литературные упоминания о Фаустине слишком скудны и спорны, чтобы ясно представить ее нам. Бюсты, которые, как считается, изображают ее, к сожалению, не очень-то нам помогают. В Капитолийском музее в Риме находится один из них, который, возможно, изображает ее в двадцатилетнем возрасте или раньше. У него круглое и спокойное лицо, не лишенное силы, но более прямо указывающее на ровный и трезвый характер. Другой бюст, в Ватиканском музее, демонстрирует те же черты в более позднем возрасте; но третий, в том же музее, имеет не столь приятное выражение. Овальное лицо жесткое и недовольное. Свободные губы опускаются на кончики; большие глаза, выдающиеся скулы и сильный подбородок имеют выражение, очень далекое от нежности и одухотворенности. Бюст,

который приписывают ей в Британском музее, находится между ними. Старшая Фаустина осталась в неизвестности, и мы переходим к ее более известной дочери и преемнице.

В течение двадцати лет после смерти Фаустины в Риме не было императрицы. Антонин, которому шел пятьдесят пятый год, отказался жениться снова и взял наложницу, что было признано в римском праве и практике, где брак имел несколько степеней. Это была эпоха всеобщего мира и великого процветания. Группа стоических юристов, которую император собрал вокруг себя, гуманно сдерживала суровость законов, в городах оказывалась медицинская помощь бедным, школьная система получила дальнейшее развитие, а дела милосердия продолжали множиться. Армии обычно отдыхали и, надо опасаться, ржавели, казна снова наполнялась, империя была счастлива и процветала. В 161 году жизнерадостный и благожелательный Антонин скончался, и к совместному правлению пришли два человека, которых Адриан заставил его усыновить. Вместе с ними появились две новые императрицы, представляющие немалый интерес.

Два мальчика, которых Адриан по легкомыслию определил в наследники престола после Антонина, были Анний Вер, или Вериссим, как Адриан ласково называл его за преждевременную серьезность и набожность, и Луций Вер, сын беспутного компаньона Адриана. Анний был большим любимцем императора. Он получил должность на шестом году жизни, а философский плащ надел на двенадцатом. Он был любимцем деда во дворце, но настолько серьезен в своем стоицизме, что его матери с трудом удалось убедить его спать в кровати, а не на полу. На шестнадцатом году жизни Адриан подарил ему мужественную тогу и обручил с дочерью Луция Вера. На восемнадцатом году жизни он был "в ужасе", узнав, что его выбрали для престолонаследия и он должен отправиться жить во дворец. Затем Адриан умер, и Антонин усыновил его.

Гиббон очень хвалит Антонина за то, что тот предпочел благополучие государства интересам своей семьи в этом усыновлении. Правда, как мы знаем из монет, у Антонина и Фаустины было два сына, а также две дочери, но они, должно быть, умерли до 138 года. Дио прямо говорит, что Адриан приказал Антонину усыновить двух молодых людей, "потому что в то время у него не было детей мужского пола". Его мальчики, как и его старшая дочь, должно быть, умерли до этого времени; и действительно, у нас нет больше никаких упоминаний о них. Но если эта особая милость не может быть оказана Антонину, мы должны восхищаться его тщательным контролем за их воспитанием и разборчивым управлением их судьбами. Лучшие мастера Рима обучали каждого из них, и только глубокие различия в их конституциях - моральная сила одного и слабость другого - привели к тому, что они так сильно расходились. Бдительное око императора заметило несходство обещаний. Он оставил Луция Веруса в стороне от продвижения по службе, а Марку предназначил великое продвижение.

Не успел Антонин взойти на трон, как через Фаустину обратился к Марку с предложением о браке с его дочерью. Она была обещана Адрианом молодому Луцию Верусу, а Марк должен был жениться на Цейонии. Император предложил аннулировать эти контракты и выдать замуж младшую Фаустину за молодого стоика. Было бы чрезвычайно интересно проникнуть в чувства юной принцессы в то время. Поздние бюсты изображают ее миловидной, круглолицей девушкой, вероятно, в раннем подростковом возрасте, с маленькими глазами и живым темпераментом. Мрачный и строгий молодой ученый не привлек бы ее, и можно представить себе ее чувства, когда он попросил время подумать, примет ли он руку очаровательной дочери императора. Маркус философски взвешивал предложение, пока не истекло время, о котором он просил, а затем дал согласие на помолвку. Его назначили Сезаром и консулом, а в качестве жилища предоставили дворец Тиберия. Его бюст,

хранящийся в Капитолийском музее, изображает его примерно в это время - лицо необыкновенной красоты и утонченности, обрамленное массой коротких вьющихся волос.

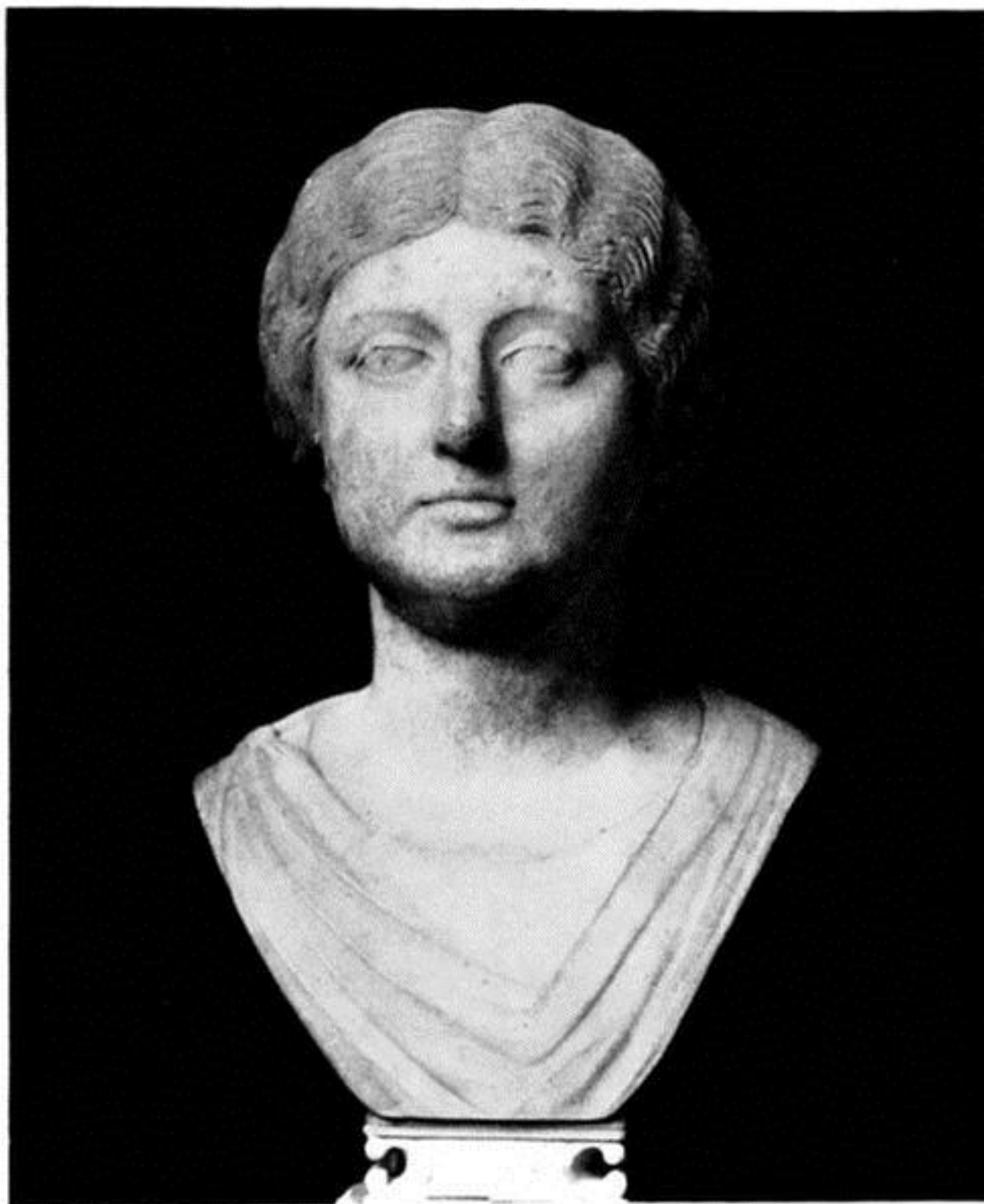
Их свадьба - великолепная церемония - состоялась лишь семь лет спустя (145), и это обстоятельство можно считать очередной философской ошибкой. В годы ожидания и большую часть правления Антонина Марк был поглощен учебой. Он проникся афоризмом Платона о том, что государство будет счастливым, если его принц будет философом. Как это отразилось на Фаустине, мы сможем лучше сказать позже. Ее мать умерла в 141 году, ее женское начало было полностью сформировано, а взор ее отца был устремлен на империю. После смерти Антонина трон был сразу же предложен Марку. В последние минуты жизни Антонин приказал передать Марку золотую статую Фортуны, которую он хранил в своих покоях. Из чувства долга он, к несчастью для Рима, связал с собой в империи Луция Вера. Будучи сам несколько хрупким, он доверял Верусу ту работу за границей, которая была необходима, и продолжал посещать школы.

Его мирные занятия были быстро прерваны. Смертельные наводнения и нехватка продовольствия беспокоили столицу; восточная граница снова пылала, а германская граница была под угрозой. Марк отправил Вера принять командование на Востоке, обручив его со своей дочерью Луциллой, сдерживал северных варваров с помощью взяток и дипломатии и прилагал все усилия для облегчения положения Рима. Некоторое время его политика казалась триумфальной. Германцы были умиротворены, а восточные народы подавлены. Однако Верус не продвинулся дальше сладострастных дворцов Антиохии и развратных рощ Дафны. Лишь однажды во время кампании он покинул роскошь Антиохии. Он услышал, что Марк едет на Восток со своей дочерью Луциллой, и поспешил встретить его не в шумной Антиохии, а в другом месте. Однако Марк не покинул Италию, а Верус женился на Луцилле и вернулся к своим благоухающим порокам. К счастью, на Востоке был римский полководец старого образца, Авидий Кассий, сильный и прямой человек, презиравший роскошь. Он привел развратные войска в дисциплинированное состояние, умиротворил Восток и позволил Верусу вернуться в Рим, чтобы насладиться своим триумфом.

Здесь начинаются истории, которые собрались вокруг памяти младшей Фаустины и убедили многих писателей в том, что, как утверждает один из авторитетов, она стала второй Мессалиной. Если верить "Истории Августа", она вела себя самым отвратительным образом на протяжении всей своей супружеской жизни. Четыре римских вельможи конкретно названы отъявленными любовниками императрицы, а она обвиняется во всеобщем разврате. Одного из них звали Тертулл, и рассказывают, что однажды, когда Марк был в театре, один из актеров грубо упомянул об этой связи. На вопрос о том, как зовут некоего любовника, он трижды (*ter*) ответил: "Тертулл, Тертулл, Тертулл". К этому добавляется, что Маркус, который вполне мог упустить какой-то момент в театре, поскольку читал и писал там письма, был вполне осведомлен об этой связи, поскольку однажды он застал Фаустину за завтраком с Тертуллом. Далее императрицу обвиняют в прелюбодеянии со сладострастной коллегой мужа, а также в распутстве среди актеров, гладиаторов, моряков и других представителей низшего сословия.

Более трезвые авторы, пишущие о Фаустине, как правило, не желали признавать этот разврат. Дюруи полностью отвергает эти истории, Меривейл рекомендует соблюдать осторожность, а Ренан считает, что "тщательные исследования свели к очень малым пропорциям обвинения, которые скандал с удовольствием выдвинул против жены Марка Аврелия". Мне кажется, что мы можем прийти к тому же выводу, что и в случае с Мессалиной; мы должны относиться к отдельным легендам с осторожностью, но должны заключить, что общее мнение о Фаустине того времени, которое воплощают эти истории, должно было

иметь под собой серьезную основу. Некоторые из историй, записанных Капитолином в "Истории Августа", явно ложны. Одна из них гласит, что она призналась Марку в своей страсти к некоему гладиатору, и что Марку было приказано халдейскими мудрецами, с которыми он советовался, убить этого человека и искупать императрицу в его крови. Ее страсть была излечена, но ее следующим ребенком стал жестокий Коммод. Эта история настолько груба - я не воспроизвожу всех деталей, - что автор не настаивает на ней, но продолжает: "Тем не менее, поскольку ее поведение с гладиаторами хорошо известно, Коммод, вероятно, был сыном гладиатора". Воспитатель принцев Фронтон в одном из своих писем замечает, и сохранившиеся бюсты подтверждают его слова, что Коммод имел поразительное сходство с Марком Аврелием. Остается добавить, что Коммод родился в год воцарения императора, когда такое поведение просто невероятно.

ФАУСТИНА МЛАДШАЯ

БЮСТ (ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО) В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

Другие части легенды столь же уязвимы. Так, утверждается, что Фаустина отравила Веруса, когда он похвастался перед женой своей связью с ней. Он умер вполне естественной смертью, как мы увидим позже. С другой стороны, Дио, живший вскоре после этого и не питавший неприязни к скандалам, ничего не знает о подобной распущенности императрицы, и ничего нет ни у Евтропия, ни у Аврелия Виктора. Единственный другой писатель, который в общих чертах обвиняет Фаустину в распущенности, - император Юлиан ("Cæsars", с. 28). Таким образом, мы оказываемся перед дилеммой и не должны слишком охотно говорить о Фаустине как о второй Мессалине. Спокойное признание ее вины перед Юлианом и тот факт, что рассказы в "Истории Августа" якобы взяты у Мария Максима, исторического писателя, не так далеко ушедшего от ее времени, подразумевают очень общую веру в ее виновность. В одном месте Капитолин говорит (с. 23), что император "очистил ее своими письмами" от обвинений в развязном поведении с актерами, а в другом представляет, как он говорит, когда его призывают развестись с ней из-за ее пороков: "Если мы отсылаем жену, мы должны отдать ее приданое", хотя империю вряд ли можно назвать приданым Фаустины. В третьем месте, однако, Капитолин оставляет открытым вопрос о том, был ли Марк "в неведении или игнорировал" проступок своей жены. На самом деле для многих писателей решающим является отношение Марка. Если бы это было сделано, он должен был знать, а зная это, он не мог бы так высоко отзываться о своей жене в "Медитациях" и не осмелился бы установить в ее память алтарь, на котором римские девы должны приносить жертвы до брака.

По правде говоря, чаша весов уравновешена, однако невозможно представить, что тяжелые обвинения Мария Максима и взвешенный вердикт Юлиана не имели под собой оснований. То ли от слабости, то ли от избытка казуистики Марку Аврелию не хватало решения или проникновения в подобные вопросы. Он выдал свою дочь замуж за распутника, которого впоследствии обожествил, и передал империю сыну, который рано подал признаки порока. Его серьезный и аскетичный образ жизни, вероятно, оттолкнул красивую женщину, на которой он дипломатично женился, и она, похоже, искала облегчения. Ни один из бюстов, медальонов или монет, которые в той или иной степени доносят до нас ее образ, не говорит о характере или культуре, а скорее о слабом контроле и чувственном нраве. От нее Коммод получил ослабленную волю, которая поставила его на милость его более беспутных придворных, и чувственность, которая превратила его короткое правление в неопишуемый дебош. Как бы нам ни хотелось избавить Марка Аврелия от позора за то, что он породил такое чудовище, мы должны признать его родство и возложить всю вину на мать.

В этой неудовлетворительной дымке мы должны оставить поведение императрицы в те годы, когда ее муж трудился ради безопасности империи, завещал свои строгие размышления последующим векам или созерцал золотые образы своих учителей в своем *ларариуме*. За триумфальным возвращением Вера быстро последовали годы тяжелейших тревог. На зачумленном Востоке легионы впитали в себя микробы чумы, разнесли их по своему пути и теперь распространяли по всему Риму. Тысячи жертв, богатых и бедных, пали жертвами этой изощренной болезни. Марк тщетно созывал священнослужителей всех религий и медиков всех школ, приносил в жертву тех безвестных христиан, на которых народный гнев всегда был готов обрушить беду. Его беда усилилась, когда стало известно, что свирепые маркоманны с севера ворвались в пределы империи и гонят римлян за собой. С огромной энергией он собрал деморализованные легионы на севере и вместе с Вером отправился на врага. В середине войны (168 г.) Верус, который неоднократно пытался вернуться в столичный комфорт, умер. Во время путешествия с ним случился апоплексический удар, и мы можем игнорировать различные предположения о том, что Луцилла, Фаустина или Марк положили конец его бесполезной карьере.

Маркус в течение нескольких лет продолжал заниматься расселением пограничных племен. Похоже, что Фаустина отправилась с ним в эти тяжелые походы, хотя можно ли усмотреть в этом обстоятельстве какую-либо заслугу с ее стороны, или же это было сделано императором, чтобы контролировать ее поведение, сказать невозможно. По крайней мере, она заслужила титул "Мать лагерей" и "Мать легионов", который встречается на немногих монетах императриц. Вероятно, ее расстройства относятся к более раннему времени, до и в начале правления императора. Капитолину известно о ее знакомстве с гладиаторами и моряками главным образом в Гаэте, красивой бухте на побережье, где у многих римлян были виллы. Возможно, трезвость ее последних лет была воспринята мужем как искупление и оправдывала его хвалебные отзывы о ней.

Эти последние годы были полны проблем и тревог. Мало того, что двое их детей умерли, а дочь Луцилла стала вдовой отъявленного распутника, так еще и боги, казалось, вступили в состязание с добродетелью Марка Аврелия. Сильное землетрясение потрясло Восток, чума оставила черные следы на территории империи и заразила лагеря, и другие бедствия спрессовались в несколько лет. Казна истощилась, и Марку пришлось выставить на аукцион императорские сокровища, чтобы получить средства на ведение войны. Единственным утешением для него было то, что восточная граница была спокойна, но в 175 году прибыл гонец с известием, что его великий полководец Авидий Кассий поднял восстание и претендует на империю.

Верус, который, должно быть, чувствовал презрение со стороны более сильного человека, за много лет до этого предупреждал Марка, что Кассий опасен, но фактическое восстание упорно связывается в хрониках с Фаустиной. Кассий был честолюбив, и только отец помешал ему в прежние годы восстать против Антонина Пия. В 174 или 175 году, как утверждает Дио, он получил послание от Фаустины с предложением в случае смерти Марка жениться на ней и занять трон. Вскоре после этого до него дошло ложное сообщение, что Марк умер, и он сразу же объявил легионам, что принимает империю. Сообщение быстро опровергли, но Кассий решил, что отступать уже поздно, и приготовился к борьбе. Маркус с грустью двинулся на Восток. Однако не успел он далеко уйти, как узнал, что солдаты, ненавидевшие Кассия за его суровость, предали его смерти.

Положение Фаустины снова остается крайне двусмысленным. Писатель о Кассии в "Истории Августа" приводит слух о ее причастности, но отвергает его. К сожалению, его отрицание в данном случае не более весомо, чем его принятие в других случаях. Он признает, что его источник, Марий Максим, считает Фаустину виновной, и приписывает это "желанию опорочить" императрицу. Если не считать того, что ненависть к Коммоду в Риме могла некоторое время распространяться и на женщину, которая его родила, то нет никакой ясной причины, почему Максим должен клеветать на Фаустину. Дио, живший очень близко к тому времени, приводит как достоверный факт, что Фаустина тайно убеждала Кассия жениться на ней и занять трон, если Марк умрет. Мы можем согласиться с вердиктом большинства писателей по этому вопросу. Маркус был болен, хрупкого телосложения и перегружен работой. Фаустине казалось, что он долго не проживет, и, поскольку Коммод был немолодым и бесперспективным юношей и ни в коем случае не был уверен в престолонаследии, она искала соглашение, по которому она могла бы остаться на троне в случае смерти своего мужа.

Обычно не считают, что в этом было что-то серьезно предосудительное, но тайные переговоры такого характера не представляют ее в привлекательном свете. Ее последующее решение наказать Кассия и его друзей не менее неприятно, даже если вспомнить, что у нее не было намерения поднять его против императора, пока он был жив. В "Истории Августа"

сохранилось несколько писем Марка и Фаустины от Мария Максима, и, кажется, нет оснований сомневаться в их подлинности. Они свидетельствуют о том, что Марк имел привычку советоваться с Фаустиной по вопросам серьезной важности. "Поднимись на Альбанскую гору", - пишет он ей, рассказав о мятеже, - "и, по милости богов, мы обсудим это дело в безопасности". Фаустина отвечает:

"Я отправлюсь завтра на Альбанскую гору, как вы прикажете, но сразу же умоляю вас, если вы любите своих детей, отнестись к этим мятежникам со всей строгостью. Солдаты и их предводители погрязли во зле, и они раздавят нас, если мы не принудим их".

В другом письме она снова давит на него:

"Моя мать Фаустина убеждала твоего отца [по усыновлению] Пия во время отделения Цельса, чтобы он в первую очередь переживал за свою собственную семью..... Ты видишь, как молод Коммод, , а наш зять Помпеян старше и находится за границей. Не щади людей, которые не пощадили тебя и не пощадили бы меня и детей, если бы победили".

В более позднем письме Марка говорится, что он читал ее увещевания на своей вилле в Формиз (на берегу залива Газта). К тому времени он узнал, что Кассий мертв, и не намерен больше мстить своей семье. Он пощадит жену и детей и попросит сенат быть умеренным в наказании сообщников, потому что "ничто так не выдает императора Рима перед народами, как милосердие". На самом деле мы знаем, что он отнесся к семье Кассия с большим великодушием.

Затем император и императрица отправились на Восток, чтобы завершить работу по умиротворению. Во время путешествия, в маленькой деревушке у подножия горы Тавр, Фаустина встретила свой конец в 175 году. Как положено, ее поместили среди богов, но Маркус не удовлетворился обычным почитанием ее памяти. Он дал деревне название Фаустинополис, основал новый благотворительный фонд с названием "Puellæ Faustinianæ" и построил прекрасный храм в Риме, который, когда он умер несколько лет спустя, был посвящен сенатом их общим именам. Как будто для того, чтобы стереть все слухи о ее неверности, он стал просить сенат о необычайных почестях для нее. Он установил специальный алтарь с ее серебряной статуей в храме Венеры и приказал, чтобы девы, собирающиеся выйти замуж, приносили на нем жертвы; он приказал ставить золотую статую на ее место в театре, когда он посещал представления.

Дио приводит две версии смерти Фаустины, бытовавшие в его время. Одни говорили, что она умерла от подагры, от которой страдала; другие считали, что она покончила с жизнью в страхе, чтобы ее сообщничество с Кассием не было обнаружено Марком на Востоке. Вторая теория излишня. Естественная причина смерти кажется вполне достаточной, и ей не грозила бы серьезная опасность, если бы Марк узнал, что Кассий сделал ее предложением для своего восстания. Ее главные злодеяния - жить после нее. Распутная и, вероятно, развратная в ранней супружеской жизни, она, по-видимому, придерживалась трезвого образа жизни, когда стала императрицей, но мы не находим ее влияния на порядок дел. Если бы она только воспитала здоровых детей, которые стали бы преемниками ее мужа, она могла бы внести достойный вклад в могучую задачу по поддержанию пошатнувшейся империи. Вместо этого она подарила империи Луциллу и Коммоду, двух своих оставшихся в живых детей, и она впала в новую деградацию.

ГЛАВА XI

ЖЕНЫ СИБАРИТОВ

Поскольку Марк Аврелий и Луций Вер были равны в императорской власти и оба были женаты, нам предстоит рассмотреть еще одну императрицу, прежде чем мы перейдем к женам Коммода; и тот рассказ, который мы уже дали о Вере, оправдает нас в том, что мы отнесли ее к этой отдельной главе. Верус женился на Луцилле, старшей дочери Марка и Фаустины; но двусмысленная репутация ее матери предостережет нас от болезненного зрелища порока в союзе с возвышенной добродетелью. Луцилла еще больше усиливает несчастный нрав, который мы заподозрили в ее бабушке и еще явственнее обнаружили в ее матери. В союзе с Луцием Вером порок был еще раз облачен в императорский пурпур и оправдан в глазах Рима. Мы можем кратко рассмотреть Луциллу как императрицу, прежде чем проследить ее плачевную карьеру в правление ее брата.

Луцилла родилась в первый год супружеской жизни Марка и Фаустины. Марк был тогда бледным и тонкокостным ученым, Фаустина - в полной теплоте и чувственности молодой женщины, и не было ничего противоестественного в том, что ребенок унаследовал нрав своей матери без духовной сдержанности своего повелителя. Ее воспитывали с особой тщательностью, и на шестнадцатом году жизни она была обручена с Верусом.

Предположительно по воле отца и, конечно, с полного согласия Вера, она еще два года оставалась во дворце, пока Вер изнурял свои силы в распутстве в Антиохии. Маркус узнал о его поведении и послал Луциллу выйти за него замуж, как будто союз с молодой женщиной семнадцати или восемнадцати лет мог оказать отвезвляющее влияние на человека с привычками и воспитанием Вера. Верус встретил ее в Эфесе, с большой пышностью обвенчался с ней и вернулся к своим удовольствиям в Антиохию.

В Рим они приехали в 166 году, и Марк не мог не узнать в полной мере характер человека, которому он доверил свою дочь и половину своей власти. Вилла, которую Верус занимал на Клодианском пути, была самым известным домом разврата в Риме. Она кишела танцующими девушками, мальчиками, восточными рабами, музыкантами, фокусниками и т. д., которых Верус привез с Востока. Одна из комнат была оборудована под популярную таверну, и мы должны оставить под покровом мертвого языка те мерзости, которые там творились. Можно лишь повторить такие сравнительно приличные подробности, как то, что Верус приглашал гладиаторов на бои в свой дом во время ужина и затягивал веселье до тех пор, пока рабы не выносили его одурманенный вид на кушетку; или что в других случаях он подражал ранним подвигам Нерона и веселился по ночам в винных лавках и борделях популярного квартала. Однажды вечером он устроил великолепно обставленный банкет, а под конец, в пьяном виде, преподнес гостям дорогие тарелки и даже повозки с мулами, запряженными серебром, в которых их развозили по домам.

Маркус предпринял несколько тщетных попыток подбодрить его походом на север и, должно быть, испытал искреннее облегчение, когда тот, наконец, расплатился преждевременной смертью за свои излишества. Луцилла была императрицей уже одиннадцать лет. Поскольку в хрониках она почти не упоминается, нам остается только представить, как повлияла на нее жизнь в раннем женском возрасте в таком дворце, как дворец Веруса. Вероятно, отвращение в значительной степени спасло ее от этого порока. Вместе с ними жила сестра Вера Фабия, которая, по общему мнению, состояла в близких отношениях с братом. Она, по крайней

мере, узурпировала место Луциллы во власти, и императрица, должно быть, испытала такое же облегчение, как и ее отец, когда Верус умер. По слухам, он был отравлен Луциллой из-за своих отношений с Фабией, Фаустиной - за предательство в отношениях с ней, а Марком - чтобы избавить империю от своей глупости. Но апоплексический удар был бы столь естественным завершением такой карьеры, что мы можем обойтись без яда.

Затем Луцилла была выдана Марком замуж за пожилого и достойного сенатора Клавдия Помпеяна. Она и ее мать сильно возмущались этим браком и требовали более молодого и привлекательного мужа, но император был необычайно тверд. К несчастью, его твердость оказалась неуместной, поскольку строгость или возраст Помпеяна сделали то, что не удалось распутству Веруса, и Луцилла впала в порочный образ жизни. Можно предположить, что это произошло только после смерти ее отца. Марк вернулся к войне с маркоманнами и, после трех лет огромных усилий и жертв, был уже близок к победе, когда смерть унесла его. Он так и не женился, несмотря на все усилия Фабии завоевать его. По моде, одобренной даже философами, он взял в свою постель наложницу и добродетельно отказался поставить мачеху над своими детьми. После его смерти на сцену выходит новая императрица, и, поскольку Луцилла все еще сохраняла свои императорские достоинства и привилегии, нам придется рассматривать их в неприглядной связке.

Последней и самой роковой ошибкой Марка Аврелия стало то, что он оставил империю в очень неуверенных руках своего сына Коммода. Война истощила казну, чума, голод и лень истончили и ослабили население, порок снова вознесся на престол, чтобы все восхищались и подражали, похотливые варвары громили ворота империи. Для восстановления бодрости нужен был новый Веспасиан или Траян, если такое восстановление вообще возможно. Однако Марк убеждал себя, что симпатичный юноша с яркими глазами и вьющимися золотистыми волосами, который играл в солдатики в его свите в Германии, сможет вынести это непосильное бремя. Геродиан, чья история императоров теперь открывается для нас, рассказывает, что Маркус был действительно обеспокоен этим вопросом, когда лежал в своей последней болезни. О характере Коммода ходили тревожные истории. Говорили, что на двенадцатом году жизни в Центумцелле (Чивита Веккья) он приказал бросить в печь банщика, потому что вода была недостаточно горячей. В другой раз Марк прогнал некоторых развратителей, но вспомнил о них из-за слез своего сына. Они были с ним в Паннонии. По крайней мере, можно предположить, что даже ласковый взгляд отца должен был разглядеть слабость характера, которая через год или два позволит Коммоду опуститься до неопишуемых глубин. Однако Марк, до конца верящий в возвышенные истины своей философии, довольствовался тем, что призвал Коммода в свой шатер, произнес перед ним красивую речь в присутствии советников и передал ему бразды правления.

Некоторое время Коммод оставался в лагере, предоставив старейшинам управлять страной. Вскоре светлые придворные намекают, что в Риме комфортнее, и он заговаривает об отъезде. Старейшины хмурятся, а Помпеян читает ему нотацию. Он покорно кланяется, но вскоре решает уехать. Многочисленные офицеры обнаруживают подобный призыв в столице, и в путь отправляется шикарная кавалькада. Рим очарован, он выходит за много миль по дороге, чтобы встретить Коммода, усыпает его дорогу цветами и лаврами, восторгается его красивым лицом и вьющимися волосами, которые блестят на солнце, как золото. Это было новое пришествие Калигулы и Нерона. Римский народ - *quantum mutatus ab illo!* - стал ценить красивое лицо и перспективу бесконечных игр неизмеримо больше, чем безопасность границы.

Когда Коммод вместе с отцом отправился в Германию, он был женат - "поспешно женат", как гласит хроника, - на такой же юной и легкомысленной даме, как и он сам. Криспина была

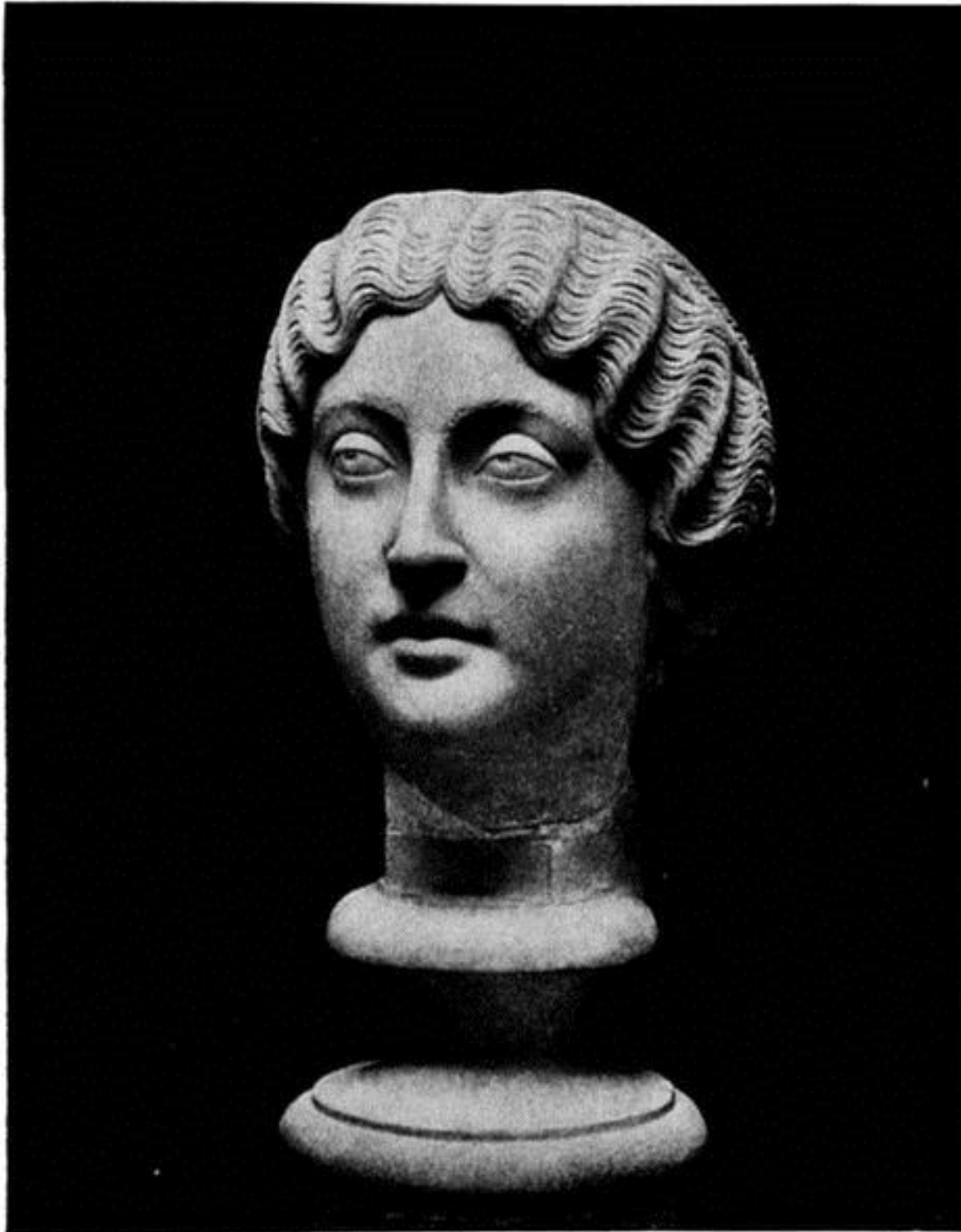
очень красивой девушкой и происходила из знатного рода. Ее отец, Бруттий Пресенс, был сенатором с большими заслугами. Похоже, что она сопровождала Коммода в лагере и вернулась с ним в Рим. В его окружении были злые советники, которых Маркус изгнал и отозвал. Их час настал.

В течение трех лет Коммод наслаждался удовольствиями, которые они ему предоставляли или придумывали, и оставил управление страной в надежных руках слуг своего отца. Возможно, это было высшей добродетелью, которую ожидал от него Марк. Но амбиции его доверенных лиц неуклонно росли, и ожесточенная вражда во дворце теперь вышла на первый план и дала им возможность. Криспина и Луцилла яростно враждовали друг с другом. Императорский титул Луциллы меркнет рядом с титулом жены правящего императора. Огонь, который несли перед ней, когда она уезжала за границу, теперь перешел к Криспине, и ей пришлось уступить первенство во дворце и в театре. Криспина же возмущалась знакомством Коммода с его сестрой и вряд ли не знала, какое толкование этому придавалось. Таким образом, приверженцы дворца разделились на две партии, и императрицы боролись за монополию на благосклонность Коммода. В конце концов Луцилла отчаялась добиться своего через Коммода и решила убить его.

Нет никаких сомнений в том, что дочь Фаустины и Марка Аврелия была брошенной женщиной. Дио утверждает, что она была "не лучше Коммода". Мы можем верить, что это преувеличение, но другие авторитеты говорят о распущенности ее поведения и категорически согласны с тем, что она вдохновила заговор с целью убийства своего брата. Никто не сомневается, что ее целью было вернуть себе верховную власть. Выводы и впечатления, которые мы делаем на основе императорских портретов, не очень существенны, но интересно, что статуя Луциллы, которая есть у нас, предполагает именно тот тип женщины, какой ее представляют историки. Это фигура полной женщины, сильного и властного нрава, чувственной до предела грубости. В ней красота матери, вместо того чтобы усиливаться чистотой отца, омрачается общим выражением грубости и самоутверждения.

О ее преступном замысле постепенно узнали ее любовники. Среди них был молодой дворянин по имени Квадрат, которого она вскоре воспламенила чувством обиды, и был составлен заговор. Убийство совершил ее пасынок, Клавдий Помпеян. Геродиан говорит, что его звали Квинтиан, и, возможно, он носил еще и это имя. Дио дает путаный и противоречивый рассказ - он описывает Помпеяна как женатого на дочери Луциллы, тогда как Луцилла была замужем за его отцом, и говорит, что она была с ним близка, но ненавидела его и хотела уничтожить, - но, поскольку он жил в Риме в то время, мы должны принять суть его истории. Молодой сенатор Помпеян был близким другом Коммода, и только увлечение Луциллой могло вовлечь его в заговор. Он испортил его и погубил заговорщиков своим мелодраматическим представлением. Когда Коммод вошел в амфитеатр, он бросился на него с обнаженным мечом. Но он объявил о своей цели, воскликнув: "Сенат посылает тебе этот меч", и стражники арестовали его.

Заговор дал Коммоду возможность кроваво расправиться с теми, кто мешал его планам, и заставил его относиться к сенату с мрачным подозрением. Мужчины-заговорщики были казнены, а Луцилла изгнана в Капрею. Но Криспина не получила триумфа от устранения соперницы. Она сама была запятнана в этой атмосфере порока и была уличена Коммодом в одной из своих связей. Ее изгнали в Капрею, и там и она, и Луцилла были преданы смерти.

ЛУЦИЛЛА

БЮСТ В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ, РИМ

Заговор произошел в 182 году, на третьем году правления Коммода. Оставшиеся десять лет его жизни было бы приятнее оставить на непереводам языке летописцев, но он фактически делил свой трон с женщиной необычного и интересного типа, и мы должны включить ее в галерею жен императоров. Среди имущества богатого молодого заговорщика Квадрата, которое сразу же было конфисковано, была очень красивая и привлекательная наложница по имени Марсия. *Конкубинат*, как я уже говорил, был законным и признанным союзом в Риме, и мы не должны рассматривать этих женщин, вошедших в нашу хронику в этом качестве, в том же свете, что и любовниц более поздних христианских принцев. Иногда они были из умеренно хорошей семьи, но, как правило, принадлежали к классу

эмансипированных рабов и включались в собственность мужчины. Марсия принадлежала к последнему классу. Вероятно, став сиротой в раннем возрасте, она была воспитана евнухом и продана им Квадрату. При разделе его имущества или даже при его жизни она привлекла внимание Коммода и была переведена в многолюдный гарем из трехсот его наложниц.

Через несколько лет (185) произошло событие, которое значительно усилило ее растущую власть над императором. Главным фаворитом Коммода стал низкорощенный и презренный придворный по имени Переннис, который поощрял нездоровые чувственные порывы императора, пока сам накапливал богатство и власть. Он льстил и потакал всем прихотям своего развращенного господина и распоряжался всеми ресурсами государства в своих интересах. Он был командиром гвардии и, похоже, в конце концов задумал сместить Коммода. Однажды, когда Коммод председательствовал на играх, которые он очень щедро устраивал, перед огромной толпой, на сцену в центре сцены выбежал человек мягкого телосложения, как говорят, философ, и прокричал императору предупреждение, что Переннис набирает богатства и стремится к трону. Префект приказал сжечь его заживо, избежав подозрений императора, но конец был ближе, чем он ожидал. Полк из пятнадцатисот человек из легионов Британии ворвался в Рим, потребовал голову Перенниса и заставил Коммода признать и наказать проступки своего министра.

С этого времени Марсия занимает место *prima inter pares* в гареме Коммода. Этой главной наложнице императора было посвящено много исследований, поскольку в раннехристианской литературе существовала традиция, согласно которой она благоволила и защищала новую религию, если сама к ней не принадлежала.¹⁴ Говорили, что она послала евнуха, который ее воспитал, освободить подавленных христиан Сардинии, и мир, которым они наслаждались в Риме во время правления Коммода, приписывают ее влиянию. Но если Марсия и принадлежала к аскетичной секте первых христиан, то в императорские времена мы должны полностью от нее отмежеваться. Похоже, что она была для жестокого Коммода тем же, чем Сессония была для столь же развратного Калигулы. Она охотно переодевалась в амазонку, а на монетах вместе с Коммодом изображена в шлеме женщины-воина. Если мы можем доверять этому скудному портрету, то, похоже, она была во многом того же типа, что и Сессония: красивая, сильная, вульгарная женщина, обязанная своим влиянием мужской силе.

В течение семи лет она без ссор занимала главное место во дворце, где были сосредоточены все оргии Калигулы, Нерона и Вера. По ее уговорам Коммод переименовал Рим в "Колонию Коммода". Можно почти заподозрить ее в гениальной иронии, когда она лишила императорский город его почтенного имени в те годы, когда он деградировал при Коммоде. Какими бы порочными ни были действия Калигулы и Нерона, их превзошли безумства и непристойности сына Марка Аврелия. Мы должны оставить завесу над жизнью, которая наблюдалась во дворце в течение этих десяти лет; но преступления Коммода не ограничивались диким потаканием его необузданным аппетитам. Компания гладиаторов и ежедневное удовольствие от убийства низвели его до уровня простого мясника. Он заставлял жрецов оргиастических восточных культов совершать над собой увечья, которые описывал их ритуал; он бил их эмблемой Анубиса, которую носил с собой в процессиях. Однажды он собрал в одном месте всех граждан Рима, страдавших недугами ног, и нарядил их в драконов. Затем римский Геркулес - так любил называть себя Коммод - обрушился на них с дубиной и убил многих из них. Эту и другие истории о его неопишуемой похоти и жестокости рассказывает историк, который видел Коммода ежедневно.

В 189 году Марсия получила еще большую власть над своим безумным любовником. Место Перенниса сразу же занял другой презренный придворный императора, Клеандр, фригийский раб, который с помощью низких приемов стал первым министром империи. Как и его предшественник, он побуждал Коммода погрязнуть в пороках, а сам, пользуясь его безумием, обогащался. Он продавал самые высокие должности в государстве, и люди могли даже купить у него право мстить своим врагам или привилегию не быть казненными за свое богатство. Казна снова уменьшалась, и благородная кровь свободно лилась, чтобы ее пополнить. По Италии пронесся великий мор, ежедневно унося тысячи жертв в одном только Риме. За ним последовал страшный голод. Народ, заметив, что скупой министр пытается нажиться на кукурузе, поднял восстание и бросился на дворец императора.

Коммод наслаждался отдыхом в прекрасном дворце Квинтилиев в пригороде, который достался ему путем убийства, когда толпа подступила к воротам. Клеандр направил конницу на людей, но пехота встала на их сторону, и они в гневе вернулись во дворец. Никто из министров не осмелился приблизиться к комнате, в которой Коммод развлекался со своими спутниками, но его сестра Фадилла и Марсия ворвались туда с известием, что его жизни угрожает опасность. Одни пишут, что это Фадилла сообщила ему, другие - что Марсия. Можно предположить, что обе они пытались разбудить его. Сладострастный трус тут же принес Клеандра в жертву толпе и вернулся к своим порокам.

Теперь Марсия имела влияние на Коммода, и Рим опускался все ниже и ниже. Его главной заботой стали кровавые бои в амфитеатре. Он ежедневно общался с гладиаторами, убивал на арене огромное количество зверей и даже сражался с людьми, которые безропотно подчинялись ему, чтобы быть убитыми. Множество знатных или богатых римлян были преданы смерти под самыми легкомысленными предложениями, но сенаторы были вынуждены смотреть и аплодировать его ежедневным убийствам с такими возгласами, как: "Ты покоряешь мир, о храбрая амазонка". Дио, заседавший среди сенаторов, рассказывает, что однажды Коммод предпринял гротескную попытку запугать их. Он только что убил страуса и подошел к ним с головой в одной руке и окровавленным мечом в другой. Он ухмылялся и мотал головой, не говоря ни слова, пока приближался к ним, как бы намекая, что теперь их очередь. Дио говорит, что его вид был настолько нелепым, что ему пришлось поспешно сорвать лавровый лист и жевать его, чтобы не рассмеяться. Мы чуть не пропустили написание одной из самых ценных историй того времени.

"Золотой век", как сенат был вынужден описывать это ужасающее десятилетие, подошел к концу благодаря новому эксцессу со стороны Коммода Пия, как его теперь называли. Наступил последний день 192 года, и они готовились к большим празднествам на следующий день. Коммод сообщил Марцию, что проведет ночь в доме гладиаторов, а наутро выйдет из него во главе их. Он приказал своему камергеру Эклектору и начальнику стражи Летусу сделать необходимые приготовления. Марсия и офицеры пришли в ужас от его предложения и просили его отказаться от него. После прочтения отвратительных подробностей его карьеры в "Истории Августа" - даже если мы сделаем поправку на преувеличение - трудно понять их негодование. Очевидно, однако, что предложение столь тесно отождествить себя с деградировавшей кастой публичных гладиаторов рассматривалось ими как нечто совершенно иное, нежели грязь и непристойность его практики во дворце, и они смело выступили против него. Он гневно отпихнул их и внес их имена в список осужденных. В "Истории Августа", напоминая об уже слышанной нами истории, в приключение вносится элемент романтики. В ней Коммод привязывает скрижаль к своей кровати и ложится спать, когда скрижаль игриво снимает один из его украшенных драгоценностями мальчиков и случайно доставляет в руки Марция.

Лучше следовать версии Дио, который в то время находился в Риме. Два офицера и Марций, поняв, что накликali на себя его гнев, обсудили этот вопрос и решили убить его. Марции было поручено отравить его. Она подсыпала яд в мясо, которое он ел, но его действие было испорчено выпитым им вином, и у него началась рвота. Он стал подозрительным и угрожающим и отправился в баню. Тогда они поспешно взяли в оборот его сильного и атлетически сложенного банщика Нарцисса, и тот вошел и задушил императора.

С изумлением читаешь, что удачливые заговорщики, вместо того чтобы радостно объявить, что они избавили Рим от такого грубияна и тирана, с тревогой размышляли, как им поступить дальше. Войска были так слепо привязаны к своему начальнику, а простые граждане - к любому щедрому поставщику игр, что они скрыли содеянное. Сам Коммод 735 раз выступал в общественном амфитеатре и только на эти представления потратил 200 000 000 драхм. Нрав деморализованного народа и солдат был неуверенным, и они решили сразу отдать империю в руки сильного воина.

В романтической истории восшествия на престол различных императриц Рима мало случаев, столь драматичных, как тот, что представляет следующую императрицу в очереди. В то время в Риме жил опытный полководец, которому шел шестидесятый год, по имени Пертинакс. Его отец держал что-то вроде таверны в одной из лигурийских деревень. Сын получил образование и быстро поднялся по карьерной лестнице. Он женился на Флавии Тициане, дочери богатого и знатного сенатора. Влюбленный в Корнифицию, сестру Марка Аврелия, он не замечал живости своей жены, и одно время она привлекала внимание своей открытой привязанностью к музыканту. Во время убийства Коммод Пертинакс был префектом Рима. В последнюю ночь 192 года он лег спать, не подозревая о великих событиях, происходивших в доме Вектилиана, куда, судя по всему, удалился Коммод.

Посреди ночи его разбудили сообщением, что его хочет видеть капитан прусской гвардии. Он спокойно сказал, что уже некоторое время ожидает казни от Коммод, и продолжал лежать со спокойным достоинством, когда вошел Лестер и сообщил, что ему предлагают империю. Он умолял Летуса отказаться от своей неприличной шутки и выполнить его приказ. Наконец он убедился, что Коммод мертв, и сквозь темноту бурной зимней ночи они пробрались в лагерь. Они объявили стражникам, что Коммод умер от апоплексии и что Пертинакс будет избран ими в качестве императора. Солдаты слушали без энтузиазма. Во время правления Коммод им разрешались самые необычные вольности, и они боялись прихода полководца. Однако к этому времени новость распространилась по городу. Люди толпились на освещенных факелами улицах и шли к лагерю, приветствуя имя Пертинакса и понося имя Коммод. Обещание выдать каждому по 3 000 денариев преодолело последнее сопротивление гвардейцев, и они холодно согласились с выбором. В сенате тоже колебались. "Мы видим за тобой, - сказал консул Фалько, - служителей преступлений Коммод, Летуса и Марсия". Сам Пертинакс, правда, был еще очень нерасположен; но сенат настоял на императорской власти, и новый год встретил в Риме народ, гневно разбрасывающий статуи и памятники Коммоду и выражающий бурное ликование по поводу прихода нового правителя.

Тициана никогда не носила титул Августы, и мы можем очень кратко описать несколько месяцев ее пребывания во дворце. Сенат предложил Тициану титул Августы, а их сыну - титул Сезара, но Пертинакс отказался от обоих. Он сказал о своем сыне: "Пусть мальчик заработает его"; а Дио говорит, что он скрывал титул от своей жены либо из-за неуверенности в своем положении, либо "потому что не хотел, чтобы его распутная супруга запятнала имя Августы". Тициана, очевидно, была не из тех женщин, которые сотрудничали бы с Пертинаксом в его реформах, и она, вероятно, разделяла то презрение, с которым ее

друзья относились к его методам. Хотя он сразу же начал исправлять зло, причиненное Коммодом, - изгонять доносчиков, регулировать налоги и очищать отправление правосудия, - он оттолкнул римлян, дойдя до крайности трезвости. Дворец он очистил очень кратко. Он продал с аукциона все предметы роскоши Коммоды, и Рим с восторгом наблюдал, как триста красивых мальчиков и триста отборных наложниц, золотые и серебряные тарелки, драгоценные вазы, шелка, колесницы и чудесные машины сибаритов были выставлены на всеобщее обозрение. Но Пертинакс зашел слишком далеко в своей экономии. Патриции с презрением говорили, что он положит на императорскую доску половину салата и заставит зайца продержаться три дня; народ скучал по непрерывному возбуждению амфитеатра; солдаты раздражались на дисциплину, которую он пытался насадить. В течение трех месяцев после своего замечательного прихода к власти Пертинакс был убит гвардейцами, а Тициана снова погрузилась в безвестность, из которой на мгновение вынырнула.

Еще одна императрица одного дня, взошедшая на трон при не менее романтических обстоятельствах, на мгновение займет наше внимание, прежде чем мы перейдем к более внушительной фигуре.

Именно 28 марта 193 года солдаты жестоко убили Пертинакса. По слухам, Пертинакс отправил своего тестя Сульпиция обеспечить спокойствие в лагере. Пока он там задерживался, солдаты вернулись с капающей головой императора, и он понял, что трон вакантен. С бессердечием, которое почти невероятно, но полностью подтверждено, он сразу же предложил солдатам деньги за императорскую власть. Некоторым из солдат пришло в голову, что можно получить более высокую цену, и они объявили с вала своего лагеря, в котором заключили себя, что трон фактически выставлен на продажу. В частности, они послали весть одному из самых богатых граждан, Дидию Юлиану, и предложили ему сделать предложение. Правда ли, что он уступил тщеславию жены и дочери - похоже, на него не нужно было давить, - Юлиан отправился в лагерь и сделал более высокое предложение, чем Сульпициан.

Был ранний вечер, и толпа собралась, чтобы посмотреть на ужасающее зрелище продажи империи. Юлиан отметил, что его соперник был тестем человека, которого они убили, и можно предположить, что у него были какие-то планы мести. Солдаты ввели Юлиана по лестнице, и два сенатора стали торговаться друг с другом, а солдаты на стене объявляли их предложения. В конце концов Юлиан сделал предложение, равное более чем 200 фунтам стерлингов каждому солдату, и его приветствовали как императора. Под пристальной охраной солдат его провели в сенат и заставили сенаторов поднять руки. Затем они завершили свою сделку, проводив его во дворец, и у тщеславного старика появилось время поразмыслить над необычным положением, в которое он неожиданно попал. Его жена, Манлия Скантилла, и дочь, Дидия Клара, присоединились к нему "в страхе и беспокойстве" (так говорится в "Истории Августа"), и он закончил день продолжительным развлечением.

На следующий день его жена и дочь были награждены титулом Августы, но вскоре они обнаружили, что Юлиан растратил свое богатство на опасную безделушку. Римский народ не только насмехался над ним всякий раз, когда он появлялся, но вскоре пришло известие, что дальние легионы пылают от гнева и собираются идти на Рим, чтобы отнять у него империю. Вскоре он узнал, что командующий войсками в Паннонии начал свой поход во главе грозной армии. Юлиан сначала объявил его врагом народа и послал людей, чтобы убить его; затем он предложил разделить с ним империю. Северус со своими закаленными войсками безжалостно перевалил через Альпы и двинулся по равнинам Италии. Юлиан заставил деморализованных солдат, продавших ему империю, оказать хоть какое-то притворное сопротивление, возвел земляные укрепления в пригородах, попытался приучить

к бою своих слонов и, в крайнем случае, укрепил дворец. Но его слабоумные войска дрогнули перед опытными легионами из Германии, и, когда Северус достиг Рима, Юлиан оказался покинутым. Сенат вынес решение о его смерти, и он был обезглавлен во дворце, которым наслаждался ценой своего состояния и жизни шестьдесят шесть дней. А два сокрушенных Августа сложили с себя сан и понесли тело Дидия Юлиана к могиле его предков.

Марсия тоже закончила свою полуимператорскую карьеру насильственной смертью. После убийства Коммода она вышла замуж за камергера Электуса, с которым была давно близка. Электус стал камергером Пертинакса и погиб, не без позора, вместе со своим господином. Однако Марсия недолго пережила своего мужа. Юлиан пообещал солдатам, что отомстит за убийство Коммода, и, разыскав оставшихся участников заговора - Лета, Нарцисса и Марция, предал их смерти.

ГЛАВА XII ЮЛИЯ ДОМНА

С восшествием на престол Септимия Севера мы сталкиваемся с одной из самых ярких личностей в длинной череде римских императриц - женщиной уровня Ливии, Агриппины и Плотины - и вновь вступаем в один из самых светлых периодов жизни империи. Деградация правления Коммода исчезнет, как туман в летнее утро; изможденный каркас империи, кажется, восстановит все свои силы за несколько лет. Эти периоды быстрого восстановления недостаточно оценены риторическими цензорами нравов Рима, чьи исследования почти полностью ограничиваются правлениями Калигулы, Нерона, Коммода, Каракаллы и Элагабала; как будто справедливо определять климат региона только по его худшим дням. Если к власти приходит сильный человек, если император поощряет добродетель и мужественность, то и город Рим приобретает нормальный моральный облик. Трон - это всего лишь электрическая точка, и в зависимости от того, положительный он или отрицательный, он привлекает в свет истории либо хорошие, либо плохие элементы Рима. И те и другие присутствуют постоянно. И если бы добрые правители, приходя к власти, так же решительно очищали ее от злых типов, как злые правители - от добрых, империя, возможно, не дала бы столько материала цензорам угасших цивилизаций.

Императрицы, которых мы до сих пор рассматривали, были, за редким исключением, дочерьми римских патрициев или знатных провинциалов, которые жили в Риме в течение поколения или двух. В лице Юлии Домны, жены Севера, мы впервые видим на троне женщину с Востока, и, поскольку ее семья в течение некоторого времени будет оказывать сильное влияние на судьбы империи, будет интересно взглянуть на ее происхождение.

На берегу Оронта в Сирии, в большой деревне или небольшом городке Эмеса (ныне Хемс), во втором веке существовал очень древний и процветающий религиозный центр. В какой-то ранний период истории этой страны из дома богов на нее был сброшен таинственный камень - метеорит, как назвала бы его современная наука, - и он был установлен как символ бога-регенератора (Элагабала, которого греки неправомерно превратили в Гелиогабала, или бога-солнце). Со временем для него был построен прекрасный храм, к нему стекались паломники со всей страны, а богу и его живым представителям делались богатейшие дары.

Примерно в середине II века главным жрецом был некий Бассиан, имевший двух красивых и очень умных дочерей. Планеты, которые управляли рождением старшей, обещали ей, по мнению астрологов, трон, а так как рядом с Эмесой находился лагерь римских солдат, а храм привлекал внимание воинов в изгнании, о прелестной сирийской девушке и ее гороскопе узнали очень далеко. В 186 или 187 году дочери жреца поступило предложение о замужестве от одного из высших чиновников, *легата*, богатой провинции Нижняя Галлия, и она пересекла моря и земли, чтобы принять его. Через шесть лет этот чиновник, Септимий Северус, стал императором Рима, а Юлия Домна - императрицей.

Эта красивая история подвергается сомнению, и Сервез, чья глава о Юлии Домне представляет собой кусок безответственного вымысла, описывает ее как приехавшую в Рим по собственному желанию в поисках приключений. Но у нас есть множество свидетельств того, что Северус был самым увлеченным астрологом, и в этой истории нет ничего неправдоподобного. Северус был родом из римской провинции Африка, из скромной семьи и, как многие энергичные люди во времена Антонинов и Марков, заслужил продвижение с должности на должность. Сначала он женился в Риме на некой Пакии Марциане. Затем он стал претором, получил военное командование в Испании и Галлии, несколько лет учился в Афинах и стал легатом Лугдунской провинции. В Лионе он потерял первую жену и искал вторую. Услышав, что в Сирии есть дева с царским гороскопом, он послал за ней и женился в Лионе. В первый год родился ребенок, и, хотя Бассиан (более популярный Каракалла) описывается Евтропием и Аврелием Виктором как ее пасынок, он, несомненно, был ее первым ребенком. Гета, его брат и соправитель, родился двумя годами позже.

К тому времени они жили в Риме, где Северус был консулом. Коммод, чьи безрассудства возбуждали его честолюбие не меньше, чем презрение, дал ему командование в Нижней Германии. Сразу же после этого на Коммода было совершено покушение, а примерно через три месяца пришло известие об убийстве Пертинакса. По такому случаю легко было разжечь гнев в войсках, и, поскольку Северус предложил более чем обычно большую взятку, он был провозглашен императором и, как мы видели, повел легионы на Рим. Мы не знаем, осталась ли Юлия в Риме или сопровождала его, но она должна была присутствовать, когда Рим приветствовал своего нового правителя. Он ехал в полном вооружении, в центре отборного войска из шестисот человек. Однако, увидев, что Рим полностью покинул Юлиан, он вошел в город в гражданском костюме, пешком. Все дома были украшены цветами и лаврами, а раннее летнее солнце освещало белоснежные одежды горожан. Другое великолепное, но менее радостное зрелище было предложено на следующий день, когда восковое изображение Пертинакса было удостоено императорских похорон. Затем он приступил к суровой работе по сохранению своей империи. У него не было никаких прав на нее, кроме своего меча, и было еще два способных полководца - Альбинус в Британии и Нигер в Сирии - претендующих на тот же титул от своего имени.

Мы не знаем, сопровождала ли Юлия Северуса во время последовавшей за этим долгой гражданской войны. Некоторые авторитеты представляют ее как подстрекательницу своего мужа к уничтожению его соперников. Совет не был бы неестественным, но он был бы настолько лишним, что мы не обращаем внимания на это утверждение. С помощью хитрости, которая не снискала ему уважения историков, Северус удерживал Альбина в Британии с пустым титулом Сезара, в то время как он продолжал сокрушать Нигера на Востоке. Поскольку есть монеты 196 года, на которых Юлия названа "Матерью лагерей" ¹⁵, она, вероятно, сопровождала Северуса на Восток, но нам нет нужды продолжать эту долгую кампанию. Северус поручил работу своим генералам, а сам продолжал следить за Римом и Западом. Несколько лет ушло на умиротворение Востока, а затем он направился в Британию.

Действуя под влиянием африканского варварства, которое, несомненно, присутствовало в характере Северуса, он послал людей с вероломным поручением убить Альбина, и раскрытие заговора привело к тому, что британские легионы громом пронесли по Галлии. Соперники решительно встретились в Лионе, и титаническое противостояние закончилось триумфом Северуса.

Рим с напряжением следил за ходом борьбы, и некоторые решались встать на чью-либо сторону. Предзнаменования были неоднозначными. В северном небе мерцал странный свет - аврора, а на город обрушился дождь, смешанный с серебром - Дио трезво уверяет нас, что он покрыл им несколько бронзовых монет. Человеческий суд был столь же неопределенным, как и суд богов, и многие римляне встали на сторону "белых" (Альбин) или "черных" (Нигер), а не "серых", выражаясь языком времени. Ожидать, что Северус полностью воздержится от наказания тех, кто поддерживал его соперников, после стольких лет беспокойства, которое они ему причинили, слишком много; но следует признать, что его месть была жестокой, а его мотив о безопасности государства был не более чем прикрытием для очень человеческой обиды. В "Historia Augusta" приводится ужасающий список из сорока одного сенатора, которых он предал смерти, и толпы более мелких людей пострадали от его мстительности. От Сирии до Галлии он отмечал свой триумф следами человеческой крови.

Об отношении Юлии к этим казням нам ничего не известно. Северус был жестоким и вспыльчивым африканцем, и у нас нет оснований думать, что кто-то побудил его совершить эти деяния. Все его поведение в час триумфа было неблагоприятным и недостойным. Он произнес в сенате нелюбезную речь, восхваляя Коммода, и распорядился воздать самые высокие почести его памяти. Возможно, сознание своего низкого происхождения, которое его сестра тактично раздражала, приезжая в Рим и демонстрируя свою сельскую невинность на потеху знати, заставляло его относиться к патрициям с большим подозрением, чем следовало бы. Альбин, однако, происходил из древнего и почтенного, хотя и несколько обветшавшего рода, и его более чистая кровь могла повлиять на сенат.

Покинув Рим под тягостным впечатлением от жестокого использования власти, он отправился на Восток, где парфяне снова были в оружии. Юлия сопровождала его в этой кампании, но она не представляет особого интереса. Парфяне отступили перед его наступлением, а он преследовал их вниз по Евфрату и некоторое время удерживал Вавилон и несколько древних городов Востока. Потерпев поражение и понеся большие потери при осаде Хатры, он угрюмо удалился из Месопотамии и искал утешения в приятном путешествии по Палестине и Египту. Они вернулись в Рим около начала третьего века, чтобы впервые надолго задержаться в столице.

Замечательное количество надписей, сохранившихся в самых отдаленных уголках империи, свидетельствует о том, что Юлия уже считалась активной императрицей, а не просто спутницей Северуса. Вероятно, она стоит рядом с Ливией - некоторые поставили бы ее перед Ливией - в общем признании ее политического существования. Но по возвращении в Рим она нашла себе злейшего противника в лице главного министра Северуса и на некоторое время ограничилась личными заботами. Этот министр, Плаутиан, был односельчанином, возможно, родственником императора, пользовался его полным доверием и злоупотреблял им. Его назначили командиром прусской гвардии, которую Северус, наказав за убийство Пертинакса, реорганизовал и чрезвычайно усилил. Оказавшись во главе пятидесяти тысяч отборных воинов, которым во время долгого отсутствия императора были доверены высшие государственные дела, Плаутиан предался тщеславию в самых странных проявлениях. Когда его великолепная колесница проезжала по Риму, вперед посылали гонцов, чтобы предупредить простой народ, что они должны отвернуться и не смотреть на его

величественную персону; в Риме было больше его статуй, чем статуй императора. Он даже приказал сотне римлян всех возрастов, в том числе и знатного происхождения, стать мужеложцами, чтобы его дочь могла быть окружена всем великолепием и безопасностью восточного гарема. Северус попросил руки этой привилегированной девицы для своего старшего сына. Бассиану тогда (203) шел шестнадцатый год, и он только что был назначен отцом на пост кесаря. Плаутиан согласился, и состоялась княжеская свадьба. Когда богатые дары несли через Форум во дворец, люди отмечали, что префект гвардии смог дать своей дочери такое приданое, которого хватило бы на дочерей пятидесяти царей.

Два обстоятельства сговорились, чтобы разрушить этот благоприятный брак. Бассиан недолго любил Плаутиллу, Юлия ненавидела своего тщеславного и властного отца. Третье обстоятельство, по мнению Рима, заключалось в том, что Бассиан был уже слишком близок с маленьким вспыльчивым сирийским кузеном, жившим тогда во дворце, о котором мы многое увидим в следующей главе. В конце концов Плаутиан выдвинул официальное обвинение против императрицы, и во дворце началось волнение. Обвинение, по-видимому, состояло в прелюбодеянии, и, хотя оно не было доказано, некоторые из позднейших историков утверждают, что своим спасением она была обязана только ласке Севера. Аврелий Виктор ("De Cæsaribus", xx) говорит, что "бесчестия его жены лишили Севера вершины его славы"; и он обвиняет ее, насколько известно императору, в распутстве и измене. Лампридий ("История Августа", "Северус", с. 18) утверждает, что она была "печально известна своими прелюбодеяниями и виновна в заговоре". Евтропий и Геродиан присоединяются к ним, чтобы позже выдвинуть против нее еще более серьезное обвинение. Однако Дио, который находился на месте событий, не выдвигает никаких обвинений против ее характера, и многие считают, что его молчание более поучительно, чем болтовня позднейших компиляторов. Можно добавить, что Северус очень хотел искоренить прелюбодеяние, и, хотя его усилия не увенчались успехом из-за нежелания граждан воспользоваться его законом - Дио, когда он был консулом, обнаружил три тысячи обвинений, лежавших без внимания в канцеляриях, - его известный нрав следует принять во внимание. С другой стороны, Дио писал свою историю в период правления одного из членов семьи Юлии и мог многое опустить из осторожности.

Доказательства, как обычно, вызывают недоумение, и нет необходимости настаивать на вынесении вердикта. Восточная религия, которой придерживалась Юлия, не накладывала уз на любовную страсть, а переезд из охраняемого уединения Востока в свободную жизнь Запада не вызвал бы угрызений совести. Обвинение, по сути, не было признано Северусом доказанным, хотя знатных дам пытали, чтобы вырвать у них показания. Однако после этого палящего испытания Юлия умерила свою открытую враждебность к Плаутиану и искала утешения в пристальном внимании к письму и философии. Ее сестра, Юлия Меса, к тому времени приехала из Эмесы, чтобы присоединиться к ней во дворце, и привезла двух замужних дочерей, о которых мы еще услышим.¹⁶ Вместе с ними и литераторами Рима она образовала интеллектуальный кружок и удалилась от политики.

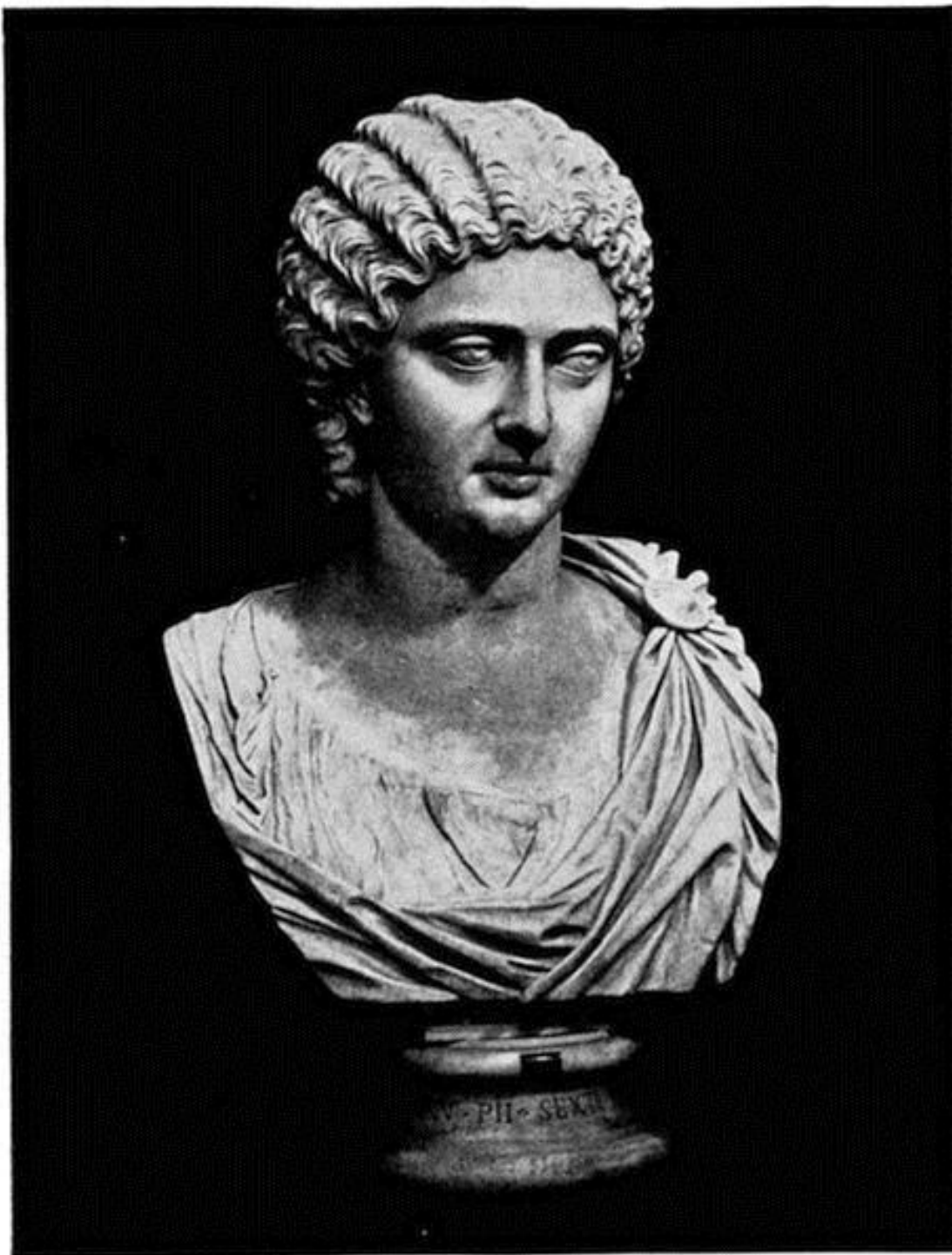
Но можно не сомневаться, что Юлия поощряла неприязнь своего сына к Плаутилле. Геродиан заявляет, что молодая жена была "самым бесстыдным созданием". Мы можем не согласиться с этим описанием несчастной молодой принцессы и увидеть в нем лишь отголосок нападок на нее. Обиженная и запуганная Бассианом, она, наконец, вернулась в слезах в отцовский особняк, и префект возобновил свои нападки с особой теплотой. Северус отказывался слушать жалобы на него, пока его брат Гета на смертном одре не внушил ему, что Плаутианус приобретает свои огромные богатства с целью захвата трона. С этого часа Северус стал вести себя более холодно по отношению к своему министру, а партия Юлии

набралась смелости. В конце концов Бассиан убедил отца в заговоре министра. Если верить романтической версии, Плаутиан послал человека, чтобы убить Северуса и его сыновей. Тот предал его во дворце, и Бассиан приказал ему вернуться и сделать вид, что привел префекта посмотреть на трупы. Как бы то ни было, Плаутиан поспешил во дворец, с тревогой увидел, как за ним закрылись ворота, и был препровожден в присутствие императора и Бассиана. Вскоре после этого голова Плавтиана была сброшена на улицу с крыши дворца. Дио добавляет, что какой-то человек вырвал горсть волос из кровоточащей головы и бросился с ними к Юлию и Плаутилле, восклицая: "Вот ваш Плавтиан!". Несчастливая девушка была изгнана в Липару и казнена там Бассианом после смерти его отца.

Возможно, после падения фаворита неизбежно должна была последовать серия казней, но через некоторое время жизнь дворца вошла в спокойное рутинное русло. Северус, крупный, сильный мужчина с короной седых волос над почтенными чертами лица, подавал пример трезвости и трудолюбия. Как правило, он был на работе еще до рассвета и возвращался к ней после скромного полуденного обеда со своими мальчиками. Это были годы мира и процветания, и он прекрасно использовал эту возможность для восстановления пришедших в упадок зданий и учреждений империи и пополнения казны. Он сожалел о недостатке культуры, и с почтением прислушивался к ученым дискуссиям, в которых участвовали его жена и ее родственники. Единственным его достижением в области науки было глубокое знание тайн астрологии, о чем сообщали золотые звезды, которыми он украшал потолки своего дворца.

Юлия вместе с ним участвовала в восстановительных работах. Мы знаем, что в Риме она восстановила храм Весты, а многочисленные надписи в провинциях свидетельствуют о гораздо более широком интересе. Под ее руководством женщины Рима побуждали смотреть дальше своего дома. Сабина возвела или посвятила женщинам зал для собраний на Форуме Траяна, но он пришел в упадок. Юлия восстановила этот ранний "женский клуб" и, несомненно, привнесла в него энтузиазм к литературе и философии, который сохранился у нее до сих пор. В ее "круг", как называет его Филострат, вероятно, входили историк Дио, который все еще находился в Риме, и поэт Аппиан, который за несколько лет до этого назвал ее "великой Домной". Сам Филострат, греческий писатель и ритор, один из самых ученых людей того времени, был тесно связан с ней. Именно по ее просьбе он написал свою знаменитую "Жизнь Аполлония Тианского". В своей "Жизни софистов" (Philiscus) он говорит о ней как о "Юлии-философе", а в одном из своих писем (lxxiii) он с высокой оценкой отзывается о ее образованности.

Юлия была в расцвете сил и в самые счастливые дни своей жизни. Ее бюст, который быстро бросается в глаза в Ватиканском музее - самый большой из сохранившихся портретов-бюстов той эпохи - вряд ли можно считать обладающим той красотой, которой наделяют ее историки. Толстые губы и крупный нос, выдающие ее происхождение, плохо сочетаются с чертами других императриц. Но серьезное, сильное, задумчивое лицо и большие глаза, которые мы можем представить себе инстинктом с сирийским огнем, бесспорно, красивы. С ней была ее сестра Юлия Меза - женщина такой же силы, умеренности и рассудительности. Но молодое поколение во дворце вызывало у них беспокойство. Молодые люди, Бассиан и Гета, были свободны и роскошны в своих поступках, а одна из дочерей Мессы, Юлия Созмия, была подходящей спутницей для Бассиана. Северус, заметив прогрессирование своей подагры, с серьезным видом наблюдал за мягкими привычками и постоянными ссорами сыновей, которых он хотел оставить партнерами в империи.

ЮЛИЯ ДОМНА

БЮСТ В ВАТИКАНСКОМ МУЗЕЕ

Нашествие каледонцев на севере Британии навело его на мысль, что кампания под его присмотром изменит дурные наклонности его сыновей, и он отправился на Запад. Юлия сопровождала их, но вряд ли можно предположить, что она отважилась пройти дальше Эборакума (Йорка). Окутанные туманом холмы и водные низины за их пределами представлялись римлянину содрогающейся дикой местностью, пригодной лишь для разведения дикарей, которые были земноводными, как крысы. Дио нелестно описывает северных бриттов и шотландцев того времени как "обитателей диких, безводных гор и пустынных, болотистых равнин", "живущих в палатках, без плащей и обуви, владеющих

своими женами и воспитывающих общее потомство". Мы можем найти некоторое утешение в заверении Лампридия, что Британия (к югу от этого региона) была "величайшей славой империи". Однако даже у шотландцев была своя слава. Когда Северус вернулся в Йорк, продвинувшись до крайнего севера Каледонии и потеряв 50 000 человек, так и не встретив в бою неуловимого врага, он привел с собой посланников каледонцев, чтобы обсудить условия мира. Среди них была жена вождя "Аргентококкуса" - может быть, Макдермотта? - с которой философски настроенная императрица беседовала через переводчика. Юлия намекнула, что их супружеские отношения - не все, что можно пожелать. "Мы удовлетворяем потребности природы гораздо лучше, чем вы, римлянки", - ответил выносливый шотландец. "Мы открыто общаемся с лучшими из наших мужчин, в то время как вы позволяете себе тайно развратничать с самыми мерзкими". Евгеника - это древняя практика, хотя и современная теория.

Северуса, изможденного и удрученного, везли обратно в Йорк. Бассиан, нетерпеливо ожидая, когда он доберется до трона, который он вскоре опозорит, покушался на жизнь своего отца и в полной мере проявил жестокость своего характера. Однако Северус, часто порицавший Марка Аврелия за то, что тот доверил империю Коммоду, в свою очередь внял нежным мольбам родительского чувства и назначил своих сыновей преемниками. Он умер в Йорке в феврале 211 года, и в Британии были поспешно улажены дела, чтобы сразу же вернуться в столицу. Они поместили прах императора в алебастровую урну и отправились с ней в Рим.

С этого дня жизнь Юлии Домны стала беспокойной и, можно полагать, мучительной. Даже во время путешествия на родину ее сыновья демонстративно вооружались против замыслов друг друга. Бассиан - или Антонин, как его теперь называли, - был сильным, жестоким и властным юношей, жаждавшим убить своего брата так же, как и сократить жизнь отца. Гета был светлее, мягче и культурнее, и привязанность легионов к нему сдерживала Антонина, пока они находились в армии. Когда они прибыли в Рим, их первым делом стали похороны Северуса. Его бледное восковое изображение положили на возвышенную кушетку из слоновой кости, и сенаторы в черных одеждах и белоснежные матроны наблюдали за ним в течение семи дней. Затем его несли на старый Форум, где хор сыновей и женщин из знати пел старинные погребальные песнопения, и далее в большую деревянную башню, начиненную пряностями и горючими веществами, на Марсовом поле, где из середины пылающей груды вылетал освобожденный орел, символизируя переход души Севера в обитель богов.

Ссора между Антонином и Гетой сразу же разгорелась с большей угрозой, чем когда-либо. Они держали свои отдельные апартаменты под строгой охраной во дворце, а отряд солдат и атлетов день и ночь следил за личностью младшего императора. Кто-то предложил разделить империю, как это произошло позже, и отдать Гете азиатскую половину. Геродиан утверждает - хотя к его полным отчетам о речах, произнесенных за столетие до этого, можно отнестись с подозрением, - что Юлия страстно противилась этому плану. Она заявила, что прежде чем делить империю, они должны разделить свою мать. Мрак все больше опускался на дворец, и неизбежный конец не заставил себя долго ждать. Однажды Антонин признался, что желает примирения, и пригласил Гету встретиться с ним в комнате матери. Как только Гета вошел, офицеры, которых Антонин держал под рукой, выхватили мечи. Гета бросился на грудь матери, и она обняла его; но они убили его в ее объятиях и даже перерубили руку, в которой она его сжимала. И снова по каналам потекла лучшая кровь Рима, когда Антонин мстительно ополчился на сторонников своего брата. Даже древние вельможи, пережившие несколько таких расправ, такие как Клавдий Помпеян, второй муж дочери Марка Аврелия,

теперь покончили с ним жестоко. Престарелая сестра Марка Аврелия, Корнифиция, была предана смерти за то, что плакала при известии о жестоком преступлении. Дио уверяет, что не менее 20 000 мужчин и женщин, включая лучших людей того времени, были преданы смерти во время этой ужасной бойни. Несомненно, одна из главных причин упадка Рима - эти постоянные чистки его лучших элементов - была упущена из виду в бесконечных рассуждениях о его падении!

В "Истории Августа" рассказывается, что сама Юлия была обнаружена Антонином в слезах и избежала смерти только потому, что император опасался восстания, если убьет ее. Любопытно, что тот же историк, а также некоторые другие, рассказывают о ее поведении после смерти Геты совсем иначе и менее благородно. В условиях всеобщего ужаса, с которым созерцали его отвратительные деяния, Антонину хватило ума приобрести расположение армии. Он одарил гвардию чрезвычайными пожертвованиями и начал проводить систематическую политику обогащения и поощрения войск. От бледных лиц граждан Рима он удалился в военные кварталы на Дунае и попытался в течение года упорной охотой и гулянками изгнать призраки, которые, по его признанию, преследовали его. В Германии были найдены надписи, из которых следует, что с ним была его мать. Как бы то ни было, она присоединилась к нему, когда он переправился через Геллеспонт в Азию - и едва не утонул в этом переходе - и стала принимать самое важное участие в управлении. С сенатом, над которым он поставил во главе испанского жонглера, он был слишком пренебрежителен, чтобы вести дела, за исключением самых важных вопросов. Его главной целью было выкачать деньги из Рима и провинций и потратить их на войска. Он "разграбил всю землю", - говорит Дио. Он носил длинный грубый плащ гота, за что получил прозвище "Каракалла" (по названию одежды), и ел грубую пищу солдата в походе; хотя он безудержно предавался роскошной жизни в городах Малой Азии.

Юлия поселилась в Никомидии, где провела большую часть 214 и 215 годов, а затем в Антиохии. Каракалла больше никогда не женился; более того, можно не сомневаться, что венерическая болезнь была главной причиной его безумия и жестокости в эти годы. В детстве, "воспитанный христианской кормилицей", говорит Тертуллиан, он был очень мягким и гуманным. Поэтому Юлия все еще оставалась императрицей, и она взяла на себя большую часть работы Каракаллы. Все письма из Рима направлялись к ней, и она рассматривала их все, за исключением нескольких, которые должны были быть представлены императору. Надписи, вырезанные в честь нее в эти годы, были удивительно многочисленны, и из них, а также из монет мы узнаем, насколько велики были ее авторитет и влияние. Ее официальный титул рос, пока в конце концов не стал таким: "Julia Pia Felix Augusta, Mater Augusti et Castrorum et Senatus et Patriæ". Все эпитеты, которыми когда-либо награждали других императриц, были собраны в ее имени.

Такая тесная связь с таким нечестным императором, как Каракалла, придает красок существующему мнению, что она была связана с ним не только в качестве матери. Геродиан (iiii), Евтропий (viii) и Аврелий Виктор ("Эпитома", xxi) приводят это обвинение как неоспоримый факт. Спартиан ("История Августа", "Каракалла", x) приводит косвенную историю о том, как мать сбила сына с пути, а Аврелий Виктор приводит тот же анекдот в своем "De Cæsaribus", xxi. Говорят, что она предстала перед Каракаллой в том, что Сервез называет "чрезвычайно пышным и подходящим платьем" - *se maxima corporis parte denudasset*, говорится в тексте, - и с легкостью уступила. Этот анекдот - слишком распространенный образец сальных сплетен того времени, чтобы воспринимать его всерьез, но существенное обвинение не так легко отбросить. Дио, правда, не дает его. Когда он говорит (с. 10) о том, что Каракалла "обладал плутовством [πλυνον] своей матери", он

действительно не отдает должное ее характеру, но слово, которое он использует, похоже, указывает на хитрость, возможно, беспринципную хитрость, а не на плутовство.

Но даже Дио рассказывает о приключении, которое справедливо показывает, что это тяжкое обвинение против Юлии было широко распространено в его время. В 216 году, во время своего путешествия по Востоку, Каракалла объявил, что почтит своим визитом Александрию. Александрийцы не скупились на остроты в адрес уродливого, лысого и преждевременно постаревшего молодого человека, со всей его жестокостью и глупостью, но они не подозревали о его истинных намерениях и приготовились принять его с большим почетом. Однако, как только он вошел в их ворота, он жестоко набросился со своими войсками на безоружных граждан и в течение нескольких дней руководил резней и грабежом из храма Сераписа. По словам Дио, этот дикий натиск был наказанием за насмешки александрийцев, и мы знаем от Геродиана, что одним из их самых смертоносных ударов было то, что они говорили о нем и его матери как о *Oedipus* и *Jocaste*.

Поэтому нельзя сказать, что Дио не знает о бытующем мнении, как и нельзя следовать за мисс Уилкинс, когда она предполагает, что "престарелая императрица" была неспособна на такое поведение. Юлия вышла замуж всего за двадцать девять лет до этого, и вполне можно предположить, что в 216 году ей было около сорока лет. Она была в "полном расцвете сил", как прямо говорит Дио, и, как известно, не принимала никакой системы этики или религии, которая бы наложила клеймо на инцест. Но общая умеренность ее карьеры и отталкивающий характер Каракаллы, не смягченный ни одним изысканием личности или нрава, должны сильно перевесить чашу весов против сплетен о Риме.

По крайней мере, мы знаем, что она пыталась обуздать дикие эксцессы, которые навлекли гибель на ее сына и ставили под угрозу стабильность империи. Когда он обесценил монету и разорил своих подданных, она заговорила с ним, но он со смехом выхватил меч и сказал: "Мужайся, мама, пока у нас есть это, деньги нас не подведут". "В таких делах, - говорит Дио, - он не обращал внимания на свою мать, которая дала ему много прекрасных советов". Она продолжала быть первым министром своего сына, пока он странствовал из края в край в поисках приключений. Одним из его подвигов будет достаточно, чтобы проиллюстрировать его особый метод завоевания славы. Из Египта он выступил против парфян. Он отправил парфянскому царю льстивое письмо, в котором утверждал, что две великие империи должны любовно поделить мир, и просил руки его дочери. Его настойчивая лож обезоружила даже хитрых парфян, и он был принят в их царство с войском. Он сразу же бросил свои войска на огромную безоружную толпу, вышедшую его приветствовать, смешал их кровь с цветами, которые они рассыпали на его пути, и разграбил большую часть Медеи и Парфии.

Но конец его бесславной жизни стремительно приближался. Некоторое время назад он отправил в Рим письмо, в котором просил посоветоваться с халдеями о том, кто станет его преемником, чтобы убить того, кого он назовет. Министр, которому он писал, имел какие-то претензии к одному из чиновников на Востоке, Опилию Макрину, и он написал, чтобы сообщить Каракалле, что Макрин был назначен африканским прорицателем. Более романтичные историки утверждают, что это письмо попало к Каракалле как раз в тот момент, когда он руководил гонками, и что он отдал его, не вскрывая, самому Макрину, чтобы тот разобрался с ним. Более правдоподобной представляется история, рассказанная Дио. Письмо, как и все письма, попало к императрице в Антиохию, и произошла задержка. Тем временем Макрин узнал из Рима об опасности, которая ему угрожала, и энергично принялся за дело. Ему удалось заполучить недовольного солдата из телохранителей Каракаллы, и 8 марта 217 года он ударом кинжала положил конец бесчинствам императора. Это было

своевременное освобождение для Рима. После его смерти выяснилось, что он купил в Азии большое количество яда.

Юлия проявила необычайную жестокость, когда эта новость дошла до нее в Антиохии. По словам Дио, она мало скорбела об отстранении сына, поскольку "ненавидела его еще при жизни"; но перспектива сложить с себя императорские полномочия и уйти в частную жизнь в расцвете женских сил наполнила ее гневом. Она узнала, что после недолгих колебаний Макрин, пообещав войскам обычную взятку, получил империю. Молва быстро узнала в нем убийцу Каракаллы, и Юлия предприняла самые жестокие нападки на него. Тем временем он письменно заверил ее, что признает ее императорский статус и не снимет с нее почетный караул. Он опасался привязанности солдат к Каракалле и отрекся от своей причастности к убийству. Юлия поняла его слабость и, отказавшись от своей первой решимости покончить с жизнью отказом от еды, возымела надежду сместить выскочку. Но солдаты, как бы ни были привязаны к Каракалле, не думали о том, чтобы посадить Семирамиду на трон Рима. Ее план не удался, и Макрин услышал о ее ругательствах. Он приказал ей покинуть Антиохию и отправиться туда, куда она пожелает. Ее сестра и племянницы вернулись в отцовский храм в Эмесе, где мы вскоре с ними встретимся, но Юлия, не сумев предвидеть необыкновенную авантюру, с помощью которой они вскоре вернут себе власть, мучимая раковой опухолью, которую она усугубила ударом по груди в первом гневе, решила покинуть этот мир. Она отказалась от пищи и умерла в мае или июне 217 года. После этого ее останки были с большой пышностью похоронены в Риме, а ее имя было добавлено в причудливый список императорских богов и богинь.

ГЛАВА XIII ВО ВРЕМЕНА ЭЛАГАБАЛА

Судьба готовила столь же странный переворот и выводила на императорскую сцену столь гротескную фигуру, как и все, что нам доводилось видеть. Три женщины - сестра и племянницы Юлии Домны - стали организаторами этой революции и, облеченные императорским достоинством, управляли судьбами Рима в последовавший за ней необычайный период. Но прежде чем мы представим трагикомическую фигуру Элагабала, мы должны очистить сцену от временного императора и его слабой тени императрицы.

Опилий Макрин был слабым, тщеславным и невыразительным стариком. Случай поставил империю в пределах его досягаемости. Он робко ухватился за нее, потому что никто другой не предлагал этого сделать, и удерживал ее до тех пор, пока другой не захотел ее получить. Ему шел пятьдесят третий год, он был человеком неясного африканского происхождения, авантюристом на государственной службе. Он был женат на Нонии Цельсе, о которой мы знаем только то, что ее качества, по общему мнению, не включали в себя обладание добродетелью. Их сын Диадумен был высоким и красивым юношей, с черными глазами и вьющимися желтыми волосами. Когда отец сделал его Сезаром и он облачился в пурпурную мантию, зрители, как говорят, растаяли от умиления. Он прожил достаточно долго, чтобы показать, призывая своих родителей более жестко обращаться с бунтовщиками, что его сердце не такое уж нежное, как предполагала его красивая внешность.

"Как мы счастливы и удачливы", - писал Макрин своей семье, когда его воцарение было обеспечено. Пройдет чуть больше года, и он будет лететь над холмами Малой Азии, а его и его красивого мальчика жестоко предадут смерти. Он сразу же, с большой демонстрацией, отправился против непокорных парфян. Но вскоре он выкупил у них бесславный мир и удалился на пиры и удовольствия в Антиохию. Будучи обеспокоенным своим положением, он совершил роковую ошибку, оставив войска в лагере, и вскоре от легиона к легиону передавался зловещий ропот. Солдаты сравнивали его роскошь с тем, что Каракалла разделял с ними поход и сыр, и недовольствовались дисциплиной, которую он справедливо стремился насаждать. Распространился слух, что Макрин нанес обиду сенату, что в Риме мул родил мула, а свиноматка - поросенка с двумя головами и восемью ногами. Появление кометы и затмение солнца еще больше укрепили уверенность в том, что что-то должно произойти, и подтвердили слова тех, кто готовил это событие. В мае Макрин узнал, что четырнадцатилетний мальчик, поддерживаемый тремя женщинами и евнухом, претендует на престол и соблазнил часть войска. Он послал генерала с умеренным отрядом, чтобы тот принес ему голову мальчика. Через неделю или две гонец вернулся с головой - головой его генерала. Он пробудился от дремотной роскоши Антиохии и отправился в путь со своей армией.

Тремя женщинами были, как я уже говорил, Юлия Меса, сестра Юлии Домны, и ее дочери, Созмия и Мамзея. После смерти Юлии Домны они удалились в родовой дом в Эмесе, в Сирии, но с весьма значительным состоянием, которое Меса собрала при дворе Севера и Каракаллы. Две дочери, похоже, потеряли своих мужей, хотя у каждой был сын. У Созмии был ребенок четырнадцати лет, которого называли Варий Авит Бассиан, поразительно красивый мальчик.¹⁷ Его двоюродный брат Алексиан был на три или четыре года моложе. Таким образом, Авит был облечен в сан жреца храма, который, по-видимому, был наследственным, а маленькая группа вернулась к той жизни, которую они оставили за двадцать лет до этого, чтобы жить при императорском дворе. Меса и, вероятно, Созмиас находили это деревенское спокойствие невыносимым и с интересом следили за политическими событиями. Один из них мечтал об императорской власти, другой - об императорском снисхождении. Их главным слугой был умный евнух, Ганнис по имени, который, по странному описанию Дио, "практически жил с Созмиасом". Географическая случайность привела их смутные мечты к практической реализации.

Недалеко от маленького городка Эмеса располагался лагерь римских солдат. Космополиты по расе и вероисповеданию, изнывающие от тоски по скучной сельской местности, солдаты проявили пристальный интерес к храму странного бога. Богатство и слава святилища, особенности его божества и ритуала часто привлекали их, а знание того, что эти богатые и красивые женщины из жреческой семьи были так тесно связаны с популярным Каракаллой, усиливало этот интерес. Но главной особенностью, привлекавшей их внимание, была красота молодого первосвященника. Мягкая и женственная нежность его форм и черт лица подчеркивалась длинным одеянием из императорского пурпура, окаймленного золотом, и короной, отблескивавшей лучами сирийского солнца от драгоценных камней. Романтика не ослабевала, когда они вспоминали, что великий Северус часто ласкал этого мальчика в своих объятиях и что он мог бы унаследовать трон. Женщины или их служанки удвоили интерес солдат, шепнув, что он сын их Каракаллы, а когда золото Мессы стало свободно переходить в их кошельки, они ухитрились увидеть в девичьей красоте мальчика сходство с мрачными и отталкивающими чертами покойного императора. Созмии не составило труда заплатить скудную цену ее репутации за возвращение ко двору. Лампридий прямо называет ее *метеринкой*.

В ночь на 15 мая 218 года три женщины и два мальчика были отправлены в лагерь. Вместе с ними, как цена империи, отправилось и состояние Мессы, а на следующий день солдаты объявили, что Бассиан, как его теперь называли, стал императором. Лагерь был укреплен, и через несколько дней перед ним появился полководец Макрина Юлиан со своими войсками. Их спутники в лагере выставили на валу юного сына Каракаллы и, показав мешки с золотом Месы, убедили и соблазнили нападавших. Юлиану отрубили голову и отправили в Антиохию. Макрин выступил против них, и 8 июня две армии встретились в промежуточной стране. Ослабленные войска колебались с обеих сторон, и казалось, что Макрин может победить, когда Меса и Созмий соскочили с колесниц в тылу армии, бросились в ряды и повели своих слабеющих сторонников к победе. Макрин бежал, позорно переодевшись, через холмы и долины Малой Азии, и через несколько недель Нония Цельса узнала, что потеряла трон, мужа и мальчика. Императором Рима стал симпатичный мальчик-священник Элагабала.

Однако императорская власть означала для сирийского юноши безудержное потворство своим чувственным мечтам, а не серьезную заботу о делах могущественного народа. Он бездельничал на Востоке и охотно оставил свои обязанности бабушке, а сам целиком посвятил себя своим правам. Он собрал вокруг себя ту бесчестную компанию служителей похоти, которую всегда были готовы предоставить города Малой Азии, и не было в Антиохии или Никомидии ни одной глубины или эксцентричности порока, которую бы он не исследовал. К концу этого года природа мальчика была полностью извращена, и в нем исчезли последние следы мужественности. Меза была встревожена, ведь в городах Востока принято свободно говорить о пороках, которые они насаждают или культивируют в своих гостях, и с настроениями Рима нельзя было не считаться. Но Бассиан посмеялся над ее робостью и всю следующую зиму провел в сладострастных покоях Никомедии. Что же касается римского сената, о котором она говорила, то он послал седобородым картину с изображением себя в струящихся священнических одеждах и женских драгоценностях, чтобы поместить ее над алтарем Победы в месте их заседаний.

Следующей весной он соблаговолил посетить столицу своей империи. За столетия распространения империи Рим принимал немало странных процессий, но ни одно зрелище не вызывало такого любопытства, как прибытие молодого монарха, на изображение которого сенаторы взирали с недоумением. Оригинал был еще более необычным, чем изображение. Для въезда в Рим молодой жрец-император намазал щеки пурпуром и искусно усилил блеск глаз, как сирийская куртизанка или актриса. Он облачился в свободные одежды из пурпурного шелка, отделанные золотом, его изящные руки были окружены дорогими браслетами, белая шея - ниткой жемчуга, а тиара из череды корон, сверкающих драгоценными камнями, возвышалась над его странной фигурой. И как к альтернативе и реальной власти в управлении, римляне с тревогой относились к двум женщинам, которые ехали с ним - серьезной и величественной Мессе и богатой чувственной и злобной Созмий. В Ватиканском музее хранится статуя матери Элагабала, как она выглядела в это время. Ее решили изобразить в костюме Венеры или без костюма; сладострастное тело и мягкие округлые конечности, низкий лоб, толстые губы и большой нос в сочетании с жестким и бесстыдным выражением лица примиряют нас с самыми грубыми эпитетами, которые историки приложили к ее памяти.

ЮЛИЯ МИСА

БЮСТ В КАПИТОЛИЙСКОМ МУЗЕЕ, РИМ

К ужасу сената, эта женщина сразу же стала ассоциироваться с ним в таком образе, какого не было ни у одной императрицы, ни у одной женщины за всю долгую историю Рима. Во время своего первого визита в сенат император потребовал, чтобы ее пригласили сесть рядом с ним и послушать их обсуждения. Даже Ливия довольствовалась тем, что слушала за приличной тенью занавеса. Однако у Созмии не хватило ни ума, ни серьезности, чтобы как-то вмешаться. Ее назначили председателем женского Сената, основанного Сабиной и восстановленного Юлией на Форуме Траяна, и она нашла себе более легкое и приятное занятие - контролировать серьезные обсуждения матронами Рима вопросов этикета, старшинства, костюма, и украшений. Месе оставалось лишь распоряжаться политической

властью, и она делала это трезво и рассудительно. К несчастью, император охотнее прислушивался к более легким советам своей матери, чем к Мессе, и он сразу же начал развлекать или отвращать Рим ужасающей вольностью, которая превратила его короткое правление в неописуемый кошмар.

Он привез из Эмесы небесный камень, эмблему Эла-Габала, которому было обязано все его процветание, и его первой заботой было обеспечить богу достойный дом. Для него был воздвигнут великолепный храм, и камень, инкрустированный драгоценными камнями, был доставлен к нему на колеснице, запряженной шестеркой белых лошадей, а император шел перед ним спиной вперед в экстазе обожания. В храме было установлено множество алтарей, и на них лились реки крови - даже кровь детей; император и его семья исполняли варварские песнопения первобытной Сирии, а высшие сановники Рима стояли в молчаливом почтении. Поскольку на смену прежним чиновникам вскоре пришли люди с дурной славой, выбранные, очень часто, по признакам, которые невозможно описать, нам не стоит обращать особого внимания на их чувства. Если мы предположим, что император, или Элагабал, как он теперь себя называл, знал, что конический камень на самом деле был фаллической эмблемой, мы сможем найти разгадку некоторых странных причуд его эротомании.

Рим давно привык к варварству древних восточных культов и охотно принимал участие в оргиастических процессиях таинственной Матери Богов, когда их правители позволяли это. Но безопасность империи показалась им под угрозой, когда Элагабал стал ставить в храме своего фетиша всех остальных идолов в положение подчиненного уважения. Юпитер, Юнона, Венера и Марс в то время не пользовались особой популярностью; не обеспокоились римляне, когда он украл Астарту у карфагенян и женился на ней, устроив пышный праздник, на своем одиноком божестве. Храмы и культы Рима были похожи на храмы и культы современной Японии. Они способствовали веселью жизни. Но если искреннего политеизма в Риме было мало - образованный мир делился между эпикурейским агностицизмом и эклектическим монотеизмом, - то суеверий было много, и мало кто мог без тревоги отнестись к осквернению древнего Палладия, или статуи в храме Весты, с которой была связана судьба города, и других древних эмблем. Элагабал деспотично превозмог их чувства. Он силой ворвался в дом весталок и унес священный палладиум, так как последующее хвастовство дев, что они обманули его, подменив статую, мы можем считать неискренним.

Об императрицах, с которыми он вступил в брак, нам мало что известно. Менее чем за три года он женился и не женился на четырех или пяти женщинах. Первой была Юлия Корнелия Паула, женщина из очень знатного рода и, если верить бюсту в Лувре, женщина с достоинством, утонченностью и некоторой силой характера. В этом выборе можно усмотреть действия Меса. Через несколько месяцев он развелся с ней и, к ужасу Рима, женился на одной из весталок. Возможно, красота Юлии Аквиллии Севера привлекла его внимание, когда он проник в их священную обитель. Сенаторы были глубоко обеспокоены этим святотатством, ведь судьба Рима по-прежнему была тесно связана с непорочностью благородных дев, поддерживающих неугасимый огонь перед алтарем Весты. Элагабал, который, как было известно, не надеялся на потомство, нагло доказывал сенату, что он советуется с будущим государством, поскольку союз жреца и жрицы сулит семье божественных детей. В любом случае, сказал он, он создатель, а не наблюдатель законов; и он поселил Севера в своем дворце. На монетах ей присвоен титул Августы.

Вскоре его блуждающий глаз привлекли прелести Аннии Фаустины, правнучки Марка Аврелия. Ее портрет-бюст в Капитолийском музее имеет круглое полное лицо большой

красоты и выражение миловидности и скромности. Похоже, она избежала влияния Фаустины. Она была замужем за Помпонием Бассом, и Элагабал освободил ее привычным способом - казнив мужа, и перенес, не оставляя времени на траур, во дворец. Ее красота, по-видимому, была слишком утонченной, чтобы надолго увлечь его. Она была уволена и заменена какой-то неизвестной жертвой. Затем Элагабал вернулся к своей жрице Весте. Всего за три года он, кажется, женился на четырех женщинах, не считая Северы, чей брак Дио, похоже, не считает действительным.

Севера была главной спутницей его жизни во дворце, и совершенно невозможно передать впечатление от гнусных сцен, в которые она перешла из строгого святилища Весты. Двенадцать сжатых страниц "Истории Августа" заняты его бесчинствами, и в конце того, что, вероятно, является самой ужасающей картиной необузданной вольности в любой литературе - даже если мы признаем преувеличение - Лампридий уверяет нас, что из чувства скромности он опустил худшие детали. Казалось бы, человеческое воображение в его самом больном состоянии не могло придумать ничего более низкого. Мы не знаем, была ли Севера Октавией или Поппеей, но то обстоятельство, что она согласилась жить, достаточно серьезно. В этой огромной колонии порока, куда система пандаров, разбросанная по всей империи, отправляла каждого мужчину, обладавшего какими-то особыми физическими или моральными качествами, подходящими для оргий, ни одна порядочная женщина не смогла бы удержаться в смертном мире. Сессония или Марсия могла бы посмеяться, когда Элагабал возвращался ночью, одетый как обычная женщина-трактирщица, из низких винных лавок, в которых он буйствовал, могла бы даже улыбнуться, увидев "мужа" Элагабала, грузного раба, Но Севера была знатного происхождения, дочь человека, дважды бывшего консулом.

Одним из непростительных грехов Рима было то, что он так долго медлил с убийством некоторых своих правителей. Сами излишества Элагабала долгое время защищали его, поскольку он призывал народ разделять его удовольствия или подражать им. Его пороки не скрывались за ширмой. Он обсуждал их с сенатом или собирал в зале всех *меринок* Рима и обращался к ним с различными схемами порока, которые мы и сегодня видим на стенах *лупанара* в Помпеях. Он приглашал простых людей прийти и выпить с ним во дворце, где они могли увидеть мебель из чистого серебра, кровати, усыпанные розами и гиацинтами, купальни с духами, золотую пыль, рассыпанную по колоннадам, дорожки, вымощенные порфиром. Он устроил для них зрелище морских сражений в озерах с вином и горы снега, привезенного с далеких гор, в середине лета. Но главным его приемом для ублажения граждан было распространение билетов, как для лотереи, и наблюдение за тем, как они давятся, чтобы увидеть подарки, соответствующие их номерам. Вы могли получить десять яиц или десять страусов, десять мух или десять верблюдов, десять игрушечных шариков или десять фунтов золота; и мания росла до тех пор, пока ваш шанс не оказался между дохлой собакой, рабом, богато украшенной лошастью, колесницей или сотней фунтов золота. Иногда он приглашал толпу на ужин и душил их, с летальным исходом для некоторых, под густым дождем цветов; или усаживал их на надутые мешки, которые рабы сдували в середине банкета; или уносил их в опьянении в конце, чтобы утром обнаружить, что они спят с медведями или львами.

Легкомысленных римлян так забавляли эти причуды, что они не обращали внимания на его личную роскошь и не интересовались состоянием казны. Ни один обед не обходился ему в тридцать фунтов серебра. Облаченный в тунику из чистого золота или чистого китайского шелка, сидя под благоухающими лампами, среди массы самых изысканных цветов, он нежно ковырялся в языках жаворонков и павлинов, мозгах дроздов, яйцах фазанов, головах попугаев или пятках верблюдов. Своих коней он кормил отборным виноградом, а львов -

фазанами. Его колесницы были только из золота, усыпанные драгоценными камнями, и их влекли по улицам вереницы обнаженных женщин или оленей. Утонченный до мелочей, он держал наготове шелковые шнуры и золотые мечи, чтобы в случае необходимости нанести себе смертельный удар. Он и не подозревал, что умрет в уборной солдатского лагеря.

Похоже, что Созмиас наслаждался этой оргиастической жизнью, но более благоразумная Меса была обеспокоена. Поняв, что уговоры бесполезны, она хитростью убедила Элагабала соединить своего кузена с ним в управлении страной. Александр - так теперь звали Алексиана - был на три или четыре года моложе императора и не разделял его болезней. Его мать, Мамзея, унаследовала благоразумие и трезвость Мессы и оберегала своего мальчика от заражения с особой тщательностью. Его прекрасный нрав обеспечил успех их плана, и Элагабал начал понимать, что младший мальчик завоевывает опасную популярность. Говорят, что разумная раздача денег Мамеей способствовала росту его уважения, особенно среди солдат.

От подозрений Элагабал перешел к ненависти, а от ненависти - к замыслу покушения на жизнь своего кузена. Мамзея с большой ловкостью добился расположения стражи и следил за действиями Элагабала. Сначала, чтобы проверить общественные чувства, он послал в сенат и в лагерь весть о том, что лишил своего кузена титула Сезара; он приказал предать мальчика смерти, если это сообщение не вызовет беспорядков. В тревожный час Александр ждал в одной из комнат дворца вместе с дрожащей матерью и Мезой; Элагабал спустился в сад, чтобы проследить за приготовлениями к гонкам на колесницах и с нетерпением ожидать известия о смерти кузена. Вскоре буйная толпа стражников пронеслась по городу и ворвалась в сады дворца. Элагабал убежал в свою комнату и прикрылся занавесом, а солдаты с триумфом унесли двух женщин и мальчика в лагерь, многие из них остались в саду, чтобы угрожать Элагабалу.

Созмия, видя, что империя ускользает от нее, пробудилась к энергичным действиям. Она поспешила пешком в лагерь и стала горячо просить за своего сына. Они не хотели лишать его жизни, сказали стражники, но должны были обеспечить безопасность жизни Александра и дать обещание исправиться. Они вернулись в сады, а молодой самодержец в пурпурных шелках и туфлях с драгоценными камнями вынужден был умолять грубых солдат пощадить любимых министров его порока. На самые высокие посты он набирал людей, чья единственная квалификация была такова, что мы не можем ее описать, а его армия слуг была отбросами империи. Гвардейцы заставляли его увольнять самых отвратительных, читали ему бесславные проповеди о его бесчестиях и поручали своим офицерам следить за жизнью Александра.

Золотые мечи и шнуры из разноцветного шелка негодились, но Элагабал так и не смог простить пережитого унижения. Он предпринял несколько попыток устранить препятствия на пути своего замысла: прислал из Рима сенат, удалил или казнил нескольких солдат. Мамзея зорко следила за ним, а Меса легко проникала в его тайны. Ни крупницы еды или питья с императорской кухни не попало на уста Александра. Рим знал, что конец близок. Прошло всего несколько лет с тех пор, как Бассиан и Гета опозорили дворец подобной ссорой. Меза тщетно пыталась их примирить. 1 января 222 года они оба должны были получить от сената консульское достоинство. Ей пришлось пригрозить Элагабалу новым мятежом стражи, прежде чем он согласился.

Примерно через десять недель вражда достигла кризиса. Элагабал, чтобы испытать солдат, пустил слух, что Александр мертв. Стражники, поверив слуху, выводят свой контингент из дворца и закрываются в лагере. Элагабал везет своего кузена на золотой колеснице в

лагерь, чтобы показать, что слухи ложны, и теряет контроль над собой, когда стражники раздражаются радостными возгласами при виде Александра. На сцену выходят Мамзея и Созмия, и начинается гневная перепалка, в которой каждая из матерей обращается к солдатам с диким призывом. Либо среди солдат происходит разделение чувств, либо присутствуют некоторые из министров Элагабала, потому что мечи выхвачены и вскоре пущены в ход. Элагабал и Созмий, сибариты, в поисках спасения бросаются в уборную лагеря, и там их убивают стражники. Их тела с презрением выбрасывают к толпе, собравшейся снаружи. Сладострастное тело юного императора с мягкими конечностями и большой грудью, а также сладострастное тело его матери протаскивают по улицам и, поскольку отверстие канализации слишком узкое, чтобы принять их, бросают в Тибр. И крик "Ave, Imperator!" звучит в ушах мамы и ее мальчика.

ГЛАВА XIV

ЕЩЕ ОДНА СИРИЙСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА

Вдумчивому римлянину название Сирия должно было навевать мысли о бездне разврата, а распространение империи на рой азиатских народов, к которым это название применялось неопределенно, должно было казаться бесславным триумфом. Из городов ближайшей Азии, в которых дряхлая энергия более древних цивилизаций, казалось, не могла подняться над служением пороку, роскоши и безрассудству, пришла большая часть порока, заразившего кровь Рима. Поэтому необычно наблюдать, что из пяти женщин, которых Сирия поставила на римский трон или выше него в третьем веке, четыре отличались трезвостью суждений и заботой об общем благе. Семья, из которой происходили первые четыре из этих женщин, по-разному описывается как "скромная" и "благородная". Мы можем примирить эти эпитеты, предположив, что семья, контролировавшая богатое святилище Эмеса, происходила из какой-то ветви павшей знати Востока. И Созмий, и Мамзея женились на сирийках, и можно предположить, что Мамзея сделала то же самое. В этих обстоятельствах общественный дух, с которым Юлия Домна, Юлия Меца и Юлия Мамзея использовали свое огромное влияние, не мало примечателен.

Из этих троих, к которым мы должны добавить четвертую выдающуюся женщину Востока, Мамзея обладала наибольшей властью и лучше всех использовала ее. Она не безупречна, как мы увидим; но даже если верно, как принято говорить, что она была излишне жадной до денег и власти, мы должны, по крайней мере, признать, что она использовала их исключительно для восстановления мира и процветания империи и продления правления высокопринципального правителя.

Мамзея приступила к своей работе со всей проницательностью, которую мы уже отметили в ней. Вместо того чтобы претендовать на право, которым пользовался Созмий, заседать в сенате и подписывать его постановления, она хранила благоразумное молчание, когда сенат отменил это нововведение и излил свое долго сдерживаемое раздражение на память его автора. Сенаторы демонстративно наслаждались тенью своей власти: Мамзея спокойно владела ее сутью. Она предоставила лучших наставников для воспитания своего сына Александра, которому шел четырнадцатый год, и выбрала шестнадцать самых выдающихся сенаторов и юристов в Государственный совет. Вместе с ними она энергично и слаженно

работала над обновлением империи. Дворец был очищен от причудливых и отвратительных чиновников, которых она в нем нашла, Рим был избавлен от Эла-Габала и его отвратительного ритуала, компетентные чиновники были заменены на министров похоти покойного императора, а тяжелые налоги двух предыдущих царствований были отменены или уменьшены. В этом труде, охватывающем тринадцать лет правления Александра Севера, Меса принимала мало участия. Она умерла вскоре после начала этой счастливой эпохи, и Мамзея лишь направляла волевые руки своего сына. Все авторитеты отмечают, что Александр был необычайно послушен своей матери.

Войска и сенат были счастливо объединены в возвышении Александра, и все эпитеты императорского достоинства были сразу же присвоены ему. Титул Северуса он принял от солдат, но отказался от имени Антонина, которое навязывал ему сенат, поскольку это почитаемое имя было так нечестиво опозорено его предшественниками. Он спонтанно отказался от женских шелков и драгоценностей своей кузины, надел грубую рубашку Северуса на римскую тогу и уделял одинаковое внимание мужественным упражнениям, урокам своих наставников и мудрым советам матери. Так он вырос в красивого и мужественного юношу с пронзительными черными глазами, свойственными его расе, но со сдержанным нравом, который восхищал его стоических учителей. Когда мы читаем рассказ о его карьере в "Истории Августа" - рассказ, который мог бы быть написан Ксенофонтom или Фенелоном в назидание молодому принцу, - мы испытываем искушение почувствовать, что либо сплетник Лампридий имел на данный момент более серьезную цель, чем развлечение Рима, либо Александр Северус был более добродетелен, чем того требовали обстоятельства.

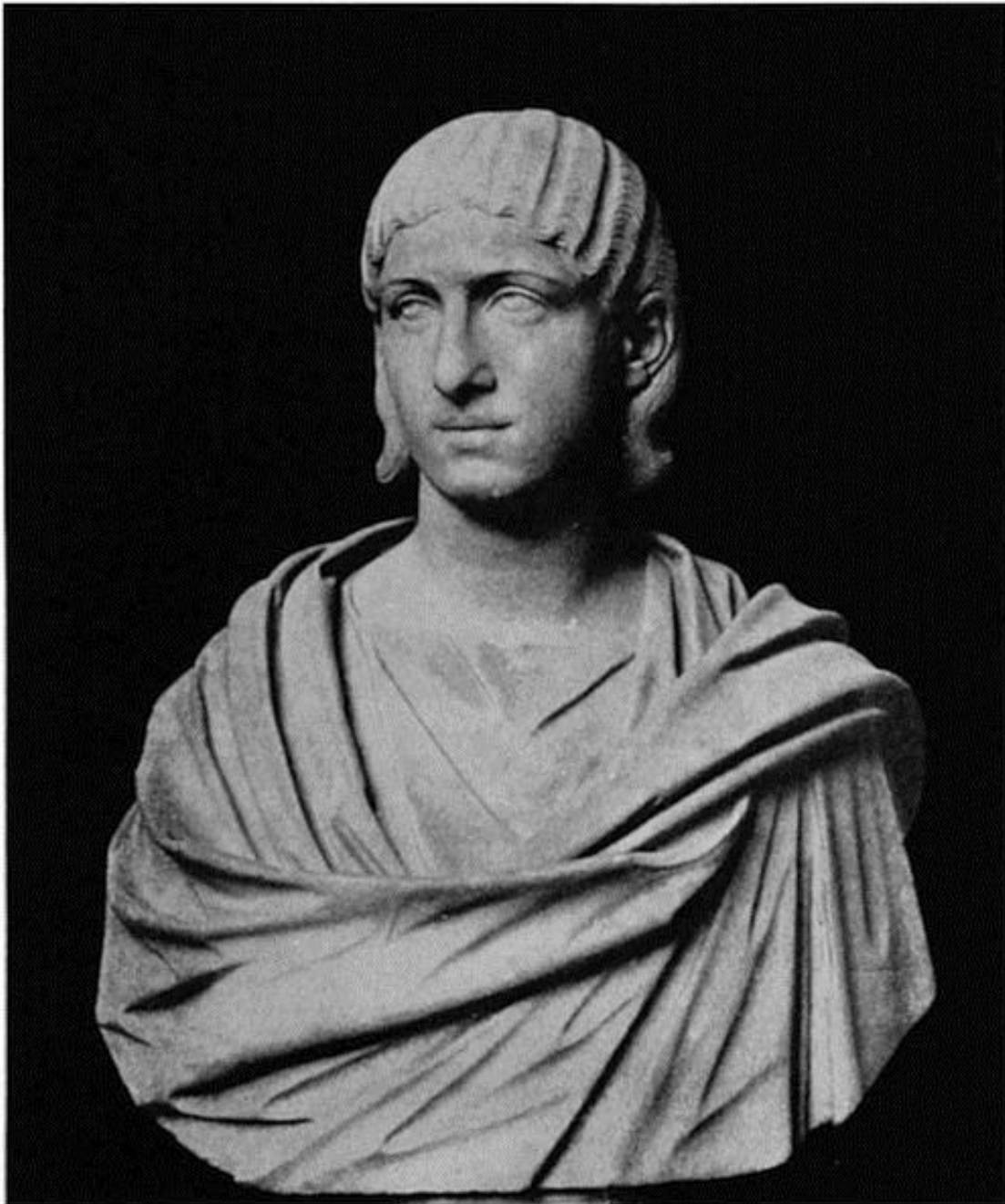
Мамзея описывается тем же писателем как "святой, но скупой". Скупость была несвоевременным пороком. Элагабал растратил казну на свои безрассудства; войска, поощряемые им и Каракаллой, становились все более и более требовательными; в то время как Мамаея, облегчив налоги, избавила империю от значительной доли своего вклада. В этих обстоятельствах было разумно культивировать бережное отношение к деньгам, и ни один писатель не осмеливается утверждать, что императрица - сенат сразу же наделил ее титулом Августы - тратила много средств на свои личные услуги или удовольствия. Говорят, что ее рвение к накоплению денег доходило до крайней степени оскорбительности. Но ее убийцам было необходимо найти или придумать какой-нибудь порок, чтобы оправдать свое злодеяние, и то, в каком положении это обвинение встречается у историков, показывает, что оно исходит из этого запятнанного источника. "Скупость" означает не более чем то, что она не уступила неподобающим требованиям деморализованной армии.

Вспомнив, что оба ее родителя были сирийцами, мы с некоторым удивлением замечаем, что у портретной фигуры Мамзеи необыкновенно римское лицо; по своей силе, солидности и рассудительности она скорее напоминает древнеримский тип, чем соответствует общему представлению о сирийской женщине. Она имела недостатки своего типа, а инцидент, произошедший в начале ее правления, рассматривается как серьезная измена ему. Однако совсем не очевидно, что Мамзея действовала с "ревнивой жестокостью", которую усматривает в ее поведении Гиббон. В жены своему сыну она выбрала Саллюстию Барбию Орбианскую - мы находим это имя на монетах, хотя историки его не называют - дочь сенатора Саллюстия Макрина. Александр, не слишком требовательный муж, похоже, счастливо жил со своей невестой, а ее отец был возведен в ранг Сезара. Однако вскоре Макрин был казнен по обвинению в измене, а его дочь изгнана в Африку.

Гиббон, опираясь на авторитет Дио, считает, что это произошло из-за нежелания Мамзеи делить власть и привязанность сына с другой женщиной. Слово историка и члена сената, которого можно назвать почти очевидцем, безусловно, должно иметь вес, однако мы не

можем игнорировать утверждение других авторитетов о том, что Макрина предали, заставив совершить действия, которые легко можно квалифицировать как измену. Мы можем вспомнить справедливое предупреждение Меривейла по другому поводу, что современный римский писатель особенно склонен воспроизводить необоснованные сплетни своего времени. Геродиан, который, тем не менее, считает, что у Макрина не было предательских намерений, рассказывает, что Маммея была так жестока с Орбианой, что девушка в слезах пошла к отцу, и тот отправился в лагерь пруссов с горькими жалобами на Мамею. Такой ход событий очень наводит на мысль о предательском замысле. Войска, измученные правлением Мамэи и ее сына, которого они в конце концов убили, как известно, были недовольны, и бегство в лагерь обычно было первым открытым актом в заговоре с целью сместить правящего императора. Когда далее мы узнаем, что Лампридий ("История Августа") утверждает со слов Дексиппа, афинского писателя следующего поколения, что Макрин явно пытался сместить Александра, мы должны, по крайней мере, приостановить наши порицания. Мы ничего не знаем о характере Макрина и его дочери и поэтому не можем сказать, насколько интерпретация Мамзеей их поведения могла быть обусловлена ее чувствами и насколько оправданным было ее суровое обращение с Орбианой.

Обвинение против нее еще больше ослабляется обстоятельством, которое Гиббон упустил из виду. Лампридий сообщает, что Александр женился на Мемнии, дочери экс-консула Сульпиция, и вскользь упоминает о "его мальчишках". Похоже, что ревность Мамеи не помешала Александру жениться еще раз, и что Мемния, должно быть, делила дворец с императрицей-матерью в течение нескольких лет. О ее характере нам ничего не известно, кроме того, что вместе с Мамзеей она враждовала с Александром из-за его чрезмерной любезности с подданными. Кажется, ни одна стража не преграждала им вход во дворец. Строгий характер жизни, украшавший его, был единственной проверкой честности тех, кто приближался к нему. После напряженного дня он проводил вечер в изысканном наслаждении письмом или упражнении в музыкальном мастерстве. Он хорошо пел и играл, но, оберегая свое императорское достоинство, не допускал к себе никого, кроме своих юных сыновей. Актеров и гладиаторов он избегал, не желая продемонстрировать их мастерство публике. Его единственной роскошью была замечательная коллекция птиц, включавшая 20 000 голубей; его единственной слабостью - восхищение ничтожными и почти бескровными схватками куропадок, котят или щенят. Ванны он принимал с холодной водой, а его стол был регламентирован самыми подробными инструкциями, допускавшими даже такую небольшую роскошь, как гусь, только по торжественным случаям. Когда Мемнию подарили нитку дорогого жемчуга, он приказал продать ее, а когда в Риме не нашлось покупателя, повесил ее на статую Венеры в храме.

ЮЛИЯ МАМЬЯ

БЮСТ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

Из таких деталей мы можем составить представление о спокойной и умеренной жизни дворца Александра и будем склонны легкомысленно относиться к ссорам, которые, как говорят, нарушали отношения матери и сына. Вряд ли можно поверить, что такой бережливый человек, как Александр, стал бы возмущаться тем, что его мать усердно ухаживает за казной, как и предположить, что Мамзее сильно возмущалась доступностью молодого монарха для своих подданных. Не стоит преувеличивать и их бережливость, ведь они были щедры на подарки. Вместо того чтобы посылать людей для вымогательства доходов из провинций, в которых они занимали должность, Александр обеспечивал их, когда они покидали Рим, настолько полной экипировкой, что в нее входила наложница. Его

почтение к матери, по сути, можно назвать единственным последовательным обвинением в его адрес. Император Юлиан ("Сезары") намекает, что он проявил посредственность ума, позволив своей матери накапливать деньги, вместо того чтобы разумно их тратить. В каком-то смысле Юлиан был прав, но не слабость ума, а суровость принципов удержала Александра и Мамзею от этих благоразумных трат. Если бы они расточали свои средства на войска, история Рима в течение следующих десяти лет могла бы сложиться иначе.

С самого начала царствования Александра отношение к войскам бросало тень на дворец и империю. Пять императоров, сменявших друг друга, помимо предыдущих, получали пурпур из рук войск и были вынуждены либо воздерживаться от навязывания им необходимой дисциплины, либо компенсировать строгость дисциплины чрезмерными наградами. Солдаты осознали свою власть и были достаточно деморализованы, чтобы злоупотреблять ею. Меньшие физические нагрузки и большее жалование привели к плачевному истощению; а пополнение рядов из более отдаленных народов, которые не участвовали в создании империи и были нечувствительны к ее престижу, растворило в легионах прежний дух национальности. Из одиноких лесов, с замерзших холмов или из раскаленных пустынь пограничья они стремились навсегда удалиться к удобствам и удовольствиям городов. И когда они обнаруживали, что предпринимаются новые попытки ограничить их поблажки и восстановить прежнюю дисциплину, когда они думали, что только слабые руки женщины и юноши могут обеспечить эту строгость, они разражались ропотом недовольства.

Самой опасной частью армии был обширный полк прусской гвардии, который, расположившись лагерем у стен, заслонял собой Рим. Над этими людьми Мамея поставила гражданского человека, выдающегося юриста Домиция Ульпиана. Естественно, что Ульпиану захотелось распространить на стражу те ценные реформы, которые он вводил во всех департаментах государства; столь же естественно, что солдаты стали терпеть его дисциплину. Граждане приняли сторону Ульпиана и защищавшего его Мамеи, и раздражение наконец вылилось в кровавую борьбу, в которой народ три дня сражался с солдатами на улицах Рима. Ссору удалось остановить, но через некоторое время после этого - не во время драки, как говорит Гиббон, - разгневанные стражники положили конец реформам Ульпиана. Государственный деятель бежал перед ними во дворец и искал защиты у императора, но наглые стражники проникли в святилище царского дома с обнаженными мечами и убили в присутствии Александра самого выдающегося и просвещенного из его советников. Провинциальные войска вызывали не меньшее беспокойство. На этом этапе мы расстаемся с историком Дио. Его труд завершается скорбными сетованиями на состояние армии и справедливым предчувствием надвигающейся беды. Он тоже пытался навязать легионам дисциплину, но авторитет императора оказался недостаточным, чтобы защитить его от их убийственного недовольства.

Как будто эта плачевная ситуация дошла до бесчисленных народов, которые жадно прижимались к барьерам империи, мы видим новую дерзость среди них и серьезное начало тех набегов, которые в конце концов поставят могущественную державу под пяту варваров. Трагедия падения Рима достигает более определенной стадии. Необычным и меланхоличным является тот факт, что Рим больше всего страдал при самых добродетельных правителях. Во время правления Марка Аврелия боги, казалось, вели войну с добродетелью. Новому стоику и его добродетельной матери было суждено увидеть, как враги яростно собираются у их ослабленных границ, и трагически погибнуть в тщетных попытках отразить их.

Самая серьезная беда возникла на Востоке. Древнее царство Персии возродилось, и его энергичные правители вознамерились вернуть себе провинции, которые Греция и Рим

отторгли от своей некогда огромной империи. Александр, а возможно, и Мамзея, отправились на Восток. Если верить панегиристу Александра в "Истории Августа", он проявил восхитительную твердость в наведении дисциплины в войсках, когда прибыл в Антиохию. Собрав угрюмых и испорченных офицеров из антиохийских притонов и развратных рощ пригорода Дафны, он сурово наказал некоторых из них, смело столкнулся с вытянутыми мечами их деморализованных сторонников и направил легионы против персов. Но план кампании был непродуманным, а исполнение слабым. Римляне потерпели тяжелое поражение, и, прежде чем они успели оправиться и сдержать наступательный дух персов, Александр был отозван в Европу с известием о том, что германские племена прорываются через северную границу.

Из солнечных земель родного Востока император и его мать в 234 году перебрались на берега Рейна. Они проехали через Рим, где горожан легко уговорили отпраздновать его триумф над персами. От Капитолия они несли молодого императора на плечах до его дворца, его колесница с четырьмя слонами шла позади них, и огромная волна энтузиазма сопровождала его, когда он отправлялся в Галлию. Ему шел уже двадцать шестой год, и Мамзея, должно быть, чувствовала, что он находится в начале славной карьеры. Они мало подозревали, что их ждет смерть от рук собственных войск.

Одним из командиров на Рейне был гигантский и могучий варвар, наполовину гот, наполовину алан, по имени Максимин. Ростом более восьми футов, с большим пальцем, настолько большим, что он носил на нем браслет своей жены в качестве кольца, великан пробился в армию благодаря своей силе. Человек, который мог съесть за день сорок фунтов мяса, выпить столько же вина и повалить тебя одним пальцем, пользовался уважением варварских солдат. Элагабал оттолкнул его, когда он добивался должности, едкими вопросами о его силе; Александр охотно принял его и поставил командовать молодыми войсками. Но впоследствии Александр отказал ему в почестях, которые Маммея хотела ему оказать, и он, вероятно, слышал об этом. Он дал своему сыну хорошее римское образование, и Мамзея считала, что юноша подходит ее дочери Феоклее. Александр возразил, что его сестра сочтет тестя слишком грубым, и молодой Максимин, теперь уже высокий, красивый, культурный и беспутный вельможа, женился на внучке Антонина Пия, Юнии Фадилле.

Запомнилась ли эта обида, или Максимин действовал из чистого честолюбия, мы сказать не можем. В любом случае он начал сеять недовольство в армии. Когда Александр практически купил мир у варваров, вместо того чтобы вести против них активную кампанию, шепот сменился открытым ропотом. Говорили, что эти слабоумные сирийцы не в силах вынести крепкий Север и стремятся вернуться на Восток. Император был угрюмым юношей, который не мог действовать без разрешения матери. Он отказался от войны с Персией, чтобы вернуться на ее сторону, и снова жертвовал честью Рима, заботясь о ее комфорте. Ее дворец в Риме был полон припрятанных сокровищ, а тяжело работающим солдатам не хватало жалованья. Эти жалобы свободно циркулировали в лагере во время долгой германской зимы. Щедрая раздача денег могла бы разрушить заговор Максимиана, а скорейшее отступление в Рим, несомненно, спасло бы жизни императора и императрицы. Но они оставались в лагере до середины марта 235 года, а затем наступил конец.

Они находились в небольшом пограничном городке, который сейчас известен как Майнц, или поблизости от него. Однажды утром, когда Максимин выехал на учения, его приветствовали, назвав императором. Он притворился удивленным и неохотным, но солдаты - вероятно, в соответствии с разработанным планом - выхватили мечи и пригрозили убить его, если он не возьмет власть из рук слабоумных сирийцев. Он согласился, пообещал щедрое пожертвование в честь своего воцарения и сказал, что все наказания, которым

подверглись солдаты, будут отменены. Затем он повел их к шатру Александра. Молодой император вышел им навстречу и обратился с воззванием, которое, похоже, разделило сторонников узурпатора, и они разошлись по своим палаткам. Однако ночью стража у императорского шатра объявила, что вокруг него собираются мятежные войска. Александр поспешил выйти и призвал верных ему солдат на защиту, запоздало пообещав деньги и уступки. Многие из них перешли на его сторону, но наконец показалась массивная фигура Максимиана, приближающегося во главе сильного войска. В последний раз солдат призвали сделать выбор между сильным, щедрым мужчиной и скупой женщиной с ребенком. Александр увидел, как немногие верные угрюмо перешли на сторону Максимиана, и вернулся в свою палатку. Говорят, что последние минуты его жизни прошли в ожесточенной ссоре между матерью и сыном по поводу ответственности за катастрофу. Времени на это было мало. Воины Максимиана сразу же вошли в город и убили Мамзею, Александра и их немногих оставшихся друзей.

Популярное и энергичное произведение четвертого века описывает "смерть гонителей", или ужасную судьбу, которая постигала каждого императора, преследовавшего христиан. Ни одна судьба в страшной череде императорских бедствий не была столь трагичной, как судьба Александра, хотя он благоволил к христианам и хранил бюст Христа среди героев и мудрецов в своем *ларариуме*. Ни одна из императриц в длинной череде убитых женщин не заслуживала такой насильственной смерти, как Юлия Мамзее. В течение четырнадцати лет правления своего сына она занималась исключительно благополучием империи. Единственное обвинение, которое могли предъявить ей убийцы, заключалось в том, что она копила деньги, вместо того чтобы тратить их на войска или отдавать им. На общественные здания, общественные работы и гражданское управление она тратила свободно; она или Александр, , даже потратили большие суммы на обеспечение более пропитания и более эффективного транспорта для самих войска. Это обвинение - не более чем трусливое ухищрение. Но для восстановления боеспособности и покорности легионов требовалось полдюжины сильных и бескорыстных генералов, а их не нашлось. Мы переходим к периоду анархии, в котором императоры и императрицы растут и увядают как грибы, а Рим, спотыкаясь, слепо движется к своей гибели. В этот период неразберихи, когда каждая часть армии выбирает своего императора, обнаруживаются только две доминирующие личности, и это две императрицы варварского происхождения.

ГЛАВА XV ЗЕНОБИЯ И ВИКТОРИЯ

Император Александр Северус и его мать были убиты в 235 году. О периоде, последовавшем за этим одиозным преступлением, можно составить справедливое впечатление, кратко отметив, что за сорок лет на потемневшей сцене Римской империи появилось около сорока императоров, и почти каждый из них погиб от рук римских солдат. Анархия была на время остановлена, когда в 270 году на трон вззошел энергичный Аврелиан. Народ и сенат встретили этого сильного человека с неподдельным энтузиазмом, и среди возгласов радости или надежды, которыми приветствовали его сенаторы, мы находим это необычное пожелание: "Ты избавишь нас от Зенобии и Витрувия". Это пикантный контраст с презрением, с которым их отцы относились к женщинам, - признание того, что в их огромной

империи теперь главенствуют две женщины, без мужчин-супругов. Но благодаря своевременному появлению Аврелиана появилась перспектива, что они разделят между собой правление миром. Одна из них была сирийской, другая - галльской королевой, но каждая носила титул Августы, и именно они являются следующими выдающимися личностями, которые привлекают наш интерес.

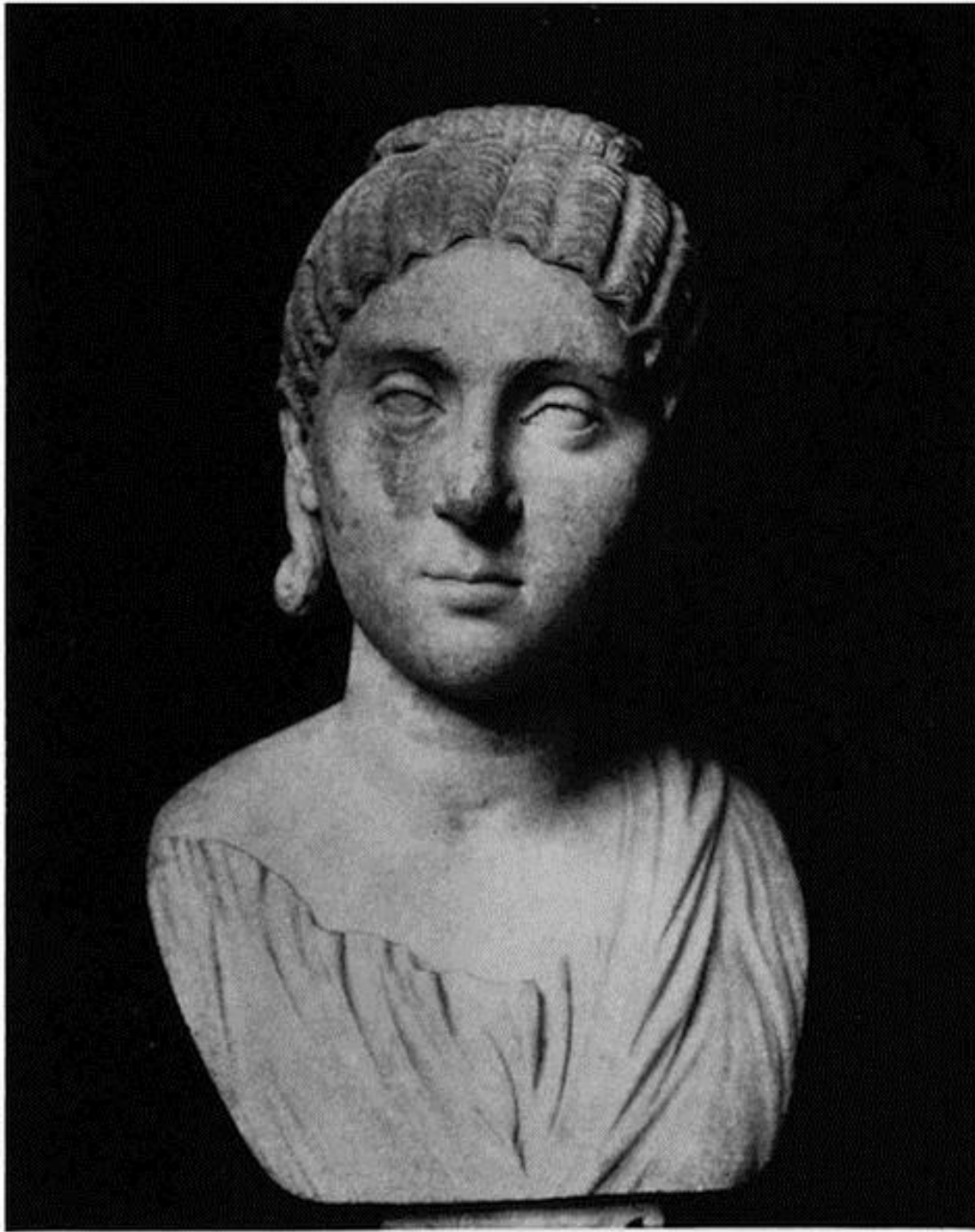
Между смертью Мамеи и появлением этих двух замечательных женщин прошло много лет, но нам не нужно делать ничего большего, чем просто взглянуть на многочисленных императриц того времени, чьи имена едва различимы в ту бурную эпоху. Огромный варвар, купивший трон путем жестокого убийства, недолго наслаждался. Империя с ужасом и презрением узнала, что этот фракийский пастух захватил мантию Антонина и Марка. Жители Рима, в частности, с тревогой вспоминали о презрении, которое они выказывали ему в прежние годы, и возносили молитвы в храмах, чтобы боги отклонили его шаги от юга Италии. Он отвечал на их презрение мстительностью и безжалостно казнил тех, кто помнил о его скромном происхождении или чье богатство могло пополнить его доходы. Его императрица, Паулина, тщетно пыталась сдержать его кровавую руку, но преуспела лишь в том, что навлекла ее на себя.¹⁸ В конце концов, его поборы заронили искру восстания в Африке, и был назначен новый император.

Африканский проконсул Гордиан был превосходным эпикурейцем прекрасного древнеримского типа. Он обладал богатством, культурой, характером и вкусом. Занимая высшие должности в Риме с изяществом и орденами, он теперь спокойно исполнял обязанности проконсула и коротал долгие часы досуга за безмятежным чтением писем в маленьком городке Тисидрус, расположенном в ста пятидесяти милях к югу от Карфагена. Вместе с ним в Африке находился его сын Гордиан, скорее эпикуреец, чем эпикуреец, который утешал свое изгнание из Рима в обществе двадцати двух дам. Их удовольствия были жестоко прерваны в начале 238 года. Отец, беловолосый старик с широким красным лицом, отдыхал в своем доме после судебных трудов, когда в роскошную виллу ворвался отряд мужчин с окровавленными мечами, сообщил ему, что они восстали против тирана, и бесцеремонно объявил, что он - император. Его возражения не были услышаны, и он с опаской отправился в Карфаген. Но гордость карфагенян была быстро охлаждена известием о том, что полководец Максимина в Африке движется на их город. Наспех снаряженный отряд под предводительством младшего Гордиана отправился в путь и разбил на куски. Младший император погиб на поле боя: беловолосый старик повесился.

Рим тем временем признал власть Гордианов и теперь трепетал от справедливого предчувствия мести Максимина. Уверенность в наказании вселила в него мужество, и были созданы два новых императора - энергичный сын народа, Пупиен Максим, и благоухающий представитель знати, Балбин. Этот выбор не понравился народу, который осаждал сенат палками и камнями, поэтому к ним присоединили красивого юношу, которого любил Рим. Им стал Гордиан, четырнадцатилетний сын дочери старшего Гордиана. Город гремел приготовлениями к войне, и в начале лета Максимин вывел свой слабый и боязливый отряд. Грозный Максимин со своими легионами перешел Альпы и спустился на равнины Италии. К счастью для Рима, они встретили отчаянное сопротивление у Аквилеи. Защищенные сильными и хорошо оборудованными укреплениями, с достаточным запасом провизии, жители отражали самые яростные атаки Максимина и насмехались над ним и его беспутным сыном со стен. Когда износились ремешки пращей, женщины Аквилеи отдали свои длинные локоны солдатам, чтобы те сплели их в шнуры. Максимин выплеснул свой гнев на собственных солдат, и однажды утром осажденные с восторгом увидели, что солдаты идут вперед с оскаленными головами Максимина и его сына на наконечниках копий.

Максимин вернулся, чтобы порадовать Рим этой новостью, но было постановлено, что в этом году должны умереть шесть императоров. Солдаты, которые во время войны еще раз поссорились с римлянами, были угрюмы и вероломны. Бальбина они ненавидели за его женоподобность, Максима - за суровость. Вернувшиеся войска принесли свои обиды, и только верность германских солдат удерживала стражу от вторжения во дворец. И вот наступил день, когда восторг от игр отвлек большую часть солдат, и стражники пошли на дворец. Максимус поспешно приказал созвать верные войска: Бальбин отменил приказ. Отношения между ними уже давно были натянутыми, и каждый рассматривал это внезапное нападение как происки другого. Наконец германские войска прибыли, нашли дворец пустым и узнали, что три императора находятся в руках гвардейцев. Они сразу же направились в лагерь и нашли на улице истекающие кровью останки Максима и Бальбина. Вместе с ними перед нами туманно проходит еще одна эфемерная императрица. Монеты указывают на то, что Максим был мужем Квинции Криспиллы на момент своей смерти.

Юношу Гордиана забрали в лагерь, и Рим был вынужден признать его единственным императором. Одурманенный, как и многие, внезапным обретением столь огромной власти, он поначалу казался склонным к модели Калигулы. Наложницы его дяди и евнухи матери вполне могли управлять правителем. Но мудрый воспитатель Тимеситей добился большего влияния на него, и он трезво выбрал в качестве императрицы свою дочь, Фурию Сабину Транквиллину. С его женитьбой, в 241 или 242 году, изменилась вся перспектива империи, но тут снова вмешался злой гений Рима. Персы снова перешли восточную границу, и император вместе со своим тестем отправился в Азию, чтобы принять командование. Война шла успешно, когда Тимесифей заболел загадочной болезнью и умер. Гордиан передал командование лихим кавалерийским вождем по имени Филипп - человеком, который, как у нас есть веские основания полагать, отравил Тимеситея. Филипп был красивым арабом, чей отец возглавлял шайку разбойников в пустыне. Но сын был проницателен, и Гордиан ничего не заподозрил. В течение многих месяцев в лагере кипело недовольство. Жалованье было снижено, и Филипп неохотно сообщил войскам, что ими командует император. Полки разместили в районах, где невозможно было получить достаточное количество продовольствия, и Филипп умолял их принять во внимание молодость и военную неопытность Гордиана. Кульминация заговора наступила ранней весной 244 года. Гордиан был убит, и сын арабского грабителя караванов получил пурпур от солдат.

МАРЦИЯ ОТАЦИЛИЯ СЕВЕРА

Новая императрица Рима, Марция Отацилия Севера, привлекает наше внимание из-за утверждения раннехристианских писателей, что она принадлежала к новой религии. Это утверждение, должно быть, имело какое-то основание, но история, на которой оно обычно основывается, рассматривается историками с осторожностью. Святой Златоуст и другие утверждают, что, когда Филипп и Отацилия прошли от Евфрата, где был убит Гордиан, до Антиохии, они отправились в христианскую церковь на службу в канун Пасхи; и епископ отказался принять их в каком-либо ином образе, кроме как кающихся, искупающих свое преступление. Дюруи высмеивает идею о том, что епископ осмелился бы так публично обратиться к императору до середины третьего века, и в это, конечно, трудно поверить. Действительно, историки обычно подозревают, что, как следует из самой истории, Отацилия поддерживала своего мужа в его преступных амбициях, и неохотно считают ее христианкой.

Ее национальность неизвестна, и она с трудом вырисовывается из безвестности, в которой скудные хроники оставили правление ее мужа.

Давайте же поспешим покинуть страницы жутких приключений и перейдем к более интересным женщинам. В 249 году войска в Мизии навязали пурпур одному из самых способных римских генералов, Децию, и Филипп был убит в последовавшей за этим схватке. Отацилия бежала с сыном в лагерь пруссов, но стражники убили мальчика на ее руках и с грустью отправили ее обратно в ряды простых людей, из которых она так несчастливо поднялась. Жена Деция, Геренния Этрускилла, известная нам только по монетам и надписям, имела не более счастливую судьбу, поскольку Деций погиб в войне с готами два года спустя (251). Его сын и преемник, Гостилиан, умер в следующем году, не без подозрений в преступлениях. Коллега Деция и преемник его сына, Галл, был убит в 253 году вместе со своим сыном Волузианом, с которым он делил империю; а соперник и преемник Галла был убит в течение четырех месяцев. Затем на трон взошел Валериан, пожилой и выдающийся сенатор, и мы начинаем получать менее мимолетные взгляды на придворных дам и знакомиться с двумя замечательными женщинами, которые особенно нас занимают.

Старший Валериан недолго остается на сцене. Слабость, в которую впала империя, вскоре была замечена ее врагами со всех сторон, а пограничные провинции опустошались. Поручив пурпур своему старшему сыну Галлиену, Валериан отправился на Восток, чтобы противостоять персидскому монарху Сапору, угрожавшему всей римской Азии, и через некоторое время вместе со своей армией попал в руки врага. Правда ли, что гордый перс наступал на лицо престарелого императора, чтобы сесть на коня, или нет, но, по крайней мере, несомненно, что Валериан умер среди персов после нескольких лет бесславного плена, а его кожа, набитая и набитая до размеров человека, долгое время выставлялась как самый славный из многочисленных трофеев Сапора. Есть более поздние авторы, которые утверждают, что его вторая жена, императрица Мариниана, была захвачена вместе с ним, и с ней жестоко обращались до тех пор, пока она не умерла, но авторитет этих авторов очень низок. Коэн, большой авторитет в области римских монет, предупреждает нас, что, хотя есть монеты некой Маринианы, которая, похоже, была дамой при дворе Валериана, нет уверенности, что она была его женой.

Империя стала настолько слабой, что ее враги предприняли самые масштабные и разрушительные вторжения. Персы продвинулись так далеко, что разграбили Антиохию, франки захватили Испанию и достигли Африки, алеманны наводили ужас на север Италии и даже угрожали Риму, а готы наводнили Грецию и Малую Азию. Известия о каждом очередном бедствии Галлиен воспринимал с вялой шуткой. Сверкая драгоценностями, которыми были инкрустированы его пояс, платье и даже обувь, волосы, припудренные золотой пылью, он обедал из блюд из чистого золота в обществе своих наложниц, в то время как его отец страдал в плену, а подданные стонали под тяжестью нашествий, голода, моровой язвы и землетрясений. Его императрица, Корнелия Салонина, похоже, презирала его трусливую роскошь, и ее заменила в его привязанности, хотя и не в ее положении, очаровательная варварка. У Аттала, царя маркоманнов, была красивая дочь по имени Пипа или Пипара, о привлекательности которой узнал Галлиен. Он легкомысленно представил сенату, что, поскольку у Рима так много врагов, было бы разумно разоружить некоторых из них; и попросил у Аттала руки его дочери. Проницательный варвар согласился на большую часть Паннонии, а в обмен на этот ценный кусок империи позволил своей прелестной дочери стать наложницей римского императора. Она никогда не появляется на монетах, в то время как Салонина, чьи серьезные, интеллектуальные черты говорят о том, что она нашла утешение в культуре, остается Августой до конца. Сервез находит восхитительную черту

характера Салонины в наказании человека, который продал ей фальшивые драгоценности. Он был приговорен ко лвам; но когда страшные ворота открылись, на него вылетела безобидная птица, и он отделался легким испугом. Римский историк, однако, приписывает этот трюк непосредственно Галлиену. [19](#)

За восемь лет полного управления империей Галлиеном (260-268 гг.) она была растеряна и измучена несчастьями и анархией. По оценкам "Истории Августа", за этот короткий период появилось "тридцать тиранов", оспаривавших власть у коррумпированного Галлиена; Гиббон сократил это число до девятнадцати; Дюруа насчитал двадцать восемь претендентов на трон. В любом случае, это был период глубокой деморализации, а поскольку почти все эти генералы встретили насильственную смерть, привлекли к себе многих других и очень часто вели свои войска в гражданскую войну, последствия для обедневшей системы были катастрофическими. Именно среди этих "тридцати тиранов" мы находим Зенобию и Викторию.

Зенобия была женой Одената, правителя независимого города Пальмира. Этот город, ставший важным торговым центром, лежал на краю Сирийской пустыни и долгое время сохранял нейтралитет между римлянами на западе и парфянами на востоке. Оно носило титул римской колонии, а Оденат был не более чем ее главным гражданином и, возможно, главой сената. В это маленькое государство пришло известие о том, что римский император задержан в бесчестье царем Персии. Оденат отправил Сапору вежливое предложение о недопустимости его поведения и позолотил свое обращение караваном ценных подарков. Подарки были с пренебрежением брошены в Евфрат, а вспыльчивый Сапор пригрозил наказать его за дерзость. С большой смелостью главный гражданин Пальмиры сформировал нерегулярную армию из жителей окрестных деревень и арабов с несколькими римскими отрядами и нанес персидским войскам существенное поражение. Галлиен милостиво признал его заслуги и передал императорский титул ему и его жене Зенобии, которые стали представителями римской власти на Востоке.

Зенобия была, по словам Требеллия Поллио в "Истории Августа", "одной из самых знатных женщин Востока, а также одной из самых красивых". Ее благородство основывается на ее утверждении, что она происходит от Клеопатры, что мы не можем исследовать. Ее портрет-бюст в Ватикане говорит не столько об исключительной красоте, сколько об исключительной силе. Это лицо необычайной силы и своеобразных черт. Мы вполне можем представить ее, как ее описывают, выезжающей на коне перед собравшимися войсками, ее пронзительные черные глаза пылают духом, на голове военный шлем, а пурпурная мантия, расшитая драгоценными камнями, так прилегает к ее лицу, что оставляет обнаженной изящную руку, которой она подчеркивает свои приказы. Она содержала двор с персидским величием, но была далека от персидской наглости. Она не гнушалась пить со своими офицерами и даже старалась превзойти их в выпивке. И все же единодушно утверждается, что эта удивительная независимость сирийских представлений о положении женщины сочеталась с целомудрием самого чувствительного и особенно скрупулезного характера. Если добавить, что она была женщиной исключительной культуры, владела латинским, греческим и египетским языками, настолько полно знала историю Востока, что написала по ней книгу, и наслаждалась ежедневным общением с философом Лонгином, который был воспитателем ее сыновей, то мы, кажется, исчерпали возможные заслуги и отважились войти в область легенд. Но нам остается сказать, что ее военные и политические способности были не меньше, чем ее красота, культура и добродетель. Позже мы увидим, что лучший император эпохи, Аврелиан, с необычайной благодарностью отзывался о ее умении вести войну и управлять государством.

Даже будучи женой Одената, Зенобия не была бездейственной. Говорят, что она призывала его к смелому нападению на Персию и разделяла самые долгие походы солдат, когда началась кампания. Но вскоре она стала единоличной правительницей Востока в интересах, поначалу, Рима. Во время персидской войны Оденат поссорился с родственником и офицером по имени Меоний и только благодаря заступничеству своего сына Ирода не смог предать его смерти. Герод был сыном Одената от прежней жены и должен был стать естественным наследником его сана. Два сына, которых родила ему Зенобия, Тимолай и Геренниан, были совсем мальчиками, но у Зенобии был старший сын Вабаллат от предыдущего мужа. Мы можем понять, что в семье возникла бы ревность, когда римский пурпур и практический суверенитет на Востоке перешли к "царю Пальмиры". Зенобия не могла не любить и не презирать Ирода. Он перенял сладострастные нравы Востока и получил от отца в качестве непосредственной доли своего наследия драгоценности, шелка и прекрасных дам, которые тот отделил от багажа Сапора, когда тот отступил перед ним.

Однако нет никаких оснований утверждать, что Зенобия была посвящена в заговор, в результате которого был устранен Оденат и Ирод. Убив их, Мейоний удовлетворял свои амбиции, а также умиротворял свою ненависть. На мгновение Зенобия оказалась в положении некоторой тревоги, но она действовала решительно. Она выдвинула своего сына Вабаллата - в "Истории Августа" сначала говорится о двух ее младших сыновьях, но потом это исправляется - перед пальмирцами как наиболее достойного наследника власти Одената, а Мейоний уходит в значительную безвестность. Вабаллат был провозглашен Августом, а Зенобия стала "царицей Востока", как она любила себя называть. Два младших мальчика были провозглашены Сезарами. В течение короткого времени в Риме почувствовали, что на Востоке возникла новая соперничающая сила.

Сладострастный Галлиен временами поднимался с усыпанных розами диванов и из объятий своих любовниц и совершал энергичные набег на противников своей империи. Победа Одената, похоже, вдохновила его на один из таких приступов бодрости. Легионы в Галлии отказались от верности своему разжалованному правителю, предали смерти его сына Салонина и выбрали императором своего способного и честного полководца Кассиана Постума. Галлиен выступил против него в поход, некоторое время сильно его теснил, а затем вернулся в Рим, чтобы насладиться великолепным триумфом. Сто белых быков с позолоченными рогами, двести белых ягнят, несколько сотен львов, тигров, медведей и других животных, а также двенадцать сотен гладиаторов в великолепных костюмах сопровождали его машину. Более серьезные римляне смотрели на это с презрением. Некоторые из мимов, или комедиантов, переоделись персами и шли в процессии, глядя друг другу в лицо и говоря, что они "ищут отца императора". Галлиен приказал сжечь их заживо.

Но главный интерес этой вылазки в Галлию заключается в том, что она впервые обращает наше внимание на знаменитую галльскую принцессу Витрувию или Викторию.²⁰ Мы видим, как она поддерживает Постума против Галлиена. Когда ему приходится нелегко, она уговаривает его присоединить своего сына, Викторина, к нему в империи, и вскоре сама становится Августой и "Матерью лагеря" - доказательство того, что она сопровождала армию. По словам одного из современных авторов, Викторин был мужественнее Траяна, благоразумнее Антонина, серьезнее Нервы и лучше финансировал Веспасиана; но у этого образца совершенства был один серьезный недостаток - он не мог отвести жадных глаз от более красивых жен своих офицеров. Ответственность за власть на время отрезвила его, но вскоре он ввел в заблуждение жену одного из своих офицеров, и на него было совершено покушение. По предложению матери он предсмертным голосом назвал преемником своего маленького сына, но разъяренные солдаты убили мальчика.

Тогда Виктория выдвинула кандидатом одного из самих солдат, мускулистого офицера по имени Мариус, который одно время был оружейником или кузнецом в лагере. Он был принят, но в результате неосторожного замечания, которое он нанес одному из своих старых соратников, получил в свою грудь один из мечей, выкованных им самим, после того как два дня наслаждался пурпурным достоинством. Тридцать тиранов" играли свои роли с большой скоростью. Следующим Виктория выдвинула Тетрика, командующего войсками и сенатора, и он оставил ее управлять делами Галлии, пока сам вел армию в Испанию. Власть Виктории была недолгой, а упоминания о ней в хрониках слишком скудны, чтобы мы могли составить представление о ее выдающейся личности. В течение многих лет ее власть в Галлии была настолько велика, что ее слава распространялась по всей империи, а Зенобия, как она впоследствии рассказала Аврелиану, задумала вступить с ней в связь и предложить разделить между ними римский мир. Ее конец неясен. Говорят, что когда Тетрик вернулся из Испании, он был возмущен ее господством и предал ее смерти, хотя в другом месте говорится, что ее смерть была вызвана естественными причинами. Она не дожила до унижения Тетрика, которое произошло несколько лет спустя.

Мы возвращаемся к Зенобии, которая тем временем стала независимой правительницей. Галлиен был встревожен ростом ее могущества и послал своего полководца Гераклиана с тайными инструкциями сместить ее. Зенобия разгадала истинные намерения Гераклиана и его войска, отнеслась к нему как к захватчику и уничтожила его силы. Затем было получено приглашение из Египта, и Зенобия отправила 70 000 человек, чтобы изгнать войска Галлиена из страны, которую она считала царством своих отцов. Египет был присоединен к ее владениям. Рим теперь был полностью встревожен успехами двух варварских женщин, в то время как все остальные провинции империи были захвачены захватчиками или отделены местными императорами. Один из этих соперников в конце концов снова выманил Галлиена из дворца и дал возможность сместить с трона его наглую слабость. Император осаждал претендента на престол в Милане, когда некоторые из ведущих офицеров сговорились убить его. Однажды ночью в марте (268 г.) он был извлечен из своей палатки ложной тревогой о том, что осажденные предприняли вылазку, и, лишенный как охраны, так и доспехов, вскоре был смертельно ранен. Некоторые утверждают, что Салонина погибла вместе с ним, но доказательств этому нет.

Его преемник, Клавдий, опытный солдат неясного происхождения, но с большими личными достоинствами, решил оставить Зенобию и Викторию у власти, пока не избавит империю от грозных готов. По слухам, их армия насчитывала 320 000 человек, и вся Греция и север Малой Азии были ими разграблены. Орудия римского комфорта и роскоши, которые они уносили с собой в мрачные леса севера, казалось, привлекали неиссякаемый поток мародеров на ослабленный юг. Два года ушло у Клавдия на уничтожение их власти, и он только что очистил римскую территорию от их присутствия, когда умер от моровой язвы весной 270 года. Безвестный брат столь добродетельного и доблестного правителя считался достойным преемником пурпура, но армия выбрала сильного и способного полководца Аврелиана, и, после двух-трех недель робкого наслаждения своей властью, Квинтилий вскрыл вены и грациозно уступил трон.

Новый император был смелым и крепким сыном провинциального крестьянина, пробившим себе путь к должности полководца. Женитьба на дочери богатого дворянина еще больше улучшила его положение, а воздержанность, рвение к дисциплине, умение и храбрость сделали его самым эффективным полководцем. Первой его заботой было завершить победу над готами, которые снова наступали. После изнурительной борьбы он заключил с ними дружественный союз, оттеснил другие варварские племена, угрожавшие северной границе

империи или игнорировавшие ее, а затем обратил свой взор на Восток. Гиббон заставляет его сначала заняться восстановлением Галлии, но историки Вописк и Зосима прямо говорят, что сначала он занялся царицей Востока.

В 272 году Зенобия уже около четырех лет пользовалась своей удивительной властью и, похоже, благодаря тому, что Рим был занят северными варварами, создала прочное и долговечное королевство. Парфия и Персия уважали ее южные границы, Египет мирно признавал ее власть, и даже города Малой Азии начали склоняться перед ее титулом. Но Пальмира не была Римом и представляла собой слишком слабую базу для столь обширного владычества. Когда Аврелиан со своими грозными легионами прошел по Малой Азии, города сразу же вернулись к римскому подданству, и Зенобия приготовилась к суровой борьбе. Она лично вывела свою армию из Антиохии и встретила римлян у реки Оронт. Современные историки обычно придерживаются той версии битвы, которая описывает Аврелиана как укравшего победу с помощью хитрости. Говорят, что он заметил тяжесть тяжеловооруженной конницы Зенобии, заставил ее перейти в дикий галоп, притворившись, что отступает, а затем повернул свои войска, когда они проявили признаки усталости, и рассеял их. Но "История Августа", ближайший авторитет, сообщает нам, что войска Аврелиана действительно были сначала разбиты, а затем восстановлены - благодаря чудесному явлению - и побеждены.

Зенобия удалилась в Антиохию. Ее полководец Забда ввел жителей в заблуждение ложным сообщением о победе и провел по улицам пленника, которого переодел в костюм Аврелиана. Но император наступал, и они бежали ночью в Эмесу, где им все же удалось поставить на пути Аврелиана 70 000 человек. Вторая битва оказалась для Зенобии такой же катастрофой, как и первая, и было решено сразу же отступить на Пальмиру. Долгое время город сдерживал Аврелиана, и он великодушно допускал, что его успешное сопротивление было обусловлено проницательностью Зенобии. В разгар долгой осады он написал своему другу в Рим:

"Я слышал, что говорят о том, что я не сделал работу человека, одержав победу над Зенобией. Те, кто обвиняет меня, не имеют ни малейшего представления о том, что она за женщина: благоразумная в советах, усердная в организации, суровая с войсками, либеральная, когда это целесообразно, строгая, когда нужна суровость. Я могу осмелиться сказать, что именно благодаря ей Оденат обратил в бегство Сапор и продвинулся до Ктесифона. Уверяю вас, что на Востоке и в Египте ее держали в таком ужасе, что арабы, сарацины и армяне боялись шелохнуться".

Осада оказалась настолько трудной и затяжной, что Аврелиан в конце концов написал ей письмо, предлагая сохранить ей жизнь, если она сдастся. Ответ, по-видимому, сохранился в одной из тех библиотек ценных документов в Риме, из которых, как нам рассказывают, черпали материал авторы "Истории Августа". Он гласил:

"Зенобия, царица Востока, Аврелию Августу. Никто еще не обращался с такой просьбой, как ты. В военном деле ты должен добиваться своего делами. Ты просишь меня сдаться, как будто не знаешь, что Клеопатра предпочитает умереть, чем потерять свое достоинство. Мы ожидаем вспомогательных войск из Персии, с нами сарацины и армяне. Разбойники Сирии победили твою армию, Аврелиан. Что будет с тобой, когда придут наши подкрепления? Тебе наверняка придется отбросить гордыню, с которой ты, словно вселенский завоеватель, призываешь меня сдаться".

Ожидание подкрепления было искренним, но ему суждено было разочароваться. День за днем Зенобия и ее офицеры смотрели на пустыню со своих несокрушимых стен и не видели никаких признаков освободителей. Персия была отвлечена смертью Сапора; армяне и

сарацины были отторгнуты от нее Аврелианом. Начались перебои с продовольствием, а железные легионы цепко держались за маленькую полоску страны и перехватывали любую помощь, приходящую к ней. Зенобия решила сама отправиться в Персию в поисках помощи. Под покровом ночи она выкралась из города и на дромадере бежала в Персию.

Через несколько дней встревоженные пальмирцы вновь увидели свою царицу - пленницу в руках римских солдат. Вполне вероятно, что ее предали. Аврелиан, во всяком случае, узнал о ее бегстве и отправил в погоню конную роту. Они достигли берегов Евфрата как раз в тот момент, когда Зенобия и ее сопровождающие сели в лодку, и привезли ее обратно в лагерь. Она опоздала на час, чтобы спасти свою свободу или пожертвовать жизнью. Пальмира с грустью распахнула свои ворота, и Аврелиан перегрузил в свои повозки бесценные сокровища и редкие диковинки. Главнокомандующих и Зенобию он увез в Эмесу и отдал под суд за мятеж.

Читатель Гиббона ожидает, что мы дошли до того момента, когда мужественность Зенобии исчезает и проявляется вечная женственность. Гиббон, конечно, записывает смелый ответ Зенобии на жалобу Аврелиана о ее неверности Риму; но далее он говорит, что, когда яростные требования солдат о ее смерти достигли ее ушей, она трепетно умоляла о жизни и с трусостью, которую мог смягчить только ее пол, настаивала на том, что Лонгин и другие соблазнили ее от ее долга. К счастью, у нас есть полное право поспорить с процедурой великого историка в этом месте. Существует две версии поведения Зенобии: версия латинских историков Требеллия Поллиона и Вописка в "Истории Августа" и версия греческого историка Зосима. Латинские авторы, жившие в Риме в следующем после Зенобии поколении, смело отвечают Аврелиану и ни слова не говорят о том, что она сваливает вину на других. Греческий писатель, гораздо более поздний компилятор, представляет ее, по словам Гиббона, "бесславно купившей жизнь, пожертвовав своей славой и своими друзьями". Гиббон пытается примирить эти две версии, заставляя женскую слабость следовать за мгновенным проявлением мужества.

Такой способ примирения противоречивых и неравных авторитетов мы можем справедливо оспаривать. Гораздо более поздняя версия Зосима не только сама по себе не имеет права на признание, но и серьезно ослабевает, когда он продолжает делать дико ошибочное заявление о том, что Зенобия умерла по пути в Рим, а ее спутники утонули в Босфоре. Мы имеем полное право следовать за латинскими историками. Зенобия предстала перед Аврелианом, и солдаты яростно потребовали предать ее смерти. Как ни был раздражен император, он отказался убить женщину и спросил ее, почему она посмела противиться величии Рима. "В тебе, - ответила она, - я вижу императорское величие, потому что ты победил меня, но я не видела его в Галлиене". Ее жизнь была пощажена. Какой римский полководец смог бы устоять перед желанием украсить свой триумф в Риме более великой, чем Клеопатра? Войска с огромными сокровищами и пленниками медленно двинулись в обратный путь, казнив Лонгина и некоторых других.

ЗЕНОБИЯ

УВЕЛИЧЕНО С МОНЕТЫ, ХРАНЯЩЕЙСЯ В БЕРЛИНСКОМ МУЗЕЕ

Во время триумфа, который Аврелиан так великолепно заслужил и не менее великолепно отпраздновал, мы в последний раз видим царицу Востока, одну из самых выдающихся женщин всех времен. По усыпанной цветами дорожке между плотными стенами граждан проходит одна из самых длинных и грандиозных процессий, когда-либо приводивших победителя в Капитолий. Огромное количество укрощенных слонов, львов, тигров, леопардов, медведей и других зверей медленно и угрюмо движутся рядом, а восемьсот пар гладиаторов обещают предстоящие зрелища. Далее следуют вагоны, тяжело нагруженные золотом, серебром и драгоценностями Пальмиры, редкими подарками Персии, пурпуром Индии и шелками Китая. Затем идет длинный и необычный поезд пленников, представляющих девятнадцать народов, которые Аврелиан покорил, даже женщин, которые были захвачены в мужском костюме в самых жестоких битвах. Наконец, меланхоличную

линию замыкает стройная бронзовая фигура с блестящими черными глазами и зубами, похожими на жемчуг, женщины, чья красота, гений и смелость были на устах Рима в течение нескольких лет. В последний раз облаченная в богато украшенные драгоценностями одеяния царицы - она жаловалась, что ей не хватает сил ходить под грузом драгоценностей, - она тащит за собой золотые цепи, связывающие ее руки и ноги, а раб поддерживает вес золотой ленты на ее горле. Рядом с ней, в алом плаще и галльских штанах, стоит Тетрик, последний император Виктории в Галлии. Вся империя вновь подчиняется Риму. А перед машиной завоевателя едут три пустые колесницы: одна - золотая и серебряная машина Одената, другая - золотая, усыпанная драгоценными камнями, - подарок Персии, третья - машина, которую Зенобия приготовила для своего триумфального въезда в Рим. Никогда еще император не смотрел из своей машины на столь великолепный триумф. Менее чем через год Аврелиан будет убит.

Последний этап жизни Зенобии не совсем ясен. Зосима, безусловно, ошибается в своем воспроизведении истории о том, что она умерла или покончила с собой, не доехав до Рима. Еще более поздние и столь же малозначительные авторы осмелились утверждать, что она стала христианкой, и даже что Аврелиан женился на одной из ее дочерей. В "Истории Августа", которой мы можем следовать, поскольку она была написана в Риме спустя поколение, говорится, что Аврелиан подарил ей виллу рядом с дворцом Адриана в Тиволи, где она провела остаток своей жизни, занимаясь воспитанием детей и выполнением прозаических обязанностей римской матроны, и, как мы можем предположить, с грустью, но гордостью вспоминая волнующий роман своей карьеры. Епископ Евсевий в своей "Хронике" кратко отмечает, что она дожила до глубокой старости и пользовалась в Риме величайшим уважением.

ГЛАВА XVI

ЖЕНА И ДОЧЬ ДИОКЛЕТИАНА

Хотя мы уже рассказали о судьбе Аврелиана, мы еще не упоминали о женщине, которая разделила с ним императорский титул и его великую славу. Ее личность, по сути, совершенно неизвестна; даже ее имя сохранилось для нас только на чеканке монет. Можно с уверенностью предположить, что ей не нравились плебейские устои мужа, и она без энтузиазма выполняла обязанности супруги. Дочь богатого и видного аристократа Ульпия Кринита, она оказала полезную услугу честолюбивому крестьянину в то время, когда он пробивал себе дорогу на императорской службе, и, как можно предположить, на довольно слабых основаниях, сопровождала его в походах. Но его жизнь во дворце была короткой и бесславной. Ему не нравились пышность и роскошь, а главное удовольствие он находил в том, что натравливал своих комедиантов друг на друга в состязаниях по еде. Он баловал простых граждан, увеличивая их бесплатный рацион хлеба и добавляя в него свинину. Когда он задумал ввести бесплатную раздачу вина, один из его министров с сарказмом предложил добавить гусей и кур. Когда императрица Ульпия Северина решила, что ей следует носить шелковые мантии, муж запретил ей баловать себя этим редким и дорогим товаром, полученным в результате ненадежной торговли с Китаем.

Аврелиан, по сути, был солдатом. Его манера поведения и даже реформы, которые он пытался провести, вызвали серьезное недовольство в Риме, а заговор против него был раскрыт в течение нескольких месяцев после великолепного триумфа, которым он наслаждался. Он подавил его с ожесточением, которое почти стерло память о его великих заслугах, а затем вернулся в Азию, чтобы встретиться с персами. Во время своего похода он был убит в начале 275 года, и великое обещание его правления осталось невыполненным. Ульпия Северина, похоже, умерла раньше него, так как историк говорит только о дочери, которая пережила его.

И снова мы быстро проносимся через ряд бурных лет, пока не приходим к императрице, о которой у нас есть сравнительно полные сведения. Общеизвестно, хотя и не совсем бесспорно, что трон оставался вакантным большую часть 275 года. По крайней мере, в "Истории Августа", которая была написана в следующем поколении, описывается ситуация, удивительно контрастирующая с прежней поспешностью в назначении императоров. Нас просят поверить, что сенат и армия провели много месяцев в назидательном поединке, каждый из которых пытался склонить другого к выбору правителя. В конце концов сенаторы выбрали одного из них, пожилого и добросовестного Тацита, который отправился командовать войсками в Азии. Через несколько недель, измотанный непосильной усталостью и измученный непокорным поведением солдат, он скончался. Некоторые историки утверждают, что он умер от настоящего насилия. От императрицы не осталось и следа. Мы читаем, что Тацит, как и Аврелиан, запретил своей жене носить роскошную одежду, но это, вероятно, было в более ранние времена. Отсутствие монет заставляет нас думать, что она умерла.

Его сменил молодой и энергичный офицер крестьянского происхождения по имени Пробус, при котором империя в значительной степени восстановила свою силу. В течение шести лет он успешно трудился над восстановлением престижа Рима, но его суровость в конце концов привела к убийству. Во время мятежа солдат в 282 году "тысяча мечей разом погрузилась в грудь несчастного Проба", как слишком витиевато выражается Гиббон. Судя по отсутствию монет, можно предположить, что его жена умерла до его воцарения. Сменивший его Карус был престарелым полководцем шестидесяти лет. Он умер после года напряженных военных действий и оставил империю своим сыновьям Карину и Нумериану. Младший император был отправлен на Восток, и Карин фактически царствовал в одиночку.

Даже опыт нашего времени так часто приучал нас ожидать посредственного или слабоумного потомства от выдающихся и мужественных людей, что мы не удивляемся тому, что это постоянно происходит в истории Рима. Нам не нужно относить это к тайне наследственности. Энергичный отец развивал и укреплял свои силы в трудоемком восхождении к вершинам избранного им мира. Сын, обнаружив, что пути к вершине сглажены, а заманчивая роскошь доступна ему без усилий, позволяет ей деградировать. Самая лучшая сталь и самое чистое золото выходят из строя и рассыпаются в разъедающей атмосфере. Поэтому мы не можем удивляться почти неизменному провалу римской практики, когда сын с радостью приветствует своего одаренного отца.

Правление Карина - одна из худших иллюстраций этого зла. Нетерпеливый, наглый и роскошный, он видел в своей императорской власти роскошное служение своим развращенным вкусам. Он действительно обеспечил Рим самыми великолепными развлечениями. Амфитеатр снова гремел грубыми аплодисментами девяноста тысяч зрителей его кровавых состязаний; цирк был превращен в лес, в котором под взглядами трехсот тысяч римлян жили дикие животные и прекрасные звери далеких стран. Но это потакание народным аппетитам считалось оправданием безудержного служения принцу. По

фетальным глубинам римской жизни вновь пронесся шепот о том, что изобретательного и трудолюбивого пандара ждут богатые награды для сытого сластолюбца, и во дворце вновь появились отвратительные зрелища, давно изгнанные из него.

Для нас они не представляют особого интереса, поскольку, хотя Карин за год с небольшим произвел на свет девять императриц, они затерялись в буйстве того времени. Одно бедное имя, имя Магнии Урбики, сохранилось на нескольких монетах. Сервез считает ее женой Каруса, поскольку на одной из монет она изображена с двумя детьми. Коэн, однако, указывает, что группа не совсем правильно состоит из матери и двух детей, и приходит к выводу, что она была одной из девяти жен Карина. По количеству своих супругов Карин превзошел рекорд императорской лицензии, и он был не менее оригинален в причинах своих разводов. Стерильность часто приводилась монархами в качестве уважительной причины для отречения от своих жен; Карин же был вправе уволить их в тот момент, когда они давали доказательства своей плодовитости. Так женщины Рима быстро сменяли друг друга в беспутном дворце, где император, окруженный своими куртизанками, сверкающими бриллиантами и изумрудами до самых туфель, восседал на усыпанных розами диванах на своих дорогих банкетах.

Новый мор был выдут из императорского города бурей с Востока. Младший император, Нумериан, был мягким, культурным и деликатным юношей. Когда он вел войска домой с Востока, то укрывался от палящего солнца в палатке или в закрытом помещении. В конце концов его полное уединение вызвало подозрения, и солдаты ворвались в его палатку, обнаружив там лишь разлагающееся тело. Честолюбие Апера, его тестя, командовавшего стражей, возложило на него вину, и общее собрание солдат назначило одного из лучших офицеров, Диоклетиана, судить его. Диоклетиан, возможно, не без оснований, предпочел казнить, а не судить Апера, и войска сразу же приветствовали его как императора. Сын двух рабов, он получил образование и проложил себе путь к высшим должностям и командам; теперь он спокойно надел пурпурную мантию, которую ему предложили солдаты, и повел легионы к Риму. Карин выступил против него, но был убит офицером, чью жену он присвоил, и в летописи Рима открылась новая глава. На трон взошел сильный человек и рассудительный государственный деятель, который будет занимать его в течение двадцати лет.

С нашей точки зрения, досадно, что жена Диоклетиана не попадает в поле нашего зрения до тех пор, пока его правление почти не закончится. Само ее имя оспаривалось в течение многих веков; даже сейчас ее личность лишь слабо освещена приключениями ее последних лет. Ее дочь - более властная фигура, да и другие императорские дамы выделяются в хронике того времени. Некоторые из них, такие как мать и жена Константина, мы оставим для следующей главы; а историю двадцатилетнего правления Диоклетиана мы можем уместить в несколько строк.

Через год после своего воцарения, которое произошло в 285 году, Диоклетиан выбрал себе коллегу, чтобы разделить управление огромной империей. Этот друг и партнер, Максимиан, был сыном крестьян, грубым, невежественным и беспринципным, но эффективным полководцем. Ему доверили заботу о Западе, Диоклетиан перешел на Восток, и несколько лет были с пользой потрачены на восстановление разрушенных границ. Задача оказалась настолько сложной, что в 292 году они выбрали двух офицеров для низшего достоинства - "цезарей", титул которых подразумевал, что они, вероятно, когда-нибудь станут Августами, а пока должны носить пурпур, но не иметь полномочий издавать законы или контролировать финансы. Галерий был дитя земли, а Констанций - сын провинциального дворянина, и они были вынуждены отказаться от своих скромных жен и жениться на дочерях императоров.

Таким образом, в империи было создано четыре двора, в то время как Рим оказался холодно запущенным, его дворец - заброшенным, а сенат - бессильным.

К двору Галерия мы вернемся позже, а дела Констанция и его жены оставим для следующей главы. Двор и императрица Максимиана не должны нас задерживать. Он избрал своей резиденцией Милан и начал украшать северный город мраморными зданиями, подобающими его новому достоинству. Его женой стала очень привлекательная сирийка Галерия Валерия Евтропия. Ее имя навело некоторых на мысль о том, что она была родственницей отца Констанция, Евтропия, одного из главных вельмож Дардании, хотя эта связь и слаба. В любом случае, похоже, что она относилась к своему бескультурному мужу с презрением и искала более приятного общества. Ее сын Максенций, как утверждают одни, был результатом связи с соотечественником, а другие заявляют, что он был мальчиком, подмененным дочерью, которую она родила, потому что Максимиан хотел сына. Оставим эти спорные скандалы и перейдем ко двору Диоклетиана.

Сын римского раба создал блестящий двор в Никомидии. Его дворец, вокруг которого быстро разрастался город, был украшен и сервирован с восточной пышностью. Последовательные подходы к покоям императора охранялись великолепными чиновниками, и когда проситель или посол проникал во внутренние апартаменты, он видел величественного Диоклетиана в пурпурных и золотых одеждах, чело которого было окружено сверкающей диадемой, и был вынужден преклонить колена перед божественным величием. Однако не тщеславие или глупость Калигулы, а расчетливая политика побудила Диоклетиана облечься в это олимпийское достоинство. Предыдущие императоры, принадлежавшие к тому же низкому сословию, отказывались ставить барьер из царских церемоний между собой и своими подданными или солдатами и неизменно падали от руки убийцы. Диоклетиан был слишком проницателен, слишком сильно привязан к жизни и слишком хорошо понимал, как благотворно он использует власть, чтобы рисковать. Он вернул Египет к повиновению, унизил персов и посвятил еще больше способностей реформе управления. Сотрудничая со своим энергичным коллегой на Западе, он вернул империи мир и процветание.

В последние годы его правления мы снова начинаем узнавать различных личностей двора. Сама императрица в большей или меньшей степени погружена в пикантную неизвестность. До конца семнадцатого века ее имя было неизвестно, и в отношении нее было воспроизведено множество романтических легенд. Кардинал Бароний нашел в "Деяниях Святой Сусанны", что ее звали Святая Серена, мученица за христианскую веру. В других "Деяниях" мучеников в качестве супругов Диоклетиана фигурируют святая Элевтера и святая Александра. Казалось, что он был императорской Синей Бородой. Но в 1679 году была найдена рукопись раннехристианского сочинения "О смерти гонителей", и было доказано, что более ранние сочинения, по словам ученого францисканца отца Паги, были вымышлены и полны неправды. Многочисленные святые мученики уступили место императрице Приске, которая горестно сломалась при первом же испытании ее веры. Очень любопытно, что у нас нет ни одной монеты Приска, хотя она, должно быть, жила на протяжении всего царствования Диоклетиана. Это, а также тот факт, что она покинула его за много лет до его смерти, позволяет предположить, что она либо вообще не была замужем за ним, либо что он не обращал на нее внимания. В любом случае, она была женщиной слабой и замкнутой, и упоминается только в связи со своей дочерью.

Валерия была красивой, привлекательной и энергичной молодой женщиной, в которой было много силы и не мало амбиций ее отца. Она была замужем за Галерием, кесарем, которого выбрал Диоклетиан, и оставалась с ним рядом с императором. Галерий, как я уже говорил,

был крестьянского происхождения и никогда не расставался с грубостью, присущей его сословию. Диоклетиан старательным воспитанием стер следы своего низкого происхождения, но его коллеги-крестьяне прямо с земли попали в лагерь, и работа солдата не вызвала у них ни малейшей склонности к культуре. Характер Галерия был окрашен в самые яркие цвета из-за его гонений на христиан, но примечательно, что и Валерия, и Приска оставались при его дворе, когда Диоклетиан отошел от дел. Его мать, Ромула, и другие деревенские родственники были привлечены к его двору. Очевидно, что при дворе Диоклетиана была самая несочетаемая группа личностей, и на девятнадцатом году его правления они были потрясены сильной бурей. началась великая и окончательная борьба между старой верой и новой, и Приск и Валерия отдали предпочтение последней.

Христианство уже полвека не подвергалось гонениям и достигло больших успехов. Культ старых богов был явно неискренним, и полдюжины азиатских верований неуклонно вытесняли его. На улицах Никомидии, как и на улицах Рима или любого другого крупного города, в любой день можно было встретить белокожих бритых жрецов Исида, раскрашенных и женоподобных слугителей Кибелы, персидских представителей народного культа Митры и - пока их не изгнал Диоклетиан - чернобородое духовенство манихеев и христиан. Христиане теперь наступали. Со времен Нерона они время от времени подвергались незначительным и нерегулярным репрессиям, но более сорока лет веротерпимости и знание того, что их приверженцы занимают высокие посты в лагере и при дворе и что даже жены императора и кесаря благоволят им, вселяли в них уверенность. Одна из их церквей занимала центральное и видное место в Никомидии. Четыре влиятельных офицера двора посещали ее, и, похоже, Валерия и Приска были если не христианами, то открыто настроены к новой религии. Все, что нам известно на этот счет, - это то, что их "вынудили" принести жертву, когда начались гонения.

Преследования по религиозным мотивам как таковые не были естественны для космополитов, строивших Пантеон, а Диоклетиан был государственным деятелем с широкими взглядами, так что происхождение гонений не так однозначно, как считалось раньше. К литературным остаткам, которыми нам приходится пользоваться, нужно относиться с осторожностью. История Августа" закончилась с появлением Карина, и нам будет очень не хватать его подробных и сплетничающих описаний. Зосима, язычник, писавший в христианскую эпоху, временами выглядит угрюмо замкнутым и с заметной предвзятостью. Аврелий Виктор и Евтропий скудны, а непосредственные христианские авторы используются современными историками с большой осторожностью. Епископ Евсевий откровенно говорит в своей "Жизни Константина", что он будет писать только то, что назидает, а небольшая работа "О смерти гонителей" на многих страницах явно фантазийна, а на других - неточна. Эксперты до сих пор расходятся во мнениях, принадлежит ли оно перу блестящего христианского ритор Лактанция, но все предупреждают нас, чтобы мы обратили внимание на его сильное чувство. Одним словом, наши авторитеты теперь принадлежат двум антагонистическим и ожесточенно враждующим конфессиям, и, поскольку все последующие историки отдадут предпочтение той или иной стороне, мы должны действовать с осторожностью. В оставшихся главах я попытался проложить свой путь между ними с более чем обычной осторожностью и независимостью.

Несколько неосторожных намеков, сделанных Лактанцием, бросают слабый свет на происхождение великого гонения. Сам автор трактата придерживается весьма позитивной теории. По его словам, корнем зла была Ромула, крестьянка-мать Сезара. Фанатично привязанная к богам родных гор, она внушила своему сыну ненависть к христианству, и Галерий подтолкнул престарелого императора к изданию эдикта о гонениях. Нам кажется,

что политика Диоклетиана вряд ли бы уступила предрассудкам суеверной женщины. Больше просветления дают случайные сведения о том, что Ромула была уязвлена презрением христианских офицеров во дворце и что Диоклетиан был сильно раздосадован тем, что христианские солдаты нарушали гармонию, если не действенность, его жертвенных церемоний, совершая крестное знамение. Возможно, Галерия подвигло растущее нежелание христиан носить оружие, а также явное неприятие некоторыми из них того оружия, которое они носили. Не стоит доверять вымышленному разговору, который Лактанций вкладывает в уста Диоклетиана и Галерия. Они согласились, что рвение христиан было дерзким или опасным, и в феврале (303 г.) послали отряд солдат, чтобы сровнять с землей их большую и величественную церковь. На следующий день Диоклетиан опубликовал эдикт, запрещающий культ под угрозой серьезных наказаний. Когда императорский указ был сорван ревностным христианином и этот акт измены открыто приветствовался его товарищами, Диоклетиан был озлоблен, и кровь начала литься рекой. В течение следующих двух недель императорские покои во дворце дважды оказывались охваченными пламенем. Диоклетиан был уверен, что огонь разожгли христианские офицеры, и дал полную санкцию на их подавление.

Приска и Валерия не были в числе героинь гонений. Лактанций разрушает все мифы о мученицах-императрицах, рассказывая, что они согласились сжечь несколько зерен ладана в честь Юпитера и бессильно наблюдали за тем, как по провинциям прокатилась мрачная волна гонений. Он даже не говорит о том, что они присоединились или вновь вошли в Церковь, когда гонения закончились, и мы потеряли их из виду на несколько лет. Вероятно, они отправились с Диоклетианом в Рим на его триумф в ноябре и вернулись с ним в Никомидию летом 304 года. Следующей зимой он был прикован к дворцу тяжелой болезнью, а как только выздоровел, отрекся от престола. Неправда, что угрозы Галерия заставили его сделать это. Он выразил это намерение за несколько лет до этого.

На широкой равнине близ Никомедии армия собралась 1 мая 305 года для беспрецедентной церемонии отречения императора от престола. На небольшом холме в центре возвышался высокий трон и статуя Юпитера, и стареющий император - ему шел пятьдесят девятый год - передал власть, которой он так хорошо владел более двадцати лет. По ранее достигнутой договоренности Максимиан отрекся от престола в тот же день в Милане. Оба цезаря стали Августами, и были назначены два новых цезаря. В их выборе мы видим пристрастную и неумелую руку Галерия. Он передал свой собственный кесарийский сан деревенскому племяннику Дазе - "который только что оставил свои стада в лесу", - презрительно говорит Лактанций - и послал верного и ничем не примечательного друга принимать Максимиана в Италии. Из этого эгоистичного поступка развилась одна из величайших гражданских войн со времен основания империи. В рядах офицеров у помоста стоял высокий, красивый, одаренный и разочарованный молодой человек, который однажды станет известен как Константин Великий.

Диоклетиан удалился в Салону, в своей родной провинции Далмация, и построил рядом с городом великолепный для того времени дворец. Валерия осталась во дворце Галерия, и, судя по всему, Приска осталась с ней, так как в скором времени мы увидим, что она разделяет тяжелую участь своей дочери. Почему мать, по крайней мере, решила остаться в Никомидии, остается только догадываться. Религия, которой они отдавали предпочтение, жестоко подавлялась, и, если верить Лактанцию, их добродетель должна была быть оскорблена разнузданной свободой нового императора. Он описывается как людоед, утаскивающий благороднейших женщин Никомидии от их мужей, кормящий своих медведей невинными гражданами и "никогда не принимающий пищи без вкуса человеческой крови".

Однако Валерия прижалась к своему мужу даже во время мучительной и отвратительной болезни, которая положила конец его жизни, и ее имя было дано им части его империи. Картина явно перерисована, однако жизнь во дворце с Галерием и его хамоватыми родственниками не могла быть очень благодатной, а нрав Галерия был испорчен последующими событиями.

Первым несчастьем стало бегство Константина. Несколько лет он прожил при дворе Диоклетиана, был глубоко разочарован и справедливо возмущен выбором новых цесарей. По рождению и способностям он имел самые явные права на пурпур. Теперь он был высоким и мужественным молодым офицером, красивым, популярным и успешным, и стремился присоединиться к своему отцу Констанцию в Галлии. Мало сомнений в том, что он бежал ночью, хотя романтическая история, рассказанная Лактанцием, сегодня считается неуклюжим вымыслом. В ней описывается, как Галерий не смог лишить юношу жизни, вовлекая его в опасные состязания, и в конце концов придумал хитроумную схему. Однажды ночью он дает Константину разрешение уехать после того, как увидит его утром, и предупреждает, что его предадут смерти, если в полдень он все еще будет в Никомедии. Тогда людоед приказывает не будить его до полудня следующего дня, но юный герой крадет всех лошадей в конюшне - вероятно, их были сотни, - калечит всех остальных лошадей на своем пути и летит к отцу. Единственный достоверный факт - это то, что Константин бежал. Он пробирался обратно через море крови. Через несколько месяцев его отец был мертв, Константина выбрали преемником армии, а Галерий был вынужден признать его Сезаром.

Галерий передал титул Августа, который Констанций оставил вакантным после своей смерти, своему верному Северусу, но вскоре ему сообщили, что войска, народ и сенат выбрали в Риме другого императора. Здесь достаточно кратко описать последовавшие за этим волнующие события. Новым императором стал Максенций, сын ушедшего в отставку Максимиана. Отец вышел из своего уединения, чтобы принять участие в битве, и Галерий был обязан поддержать Северуса. Диоклетиан спокойно наблюдал за происходящим из своих садов в Салоне. Когда Максимиан призвал его вернуться к власти, он ответил, что если бы Максимиан мог видеть овощи, которые он выращивает, то не стал бы обращаться с такой просьбой. Вкратце, Северус был вероломно захвачен Максимианом, и его склонили к тому, чтобы облегчить осложнения, лишив его жизни. Максимиан, Галерий и Диоклетиан встретились в Карнунтуме на Дунае, и было решено, что Галерий и Лициний (один из его офицеров) должны быть признаны императорами, а Константин и Максимин (Даза) - кесарями. Максенция проигнорировали, а Максимиана уговорили снова уйти в отставку. Как беспокойный и честолубивый старик потом цеплялся за Константина, пытался убить и сместить его, мы увидим позже.

Экспедиция Галерия в Италию оказалась катастрофической, так как он вернулся в свои владения в плохом состоянии здоровья и нрава. Он умер в 311 году от неприятной болезни, роскошное описание которой болезненный читатель может найти у Лактанция. Валерия оставалась с ним до конца, и тогда для нее и ее матери открылась новая, более романтическая глава. Оба императора Востока сделали соперничающие предложения о гостеприимстве, ведь Максимин требовал равного достоинства с Лицинием. Валерии в то время было около тридцати лет, и ее траурные одежды не умаляли зрелой красоты лица и фигуры. Она изображена взвешивающей безнравственность двух восточных императоров и размышляющей, кому из них будет менее опасно доверить свою добродетель. Лактанций не говорит нам, почему она вообще была вынуждена выбирать; почему она и ее мать не удалились в роскошный и незапятнанный дворец Диоклетиана. Конец его жизни приближался, это правда, но дворец все еще мог приютить их. С другой стороны, Максимин

и Лициний оба очень густо замазаны кистью Лактанция. О поведении Лициния мы узнаем позже. Что касается Максимиана, то если хоть половина того, что говорят Лактанций и Евсевий, правда, то он должен был быть известен во всей империи как эротический маньяк. Возможно, он не был романтическим сочетанием Нерона, Элагабала и Карина, но мы знаем от других авторов, что он был гораздо более порочным, чем Лициний. Поэтому, когда мы видим, что Валерия решила жить в его дворце, мы не можем избавиться от подозрения, что эта прекрасная вдова была не такой уж и беспринципной, как ее представляют.

Не успела она обжиться в новом доме, как к ней явились офицеры и сообщили, что Максимиан любит ее и готов развестись со своей женой и жениться на ней. Когда она отказалась, сдерживаемая страсть перешла в ярость, и мать с дочерью были изгнаны из дворца. Когда мы узнаем из более позднего отрывка, что Валерия отказалась уступить свои права на имущество Галерия, эпизод кажется более человечным. Была придумана история о прелюбодеянии, иудея - злодея раннехристианской литературы - подговорили дать ложные показания, и несколько друзей Валерии оказались замешаны. Несколько высокопоставленных дам были публично казнены, а императрицы, лишившись своего имущества, были изгнаны из провинции в провинцию, пока не оказались в захудалой деревушке на краю сирийской пустыни. Валерия попыталась познакомить отца с их положением, но грубый Максимиан отверг ее слабые уговоры. Похоже, они провели зиму (312-13) в этом жалком изгнании. Единственным утешением было то, что с ними были Кандидиан, родной сын Галерия, которого Валерия усыновила, и Севериан, сын Северуса.

САЛОНИНА

ВАЛЕРИЯ

УВЕЛИЧЕНО С МОНЕТ, ХРАНЯЩИХСЯ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

Ранней весной маленький отряд был воодушевлен новостью о том, что тиран пал в борьбе с Лицинием, который теперь был единственным императором на Востоке. Дальнейшие события, описанные Лактанцием, еще более туманны и наводят на мысль, что многое от нас скрыто. Кандидиан открыто отправился ко двору Лициния, был радушно принят и получил повышение. За ним последовал другой молодой человек. Лициний, естественно, враждебно относился ко всем, кто встал на сторону Максимиана, но вряд ли он мог сердиться на этих несчастных жертв ярости Максимиана. Валерия, однако, отправилась в Никею, где находился двор, чтобы проследить за судьбой своего приемного сына.

Вдруг случилось нечто, что навлекло на них меч палача. Что это было, мы можем только предполагать. Такой писатель, как Лактанций, настолько привык считать вспышку дикости со стороны одного из последних языческих императоров естественным событием, что не

решается просветить нас. Часть истории была скрыта, и не будет фантастикой предположить, что пылкая, молодая и честолюбивая Валерия замышляла интригу с целью продвижения Кандидиана на трон. Очевидно, что Лициний подозревал об этом. Царское происхождение и мужественная осанка юноши могли бы навлечь на него такое подозрение, но не объясняют правдоподобно обращение с императрицами. Также нет никаких видимых причин для ее маскировки. По словам Лактанция, она была готова уступить свои права Лицинию, и приговор, несправедливо вынесенный ей Максимином, не имел бы для него никакого значения.

Чем бы ни были вызваны эти неприятности, в один прекрасный день Валерия узнала, что Кандидиан и Севериан арестованы, и их вскоре казнят. Она бежала в отдаленную сирийскую деревню, но была так явно замешана в каком-то деле, что не могла оставаться там. Одета в грубые одежды простолюдинов, престарелая мать и ее блестящая дочь отправились в мучительное и бесцельное путешествие. Либо им был вынесен смертный приговор, либо у них были основания его ожидать, так как их бегство непременно вызвало бы его. Лактанций говорит, что они скитались в таком виде пятнадцать месяцев, но трудно поверить, что они могли так долго скрываться от преследовавших их императорских войск.²¹ В конце концов их узнали и арестовали в Фессалонике, и трагедия их несчастной и, насколько мы знаем, невинной жизни была завершена. На глазах собравшихся горожан жена и дочь великого императора были обезглавлены, а их останки с презрением брошены в море.

ГЛАВА XVII

ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

Четырехкратная власть, которую предусмотрительно установил Диоклетиан, обеспечила империи двадцать лет безмятежного процветания. Оба императора и их кесари охраняли и ремонтировали границы, у которых теперь в зловещем количестве собирались сильные молодые народы холмов и лесов, в то время как тело империи спокойно продолжало свою вялую и ослабленную жизнь. Но не успели уравновешенный ум и твердая рука Диоклетиана отказаться от управления, как система показала свою слабость. Умножение достоинств привело к умножению претендентов; распределение власти раздуло амбиции более сильных и менее щепетильных. В один год восемь полководцев претендовали на титул Августа и носили его, а наша сцена переполнена императрицами. Большинство из них, однако, так скудно описаны в записях того времени, что мы можем пренебречь этими слабыми супружескими тенями незаметных правителей и выбрать для рассмотрения трех или четырех более выдающихся супругов императоров.

Возможно, самой известной из всех римских императриц, более знакомой, чем совсем другая фигура Мессалины, является Елена, мать Константина. Первая христианская императрица, щедрая помощница ранней Церкви, первая царственная особа, получившая место в списке канонизированных, мы обращаемся к ней с жадой обнаружить контраст с ее языческими предшественницами. Она не носит императорского титула и не попадает в поле нашего зрения, пока не достигнет преклонных лет, но мы не сможем понять ее характер, если не взглянем сначала на ее ранние годы.

В одной из своих наиболее важных проповедей ("De Obitu Theodosii", § 42) святой Амвросий замечает, что она, "как говорят, была служанкой в трактире", и он так ясно принимает это утверждение, что историки, священники и светские, без колебаний последовали за ним. Утверждение другого римского писателя, что Константин осветил Британию, "зародившись там", породило в свое время теорию о том, что она была британкой, и наши ученые комментаторы снабдили столь августейшую даму королевской родословной. Однако, как правило, фраза относится к началу императорской карьеры Константина, а родной город Елены ищут либо в Дакии, либо в Никомедии. Поскольку Константин дал ей имя Дрепанум в Никомидии, мы можем предположить, что ее первое скромное жилище находилось в этом городе, а оттуда она переехала в Наиссос в Дакии, где обычно помещают рождение Константина.

Стабулум, на языке того времени, был одним из самых захудалых трактиров в городах, через которые проходили римские дороги. *Стабулария* - эпитет, использованный святым Амвросием, - это женщина или девушка, связанная с трактиром; эти временные места отдыха для солдат или купцов во время их путешествий были настолько просты в своих способах, что это слово иногда использовалось в неприятном смысле. Мы можем следовать ранней традиции, согласно которой Елена была дочерью человека, содержавшего один из таких трактиров, возможно, весьма респектабельное заведение, в Дрепануме, по дороге в город Никомидию, который Диоклетиан сделал своей столицей. Здесь, примерно в 273 году, молодой римский офицер Констанций - позже, по непонятной причине, названный Констанцием Бледным (Хлором) - увидел Елену и влюбился в нее. Дорога, проходящая через Дрепанум, часто использовалась войсками, и эта встреча относится к тому времени, когда Аврелиан вел кампанию против Зенобии. Констанцию, отличному офицеру и сыну знатного провинциала, шел тогда (273) двадцать третий год. Елена, которой на момент смерти в 328 году было уже за восемьдесят, должно быть, была на два-три года старше.

Историки оставили нам длинные и научные дебаты по вопросу о том, была ли она женой или наложницей Констанция, и группировка участников сражения необычна. В издании трудов святых отцов Migne мы находим примечание, приложенное к цитированному мной отрывку святого Амвросия, в котором бенедиктинские комментаторы отмечают, что "все писатели о римских делах утверждают, что Елена была наложницей, а не женой Констанция", и они принимают эту точку зрения. Однако критик Гиббон защищает "законность ее брака" с редким и назидательным рыцарством, а мистер Ферт в своей недавней биографии Константина утверждает, что это "не подлежит сомнению". С такой весомой поддержкой церковные писатели уверенно покинули бенедиктинцев и последовали за Гиббоном. Давайте сначала послушаем авторитетов, и, возможно, проблема не покажется нам неразрешимой.

Епископ Евсевий, капеллан императорской семьи, как его можно назвать, не стал бы упоминать о таком обстоятельстве в своей "Жизни Константина", даже если бы знал, что это правда; но не совсем точно утверждать, что епископ *никогда не упоминает* о нем. Во второй книге его "Хроники" (*ad annum* 310) мы читаем, что Константин был "сыном Констанция от его наложницы Елены". У нас нет возможности определить, были ли эти слова написаны Евсевием или добавлены святым Иеронимом.²² Даже в последнем случае это весомое свидетельство.

Другой христианский историк времен Иеронима, Орозий, который не следует за Зосимом, как утверждает Гиббон, а предшествует ему, делает то же самое заявление (с. xxv), и позже оно повторяется в "Хронике" Кассиодора. Писатель из поколения после Константина, известный как "Аноним Вalezий", говорит (с. ii), что Константин "родился от Елены, очень

простой [*vilissima*] женщины, в городе Наиссе". Зосима, столетие спустя, и языческий критик Константина, говорит (ii. 8), что он был "рожден от женщины, которая не была уважаемой *σεμνή* и не была законно замужем за Констанцием", и позже он замечает, что Максенций возмущен возведением на трон человека, чья мать была "не матроной". Наконец, раннесредневековый монах Зонарас говорит ("Анналы", xiii. i): "Одни говорят, что она была законной женой Констанция и развелась с ним... другие - что она была не законной женой, а любовницей". Серьезный и весомый Евтропий, писавший в поколении после Константина, говорит, что он родился от "несколько двусмысленного [*obscuriori*] брака".

У бенедиктинцев было достаточно авторитетов, как христианских, так и языческих, для своего мнения, и только один аргумент выдвигается в опровержение его современными авторами. Некоторые историки рассказывают, что, когда Констанций стал Сезарем, император заставил его "развестись" с Еленой, а, дескать, развод подразумевает брак. Этот аргумент вряд ли можно назвать убедительным. Когда Евсевий (или Иероним) говорит нам, что цари были вынуждены уволить своих "жен", он добавляет на той же странице, что Елена была не женой, а наложницей. Он имеет в виду лишь то, что Констанций был вынужден уволить Елену и жениться на дочери Максимиана, и не подразумевает, что при этом использовалась какая-либо юридическая форма развода. Мы вполне можем интерпретировать другой авторитет, Аврелия Виктора, таким же образом; а Зонарас, единственный другой автор, которого можно процитировать, прямо оставляет открытым вопрос о том, была ли Елена замужем или нет. В любом случае, единственный авторитет Аврелия Виктора не может перевесить все остальные, и даже его слова не обязательно подразумевают законный развод со стороны обоих царей.

Но есть и другая сторона вопроса, которую обычно упускают из виду. Мог ли быть действительным брак между Еленой и Констанцием с точки зрения римского права? Если рассматривать этот вопрос с этой точки зрения, то мы видим, что Констанций не мог жениться на Елене до рождения Константина, и, если только ее юридическое состояние не было впоследствии изменено специальным постановлением, их союз никогда не мог стать действительным браком. Как я уже отмечал ранее, строгие и древние формы римского брака в целом вышли из употребления при императорах. Они привели к тому, что жена оказалась под деспотической властью мужа, и римское отношение к положению женщины полностью изменилось. Более свободные формы брака, которые позволяли избежать старой тирании мужа, были широко распространены и признаны законом. Если мужчина и женщина жили вместе непрерывно в течение двенадцати месяцев, не прерываясь на три ночи, их союз мог стать действительным браком. Ниже этого уровня находилась признанная законом наложница. Легкость, с которой христианские писатели признавали, что Елена была наложницей, объясняется тем, что церковь, как и закон, разрешала иметь наложницу, если у мужчины не было жены. Уже в 400 году важный провинциальный собор в Толедо постановил, что такой мужчина и его наложница должны быть допущены к причастию. Святой Августин, как мы увидим, пошел еще дальше. Под ними, опять же, находились обычные любовники, любовницы месяца или игрища часа, которых стоики и христиане одинаково осуждали.

Таким образом, нам предстоит решить вопрос о том, могла ли длительная связь Констанция и Елены быть признана действительным браком в римском праве. То, что они прошли через какую-либо форму брака в 273 году, может прийти в голову только писателю, который ничего не знает о римском праве и практике. Молодому офицеру, взявшему по дороге девушку из таверны в маленьком провинциальном городке, и в голову не пришло бы проводить подобную церемонию; да и по римскому праву никакая церемония не имела бы силы. Каким бы ни было правовое положение Констанция, Елена, по римским законам, была варваром,

или *peregrina*, и не могла заключить законный брак.²³ Нам не нужно быть знакомыми с римской жизнью, чтобы представить, что произошло. Констанций проникся к девушке, которую нашел на постоялом дворе, более нежными чувствами, чем те, которые обычно испытывают молодые центурионы или трибуны во время путешествий, и взял ее к себе жить. Я не понимаю, как эти отношения могли стать действительным браком, и нет никаких четких доказательств того, что они когда-либо *были законно* разведены. В крайнем случае, это "сомнительный брак", как называет его Евтропий, а начинался он как свободный союз.

Из Никомидии отряд Констанция, возможно, разделив триумф Аврелиана в Риме, перешел во Фракию, где в 274 году, как говорят, родился Константин. Спустя несколько лет Елена едва не получила сан императрицы, поскольку Карус был склонен оставить пурпур Констанцию. Мать Констанция была племянницей императора Клавдия, а его отец - одним из главных вельмож Дардании. Но воцарение Карина развеяло эти надежды, и Елена последовала за своим мужем из провинции в провинцию, из класса в класс, пока в 292 году он не был избран на высокий пост Сезара Запада. Но вместе с пурпуром пришло повеление, что он должен уволить свою наложницу и жениться на падчерице Максимиана, Флавии Максимиане Феодоре. С этого момента и до года блестящего триумфа ее сына Елена остается в полной неизвестности.

Тем временем другие императрицы занимают страницы историка. Феодора, о которой мы только что говорили, - одна из тех императриц, чье благопристойное поведение и посредственность личности не привлекли внимания историка. Она была дочерью Евтропии, сирийской жены Максимиана, от предыдущего мужа. От ее союза с Констанцием родились три мальчика и три девочки, и, похоже, она была достойной супругой этого рассудительного и счастливого правителя. Полный императорский титул перешел к ним, когда Максимиан отрекся от престола в 305 году, а красивый и энергичный Константин присоединился к ним в Гессориакуме (Булони) после своего романтического бегства из Никомидии в том или следующем году. Они переправились в Британию и подавили восстание, которое находилось в процессе. Но Констанций умер в Эборакуме (Йорке) летом 306 года, и неамбициозная Феодора исчезает из нашего поля зрения.

Констанций в последний раз проявил благоразумие, предпочтя своего старшего сына законным детям жены, и, вероятно, нужно было распределить небольшие деньги среди легионов, чтобы они признали его превосходство. Константин был тогда в раннем возрасте, властный и изящный, в лучшей фазе своего характера, и войска с готовностью последовали за ним из холодных туманов северной Британии в более приветливую и культурную Галлию. Из Галлии молодой Сезар с пристальным интересом наблюдал за ссорами, в которых его коллеги готовились сожрать друг друга. В феврале 307 года он узнал, что Северус вскрыл себе вены и оставил пурпур в руках хитрого Максимиана и его сына Максенция. Через несколько недель Максимиан был в Галлии, ища союза с Константином. Он привез с собой свою милую и очаровательную дочь Фаусту, и вскоре она с большой помпой была выдана замуж в Арле за Константина, пасынка своей сводной сестры. Старик вернулся к своим интригам в Италии, откуда вскоре был изгнан своим сыном: Галерий изгнал его из Иллирикума, где он укрылся, и вернулся ко двору своего зятя в Галлии.

Портрет Максимиана можно спутать с портретом современного драчуна, но, помимо силы и честолубия, он обладал неугомонной склонностью к интригам. Ржаветь при дворе, полном женщин - а мы с уверенностью можем отнести ко двору Константина его жену, мать, мачеху, свекровь и трех юных сводных сестер, если не считать наложниц, - было для него невыносимым испытанием, и он воспользовался первой же возможностью оживить свое окружение. Нашествие варваров на севере отвлекло молодого императора с большей

частью его армии, и Максимиан взбунтовался. Он сообщил, что Константин мертв, опустошил казну, отдав ее в руки солдат, и снова принял пурпурную мантию. Но Константин вернулся с шагом гиганта, и Максимиан затворился в Марселе, который вскоре был сдан. Престарелый интриган вернулся во дворец, попытался развратить верность своей дочери и сам навлек на себя кару за свои преступления.

Особенность времени такова, что чем дальше историк находится от события, тем больше он о нем знает. Евтропий и Зосима знают лишь, что Фауста раскрыла мужу козни отца; Зонарас, живший в двенадцатом веке, может рассказать нам всю историю. Максимиан, по его словам, уговорил свою дочь, чтобы стража на ночь удалялась из императорских покоев. Затем, сказав ночным сторожам, что хочет рассказать Константину удивительный сон, он вошел в покои и вонзил свой кинжал в спящую на кровати фигуру. Однако, поспешив объявить о падении тирана, он оказался перед лицом Константина, Фаусты и стражников. Фауста была верна своему мужу, и именно "мерзкий евнух" был убит Максимианом в постели императора. Какой бы ни была правда в этом романе, мы можем принять утверждение, что Фауста предала его козни, и Максимиан пришел к концу своей карьеры. Зосима отправляет его в изгнание и заставляет умереть естественной смертью в Тарсе. Лактанций, обладающий более сильным чувством приличия, рассказывает, что он задушил себя, и, по общему мнению, Константин не позволил ему покинуть Галлию живым.

Галерий умер в следующем году (311), оставив Восточную империю Лицинию и Максимину, а Максенций правил в Италии и Африке. Четыре императрицы теперь жили при дворе Константина, но прежде чем мы попытаемся проникнуть в тайну их отношений друг с другом, мы должны кратко проследить за Константином в его восхождении к положению верховного монарха. Максенций, изгнавший своего отца из Италии, теперь воспылил сыновним гневом против своего погубителя и, после напряженной переписки, направил в Галлию армию почти в 200 000 человек. Константин смело провел 40 000 своих воинов через Альпы, в последовательных схватках уничтожил силы противника и через несколько месяцев представил оскаленную голову Максенция изумленным и восхищенным римлянам. Теперь он был хозяином Западной империи. Посвятив два месяца улаживанию римских дел, он вернулся в Милан, чтобы встретиться со своим восточным коллегой Лицинием. Там его сводная сестра Констанция была выдана замуж за Лициния, который вернулся в Азию со своей невестой, чтобы сокрушить Максимиана и совершить меланхоличные трагедии, над которыми мы содрогались в прошлой главе. Анастасия, вторая дочь Констанция, была выдана замуж за сенатора Бассиана. Константин сделал его кесарем, но не поставил под его командование никаких войск - он только что подавил гвардию Протерия в Риме - и отказался предоставить ему власть, которая до сих пор ассоциировалась с титулом кесаря. Бассиан гневно переписывался с Лицинием, и до конца 315 года императоры Востока и Запада были в оружии друг против друга.

Интересно было бы узнать, какую долю в этих беспорядках сыграли дочери Констанция. Переписка Бассиана и Лициния наводит на мысль о переписке их жен, и, когда Бассиан был низложен и опозорен, можно предположить, что Констанция не осталась равнодушной к несчастью своей младшей сестры. Превосходный возраст и способности Константина вряд ли примирили бы законных детей Констанции с их зависимым положением. Констанцию иногда представляют как благочестивую миротворицу, но мы не видим ее в этом образе до тех пор, пока власть ее мужа не будет окончательно сломлена, после второй войны с Константином. Она поспешно бежала с мужем после первого поражения и вернулась с ним в Никомидию, чтобы управлять его уменьшившимися владениями.

В течение восьми лет между первой и второй войной с Лицинием придворная жизнь Запада текла безмятежно. Единственный перерыв в монотонности - рождение трех сыновей и трех дочерей в быстрой последовательности. Зосима категорически утверждает, что это были дети не Фаусты, а наложницы, которую Константин предал смерти по обвинению в прелюбодеянии. Мы, естественно, склонны считать это предосудительной злобой со стороны языческого писателя, но даже самые осторожные суждения найдут повод для размышлений в том обстоятельстве, что Фауста не рожала детей в течение первых девяти лет своего брака, а затем дети начинают появляться с поразительной быстротой. Мы знаем, что до женитьбы на Фаусте у Константина была наложница по имени Минервина. Ее сын Крисп жил при дворе. Было бы не совсем удивительно, если бы Минервина вернулась ко двору, чтобы создать императорскую династию, которую Фауста не смогла обеспечить и в конце концов уничтожила в одной из вспышек гнева Константина.²⁴

При восточном дворе у молодой императрицы была, если мы доверяем властям, более авантюрная карьера. Констанция не могло быть больше семнадцати или восемнадцати лет на момент ее замужества, но она была женщиной духа и способностей, а также добродетели и красоты. Говорят, что она вместе со всем двором стала христианкой после победы Константина над Максенцием, но история о чудесном знамении на небе - история, которая ни в каком виде не встречается до тридцати лет после этого - теперь отвергается, а обращение Константина распространяется на многие годы. Однако в Никомидии, где Констанция занимала великолепный дворец, построенный Диоклетианом, она встретила опытного и любезного Евсевия и побудила Лициния позволить ему занять должность епископа Никомидии. Говорят, что в характере Лициния произошли две вещи, которые вызвали у нее отвращение. Он не только преследовал христиан, но и вел равную войну с добродетелью. Вкратце, он, как и все остальные гонители, изображен плавным пером Лактанция в виде эротического людоеда. Его взгляд падает на христианскую деву, ослепительной красоты и добродетели, в свите Констанция, и он посылает офицера, чтобы совратить ее. Она рассказывает об этом Констанцию, который переодевает ее в молодого офицера и отправляет с великолепным снаряжением выполнять мнимое императорское поручение в далекий край. В далеком городе Амасия она смущена своими мужскими хозяевами и доверилась епископу. Наконец, ее письмо к Констанцию перехватывают, и она спасается очень своевременной смертью от объятий или пыток Лициния.

Говорят, что Констанция хорошо информировала брата об этих злодеяниях и враждебности своего мужа к христианам, и когда Лициний совершил еще большее преступление, отказавшись выдать беглых преступников на расправу Константину, легионы снова двинулись к Босфору. Несколько неудачных сражений подорвали силы Лициния, и он угрюмо удалился в Никомедию. По его просьбе или нет, Констанция ходатайствовала за него, а Константин поклялся уважать его жизнь. Возлагая вину за войну, мы, возможно, колеблемся между противоречивыми обвинениями противоположных школ историков, хотя современные авторы обычно следуют за нейтральным и трезвым Евтропием и приписывают ее честолюбию Константина. Но есть и более резкое обвинение в поведении Константина после войны. Лициний, сдаваясь, полагался на клятву завоевателя. Его лишили пурпура и сослали в Фессалонику, но вскоре после этого он был предан смерти. Зосима и Евтропий говорят, что это было сделано "вопреки клятве", а утверждение более решительных поклонников Константина, что Лициний был уличен в предательской интриге, не вызвало особого доверия у более поздних историков.

Констанция перешла со своей дочерью Еленой и мальчиком Лицинием ко двору своего брата, который теперь (324 г.) был хозяином всей империи. Замечание Зосима о том, что

Константин после обретения верховной власти впал в самую своенравную распущенность - замечание, слабо подкрепленное уверениями осторожного Евтропия, что "процветание несколько изменило его характер" - причудливо контрастирует с тем обстоятельством, что теперь он стал императорским покровителем христианской религии. Здесь мы снова колеблемся между противоречивыми рассказами или соперничающими романами. Согласно средневековому христианскому писателю Зонарасу, который приводит поразительное количество деталей, неизвестных современным историкам, обращение Константина имело живописное происхождение. По возвращении в Рим, после победы над Лицинием, он был поражен болезненной сыпью, и его языческие врачи прописали ему ванну из теплой крови детей. "Тотчас же, - рассказывает живой писатель, - со всей империи были собраны дети и отправлены во дворец. Причитания матерей дошли до слуха Константина, тронули его сердце, и он с отвращением оставил язычество ради христианства.

Грек-язычник Зосима, который, по крайней мере, точно воспроизводит языческие сплетни своего времени - об этом мы знаем от Созомена, - передает нам легенду о своей школе. Совершив несколько убийств, о которых мы еще поговорим, Константин обратился к жрецам храма Юпитера с просьбой об очищении. Жрецы сурово ответили, что их люстральная вода не в силах стереть следы такого преступления, и Константин в отчаянии обратился к египтянину, которого знали "женщины дворца". Христианский жрец, каким он, по-видимому, и был, заявил, что его религия содержит желаемое средство, и Константин принял ее.

Как видно, теперь мы продолжаем свой биографический путь среди целого леса легенд. К счастью, мы можем отвергнуть обе эти истории как, по крайней мере, анахронизмы. Константин был уже христианином в 324 году. Он отменил постановления о гонениях в 313 году и в течение нескольких лет проявлял большой интерес к церковным делам. Весь двор постепенно принял новую веру. Елена, как рассказывает Евсевий, и Фауста некоторое время противились смене религии, но Елена, по крайней мере, была обращена. Евтропия появляется на Востоке несколько лет спустя как ревностная противница язычества. Из их многочисленных и богатых кошельков деньги потекли в тощую казну церкви, и обращение империи шло быстрыми темпами. Деревни, принявшие христианство, возводились в достоинство городов, вельможи и офицеры поощрялись повышением по службе, а простые граждане получали в награду крестильное одеяние и кусок золота.

Не нам разбираться в неясном вопросе о реальном отношении Константина. Профессор Бьюри и другие выдающиеся авторитеты считают, что до самой смерти его вероучение было либеральным или расплывчатым. Спустя годы мы видим, как он строит языческие храмы в Константинополе и не пренебрегает императорским титулом понтифика старой религии. С другой стороны, подробности, собранные мистером Фёртом, свидетельствуют о его реальном интересе к Церкви. Он открыл великий Никейский собор 325 года и с благоговением целовал раны тех, кто пострадал во время гонений. Однако даже среди этих свидетельств ортодоксальности колеблющийся студент найдет следы его либеральности. В письме, которое он направил католическим епископам, он жаловался, что предмет их ожесточенной ссоры с арианами был "весьма незначительным и совершенно несоразмерным для такой ссоры". Речь шла о божественности Христа. Опыт участия в Соборе должен был дать ему большее представление о его важности.

После благословений прелатов и объятий мучеников Константин вернулся в Европу, и, по-видимому, не прошло и года, как его двор был разбит трагедией, которая оставила неизгладимое пятно на его памяти. Вместе с двором он отправился в Рим, чтобы отпраздновать двадцатую годовщину своего воцарения. Город ликовал от редкого снисхождения его присутствия, а игры и празднества согревали его прежним энтузиазмом.

Империя была объединена и умиротворена, а растущий выводок детей давал надежду на продолжение династии. Крисп, старший сын Константина, был теперь популярным и многообещающим полководцем, облаченным в мантию Сезара. Двое из сыновей Фаусты или ее заместителя были кесарями. Еще был двенадцатилетний сын Констанция. За ними наблюдали престарелые Елена и Евтропия, а также матери и тетки младших детей.

В разгар празднества Рим был поражен известием о том, что Криспа арестовали по приказу отца и сослали в Пола, в Истрию. Из этого отдаленного и уединенного края пришло сообщение, что его предали смерти. Все взоры были обращены на дворец, и вскоре - по словам большинства историков - прекрасная фигура молодой императрицы исчезла, и распространилось сообщение, что она была зверски задушена в паре густой паровой бани. Ужас усилился, а перспектива гуманного толкования уменьшилась, когда стало известно, что невинное дитя Констанция также было предано смерти. Такова тяжкая и загадочная трагедия зрелых лет Константина. Поскольку Фауста подверглась серьезным обвинениям со стороны тех, кто пытался защитить ее мужа, а Елена - со стороны его обвинителей, мы можем взглянуть на доказательства, на которых должен быть основан вердикт.

Есть пристрастные историки, которые ставят под сомнение всю историю; есть более серьезные историки, такие как Гиббон (который снова галантно противостоит критикам), которые говорят, что Фауста, по крайней мере, не была убита; а остальные разделяются во мнениях, была ли это справедливая казнь или ужасное преступление. Первые два мнения сейчас несостоятельны. То, что Крисп и Лициний были преданы смерти, не вызывает серьезных споров. То, что Фауста была убита, теперь также установлено. Гиббон опирался на некоего анонимного автора, чтобы показать, что Фауста жила еще долго после этого, но было показано, что этот автор не говорит о Фаусте и Константине. Более того, доктор Сеек в специальном исследовании доказательств ("Die Verwandtenmorde Constantins des Grossen", Zeitschrift für Wiss. Theol., Bd. 33), показал, что монеты Фаусты и Криспа, в отличие от монет других членов императорской семьи, заканчиваются до 330 года. Доктор Гёррес, придерживавшийся мнения Гиббона, согласен с тем, что это доказательство является решающим. Единственный серьезный вопрос - это мотив или оправдание.

Давайте посмотрим на авторитеты в порядке их близости к событию. Епископ Евсевий, естественно, молчит; он утверждает, что сообщает только то, что назидает в жизни Константина, и пишет почти при дворе своего сына. Евтропий, самый здравый и беспристрастный писатель следующего поколения, говорит (х. 6), что характер Константина "несколько изменился с процветанием" и что "следуя требованиям ситуации [*necessitudines rerum*], он предал смерти сначала своего превосходного сына и сына своей сестры, мальчика с многообещающим характером, затем свою жену и ряд друзей". Святой Иероним в своей латинской версии "Хроники" Евсевия пишет под 329 годом, что "Крисп, сын Константина, и Лициний младший, сын Констанция, были самым жестоким образом преданы смерти на девятом году его правления", а три года спустя мы читаем: "Константин предал смерти свою жену Фаусту".²⁵ Доктор Сик считает, что здесь мы имеем лишь отголосок Евтропия, но Иероним вряд ли добавил бы "жесточайше" к столь осторожному повествованию. Аврелий Виктор, современник Евтропия, говорит, что Крисп "был предан смерти своим отцом по какой-то неизвестной причине", а Орозий, христианский историк, просто отмечает, что Константин предал смерти Криспа и Лициния.

От этих ранних авторов мы узнаем только то, что смерть была жестокой, а мотив неизвестен, но более поздние авторы последовательно выстроили историю, которая вызвала бесконечные дискуссии. Сидоний Аполлинарий, самый культурный и либеральный христианский писатель V века, с уверенностью в скобках утверждает (Ер. v), что Криспус был

отравлен, а Фауста убита в паровой бане; и что на воротах дворца было прикреплено двустороннее, напоминающее о преступлениях Нерона. Эпитомист Аврелия Виктора утверждает, что Крисп был предан смерти по наущению Фаусты, а Фауста "после этого" была убита в паровой бане, поскольку Елена горько упрекала Константина за смерть Криспа. Зосима (ii. 29) говорит: "Не обращая внимания на закон природы, он предал смерти своего сына Криспа на том основании, что его подозревали в близости с Фаустой", а когда Елена сильно упрекнула его, он, "как бы в утешение ей", задушил Фаусту в перегретой бане. Филосторгий, христианский писатель того же (пятого) века, утверждает, что Фауста была предана смерти за то, что ее уличили в прелюбодеянии с конюхом. Кульминацией истории становится летописец двенадцатого века Зонарас. Рассказав свою невероятную легенду о Константине и младенцах, он представляет Фаусту в образе жены Потифара. Она воспылала страстью к красавцу Сезару, была отторгнута им, а затем донесла на него Константину, как на совершившего над ней насилие. Криспус был предан смерти. Затем Константин каким-то образом узнал - Елена оставляет это на усмотрение - что его обманули, и в гневе убил Фаусту в паровой ванне.

Примечательно, что многие серьезные авторы благосклонно отнеслись к этой легенде средневекового [писателя](#)²⁶, однако, помимо очевидного роста на протяжении веков, она обладает роковой слабостью: она не проливает никакого света на убийство Лициния, сына самой любимой сестры Константина. Перед лицом этой загадочной и ужасной трагедии мы вынуждены строить догадки. То, что юноши встретили какую-то насильственную смерть от рук императора, что Елена горько возражала ему, и что дикое удушение Фаусты последовало за этими возражениями, кажется очевидным. Далее мы можем с некоторой уверенностью заключить, исходя из упорных слухов о любовных отношениях, что это обвинение было допущено во внешний мир в качестве оправдания убийств. Однако многие историки подозревают, и, похоже, на это намекает неясный язык Евтропия, что истинный мотив был политическим.

ФАУСТА

ФЛАВИЯ ЕЛЕНА

УВЕЛИЧЕНО С МОНЕТ, ХРАНЯЩИХСЯ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

Крисп пользовался большой популярностью как в народе, так и в войсках, и отличился в войне с Лицинием. Если с Константином, которому шел пятьдесят второй год, что-нибудь случится, Криспу открывалась ясная перспектива занять трон. Для Фаусты не было бы противоестественным возмущаться по этому поводу, и возникает соблазн увидеть либо эффект ее настойчивости, либо доказательство ревности Константина к своему сыну в том, что Константин в 323 году без компенсации отобрал у Криспа провинцию Галлию и отдал ее старшему из своих законных сыновей. С тех пор Крисп пребывал в праздности и, вероятно, недовольстве под присмотром своего отца. Он стал естественным центром всех недовольств в империи, и римляне, да и язычники в целом, относились к Константину и его семье с гневом и презрением из-за их отказа от старой религии. К 326 году Константин находился в состоянии необычайной нервозности и подозрительности. Перед тем как отправиться в Рим,

он издал эдикт, в котором раскрыл свое душевное состояние всей империи. В Риме он попирает самые заветные обычаи города и вполне мог вызвать новый ропот. Произошло нечто, что довело его до подозрения в отношении Криспа, который, возможно, так и не стал христианином, до острой стадии, и он приговорил его к изгнанию и смерти. Эта теория также является единственной, позволяющей правдоподобно объяснить казнь молодого Лициния. Он был единственным соперником законных сыновей Константина. Мы не можем сказать, понес ли Крисп какую-либо вину или нет, но молчание более ранних писателей и панегиристов является серьезным обстоятельством. Если бы существовали правдоподобные доказательства заговора, они бы не молчали. В любом случае, приговор Криспу был суровым и неоправданным, а казнь двенадцатилетнего мальчика - зверством, на которое решились бы только худшие императоры.

Убийство Фаусты вызывает еще большее недоумение. Даже если запоздалые и ничтожные рассказы Филосторгия и Зонары правдивы, она была не казнена, а жестоко убита. Единственная твердая точка в противоречивых свидетельствах - это упорная ассоциация ее смерти с гневом Елены. У нас нет никаких ценных свидетельств относительно ее отношений с Криспом; но слова Зосима, не противоречащие предыдущим авторам, позволяют нам распространить на нее вышеизложенную теорию. Константин, согласно этой точке зрения, предал смерти Криспа и Лициния, потому что они были возможным ядром заговора, который, по его мнению, пронизывал империю. Однако, используя привычный прием, он скрыл свой мотив под обвинением в любовных похождениях или слишком большой близости с императрицей. Елена, которая была очень привязана к Криспу, похоже, настаивала на том, что если и есть какая-то вина, то виновны оба, и Константин жестоко завершил свое дело, убив жену. Христианские историки описывают Фаусту как противницу продвижения Константина в его новой вере, и, поскольку у нас нет никаких доказательств того, что Крисп принял ее, можно не без оснований задаться вопросом, не привлекли ли эти двое к себе расположение язычников-римлян, к крайнему гневу императора. Обвинения против Фаусты не были обнародованы. При жизни старшего сына Константина Юлиан в одной из своих ораций назвал ее не только одной из самых красивых, но и одной из самых добродетельных и благородных дам своего времени. Даже если допустить, что панегиристу позволительно льстить, это описание слишком явно не согласуется с любой императорской теорией ее неверности. Вероятно, ей шел тридцать четвертый или тридцать пятый год, когда она встретила свою ужасную смерть.

Константин поспешил удалить мрачный, пораженный двор от презрительных глаз Рима. Язычники с яростным презрением смотрели на эти плоды новой религии, как они выражались. Однажды было обнаружено, что кто-то прикрепил к воротам дворца латинское двустишие, написанное, как хвастались язычники впоследствии, рукой главного советника императора Аблабия:

Говорите ли вы, что золотой век Сатурна снова наступил?
Эти драгоценности кровавого оттенка Нерона.

Либо сразу, либо в течение следующего года двор распался. Константин отправился руководить строительством новой столицы Запада, которая должна была носить его имя. Позже язычники говорили, что он бежал с театра своих преступлений и от презрения Рима, но широкие линии Константинополя были прослежены задолго до этого, а место было выбрано с учетом его стратегической важности. Елена искала землю, на которой жил и умер Христос, и ее благочестивая благотворительность снискала ей ореол святости. Легенда о том, что она нашла крест, появилась лишь семьдесят лет спустя, а Евсевий рассказывает, что

именно Константин, а не она, нашел гробницу и построил над ней церковь. Но Елена, которая теперь обладала огромным богатством, покрыла землю церквями и вернулась с большой репутацией благочестия. Она умерла вскоре после своего возвращения - в 328 году, как полагает Тиллемон, на восьмидесятом году жизни.

Европия также отправилась в паломничество в Палестину и, похоже, поселилась на Востоке. Через несколько лет мы видим ее призывающей Константина рассеять язычников, оскверняющих некоторые священные места своими нечистыми обрядами. Феодора, по-видимому, умерла в неизвестное время, до года убийств. Констанция умерла в 329 году или около него. Ее арианский друг Евсевий был изгнан после победы афанасиан, но она добила его отзыва и придерживалась его унитарного вероучения. В свои последние часы она сумела рекомендовать Константину арианского священника и продлить религиозную борьбу. Мы переходим к новому поколению императриц и можем вкратце опустить десять лет правления Константина и познакомить нас с событиями следующей главы.

В мае месяце 330 года был торжественно посвящен новый город Константинополь. Любопытный читатель найдет у Гиббона великолепную реставрацию его княжеских пропорций, его хранилищ искусства, собранных со всех концов империи, его великолепного дворца, его большого ипподрома, его церквей и храмов, его просторных форумов и его возвышенной колонны из порфира, возвышающейся над гигантской статуей, в которой голова Константина заменила голову Аполлона, а различные атрибуты бога, которым он все еще восхищался, были нерешительно выкуплены эмблемами ревнивого Бога его новой веры. Огромные суммы, вложенные в строительство нового города, язычники считали одной из причин упадка империи, а ожесточенные распри ариан и афанасиев, которые отвлекали их, вызывали их негодование. Но их день заканчивался. Аргументы, с помощью которых они цеплялись за Юпитера и Венеру, в которых больше не верили, были пустыми; награды за обращение были велики. Седые боги видели, что толпы их поклонников становятся все реже и менее радостными. Империя подняла скромный крест на солнечный свет от Персии до Британии.

Последнее десятилетие жизни Константина было бесславным. Мы можем не доверять пристрастным и суровым обвинениям Зосимы, но суть его обвинений можно найти в других источниках. Его обширное и поспешное строительство вынудило его возложить тяжелое бремя на свою ослабевшую империю, и мы имеем авторитет Аммиана Марцеллина в том, что он "побуждал окружающих открывать пожирающие челюсти" в плачевной степени. Обращение в христианство было первым правом на благосклонность и богатство. Поздний император Юлиан, как мы не без удивления обнаружили, изливает на него едкую сатиру. В трактате ("Cæsares"), в котором он знакомит императоров Рима с олимпийским двором, он заставляет Константина обратиться к богине Роскоши, как к единственному конгениальному божеству, а она знакомит его только со своей сестрой Блудностью. Он высмеивает женские наряды и драгоценности Константина, его замысловатую корону из фальшивых волос, его полное падение в женоподобное состояние. Аврелий Виктор дает нам изреченное суждение следующего поколения о Константине: в первое десятилетие он был восхитителен, во второе - вороват, в третье - расточителен. Он совершил последнюю ошибку, не назвав преемника, разделив империю между своими сыновьями и племянниками, крайне неравными по характеру, и умер в 337 году, оставив их и их сторонников вступать в убийственную борьбу за верховенство.

ГЛАВА XVIII

ЖЕНЫ КОНСТАНТИНА И ЮЛИАНА

Когда известие о смерти Константина было доставлено быстрыми курьерами в дальние провинции, а тело в золотом гробу перевезено в Константинополь, в столицу устремилась масса желающих стать императорами и императрицами. Объединение империи при Константине стоило государству около ста пятидесяти тысяч лучших солдат, которые погибли в гражданской войне, пока могущественные народы прижимались к его уступчивым границам. В последние годы жизни он так распределил эти провинции, единство которых было так дорого куплено, между своими сыновьями и племянниками, достойными и недостойными, что за его смертью непременно должно было последовать расчленение. Его старший сын, Константин, которому шел двадцать первый год, правил Галлией и Британией; второй сын, Констанций, двадцатилетний юноша, был кесарем Востока; третий сын, Констанций, семнадцати лет от роду, властвовал над Италией и Африкой. Его племянник Дельматий, также носивший титул Сезара, управлял Фракией, Македонией и Грецией, а младший племянник Ганнибалиан носил богатый титул царя царей в Понте и Каппадокии. Два брата Константина и мужа двух его сестер не остались без доли в императорском обеспечении.

Бегство в Константинополь после смерти императора можно себе представить, но внезапность и ужас последовавшей трагедии должны были отрезвить даже самых легкомысленных. Первым прибыл Констанций, второй сын, и именно ему было доверено проведение впечатляющих похорон. Члены семьи собрались вокруг мраморного дворца со всех концов империи, и тень Константина еще несколько месяцев продолжала править государством, пока их противоречивые претензии не были урегулированы. Юлий Констанций и Дельматий, законные наследники Констанция Хлора, которых тридцать лет назад отеснил энергичный сын Минервины, теперь были мужчинами в расцвете сил. Младший сын последнего, Ганнибалиан, "Царь царей", щеголял в алой и золотой мантии и женился на пылкой и честолубивой дочери покойного императора Константина. Анастасия, сестра Константина, привела с собой мужа, "патриция" Оптата. Раздел власти казался непосильной задачей. Но за несколько недель, прошедших после смерти Константина, возникла новая зловещая сила, и ее тайные замыслы подготовили чудовищное упрощение проблемы.

Констанций незаметно стал центральной фигурой драмы. Бессердечный юноша, не обладавший особой силой характера, он был выбран евнухами и продажными чиновниками двора Константина как вероятный инструмент осуществления их планов. Было решено, что интересам этих офицеров и сыновей Константина лучше всего послужит устранение всех остальных конкурентов, и был придуман дьявольский заговор. Подробности подробно описывает только христианский историк следующего века Филосторгий, и к ним относятся сдержанно; но арианский писатель вряд ли стал бы обвинять арианского епископа и арианского монарха без каких-либо оснований. Он рассказывает, что Константин оставил завещание, в котором заявил, что был отравлен двумя своими сводными братьями. Завещание было передано епископу Евсевию. Когда братья захотели ознакомиться с завещанием Константина, Евсевий, как говорят, обнаружил прекрасную казуистику. Он вложил завещание в руки мертвого императора и накрыл его своей мантией, чтобы без ущерба для своей нежной совести уверить братьев, что Константин действительно показал ему завещание, но вернул его в свои руки. Завещание или завещание было предъявлено, и

народ и армия получили заверения мертвого правителя в том, что он был отравлен своей семьей.

Большинство историков относятся к этой истории с подозрением. По причинам, которые я привел, и потому что это единственное правдоподобное объяснение того, что последовало, кажется вероятным, что такое завещание было составлено и опубликовано Констанцием. Возможно, оно было подделано дворцовыми чиновниками. Независимо от того, использовали они и сыновья Константина этот прием или нет, они так или иначе направили бурный гнев войск на старших принцев и их семьи и уничтожили их притязания в жестокой резне. Юлиан возлагает вину на Констанция, признавая, что тот действовал по принуждению, и другие авторы IV века не расходятся во мнениях. Констанций "разрешил", а не "приказал". Коррупцированная власть, стоявшая за тронем, руководила убийствами, а сыновья Константина приобрели большую власть за счет крови своих дядей и двоюродных братьев. В кровавый список попали два дяди, семь кузенов и другие знатные люди. Затем трое императорских юношей разделили империю между собой и разъехались по своим провинциям.

Жены старшего и младшего из братьев нам неизвестны, а о первой жене Констанция известно так мало, что мы можем быстро проскочить через несколько лет. Императорские сестры Константина - за исключением Констанции, которую мы уже рассматривали, - мало вошли в историю того времени. Анастасия исчезает после убийства своего мужа. Евтропия в скором времени смешает свою кровь с кровью своего сына-мятежника на земле Италии. Константина, дочь Константина, вышедшая замуж за Ганнибала и уже носившая титул Августы, надолго осталась вдовой, из которой она выйдет позже в чудовищном образе.

Констанций был женат на своей кузине Галле в 336 году. Она, по-видимому, была дочерью Юлия Констанция, поскольку Юлиан говорит, что ее отец и брат были убиты. В исторических сочинениях того времени ее личность не раскрывается, и нам остается только представить, как она содрогается или томится в объятиях, запятнанных кровью ее семьи. Она умерла примерно в 350 году, так как Магненций предложил свою дочь Констанцию в том же году. Таким образом, у нас нет императрицы, которая могла бы привлечь наше внимание до 353 года, и мы можем довольствоваться небольшим кратким изложением событий, которые привели к появлению Евсевии и повторному появлению отталкивающей Константины.

Через три года после раздела империи Константин и Констанций поссорились из-за своей территории. Старший брат привел свои войска во владения Константина и был убит, а его провинции были присоединены к провинциям Константина. Характер младшего сына Константина был грубым и невыносимым. Он возродил самые низкие пороки своих языческих предшественников, а его открытая демонстрация красивых варварских юношей, которых он покупал или привлекал к своему легкомысленному двору, вызывала отвращение у его офицеров. В начале 350 года они восстали против него. В Августодунуме (Аутуне) был дан пир для знати города и офицеров лагеря, и в поздний час, когда обильное вино согрело сердца и затуманило рассудок пирующих, перед ними в пурпурной мантии предстал командир двух главных легионов Магненций. Очнувшись от своих пороков, Констанс обнаружил, что потерял трон и армию, и бежал в Испанию. Его догнали и убили. Казалось, что над домом Константина нависла какая-то кровавая проклятие. Констанций, который долгое время был занят сопротивлением персам, теперь развернул свои войска и столкнулся с узурпатором.

В последовавшей за этим долгой борьбе произошли два интересных для нас события. Константина, императорская вдова, жила в то время в беспокойном бессилии. Между

мятежными провинциями Запада и верными провинциями Востока находился промежуточный район между Дунаем и Греческим морем. Константина, как говорят, подстрекала командующего войсками в этих областях Ветранио принять пурпур. То, что мы увидим о ее характере в ближайшее время, склонит нас к мысли, что она задумала вернуться к власти через Ветранио, но Констанций пронизательно обезоружил и изгнал его, и принял ее объяснение, что она действовала с чистой целью противостоять продвижению западного узурпатора. Сестра Константина Евтропия также включается в борьбу. Ее сын Непотиан принял пурпур в Риме и во главе разношерстной армии напал на Магненция. Они были быстро уничтожены, а мать и сын - двое из немногих оставшихся членов семьи Константина - убиты.

Интерес изучающего то время разделяется между столкновением армий и не совсем бескровными конфликтами теологий. Мы не касаемся ни того, ни другого, и должны лишь отметить, что Констанций победил Магненция после долгой и дорогостоящей борьбы - в одном сражении погибло 54 000 римских солдат - и объединил империю под своей единоличной властью. Молодая императрица побежденного Магненция ушла во вдовство, о чем мы узнаем в следующей главе. Тем временем Константина вернулась на поле боя, и ее императорские приключения требуют нашего внимания.

Двое детей, сыновья Юлия Констанция, пережили резню в Константинополе. Галлусу шел двенадцатый год, Юлиану - шестой. Их прятали до тех пор, пока ярость солдат не утихла, а затем их нежный возраст заставил убийц не заметить их. Когда они достигли зрелого возраста, ревнивый взор Констанция упал на них, и они были заключены в крепость, или древний дворец, в Каппадокии. В уединенном Мацеллуме им не было предложено никакой компании, кроме рабов и солдат. Юлиан, в чьем сознании зародились семена возвышенной философии, устоял перед настойчивыми соблазнами и посвятил долгие дни культуре; Галлус же, чувственный и неуравновешенный юноша, предался грубым развлечениям в своей просторной тюрьме. Через шесть лет (в 351 году) их не только отпустили на свободу, но Галлус с изумлением обнаружил, что облечен в достоинство Сезара и женат на сестре императора Константине. Констанций был вынужден покинуть Восток, чтобы противостоять Магненцию, и ему нужен был кесарь, чтобы править от его имени.

Трехлетнее правление Галла и Константины стало императорским скандалом. Беспринципная и разнузданная, дочь Константина вошла в литературу того времени как чудовищное извращение женственности. С нее начинается исторический труд (в том виде, в каком он дошел до нас) Аммиана Марцеллина, отставного генерала, одного из самых скрупулезных и обстоятельных летописцев своего времени. Он сразу же приступает к яркому обличению ее пороков. Она была "смертной Мегерой", людоедкой, раздутой от гордыни и жаждущей человеческой крови. К сожалению, Аммиан не дает нам личного описания женщин своего времени. В его работе есть очаровательные виньетки императоров и принцев, но он, кажется, никогда не смотрел на лицо или фигуру их жен. Галлус, рассказывает он, был превосходным юношей по фигуре и росту, его красивые черты венчали мягкие золотистые волосы, и, несмотря на свои пороки, он обладал видом достоинства и власти. Жестокость и грубость в нем доводила до крайности его жена. Когда его дикое поведение приводило в ярость подданных, он посылал своих шпионов под видом нищих, чтобы собрать тайный шепот недовольства; он даже опустился до того, что стал бродить в маскировке от таверны к таверне по хорошо освещенным улицам Антиохии, чтобы обнаружить своих критиков. Антиохия веками славилась своей свободой слова, и тюрьмы и пыточные камеры Галла были заняты.

Константина не только поощряла это преступное поведение, но и усугубляла его. Однажды к ней пришла женщина с порочным характером, чтобы раскрыть какой-то заговор или притворный заговор. Она щедро вознаградила ее и отправила блудницу в город на царской колеснице, чтобы та подстрекала других. Один александрийский аристократ отличился тем, что устоял перед виновной страстью своей тещи. Женщина преподнесла Константину жемчужное ожерелье, и знатного предали смерти. Нам нет нужды затягивать это отвратительное повествование. Флавия Юлия Константина, красивая и способная женщина, которой едва ли перевалило за тридцать лет, была одной из худших императриц в императорской галерее. Можно лишь предположить, чтобы несколько смягчить ее вину, что убийство ее мужа братом, когда она была юной девушкой в раннем подростковом возрасте, и последовавшие за этим четырнадцать лет молодого вдовства спровоцировали худшие элементы ее натуры.

Пока Констанций был занят борьбой с Магненцием, он не обращал внимания на бесчинства своего кесаря и сестры на Востоке. Его противник, Магнений, не был столь покладист, хотя и не тратил легионы на попытку свергнуть его с престола. Он послал солдата, чтобы тот убил Галлуса и соблазнил войска. Но так как тот жил в таверне неподалеку от Антиохии, он стал менее осторожен с кубками и похвастался перед соратниками о своей миссии. Старуха, содержавшая таверну, казалась слишком далекой от политики, чтобы обращать на нее внимание, но она быстро донесла на своего гостя во дворец, и его предали смерти. Затем Магнений пал и покончил с собой, а Констанций обратился к рассмотрению скандального поведения своего наместника и его сестры.

Констанций действовал, как обычно, когда это было возможно, хитростью, а не силой. Префект Востока был убит жителями Антиохии при попустительстве Галла, и в Антиохию был отправлен новый префект по имени Домициан вместе с префектом дворца Монтием. Домициан получил приказ, используя самые тактичные и соблазнительные средства, добиться того, чтобы Галл посетил Италию и угодил в вырытую для него яму. Однако он был крепким офицером, больше заботившимся о сути, чем о форме своих указаний. Галлус и Константина сразу же были оскорблены тем, что в день его приезда он нагло проехал мимо ворот дворца и направился прямо на свою виллу. Тогда они сообразовали пригласить его во дворец. В присутствии ненавистных правителей он отбросил всякое притворство дипломатии и грубо приказал цезарю немедленно отправляться в Италию, иначе он навлечет на себя справедливое негодование императора. Галл, уязвленный его дерзостью, тут же отдал префекта под стражу солдатам. Присутствовавший при этом Монтий, также утративший в пылкой схватке всякое чувство дипломатии, обратился к Галлу, добавив колкость, что человек, не имеющий права уволить одного из своих магистратов, не имеет права заключать в тюрьму префекта Востока. Филосторгий уверяет, что Константина набросилась на чиновника, оттащила его от трибунала и толкнула в руки стражи. Мы можем предпочесть более трезвую версию Аммиана. Галл порывисто призвал войска и народ Антиохии защитить своего правителя, и они откликнулись с удивительной готовностью. Знатных офицеров Констанция связали по рукам и ногам, таскали по улицам, пока не угасла последняя искра жизни, а затем бросили в реку.

Констанций все еще не решался вступить в гражданскую войну с Востоком, и беспринципная хитрость, диктовавшая его политику, нашла альтернативную процедуру. Сначала в Милан был вызван командующий кавалерией на Востоке, чтобы уменьшить опасность восстания. Затем целая серия писем, составленных в самых дружелюбных и лживых выражениях, была отправлена Цезарю. Констанций жаждал вновь увидеть свою любимую сестру и посоветоваться с Сезаром. Некоторое время они сопротивлялись приглашению, но в конце

концов Константина, менее опасаясь личной обиды, отправилась в Италию. Она умерла во время путешествия, в Кенуме в Вифинии, от лихорадки, и ее останки были похоронены в Риме. На момент смерти ей было около тридцати лет. Единственный подвиг, который записан в ее честь, - это то, что она вместе с Галлом основала христианскую церковь в беспутной роще Дафны и привлекла строгость новой веры в этот край чувственного суеверия и сладострастия. Ее доля в этом благочестивом деянии может быть поставлена на одну чашу весов с ее скупостью, жестокостью, эгоизмом и необузданным нравом.

Судьбу ее мужа можно описать вкратце. Соблазненный обманчивыми обещаниями Констанция, он отправился в Милан со своей княжеской свитой. Как только он достиг Европы, свита была отброшена, а сам он оказался в плену. Когда маленький отряд прибыл в Паннонию, с него сняли пурпур и отвели в отдаленную тюрьму в Поле, где был казнен Криспус. Там его "судил" евнух двора Констанция, и через несколько дней запыхавшийся придворный - он загнал несколько лошадей до смерти - вбежал в присутствие Констанция с обувью убитого Сезара. Империя была воссоединена под властью Констанция ценой гибели двадцати принцев и принцесс его дома и их приближенных, а также пятидесяти тысяч солдат; евнухи и придворные наполнили миланский дворец благовониями, которые они возносили молодому завоевателю.

Тем временем Констанций снова женился, и наше внимание привлекает более достойная и властная императрица. Ближе к концу борьбы с Магненцием, в 352 или начале 353 года, император женился на македонской даме Аурелии Эусебии, отличавшейся замечательной красотой, недюжинными способностями и достойным характером. Ее отец и братья занимали консульские должности в своей провинции; мать отличалась благопристойным поведением и заботливым воспитанием детей после смерти мужа. Язык, на котором император Юлиан описывает ее, усилен благодарностью и пользуется правом панегирика; некоторые сказали бы, что он согрет более нежными чувствами. Но Аммиан, который также знал ее, утверждает, что красота ее характера была не менее великолепной, чем красота ее форм, и, не считая досадной жалобы одного из поздних писателей на то, что она не ограничивала себя надлежащей и ограниченной сферой женщины, она сохраняет свою высокую репутацию среди противоречивых писателей того времени. Одно серьезное обвинение, которое Аммиан, кажется, находит вполне согласующимся с его превосходными похвалами в ее адрес, мы рассмотрим позже.

Мы видим, что Евсевия утвердилась при миланском дворе в то время, когда падают головы последних соперников Констанция. После исчезновения Галла он гордо принимает титул "властины мира" и старается соответствовать ему в окружении евнухов и фавориток. В руках этих пронзительных и согласных интриганов слабого и тщеславного монарха легко было убедить принять решения, которые он приписывал своему собственному суждению, и, пожалуй, самым снисходительным оправданием для него может служить то, что им управляла сила, столь тонкая и вкрадчивая, что он никогда ее не замечал. Ему приписывают высокую заслугу скрупулезного целомудрия; но монастырский писатель Зонарас несколько умаляет эту заслугу, утверждая, что его холодность лишила его династии и заставила его красивую и утонченную жену впасть в фатальный упадок. Его благочестие, по крайней мере, можно похвалить; но оно покоилось на основе арианского вероучения и подвергалось презрению ортодоксов, которые называли его антихристом.

Мы можем согласиться со строгостью Зонараса и признать, что Евсевий не мог быть счастлив при его дворе. Евнух Евсевий, который судил и казнил Галла, был самым могущественным человеком в империи. Аммиан с тяжелой иронией замечает, что Констанций, как полагают, был не лишен влияния на своего безвольного камергера.

Иерархия более мелких, но едва ли менее коррумпированных чиновников вела к этому благосклонному министру, и Аммиан, лично знакомый с двором, уверяет нас, что их хитрость и беспринципность росли вместе с властью Констанция. Один из персидских офицеров, Меркурий, получил прозвище "граф снов", благодаря искусству, с которым он мог придать самым невинным ночным фантазиям предательский оттенок и навлечь на сновидца гибель и разорение. Паулуса, поднявшегося со скромной должности стюарда, прозвали "Цепным" за искусство, с которым он мог вовлечь человека в обвинение в заговоре. пытки и конфискации снова стали обычным делом, и люди стали сторониться даже самых невинных разговоров.

Эту неприятную картину императорской жизни в Милане разрядил великий спор ариан и афанасиан, который был перенесен в Италию для решения. Как Констанций и его чиновники побудили латинских епископов осудить Афанасия в 355 году, "погладив их по животу, вместо того чтобы положить жезл им на спину", если воспользоваться энергичным выражением святого Илария, нас не касается, но интересно посмотреть, как Евсевий вступил в контакт с прелатами. Когда римский епископ Либерий на какое-то время отважился на изгнание вместо того, чтобы осудить Афанасия, Евсевия послала ему денежную сумму. Он вернул ее с предположением, что ее муж может найти ее полезной для своих войск или арианских епископов. Кроме евнухов, поднималась новая власть. Суидас сохранил историю, которую можно привести здесь, хотя она может относиться или не относиться к этому Собору. По его словам, когда епископы прибыли в город, где находился двор, для проведения собора, они позвали приветствовать императрицу. Леонтий, епископ Триполи, отказался посетить ее, и она послала слово, что, если он приедет, она даст ему средства на строительство большой церкви. Святой прелат ответил, что он соблаговолит посетить ее, если будет уверен, что она примет его с подобающим уважением - если, объяснил он, она встанет со своего трона при его входе, склонится для его благословения и останется стоять, пока он сидит, пока он не разрешит ей вернуться на свое место.

В том же году (355), однако, более приятное развлечение смягчило усталость Эусебии, и нашему вниманию представляется другая императрица. Мы уже говорили, что несчастный Галлус имел в качестве спутника в своей каппадокийской тюрьме юного сводного брата по имени Юлиан. Получив раннее образование поочередно от епископа Евсевия и философствующего евнуха Мардония, Юлиан предпочел греческую культуру последнего богословским познаниям прелата. Выйдя незапятнанным из одинокой крепости в Мацеллуме, он отправился в Константинополь, а затем в Никомидию. Там его привлек в свою веру выдающийся язычник Либаний, и с трех лет обучения в Никомидии его ум был полностью отдан древней культуре, как бы его ни заставляли скрывать свое отвращение к новой религии. После казни Галла его привезли в Милан. С растущей тревогой он ожидал решения "евнуха, камергера, и повара", который, по его словам, руководил кровавыми советами Констанция. Но в лице императрицы он нашел неожиданного и влиятельного друга.

Кажется очевидным, что Эвзебия сначала вступилась за него из чистого чувства гуманности. Чиновники выдвинули против невинного юноши двадцати трех или двадцати четырех лет обвинение, главным образом в посещении Галла, и его жизнь оказалась под серьезной угрозой. Евсевия бросила все свое влияние на злонамеренных чиновников, и, хотя они не позволили Констанцию выслушать его, она спасла ему жизнь. Его поселили в пригороде Милана и однажды отвели к Евсевии. "Мне показалось, что я вижу, как в храме, образ богини мудрости", - писал он впоследствии в своем "Письме к афинянам". Можно легко представить, что великолепная фигура прекрасной императрицы произвела на книжного юношу неизгладимое впечатление. На Евсевия она произвела иное, но благоприятное впечатление.

Юлиан был хорошо сложен, небольшого роста и широкоплеч. У него были мягкие вьющиеся волосы, как у его брата, прямой нос, большой рот и блестящие глаза. Гуманные чувства императрицы приобрели более нежный и личный оттенок, и она принялась за работу, чтобы устроить судьбу Юлиана.

На некоторое время его отправили в Комо, а затем, когда ее влияние возобладало, вернули в Милан и позволили ответить своим обвинителям перед императором. Затем ему разрешили удалиться в небольшое имение матери в Вифинии, но Евсевия убедила Констанция вынести ему приятный приговор - изгнание в Афины. Из любимых афинских школ его через несколько месяцев вернули в Милан, где он услышал поразительную новость о том, что ему предстоит принять пурпурную мантию Сезара и руку сестры императора Елены. Он со слезами на глазах боялся открывшегося перед ним политического мира, но Эусебия тактично преодолела его сопротивление и направляла его действия. Ее евнухи постоянно курсировали между дворцом и его жилищем. Борода и плащ философа были отброшены, и Юлиан покраснел, обнаружив, что облачен в великолепные атрибуты полководца. Насмешки и интриги двора наконец затихли, и 6 ноября 355 года он стоял на возвышенном помосте перед войсками, а Констанций облачал его в пурпур и увещевал поддерживать честь Рима. Затем последовал брак с Еленой, а в декабре Юлиан и его невеста с ценной коллекцией книг, подаренной Эусебией, отправились в Галлию.

Юлиан больше никогда не видел Эвзебию и не мог иметь с ней ни малейшей переписки. Еще в Милане он, поразмыслив, разорвал письмо, в котором скромно желал своей покровительнице вознаграждения в виде череды детей. С его стороны не было ничего, кроме чистого чувства благодарности и благоговения. Она была, по словам Зосима, "женщиной эрудированной и благоразумной, превосходящей свой пол"; по словам Аммиана, она являла собой яркий пример духовной и телесной красоты. Она, скорее всего, спасла ему жизнь и, несомненно, сделала его состояние. Но многие авторы считают, что чувства Эвзебии к Юлиану были не столь бесплотными. Гаэтано Негри, чья жизнь Юлиана является одной из самых выдающихся биографий римского императора, справедливо отвергает предположение о недолжном чувстве с ее стороны, и это излишнее умозаключение. Но можно, не подвергая сомнению ее добродетель, сомневаться в том, что единственным связующим звеном между ними была культурная симпатия. Такую симпатию мы вполне можем предположить между культурной греческой дамой и пылким эллинистом, но столь холодные и бездуховные отношения могли быть очень естественно и простительно укреплены более теплым чувством. Юлиан не обладал чувственной привлекательностью для красивой женщины. Но его мужественная личность и характер, его огромное превосходство над толпой безродных паразитов, с которыми она ежедневно сталкивалась, и над ее слабым и посредственным мужем, должно быть, вызывали восхищение не столько чисто интеллектуальное, сколько признание его образованности.

Личность Флавии Юлии Елены остается тусклой и неуловимой в обширной хронике того времени. Она была намного старше Юлиана, которому шел двадцать пятый год, а Елене не могло быть меньше тридцати.²⁷ По словам Аммиана, она не была ранее замужем, и долгое девичество не могло сделать ее привлекательной. Брак был заключен Эвзебией в политических интересах Юлиана, и, вероятно, он сохранил холодок, который, естественно, должен был нести в себе *брак по расчету* при такой разнице в возрасте. В многочисленных и в значительной степени автобиографических трудах Юлиана она почти не упоминается. Это был брак старой девы - для римского мира - со строгим, хотя и добросовестным философом. Постепенное раскрытие тайной преданности Юлиана старым богам не сделало бы их отношения более сердечными.

Поэтому мы можем сожалеть о том, что единственная линия исследования, которой мы придерживаемся, вынуждает нас оставить почти незамеченным блестящий эпизод правления Юлиана. Более либеральный вкус нашего времени избавился от бурных и противоречивых красок, которые пристрастные писатели четвертого века наложили на портрет Юлиана. Для Григория Назианзумского он был слабым олицетворением Антихриста, для языческих писателей - скромным воплощением Аполлона. В современной истории он - самый добросовестный мыслитель, гуманный и бескорыстный правитель, очень способный полководец, тщеславная и непривлекательная личность. Его характер, несмотря на тень, оставшуюся от вынужденной распущенности ранних лет, велик: его способности и достижения имеют полное право называться блестящими.

В последующие годы Елена и Эвзебия почти не появляются, и мы должны очень коротко рассказать о необходимых событиях. Не совсем понятно, в каком состоянии духа Констанций отправил Юлиана в Галлию в качестве цезаря. Граница была стерта с лица земли, варвары наводнили страну в грозной силе, военные силы были недостаточны, за исключением тонкого контроля. Некоторые авторы склонны думать, что Констанций посылал на смерть своего двоюродного брата. Как бы то ни было, вера Эвзебии в то, что ее юный и малодушный ученый преодолеет эти трудности, была велика; и она была вознаграждена. Юлиан сразу же обнаружил храбрость, о которой никто не подозревал. Он проложил себе путь через область, занятую варварами, осмотрел опустошенную границу и прошел первый год своей неопытности лишь с одним небольшим бедствием. Трудность его задачи возросла, когда зимой он был осажден в Сенсе, а командующий соседними войсками отказался идти ему на помощь. В ходе последовавших за этим неприятностей Эвзебия добилась для него полного командования войсками, от которых он отказывался, и с этого момента он вступил на путь побед.

Вероятно, Елена не разделяла его опасностей в эту зиму (356-7). В апреле мы находим ее в Риме вместе с Эвзебией и Констанцием, и перед нами предстает любопытная история их отношений. В этом месяце Констанций нанес свой первый и единственный визит в древнюю столицу империи. Сидя в колеснице, сверкающей золотом и драгоценными камнями, впереди офицеров, на копьях которых красовались шелковые драконы, шипящие на ветру, на золотых и украшенных драгоценностями наконечниках, за легионами в боевом строю, их нагрудники и щиты сверкали на солнце, император с поразительным безразличием проезжал между плотными рядами зрителей и великими памятниками Рима; Хотя и огромные толпы, и древние строения, сияющие красотой, которую уже не могла воспроизвести его приходящая в упадок империя, вызывали у него наедине выражение изумления. Эвзебия пригласила Елену присоединиться к ним во время этого визита в Рим.

Позже в своем повествовании Аммиан упоминает об этом визите, что вызывает недоумение у любого вдумчивого читателя. Когда он сообщает о смерти Елены, он говорит, что она наступила из-за ядовитого лекарства, которое ей дала Евсевия во время визита в Рим, чтобы помешать ей иметь детей, и что в предыдущем году, когда она была беременна, Евсевия послала повитуху, чтобы та уничтожила ребенка под предлогом того, что она ее обслуживает. Похоже, Гиббону и другим историкам, принявшим эту историю, не приходит в голову, что она указывает на характер Евсевии, полностью противоречащий тому, который приписывает ей сам Аммиан и все остальные римские писатели. Ревность к Елене, будь то из-за ее собственной бездетности или из-за Юлиана, которая могла бы заставить ее пойти на такой злобный шаг, совершенно не согласуется с приведенным нами ее описанием. Эта история категорически отвергается мисс Гарднер и синьором Негри, а ее несоответствие всему, что мы знаем об Эвзебии, отмечается большинством писателей.

Возникает соблазн спросить, не является ли она интерполяцией, но текст Аммиана не дает никакой поддержки этой идее. Мы можем только предположить, что Аммиан включил в текст кусок досужей сплетни и не обратил внимания на ее несоответствие его высокому моральному восхвалению Евсевия. После смерти Елены, как мы увидим, возникло множество легенд. Некоторые из них, обвиняющие Юлиана, легко проследить до их источника. Возможно, что придворные, выступавшие против Эвзебии и, несомненно, искажившие ее рвение к Юлиану, пустили этот слух, и Аммиан услышал его в Италии много лет спустя. Это всего лишь перо на чаше весов против властей в пользу высокого характера императрицы.

Из Рима Констанций был вызван для отражения новых вторжений на Восток, и Елена вернулась в Галлию. Она остается незамеченной до весны 360 года, и мы не будем следить за Юлианом во время блестящих кампаний, в которых он уничтожил самые могущественные племена варваров и восстановил мир и процветание в своей пострадавшей провинции. Но в то время как Юлиан преуспевал на Западе, кампания войск Констанция на Востоке принесла императору мало лавров и повлекла за собой серьезные бедствия. Интриганы удвоили свои обвинения против Юлиана и правдоподобно предположили, что он будет вынужден претендовать на более высокий титул, чем титул Сезара. Было решено ослабить его власть, перебросив несколько лучших легионов на Восток.

Юлиан находился в зимних покоях в Париже - так стали называть Лютецию, - когда до него дошел тяжкий призыв. Остров на Сене, на котором сейчас стоит Кафедральный собор, с ранних времен служил надежным местом для поселения, а по мере заселения провинции на прилегающем склоне, где в более поздний период зародился Латинский квартал, появились дворец, амфитеатр и несколько привычных для римского города учреждений. Юлиан любил это маленькое поселение на широкой серебристой реке, окруженное густыми лесами, и проводил там зиму, с одинаковой рассудительностью и гуманностью заботясь о гражданском благополучии своей провинции, когда прибыли офицеры Констанция. Он подробно описал мучительное недоумение, в которое был ввергнут. Мало того, что жертва четырех лучших легионов серьезно подорвала бы его силы, но это были местные войска, и набирались они только для местной службы. Он решил подчиниться и приказал войскам готовиться к отплытию. В лагере поднялся гневный ропот, поскольку мужчины размышляли о судьбе, которая может постигнуть их семьи в плохо защищенной стране. Юлиан распорядился, чтобы их жены и дети сопровождали их, и они собрались в Париже для увольнения. В трогательных выражениях цесаревич выразил им свою благодарность и напутствия, пригласил офицеров на банкет и удалился в свой дворец.

Искренность Юлиана стала предметом ожесточенной дискуссии между его яростными критиками и решительными поклонниками. Но мы можем, не задумываясь о его характере, усомниться в том, что он полностью желал, чтобы войска ушли. Такой приказ из такого источника вполне мог бы освободить цезаря от повиновения. Только чрезмерная добродетель или неопределенность перспектив могли бы побудить человека подчиниться ему. В сознании Юлиана действовали оба чувства, и нет оснований обвинять его позднейший рассказ в лицемерии. Но мы можем предположить, что в то время его решение сопровождалось неоправданными надеждами и мечтами о более благоприятном исходе. В те дни тревожных раздумий его воображение, как бы он ни обуздывал его, должно быть, рисовало ему возрождение культуры, искоренение суеверий, очищение двора и империи, которые последуют за его возведением на трон.

Он удалился в свой дворец, где, как он случайно замечает, вместе с ним жила Елена. Но вскоре после полуночи со стороны лагеря поднялся большой шум, и из окон было видно, как

войска в свете факелов, сверкающих на вытянутых мечах, приближаются к дворцу. Двери сразу же закрыли, и Юлиан отказался показываться, но крик "Imperator" легко долетел до его ушей. На следующее утро они ворвались во дворец и силой повели Юлиана в лагерь. Он сопротивлялся, угрожал и умолял, но солдаты думали о своих интересах, которым теперь серьезно угрожало их восстание, и не оставалось ничего другого, как согласиться. Его подняли на щит, и легионы пришли в неистовство от восторга по поводу своего избавления от изгнания. Для завершения его нового достоинства не хватало только диадемы, и Елена, присутствовавшая при этом, кажется, предложила свое жемчужное ожерелье. Юлиан отказался надеть это женское украшение, и офицер предоставил для коронации богатый золотой ошейник, усыпанный драгоценными камнями.

Последовавшая за этим борьба и драматическая глава, открывшая летопись Рима, нас не волнуют. Обе наши императрицы умирают до того, как наступает решающий этап. Дата смерти Евсевии неизвестна. Это произошло в период между началом 359 и серединой 360 года, так как Констанций женился ближе к концу 360 года. Говорят, что она умерла от воспаления матки, вызванного приемом лекарств для повышения плодородия. То, что такие лекарства были известны в то время и что императрица, естественно, должна была испытать их действие, мы охотно признаем, но мы не должны полностью игнорировать утверждение Зонараса, что поведение ее мужа и несчастье ее обстоятельств привели прекрасную гречанку к упадку. Если бы она разделила трон с Юлианом и приняла его взгляды, история Европы могла бы сложиться иначе.²⁸

То, что Елену покорили взгляды Юлиана, маловероятно. Несомненно, вскоре после свадьбы она узнала бы, что он втайне лелеял культ старых богов. С первого месяца своего пребывания в Галлии он вместе с одним помощником основал частное святилище для них. Есть монеты с именами Юлиана и Елены и фигурами Исиды и Сераписа, но они не дают никаких выводов. Мы также не можем узнать отношение Елены к борьбе между ее мужем и братом. Полное молчание Юлиана позволяет предположить, что она хранила угрюмое молчание или была настроена враждебно. Несколько месяцев ушло на переговоры с Констанцием. В декабре Юлиан отпраздновал во Вьенне пятую годовщину своего продвижения по службе и надел великолепную диадему императора, председательствуя на играх и упражнениях. В разгар празднеств Елена умерла. Зонарас, который также приводит нелепый слух о том, что она была разведена Юлианом, говорит, что она умерла при родах. Мы склонны думать, что болезненное развитие ее неудачного брака тяготило ее, и ее беременность закончилась преждевременными и роковыми родами. Ее останки были доставлены в Рим и положены рядом с останками ее сестры Константины. Нам нет нужды обращать внимание на обвинение одного из офицеров Констанция в том, что Юлиан отравил ее, и заплатил виновному врачу драгоценностями своей матери. Юлиан, честно говоря, не скорбел о ее смерти и больше никогда не женился.

Третья императрица ненадолго появляется в то время, когда Елена скончалась. После долгого похода на Дунай Констанций отправился в пострадавшие районы Востока и к концу 360 года женился в третий раз в Антиохии. У Максимы Фаустины, его третьей императрицы, было мало времени, чтобы произвести впечатление на историю, если бы она была на это способна. Когда осенью 361 года Констанций отправился из Антиохии, чтобы подавить мятеж на Западе, как он считал, он заболел лихорадкой и умер, не дойдя до европейской границы. Фаустина осталась с нерожденной женой будущего императора Грациана, и о ней мы еще поговорим. Римская империя вновь была объединена под властью сильного, праведного и опытного правителя. Но теперь Юлиан был предан своим идеалам, и,

поскольку ни одна женщина не разделяла его аскетической жизни и тяжких трудов, мы должны пройти мимо реформ, походов и религиозной борьбы следующих двух лет.

ГЛАВА XIX ЮСТИНА

Великолепие правления Юлиана вскоре омрачилось. Летом 363 года, когда он ловко выводил свои войска из опасного положения в Персии, его пронзили копьем, и он скончался, с достоинством и спокойствием, в окружении своих опечаленных сторонников. В шумной интриге за престолонаследие имя Иовиана, популярного и красивого офицера, ничем не выделявшегося, получило самую громкую поддержку, и мантия блестящего молодого императора была возложена на него. Как он обеспечил отступление своих войск унижительными уступками персам, а римские солдаты и римские поселенцы с грустью покинули провинции, за которые безвозмездно проливали кровь их отцы, и эмблема креста вновь понеслась во главе легионов, здесь рассказывать не нужно. Не только жена Иовиана, Харито, для нас не более чем имя, но и сам Иовиан умер, не достигнув столичной роскоши. Его недолгое обладание властью не украсили ни мужество, ни воздержанность. Харито с младенцем сыном ушла в неизвестность и спустя годы была погребена рядом с мужем в церкви Апостолов в Византии.

Следующее царствование познакомит нас с более сильной и яркой личностью императрицы Юстины и другими императрицами, представляющими определенный интерес. В лагере снова поднялся шум интриг, и борьба христиан с язычниками возобновилась. Выбор армии снова пал на офицера, главным отличием которого было то, что он был крупным и красивым человеком и имел энергичного отца. Валентиниан был офицером в гвардии Юлиана, и однажды, когда он присутствовал при жертвоприношении императора, надел наручники на жреца за то, что тот капнул ему на плащ немного люстральной воды. Юлиан изгнал его за это жестокое осквернение культа, но, хотя наиболее энергичные авторы того времени быстро отправляют его в отдаленные и противоречивые регионы, даже Тиллемонт сомневается, что приговор был приведен в исполнение. Вероятно, Юлиан просто уволил его из телохранителей, поскольку мы находим его в армии во время смерти Юлиана. Вместе с двумя другими офицерами он был послан Иовианом, чтобы заручиться верностью войск на Западе. Один легион, преданный памяти Юлиана, взбунтовался, и Валентиниану пришлось спасаться бегством. Он вернулся на Восток и снова занял свой пост в армии, когда она на несколько миль ушла в тыл отступающему императору. А в середине февраля (364 г.) он с изумлением узнал, что Иовиан умер после слишком обильного ужина, и его самого призвали на трон. Войска заставили его разделить власть со своим братом Валенсом, и, оставив под присмотром Валенса обделенные восточные провинции, он отправился в Милан, чтобы завладеть западным троном.

Валерия [Севера](#)²⁹, первая жена Валентиниана, - одна из тех теневых императриц, чей облик едва различим в записях того времени. За пять лет до этого она родила ему сына, будущего императора Грациана, но, похоже, не смогла добиться его расположения, и мы увидим, что она с позором удаляется, как только при дворе появляется прекрасная Юстина. Альбия

Доминика, жена Валенса, не более интересна, но императрица, которую мы отбросили в предыдущей главе, сразу же вновь появляется в Константинополе в противовес ей.

Перед тем как расстаться, Валенс и Валентиниан заболели вместе, и под предлогом того, что друзья Юлиана пытались их отравить, они с некоторой мстительностью ополчились на языческих чиновников. Престарелый и уважаемый Саллюст твердо контролировал ход расследования, и кровь не пролилась; но большое количество чиновников Юлиана были смещены - во многих случаях вполне справедливо, поскольку ревность Юлиана к язычеству имела тот же дурной эффект в поощрении лицемерия, что и ревность других императоров к христианству, - и ввергнуты в угрюмое недовольство. Кроме того, отец Доминика, Петроний, уродливый и отвратительный человек, поднялся к власти вместе со своей дочерью, и он измывался над гражданами Востока, предъявляя им самые непомерные требования. Вскоре искра упала на этот легко воспламеняющийся мир. Прокопий, родственник Юлиана, опубликовал весьма туманные претензии на империю после смерти Юлиана. Он поспешно отозвал ее и отрекся, но Валенса послал людей, чтобы задержать его. Ловко ускользнув от солдат, он бежал в Константинополь и, похоже, там попал в руки более ловких интриганов. Для него купили два легиона и сделали императором. Пурпурной мантии было не достать, поэтому его облачили в оленью тунику, украшенную золотом, надели на ноги пурпурные башмаки, а в руку - кусок пурпурной ткани и провели, среди изумленных и насмешливых зрителей, в сенат и дворец.

Его силы росли так быстро, что слабый и нервный император Востока был готов уступить ему трон, но старшие офицеры убеждали его сопротивляться. В последовавшей за этим короткой борьбе мы вновь встречаем третью жену и вдову Констанция. Фаустина *была энсинией* после смерти мужа и жила в Константинополе с четырехлетней дочерью, когда Прокопий предпринял свою романтическую попытку занять трон. Проявив изворотливость, он вывел ее из затворничества и связал с ней свои притязания. Казалось, что законная династия отвоевывает трон у узурпаторов, когда во главе войск появились вдова и дочь сына Константина. Даже когда они отправились навстречу войскам Валенса, Фаустина сопровождала их в упряжке. Но новая надежда Фаустины угасла так же быстро, как и зародилась. Солдаты были убеждены вернуться к своей верности, и власть Прокопия быстро растаяла. Фаустина снова погрузилась в неизвестность, а авантюрная карьера Констанция была отложена на несколько лет.

Доминика вернулась к своему положению при пресыщенном и роскошном дворе, и остальная часть ее жизни не представляет особого интереса. Церковные историки описывают ее как подстрекательницу своего мужа к преследованию тринитариев, но мы должны относиться к этому обвинению с осторожностью. Положительных следов преследования практически нет. Однажды восемьдесят священников-тринитариев пришли, чтобы выступить в суде, и Валенса, как говорят, приказала им вернуться на корабль. На некотором расстоянии от порта судно было обнаружено объатым пламенем, и священники были сожжены до смерти. Ортодоксальные авторы утверждают, что судно было подожжено намеренно, по приказу Валенса, но невозможно согласовать противоречивые утверждения враждующих богословских школ. Валенса был ярым арианом, но он отстаивал принцип религиозной терпимости и ограничивал богословов в использовании богословского оружия. Единственный случай, когда он приказал или поддержал жестокие преследования, был связан с подавлением магии. В одной из темных комнат столицы группа людей прибегла к этому темному средству, чтобы узнать, кто станет преемником Валенса. Одни говорят, что кольцо, свисающее с мистического треножника, произносило имя нарисованными буквами; другие - что зерна кукурузы клали на буквы алфавита, и, когда петуху разрешалось их

клевать, обращали внимание на порядок букв, на которые он нападал первым. В любом случае в результате получались буквы Th E O D. Это был бы замечательный прогноз, если бы история не относилась к поколению после воцарения Феодосия. Однако о попытке стало известно, после чего последовало расследование и жестокое преследование. Презренное ремесло доносчика поощрялось, целые библиотеки ценных книг были уничтожены, а множество невинных философов и матрон были включены в кровавые списки осужденных.

Имя Доминика встречается только в одной достоверной связи во время правления Валенса. Император провел зиму 372-3 гг. в Кесарии Каппадокийской, где встретился с суровым и бескомпромиссным поборником ортодоксии, святым Василием. Сильный не столько личной надменностью, которую Иероним называет гордыней, сколько пылким рвением к своей Церкви, Василий категорически отказался подчиниться ему, и ему пригрозили изгнанием. Тут же заболели Доминика и ее мальчик. Кроме двух дочерей, в 366 году у нее родился сын, и этот мальчик впал в опасную болезнь. Говорят, что Доминика во сне узнала, что болезнь - это божественное наказание, но не исключено, что к такому выводу мог прийти и ее бодрствующий разум. Василия снова вызвали во дворец. По версии Феодорита, епископ ласково подышал на мальчика и заявил, что тот выздоровеет, если примет тринитарное крещение. Однако более ранние церковные писатели приписывают ему более твердую позицию. Он спросил Валенса, примет ли мальчик православное крещение, и получил ответ, что нет. "Пусть его ждет та участь, которая будет уготована Богом", - сказал епископ и покинул дворец. Мальчик был крещен арианами и умер следующей ночью. Власть, еще более великая, чем у евнухов, и более властная, чем у императоров, быстро росла. Когда через несколько дней один из фаворитов Валенса, поднявшийся с кухни, попытался вмешаться в дискуссию между епископом и императором, Василий отрывисто велел ему ограничиться соусами и не вмешиваться в церковные дела.

Пять или шесть лет спустя Валенса погибла в войне с готами, а Доминика ушла в уместную безвестность частной жизни. Единственное свидетельство духа, которое сохранилось о ней, - это то, что, когда победоносные готы подошли к Константинополю и захватили его, она заплатила горожанам из государственной казны, чтобы они вооружились против варваров. От ее неясной и затворнической личности мы перейдем к более интересной фигуре Юстины, которая за несколько лет до этого начала делить трон Валентиниана.

Валентиниан был столь же свиреп и холеричен, сколь робок был его брат. Высокий и сильный мужчина с суровыми голубыми глазами, блестящим цветом лица и светлыми волосами, он использовал и поощрял свою родную жестокость на службе тому, что считал интересами государства. Язычников он не преследовал и много сделал для развития высшей культуры Рима, которая была так тесно связана с языческими верованиями. Но, как и его брат, он с ожесточением обрушивался на всех, кого можно было обвинить в магии и гаданиях, и кровь в Италии текла очень свободно. Его жесткие, жадные и жестокие офицеры обогащались на пытках, растратах и казнях, и - хотя это утверждение напоминает скорее о дикости Нерона или Домициана - современник Аммиана уверяет нас, что он держал двух чудовищных медведей в клетках возле своих покоев и кормил их человеческими жертвами. Малейший проступок мог повлечь за собой смертный приговор. "Лучше поменяй ему голову", - с жестокой шутливостью приказал он, когда какой-то чиновник пожелал перейти в другую провинцию.

Возможно, Севера заслуживает похвалы за то, что ей не удалось сохранить расположение Валентиниана, хотя некоторые власти называют менее лестную причину. Правда в том, что,

поскольку Валентиниан описывается как самый целомудренный и самый христианский, воцарение Юстины в его дворце вызвало у церковных историков немалое недоумение. Церковь категорически выступала против разводов и считала прелюбодеянием второй брак, заключенный при жизни первой жены. Бароний удобно устраняет Севера смертью, но Аммиан сообщает нам, что Север еще долго жил при дворе своего сына,³⁰ а в Александрийской хронике прямо говорится, что Грациан отозвал свою мать ко двору. Тиллемон признает это и может только краснеть за виновное попустительство духовенства того времени.

Если верить церковному историку Сократу, Валентиниан избежал греха развода и прелюбодеяния, издав указ о том, что законно иметь двух жен, и быстро женившись на Юстине в дополнение к Севе. Однако от такого закона не осталось и следа, и большинство авторов придерживаются альтернативной версии властей.

Авиана Юстина была вдовой узурпатора Магненция, который так драматично похитил трон у никчемного Констанция и был разбит Констанцием в 353 году. Она была очень красивой женщиной, дочерью высокопоставленного провинциального чиновника, энергичной и амбициозной молодой женщиной. По крайней мере, в 368 году ей было уже около двадцати лет, когда она вошла в свиту Севера в каком-то качестве. Вскоре она была так тесно связана с императрицей, что они вместе принимали ванну, а Севера совершила роковую ошибку, описав чувственному Валентиниану то, что Сократ с любопытством называет ее "девственной красотой". Вскоре было объявлено, что Севера разведена, и Юстина заняла ее ложе. Поздний авторитет набрасывает тонкую мантию на действия Валентиниана. По его словам, Севера использовала свое императорское положение, чтобы заставить миланскую даму продать ей поместье по очень низкой цене, и Валентиниан не смог смириться с ее скупостью. Невнятного описания ослепительной красоты Юстины, пожалуй, будет достаточно.

Это замечательное поведение Валентиниана и Юстины относится к 368 году.³¹ Последующие годы войн и религиозных разногласий не проливают света на характер Юстины, и нам нет необходимости описывать их. Валентиниан умер в 375 году. Некоторые делегаты варваров пришли с глубоким смирением просить его о помиловании за вторжение в его владения, и Валентиниан разразился одним из своих ужасающих приступов ярости. Обращаясь к ним, он был так яростен, что у него лопнул кровеносный сосуд, и он оставил Западную империю своему сыну Грациану. Грациан женился в предыдущем году. Его императрицей стала дочь Фаустина, которую мать выносила на руках во главе войск Прокопия. Пересекая провинции, чтобы встретиться с Грацианом, Констанция пережила необычное приключение. Пока она обедала на постоялом дворе в двадцати шести милях от Сирмиума, племена переправились через Дунай и заняли деревню. У губернатора Иллириума было как раз время, чтобы схватить тринадцатилетнюю принцессу и умчаться в Сирмиум. В 374 году она вышла замуж за Грациана, а в следующем году стала императрицей Запада. Но Флавия Максима Констанция оставила в хрониках того времени лишь слабый след своих ранних приключений, и несколько лет ее императорской жизни не представляют для нас никакого интереса. Следующее упоминание о ней - это то, что она умерла за некоторое время до своего мужа, который был убит в 383 году. Он женился еще раз, но его вдова Лета - всего лишь имя в истории. Феодосий дал Лете и ее матери Писсамене хороший доход, и они отличились своей благотворительностью во время последующих несчастий Рима.

Когда Валентиниан умер в приступе ярости в Брегетио, Юстина и ее четырехлетний мальчик Валентиниан-младший находились в городе Муруцинкта, в ста милях от него. Юстина

поспешила в лагерь, и вскоре было объявлено, что армия решила объединить мальчика с Грацианом для управления Западом. Грациан, самый умеренный и перспективный из императоров того времени, опубликовал свое согласие. Отказ признать мальчика и попытка наказать интригана, благодаря которому Юстина сохранила свою власть, привели бы к гражданской войне, а все его силы сейчас были нужны, чтобы остановить поток варварства, хлынувший на северную границу империи. Последние дни Рима стремительно приближались. Из далеких пустынь Азии в Европу пришел свирепый и многочисленный народ - гунны, которые теснили готов и другие тевтонские племена на юг. Грациан назначил вместо Валенса императора Востока, с которым мы еще познакомимся, и потратил свои силы на героические усилия по защите угрожаемой границы.

Юстина вернулась с мальчиком-императором в Милан. Пока был жив Грациан, Юстина ограничивалась жизнью во дворце, но в 383 году трон узурпировал Максим, а Грациан был убит одним из его эмиссаров. Гиббон щедро объясняет общее недовольство, из которого возникло восстание, ухудшением характера Грациана. Это ухудшение не подлежит сомнению, но один из его конкретных результатов, активное преследование язычников, был, вероятно, его самой фатальной ошибкой. В Милане теперь главенствовал властный и ревностный святой Амвросий, а два молодых императора находились под его контролем. По предложению Амвросия Грациан отказался от политики веротерпимости Валентиниана. Он отказался от титула Pontifex Maximus, приказал убрать статую Победы из римского сената и конфисковал имения храмовников. Он даже допустил в своих официальных указах оскорбительный эпитет "язычники" (или "деревенские жители"), который начали использовать более прогрессивные христиане.³² Это, должно быть, вызвало всеобщее недовольство, и армия Максима мирным маршем прошла по Галлии и заняла территорию империи до Альп. Император Востока Феодосий согласился, чтобы Британия, Галлия и Испания оставались под властью Максима, а Юстина продолжала управлять урезанными владениями своего сына.

Теперь выяснилось, что Юстина была арианкой. Скрывала ли она свои убеждения при жизни Валентиниана, или же была обращена в секту недавно, сказать невозможно, но Амброз теперь обнаружил, что у него есть упорный противник его религиозных амбиций. Проблемы достигли кульминации в 385 году, когда произошли сцены, которые наглядно демонстрируют нам перемены, произошедшие в Римской империи. Юстина приказала отдать одну из христианских церквей города в распоряжение арианского духовенства. Амвросий категорически отказался, и когда его вызвали во дворец и приговорили к изгнанию, народ стекался к дворцу и запугивал императрицу и ее советников. Немного позже готские (арианские) солдаты были посланы занять церковь, и был отдан приказ подготовить ее для богослужений императрицы. Возобновление беспорядков и осыпание императрицы самыми мерзкими эпитетами заставили ее вновь удалиться. В следующем, 386 году, она вынесла епископу приговор об изгнании, и ее дух был истрачен в последней борьбе. Впервые в истории Рима - что свидетельствует о его глубокой деморализации - народ не позволил войскам выполнить императорский указ. Амброза день и ночь охраняли тысячи его последователей. Главный храм и епископский дом были укреплены как для осады, и войска "Иезавели" вынуждены были бездействовать перед толпой горожан. По совету Феодосия Юстина воздержалась от дальнейших попыток. И действительно, вскоре ее внимание было с силой отвлечено на совсем другую опасность.

Честолюбие Максима вновь вышло за рамки, и он возжелал оставшихся провинций Валентиниана. Поведение Юстины свидетельствует о том, что ее способности уступали ее духу. Обманутая вероломной дипломатией Максима, она внезапно получила известие о том,

что враждебные силы Максима приблизились к Милану, и поспешно бежала на побережье. В Аквилее она и ее сын сели на корабль и отправились на Восток. Солдаты Максима преследовали их на быстрых галерах, но они благополучно обогнули юг Греции, и высадились в Фессалонике. Теперь ее задачей было убедить Феодосия поддержать их дело, и эта задача оказалась весьма соразмерной ее таланту.

Ее настоятельные призывы к Феодосию о помощи некоторое время оставались без ответа или внимания. Если верить Феодориту, единственным ответом, который она получила, было болезненное заверение, что ересь, которую она исповедует и в которой воспитывает своего сына, является достаточной причиной всех бед, которые обрушились на них. Ей было велено ожидать визита Феодосия в Фессалонике, но визит сильно затянулся. Историки обычно изображают императора в напряжении перед мучительной дилеммой. Мало того, что для империи, окруженной опасностями, было бы серьезным делом вовлечь силы Востока и Запада в изнурительную гражданскую войну, но Феодосий в такой войне напал бы на ортодоксального католика в интересах фанатичного арианина и врага Церкви; а Феодосий был самым ревностным тринитарием. Эта трудность должна была прийти ему в голову, и не будет фантастикой предположить, что между прелатами Востока и прелатами Запада велась определенная переписка, чтобы убедиться, что этот вопрос не ускользнул от него.

У язычника Зосима другая теория задержки Феодосия. По его словам, характер этого императора представлял собой необычное сочетание противоречий. Он мог пылать яростью Валентиниана или кротко склонять голову за благословением епископа; он мог вести войска в кампании с величайшей ловкостью, энергией и успехом, а затем расслабиться в самой благородной праздности; он мог принять суровость солдатской жизни без малейших усилий смягчить ее, а затем предаться самым сладострастным мечтам в своем императорском дворце. Юстина, говорит Зосима, имела несчастье нуждаться в его помощи в один из периодов роскоши и "безумной погони за удовольствиями". Он возмущался тем, что его пытались пробудить от этого. Однако глубокий долг перед Грацианом, подарившим ему империю, заставил его пересечь греческое море и посетить Юстину в Фессалонике. Со времени этого визита его пульс участился, и он начал энергично готовиться к войне с Максимом. У Юстины в Фессалониках был не только бесчувственный мальчик Валентиниан, но и красивая юная дочь Галла, в которую влюбился Феодосий. Юстина быстро сообразила и ловко использовала свой шанс, и было решено, что прекрасная принцесса станет его наградой за возвращение Западной империи Валентиниану и его матери.

АЭЛИЯ ФЛАКЦИЛЛА

ГОНОРИЯ

УВЕЛИЧЕНО С МОНЕТ, ХРАНЯЩИХСЯ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

Феодосий, несравненно лучший правитель четвертого века, происходил из той же части Испании, что и Траян, с которым некоторые писатели того времени сравнивают его - без особой лести. Его отец, граф Феодосий, был умелым полководцем и справедливым администратором, но был несправедливо опозорен и казнен из-за какой-то непонятной ревности. Позднейшие авторы, вспоминая о волшебном Антиохийском графе, считали, что именно его имя стало причиной его гибели. Младший Феодосий, культурный и умелый офицер, удалился в свои поместья в Испании, откуда его выманил Грациан, и вскоре облачился в пурпур. В 376 или 377 году он женился на испанке Илии Флакцилле, которая, как полагают, на очень слабых основаниях, была дочерью консула Антония. Их сын Аркадий, будущий император, родился во время отдыха в Испании. Дочь, Пульхерия, родилась в

Испании, когда Феодосий был в походе. Затем Флацилла перенеслась из тихого испанского поместья в пышность Константинополя, и в пурпуре родился второй сын, Гонорий.

Хотя Флацилла канонизирована в греческой церкви, не похоже, чтобы она обладала выраженной индивидуальностью. Она одна из толпы императриц IV века, которые живут в хрониках только как щедрые благотворительницы Церкви. Феодосий был первым императором, преследовавшим своих языческих подданных по религиозным мотивам, и его последовательные указы быстро изменили религиозный облик Востока. Его современные биографы, Ифланд и Гюльденпеннинг ("Кайзер Феодосий"), возлагают большую часть вины за эти жестокие меры на Флациллу, но они указывают, что принудительное законодательство начинается сразу после того, как Феодосий попал под влияние епископа Ахолия во время тяжелой болезни, и что его усилия по подавлению язычества с помощью насилия ослабли с его возрастом и опытом. Все, что мы узнаем о Флацилле, - это то, что она была щедра к Церкви и бедным и что она иногда обуздывала вспыльчивый и мстительный нрав Феодосия. Она умерла, по-видимому, в 385 году, и по греческому ритуалу ее память отмечается 14 сентября.

Таким образом, Феодосий был вдовцом средних лет - его биографы относят его рождение к 346 году, - когда осенью 387 года Юстина подарила ему свою дочь Галлу. Доктор Ифланд признает, что юная девушка, вероятно, перевернула колеблющиеся чаши его рассудка. Он вернулся в Константинополь и начал энергично готовиться к войне. Двухмесячная кампания летом следующего (388) года полностью уничтожила войска Максима, и Западная империя была полностью возвращена Валентиниану. Но Юстина не получила большой личной выгоды от этой победы. Зосима говорит, что после возвращения в Милан она "восполняла недостатки своего сына так хорошо, как только может женщина", а Созомен утверждает, что она умерла до возвращения. Этот момент неясен, но в целом свидетельства говорят о том, что она вернулась в Милан. Однако это был совсем другой Милан, чем тот, который она покинула. Феодосий сопровождал их, и сильный, серьезный характер Амвросия произвел на него глубокое впечатление. Валентиниан был "обращен" в истинное вероучение, и в западном мире началась политика гонений. Юстина, должно быть, оставалась бессильным и озлобленным зрителем возвышения Амвросия. Он стал настолько велик, что самые холодные решения императора были отменены им, а его проступки бесславно наказаны. В Милан пришла весть о том, что монахи и жители небольшого городка в Персии сожгли иудейскую синагогу, а префект приказал им отстроить синагогу и вернуть имущество. Феодосий подтвердил справедливый приговор, но Амвросий так сильно нападал на него в письмах и проповедях, что был вынужден дать полную неприкосновенность преступникам; и волна насилия - сожжение храмов и синагог, грабежи и убийства неверующих и еретиков всех оттенков - продолжала разрушительно катиться по Востоку. Хорошо известен впечатляющий случай, когда Феодосий, величайший правитель своего времени, стоял в смиренной позе кающегося в церкви Милана. Жители Фессалоники, уязвленные непосильными налогами, которыми Феодосий обложил Восток, и натравливанием на них варварских войск, устроили бунт и убили представителей императора. В порыве страсти Феодосий обратил свои войска на беззащитных людей, которых он вероломно пригласил в цирк, и была учинена ужасная и беспримерная резня. Амвросий благородно настаивал на том, что император должен искупить свое преступление, как самый смиренный член своей паствы. Мир вступал в новую эру.

Сколько из этих событий пережила Юстина, определить невозможно. Она умерла где-то между 388 и 391 годами; безвестность ее смерти служит достаточным доказательством ее бессилия в последние годы жизни. Валентиниан, слабость которого едва ли

компенсировалась правильностью его поведения и покорностью святому Амвросию, был обучен элементам управления старшим императором, который пробыл три года в Италии, к вящему огорчению ее языческих граждан. Он посетил Рим, где большинство горожан все еще придерживались идеализированной версии старого культа, и обратился к сенату с призывом отказаться от умирающих богов. Ответа на его призыв не последовало, и он прибег к набирающей силу практике принудительного законодательства. В 391 году он вернулся в Константинополь.

Галла вышла замуж за Феодосия вскоре после уничтожения Максимиана. Хроника Марцеллина относит этот брак к 386 году; Зосима, что более правдоподобно, предполагает, что он состоялся в 387 или 388 году. Из любопытного заявления в Хронике Марцеллина следует, что она была отправлена на жить в Константинопольский дворец, пока Феодосий оставался в Италии. Утверждается, что старший сын императора, Аркадий, мальчик тринадцати лет, выгнал ее из дворца. Комментаторы не склонны верить, что столь юный принц мог сделать это, но это ничуть не исключено, и авторитет заслуживает уважения. Мы увидим, что Аркадий был раздражительным и никчемным принцем, бездумно управляемым евнухами и слугами и способным на очень жестокие решения. Феодосий отошел от тонкой императорской традиции назначать воспитателем своих сыновей серьезного и выдающегося ученого и передал их на попечение римского дьякона Арсения, пользовавшегося репутацией благочестивого человека. Мы вряд ли можем считать авторитет позднего греческого писателя (Метафраста) достаточно весомым для того, чтобы одобрять утверждение, что Аркадий поручил своим слугам лишить жизни Арсения за то, что тот бичевал его, но несчастные события следующей главы покажут, что единственным результатом такого воспитания было то, что характер оставался несформированным, а упор делался на внешние наблюдения.

В 391 году Феодосий вернулся в Константинополь, и Галла приступила к своей короткой императорской карьере. Независимо от того, принимаем ли мы предвзятую картину восточного двора, которую предлагает нам Зосима, ясно, что он поддерживал мягкую и чрезмерную роскошь за счет ослабевшей империи. Большое количество евнухов находили работу и, с гением своего сословия, интриговали за благосклонность в спальнях покоях, на службе у императрицы и императорских детей. На кухне работал целый полк служителей тяжелого и сладострастного стола; цирк и театр содержали огромное количество мимов, танцоров и возниц. Кроме этой многочисленной армии служителей императорских удовольствий, дворец окружала вторая армия праздных и скупых искателей места, которые получали щедрые доходы от должностей, созданных для них в армии и администрации. Говорят даже, что такие должности открыто продавались в общественных местах и в константинопольском дворце. Как ни был Феодосий стремителен на поле, он не был достаточно силен, чтобы выдержать бремя мира, и неосознанно подготовил империю к лавине, которая вскоре должна была обрушиться на нее.

Но дремотная снисходительность Феодосия вскоре была вновь встревожена призывом к оружию с Запада. Весной 392 года Валентиниан был убит или в отчаянии покончил с собой, а франкский полководец накинул свою пурпурную мантию на плечи римского рителя. Молодой император был настолько ошеломлен властью своего полководца, что попытался отстранить его от должности, после чего был найден мертвым с веревкой на шее. Феодосий снова не решается променять мягкость своего дворца на суровость похода. Галла "наполнила дворец своими причитаниями", но Феодосий отослал послов узурпатора с приятными словами и подарками и продолжал почти два года сопротивляться призывам своей молодой императрицы. Только летом 394 года он вывел свои легионы для наказания

убийцы, каковым считался Аргобаст. Галла не дожила до того момента, когда ее брат был отомщен. Она умерла при родах как раз в тот момент, когда армия собиралась в путь, и Феодосий, как говорят, оплакивал ее один день, а затем отправился в Италию.

Сейчас этот вопрос нас не волнует. Мы переходим к новому поколению, к новой, более интересной группе императриц и принцесс. Достаточно сказать, что, отчасти благодаря доблести, отчасти благодаря случайности и вероломству, силы Аргобаста были уничтожены, а императорский ритор убит. Младший сын императора, Гонорий, был вызван с Востока и посажен на трон Запада. Аркадий остался немощным хозяином константинопольского трона. Через несколько месяцев могущественный император сошел в могилу, и империя вступила в несчастливое правление Аркадия и Гонория.

ГЛАВА XX

РОМАН ЕВДОКСИИ И ЕВДОКИИ

Вместе с императорскими дамами дворов Аркадия и Гонория мы вступаем в заключительный акт трагедии падения Рима. Солнце стремительно опускается к западному горизонту, длинные тени набрасываются на летопись событий, вечерняя прохлада окутывает жизнь исторической империи. Единственный аспект этой трагедии, который нас волнует, - это рассмотрение той роли, которую сыграли женщины в постепенном ослаблении Римской империи. Принимая во внимание различные причины, называемые историками, можно сказать, что падение Рима было вызвано случайным совпадением. Вторжение в Европу свирепых гуннов прижало германские племена к римской границе как раз в то время, когда империя была особенно слаба. То, что она была внутренне изжита и обречена - что организация государства имеет свой срок распада, как и организм отдельного человека, - можно с уверенностью оспорить. Египет сохранял свою бодрость почти 8 000 лет, Вавилон - почти 6 000.

Единственный вопрос, которого мы можем здесь коснуться, - это вопрос о том, имела ли личность последующих императриц какое-либо значение, хорошее или плохое, в этом ослаблении империи; и ответ очевиден: за одним или двумя исключениями, они не имели никакого значения. Даже через своих мужей они не оказывали глубокого и значительного влияния на жизнь империи. Римский идеал женственности снова менялся. Как и в ранние времена, они были отвлечены от интереса к государственным делам, за исключением тех случаев, когда дело Церкви требовало их вмешательства. Мы не должны считать их бессильными свидетелями постепенного распада империи. Никто, ни мужчина, ни женщина, не видел, что империя распадается, и не мечтал о ее падении, пока она не лежала в руинах под ногами северных племен. Никто не задумывался о том, что с тех пор, как Константин принял пурпур, тринадцать императоров из двадцати были казнены или убиты; что кровь способных офицеров или слуг обычно смешивалась с кровью павшего правителя; что сотни тысяч солдат были растрочены в гражданской войне. Никто не задумывался о том, что, пока они отвлекались на религиозные распри, на холмах собиралась грозная лавина; или что, пока суды поглощали огромные суммы на восточных выставках, фискальный механизм государства приходил в упадок. В любом случае, женщинам больше не пристало обращать внимание на эти вещи. Их обязанностью было воспитывать императорскую семью,

носить красивые одеяния из золотой ткани и строить храмы. Эпоха Ливии, Агриппины или Плотины закончилась.

Эти размышления будут подкреплены жизнью интересных императриц, которых мы рассмотрим далее. Новые императоры были незамужними юношами в то время, когда умер их отец. Аркадию, маленькому, смуглому, неприятному на вид юноше, чья лень проявлялась в его тусклых, лишенных блеска глазах, шел восемнадцатый год. Гонорий был одиннадцатилетним мальчиком, и, поскольку за двадцать восемь лет правления он так и не смог подняться выше характера или интеллекта мальчика, а две его императрицы были робкими молодыми девушками, мы должны оставить их на этой странице; хотя эта страница должна содержать событие, которое пронесло трепет по всей цивилизации - падение города Рима. Наши императорские герои имели к нему столь малое отношение, что более поздний век забавлялся, говоря, что, когда Гонорию сообщили, что "Рим взят", он плакал из-за предполагаемой потери своей любимой птицы, носившей это имя.

Настоящим хозяином западного мира, над которым номинально властвовал молодой Гонорий, был могущественный и одаренный полководец Стилихон, выходец из Вандалии. Он женился на Сирене, прекрасной племяннице Феодосия, и до самой своей смерти возглавлял армии и управлял Западной империей. В 398 году, на тринадцатом году жизни, Гонорий получил указание жениться на Марии, старшей дочери Стилихона. Говорили, что Феодосий желал этого союза. Сирена, во всяком случае, желала этого, и, хотя ее дочь была еще незрелой, свадьба состоялась в Милане в 398 году. Все, что мы можем сказать о ней, это то, что она умерла в течение следующих десяти лет - вероятно, по расчетам Тиллемона, в 404 году. Ее тело было забальзамировано и похоронено в христианской церкви в Риме, где в 1544 году был обнаружен бедный рассыпающийся каркас, усыпанный золотом.

В 408 году Гонорий женился на сестре своей покойной жены, Термантии. Тиллемон очень правильно сетует на то, что он не нашел никаких записей о протесте епископа Рима, который, вероятно, праздновал его, против этого незаконного брака, но современный читатель будет более серьезно обеспокоен, услышав аргументы, с которыми Серена убеждала своего неохотного мужа. Мария, по ее словам, умерла девственницей. Прежде чем доверить свое незрелое дитя постели Гонория, ей сделали какую-то непонятную операцию, которая должна была сохранить ее девственность. Разумеется, у Марии не было детей. По словам Зосима, Термантия была так же не готова к браку, и операцию повторили. Это была лишняя жертва честолюбию Серены, потому что через несколько месяцев Стилихо пал в дворцовой интриге, и маленькая служанка была возвращена матери.

Такова была короткая и меланхоличная история императриц Марии и Эмилии Матерны Термантии, как в надписи названа младшая. Их памятник был ужасен. В течение нескольких месяцев лавина готской армии сошла с Альп и опустошила Италию; а Серена, с согласия своей кузины Плацидии, сестры императора, была задушена сенатом по легкому и, вероятно, ложному обвинению в сношениях с врагом. Зосима, по крайней мере, утверждает, что она была невиновна; но он не удивлен ее судьбой, поскольку однажды она присвоила драгоценное украшение со статуи одной из его богинь. Через два года Рим был разграблен готами, и Плацидия была унесена ими.

Мы обращаемся к Востоку, чтобы проследить за менее трагической, но от этого не менее интересной судьбой Евдоксии и Евдокии. На Востоке, как и на Западе, Феодосий оставил могущественного министра, чтобы тот направлял руки его молодого и неперспективного сына. Но восточный министр, Руфин, не обладал мужественными качествами Стилихона. Он попал во дворец хитростью, а не военными подвигами, и легко скрывал свои пороки от

слишком снисходительного взора Феодосия. После смерти этого императора он отбросил плащ и, не сдерживая своей жадности, проявил жестокость. С помощью штрафов, налогов, грабежей и беспринципного разорения своих противников ненавистный галл накопил богатство и власть и правил как самодержец. У него была дочь, достигшая брачного возраста, и Аркадий, казалось, был настроен благодушно, когда предложил ей стать его императрицей. Задача уничтожить соперника привела его на время в Антиохию, и он вернулся, чтобы услышать, что император готовится к свадьбе. Он с нетерпением ждал назначенного дня. Наконец гименейская процессия вышла из дворца, и народ собрался, чтобы наблюдать за ее прохождением к дому Руфина, великолепной вилле в одном из пригородов. К всеобщему удивлению, она остановилась у одного из домов в городе, и румяная и прекрасная дочь франкского вождя была объявлена избранницей императора.

Пока Руфин мстил в Антиохии, евнухи дворца сговорились разрушить его план и подорвать его власть. Главным из них был Евтропий, раб по происхождению, кастрированный сразу после рождения, чтобы за него можно было получить большую цену, и со временем поднявшийся от профессии парикмахера дочери генерала Аринфея до должности верховного камергера во дворце. Такими были правители-императоры в четвертом веке. Евтропий знал, что Аркадий не испытывает влечения к дочери Руфина и страдает от власти ее грузного отца. Он подыскал более красивую спутницу и вскоре надежно заручился любовью Аркадия. Временное отсутствие Руфина дало им возможность, и Константинополь оживился редким зрелищем императорского брака и еще более редким зрелищем поражения Руфина.

Евдоксия - таково греческое имя, под которым нам представили новую императрицу, - была прекрасной дочерью Бауто, вождя франков. Историки, вежливо принимая заверения некоторых писателей того времени, говорят, что она получала "образование" в Константинополе, а ее отец погиб на службе в восточной армии. Возможно, жаль нарушать эту благовидную фразу, но долг биографа суров. Дом в городе, откуда ее увезли на свадьбу с императором, занимали два богатых молодых человека. Они были сыновьями полководца Промота, который стал одной из первых жертв Руфина. Один из этих молодых людей, по словам Зосима, "имел в доме красивую служанку". Мы не будем слишком подробно разбираться в этом. Суровые идеалы германских племен ослабли по мере того, как они все теснее соприкасались с цивилизацией, и для них стало обычным делом одалживать или продавать своих дочерей римлянам. Мы помним приключение Пиперы за столетие до этого. Евтропий представил Аркадию подходящее изображение девушки, пульс которого участился, и сын Прота легко расстался со своей нежной воспитанницей, узнав, что это было сделано для того, чтобы обескуражить погубителя его отца.

Евдоксия обладала не меньшим духом, чем красотой лица, и она с интересом наблюдала за поединком между хитрым евнухом и могучим галлом. Аркадий, "чья слабая и глупая доброта, - откровенно говорит Тиллемон, - принесла страшные беды церкви и государству", был пешкой в этой игре. Но большой, богатый, могущественный галл теперь нашел более сурового противника в лице Стилихона из Западной империи, и течение года его голова была отделена от тела, а жене и дочери было позволено остаться в живых в Иерусалиме. Евтропий и Евдоксия теперь "вели Аркадия, как бессловесное животное", по словам Зосимы, и высасывали ресурсы империи. Константинопольский народ ничего не выиграл от революции. Они с триумфом пронесли по улицам города гнусную, вымогательскую руку Руфина, но гибкая рука евнуха оказалась столь же грозной. Он окружил себя шпионами и осведомителями, заполнил тюрьмы людьми, чье имущество он хотел заполучить для себя или своих друзей, разбросал по городу статуи самого себя и присвоил себе все почетные

титулы, кроме титула Августа. Он втискивал свое обезображенное лицо в доспехи человека, чтобы просмотреть войска, и выступал перед сенатом со слабой имитацией авторитета государственного деятеля. В то время как его поборы и роскошь двора ослабляли империю Востока, он отторгал от себя державу Запада, а Стилихона заклеил как врага народа. А готы и гунны все приближались.

Аркадий, лениво разъезжающий на своей золоченой колеснице, усыпанной крупными драгоценными камнями, в одеяниях из шелка, расшитых золотыми драконами, или изображающий монарха на троне из чистого золота, с толпой обожающих евнухов перед ним, не больше, чем крестьянин каппадокийской деревни, понимал истинное положение империи. Евдоксия, красивая, надменная, избалованная, наслаждавшаяся роскошью дворца, щедрая к церкви и бедным, плыла по течению. Она вела вялую жизнь восточной принцессы в пределах дворца, и ее редко видела даже большая часть дворцовой прислуги. Единственный случай, когда народ увидел ее покидающей мраморный город, в который превратился дворец Константина, был, когда в 398 году она смиренно шла с опущенными глазами, одетая в пурпурный шелк, со сверкающей диадемой на голове, рядом со святым Хризостомом, когда он переносил некоторые реликвии святых. Через несколько лет Златоуст застанет ее в другом настроении.

Высокомерие Евтропия наконец перешло все границы, и в 400 году он осмелился пригрозить Евдоксии изгнанием из дворца. Знала она об этом или нет, но пришло время уничтожить отвратительного министра. Народ стонал от его ужасных поборов, позорного законодательства и кровавой тирании; предводители войск были готовы принести его в жертву. Евдоксия взяла на руки своих девочек, Пульхерию и Аркадию, и в слезах бежала к императору. Аркадий, "став на мгновение императором", говорит Филосторгий, подписал приговор своему любимцу, и евнух вскоре обнаружил, что люди и солдаты, как волки, набросились на него, чтобы уничтожить. Он укрылся в церкви, где Хризостом защитил его от разгоряченной толпы, но через некоторое время покинул ее, видимо, поклявшись Евдоксии или Аркадию, что его жизнь будет пощажена. Его сослали, отозвали, судили и - клятва или не клятва - предали смерти от руки общественного палача.

В начале 400 г. титул Евдоксии *nobilissima* ("знатнейшая") был повышен до титула *Августы*, а в апреле того же года родилась ее вторая дочь.³³ Теперь она была полной хозяйкой Аркадия и империи и так экстравагантно демонстрировала свое достоинство, что западный двор прислал гневный протест, что, заставляя нести ее статуи по провинциям, она превысила привилегии своего пола. В следующем году она завершила свое восхождение, родив мальчика, Феодосия II, и, казалось, имела перспективу долгого и роскошного, хотя и бесполезного, правления. Но в это время она поссорилась с Хризостомом, и ей предстояло пройти через период унижения до преждевременной могилы.

В 398 году Евтропий перевел строгого и красноречивого Хризостома из пресвитерии в Антиохии в архиепископский дворец в Константинополе. Суровый монах, каким всегда оставался в душе Иоанн Златоуст, с самого начала ужаснулся пороку и роскоши христиан императорского города и даже их духовенства, но прошло два года, прежде чем он начал свою пламенную кампанию против грехов мирян.³⁴ Сначала он занялся реформой священников и контролем за монахами. Это нас не касается.³⁵ Достаточно сказать, что духовенство горько возмущалось его реформами и было готово сотрудничать с Евдоксией в попытке избавиться от него. В 400 году он начал более жестко нападать на легкие пути мирян, и, вероятно, между ним и императрицей возникли некоторые чувства из-за резни готских арианских солдат, которая произошла в том же году. Их командир Гайнас поднял мятеж, и Аркадий фактически сдался ему. Он ввел свои войска в город, выделил для них

церковь и позволил им разгуливать по городу, к раздражению жителей, пока, наконец, народ не поднялся и не уничтожил семь тысяч еретиков.

Похоже, что с того времени Евдоксия отделилась от Хризостома, который возмущался предоставлением церкви. Когда в следующем году святой Порфирий из Газы прибыл в столицу, чтобы получить императорский приказ о разрушении языческих храмов своего города, Хризостом отказался представить его ко двору и передал евнуху Амантию. Дальнейшие события не лишены интереса для изучения императрицы. Святой человек был представлен Евдоксии и пообещал, что она родит мальчика, если добьется уничтожения язычества в Газе. Она пообещала это сделать, но Аркадий, который, похоже, не любил религиозных разборок, отказался дать разрешение. Затем родился мальчик, и Евдоксия почувствовала себя обязанной выполнить просьбу Порфирия. Она поручила ему составить официальное прошение и вручить его младенцу-цезарю, когда его выносили из купели крещения. Затем благородному, который нес младенца, было указано, как он должен себя вести, и была разыграна небольшая комедия. Порфирий вручил младенцу Сезарю свою работу. Благородный прочитал его младенцу негромким голосом, чтобы Аркадий не услышал, а затем качнул головой в знак согласия. Аркадий устало пропустил эту уловку мимо ушей: восемь прекрасных храмов были сожжены в Газе, а Евдоксия выделила средства на строительство большой церкви на их развалинах. Тиллемонт, чей восхищенный курс четвертого века сильно сдерживает стоны, жалуется, что "такое благочестие благоприятствует только демонам".

Затем Златоуст в безмерных выражениях осуждает порочные и роскошные поступки богатых женщин, особенно вдов, своей церкви. Он отвлекал монеты мирян от армии монахов, лишал духовенство их любовниц и заявлял, что подавляющее большинство епископов его провинции безнадежно развращены. С помощью своего соперника, епископа Александрии, они составили заговор против него и достигли слуха императрицы через придворного и удобного епископа Севериана. На другое ухо императрицы теперь покушались богатые вдовы, пострадавшие от яростных ударов проповедника. Такие прекрасные дамы, как Марса и Кастриция, вряд ли стали бы слушать социалистические ораторские речи архиепископа, но в те времена стенография (*notatio*) была так же распространена, как и в наши дни, и он мог раздражать глаз богатых и радовать ухо бедных. Они мрачно размышляли над его безличными строками и, несомненно, время от времени находили в них упоминания о роскошной императрице. В итоге из Александрии был вызван архиепископ Феофил, епископы провинции с готовностью составили и приняли пространный обвинительный акт против своего начальника, и, прежде чем ортодоксальное население успело понять, что происходит, их оратор был отправлен в изгнание.

ЕВДОКСИЯ

ПУЛЬХЕРИЯ

УВЕЛИЧЕНО С МОНЕТ, ХРАНЯЩИХСЯ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

Но триумф Евдоксии был таким же коротким, как и у Юстины. Народ восстал в ярости и, уничтожив семь тысяч обученных солдат, сделал легкое дело из монахов и моряков Феофила. Когда к тому же провинцию потрясло землетрясение, Евдоксия благоразумно уступила людскому давлению под благовидным предлогом послушания божественной воле. Златоуст вернулся в свою церковь, и вид отправившегося ему навстречу великолепного флота, яркая иллюминация берегов, неистовое ликование возвращающейся процессии, должно быть, наполнили горечью дворец на высотах. Такое перемирие ни одна из сторон не могла соблюдать с холодной рассудительностью, и вскоре борьба возобновилась.

В честь рождения третьей дочери императрицы, Марины, у дверей Сената была воздвигнута ее серебряная статуя на колонне из порфира. Префект города отмечал это событие играми или другими ликованиями на площади перед статуей, и они, естественно, сопровождались

непристойным, если не сказать развратным, весельем. Прямо напротив, через площадь, находилась дверь церкви Златоуста, и благочестивые люди рассматривали эту демонстрацию как надругательство над религией. Проповеди Хризостома становятся все более откровенными. В более поздний период под его именем была опубликована проповедь, в которой народу - или читателям - напоминалось о печально известной Иродиаде, требующей голову Иоанна. Проповедь обычно считается подделкой, но у нас есть весомый авторитет Сократа, утверждающего, что проповедник в своем выступлении действительно произнес роковое имя Иродиады. Конфликт закончился изгнанием архиепископа (июнь 404 года), но на следующую ночь его церковь была обнаружена объятай пламенем, а огонь перекинулся на здание Сената, украшенное самыми изысканными мраморными изделиями и произведениями искусства, и почти уничтожил его.

Можно представить себе состояние Константинополя и беспокойство Евдоксии в последующие месяцы. Достаточно знать, что Евдоксия встретила мучительную смерть от выкидыша в сентябре того же года (404). Я не буду воспроизводить ужасные подробности, которые более ортодоксальная эпоха обнаружила в связи с ее смертью.³⁶ Если Хризостом говорил от "горького разочарования", как считает доктор Пюх, то у Евдоксии было не меньше причин для озлобления. Даже ее религиозное рвение привело ее к самым болезненным переживаниям. Для государства, в котором она обладала большой властью, она ничего не делала. Стервятники собрались на холмах, суд поглотил свою маленькую душу в сладострастной пышности, а люди воевали друг с другом из-за верований. Мы можем не согласиться с жестким вердиктом Гиббона, что Евдоксия потакала своим страстям, пока империя приходила в упадок, и мы должны считать слишком легкомысленными подозрения в безбрачии, которые он воспроизводит; но мы должны признать, что там, где действия Евдоксии не были эгоистичными, они были в целом бесполезными, а часто и злонамеренными.

Мы довели скудный рассказ об императрицах на Западе до 410 года и не найдем там других императриц до 421 года. Поэтому мы можем продолжить историю Востока и рассмотреть романтическую историю Евдокии, прежде чем перейти к последней сцене в империи Запада.

После бесславного тринадцатилетнего правления старший сын Феодосия умер в своей постели в 408 году. Его единственный сын, Феодосий II, был облечен в пурпур на шестом году правления и в течение следующих семи лет управлял государством как благоразумный и опытный министр. В 415 году Пульхерия, старшая сестра Феодосия, получила титул Августы и постепенно взяла на себя опеку над братом и управление государством. Ей было всего шестнадцать лет, а Феодосий был всего на два года моложе, но ее холодный, решительный нрав в какой-то мере компенсировал силу, которой Феодосию совершенно не хватало, и она взяла в свои руки бразды правления империей. Будучи глубоко религиозной, она дала себе и побудила своих младших сестер дать обет целомудрия, который был написан золотом и бриллиантами на стене общественной церкви. Дворец представлял собой необычное зрелище женского монастыря внутри роскошного двора. Только благочестивые евнухи и женщины допускались к императорским девам, в чьих трезвых апартаментах не было слышно никакой музыки, кроме псалмов и священных песен; а слабого юношу обучали пышности, подобающей королю, и приличиям, украшающим христианина. Он с успехом усвоил оба урока; но нельзя избежать подозрения, что были предприняты менее серьезные и усердные усилия, чтобы подготовить его к тому, чтобы взять в свои руки рычаги тяжелого механизма государства. Следует, однако, добавить, что отчасти благодаря обстоятельствам,

отчасти благодаря благоразумию и заботе Пульхерии, этот механизм работал с непривычной легкостью, а империя наслаждалась периодом мира и процветания.

Вскоре встал тревожный вопрос об императорском браке, и девственная Пульхерия решила его со свойственным ей хладнокровием и решительностью. Задача была в некотором смысле упрощена Феодосием. Он заявил, что женится только на девушке, обладающей исключительным телесным обаянием, и не будет обращать внимания на богатство или достоинство. Возможно, Пульхерии пришло в голову, что императрица, возвысившаяся таким образом, будет менее склонна оспаривать свою власть, чем какая-нибудь женщина, родившаяся в мире больших дел. Она начала поиски с помощью Паулинуса, юноши, который учился у Феодосия и был его близким другом.

Однажды в этот период к ней привели молодую афинскую девушку с просьбой. Это была самая прекрасная афинянка, гибкая и изящная девушка с белоснежной кожей, большими умными глазами и красивой головой с золотистыми волосами. Кроме того, она отстаивала свою точку зрения на совершенном греческом языке с удивительной сдержанностью, красноречием и искусством. Она была Афинаис, дочерью афинского учителя. Он взрастил ее ум и красоту всеми средствами своего искусства, а после смерти оставил ей всего сто золотых под предлогом того, что она и так достаточно богата своими достоинствами. Она умоляла братьев разделить наследство более справедливо, но они отказались. Тогда она вместе с родственницей приехала в дом тетки в Константинополе и попросила справедливо распределить деньги отца. Пульхерию интересовало не дело, а сама девушка. Она отвела тетку в сторону и благоразумно заинтересовалась, является ли девушка служанкой и христианкой. Афинаис была объявлена девственницей, хотя и язычницей; но этот недостаток можно было легко устранить.

Пульхерия радостно сообщила брату, что нашла желанную красавицу, и описала ее. Они договорились о втором визите, во время которого Феодосий и Паулин должны были осмотреть девицу из-за занавеса. За короткое время Афинаис сменила имя на Илию Евдокию, религию - на Христову, а положение - на положение жены императора. Она вышла замуж 7 июня 421 года, как полагают, на двадцатом году жизни. В доме, который она покинула в Афинах, царил смятение, а ее братья скрывались в провинциях. Евдокия разыскала их и доставила в Константинополь. Там они, к своему удивлению, узнали, что она считает себя обязанной их поведению своим состоянием, и были богато вознаграждены.

От этих приятных девичьих черт мы переходим к неизбежной борьбе с Пульхерией. Феодосий оставался императорским ничтожеством. Он умел охотиться, рисовать и вырезать, но государственные дела так наскучили ему, что он подписывал документы, не читая их. Однажды Пульхерия положила перед ним пергамент, и он, как обычно, вслепую вписал свое имя. Вскоре после этого он вызвал Евдокию и сказал, что она теперь рабыня Пульхерии и ждет ее приказаний. Документ, который он подписал, был актом продажи его жены, но не похоже, что эта маленькая хитрость произвела на него большое впечатление. Пульхерия по-прежнему держала бразды правления в своих руках. В конце 422 года у Евдокии родился первенец, а в январе следующего года она получила титул Августы. Двор посетила императрица Запада Галла Плацидия со своей дочерью, и были обсуждены важные вопросы. В 433 году мы, возможно, можем проследить некоторое влияние Евдокии на законодательство. Эдикт о смертной казни оставшихся язычников можно с уверенностью приписать Пульхерии, но эдикт о реформе и расширении высших школ Константинополя скорее напоминает нам о дочери афинского ученого. В свободное время она писала историческую и религиозную поэзию, и то немногое, что сохранилось от нее, было недавно отредактировано Ладвичем. Она правильна по форме и лишена вдохновения.

Годы проходили спокойно до 437 года, когда мы начинаем подозревать, что с Пульхерией возникли трения. Мало что происходило, кроме эха бурных движений на Западе и тревожного наступления гуннов, чтобы нарушить жизнь двора. Один год (434), правда, принес в императорский женский монастырь странное волнение. В Константинополь прибыла принцесса Западной империи Гонория, *облагодетельствованная* собственным управляющим. Но тяжелая участь Онории и романтические приемы, с помощью которых она пыталась ее оживить, займут нас позже. Пульхерия быстро заключила пылкую юную принцессу в монастырь, и о скандале стали говорить только шепотом. Через три года (437) в Константинополь прибыл западный император Валентиниан III и увел прекрасную дочь Евдокии, Лицинию Евдоксию, чтобы она разделила его трепещущий трон. Следующая деталь заключается в том, что в 439 году Евдокия совершила длительное паломничество в Палестину, и можно не сомневаться, что ее отсутствие во дворце в течение года, которое Гиббон неубедительно связывает с замужеством ее дочери за два года до этого, было частично или полностью вызвано ссорой с Феодосием или Пульхерией, скорее всего, с последней.

В Антиохии, во время путешествия, Евдокия наслаждалась престижем своего одинокого и независимого сана. С золотого трона она произнесла изумительную речь перед сенатом, и бурные аплодисменты и воздвижение статуй в ее честь, должно быть, сильно усилили ее самосознание. Золотой дождь, который она обрушила на церкви и монастыри Палестины, да и на всем пути своего следования, вызвал не меньший отклик. Она вернулась в Константинополь, по-видимому, в конце 439 года, с еще большим чувством собственной значимости и с такими бесценными реликвиями, как рука святого Стефана и подлинная картина Марии, написанная Лукой Врачом. Лишь гораздо позже греческие писатели добавляют к ее багажу флягу с молоком Девы Марии, несколько одежд младенца Христа и другие подобные сокровища.

Это паломничество стало поворотным пунктом в карьере Евдокии. До сих пор ее жизнь была роскошной и бессильной; теперь она стремительно омрачается интригами, омрачается трагедиями и подозрениями и вскоре заканчивается фактическим изгнанием. Мы достаточно знакомы с писателями того времени, чтобы ожидать, что они прольют очень мало света на эту новую императорскую трагедию, но, используя более поздних и менее весомых греческих авторов с осторожностью, мы можем получить достаточно уверенное представление о ее основных чертах. Писатели того времени приводят два факта, которые не подлежат сомнению. В год после возвращения Евдокии ее друг и близкий друг императора, очаровательный и талантливый Паулин, был сослан и предан смерти без публичного суда. Второй факт заключается в том, что через несколько лет Евдокия навсегда покинула дворец, чтобы провести остаток жизни в Иерусалиме.

Поздние византийские писатели дают округлую историю этих событий, и в целом можно считать, что в данном случае они раскрывают подавленную правду. Феофан (в своей "Хронографии") говорит, что евнух по имени Хрисафий возвысился и убедил Евдокию добиться увольнения Пульхерии. Они убеждают Феодосия, что, поскольку Пульхерия дала обет девственности, ее место - среди церковных диаконисс, и архиепископу Флавиану поручают забрать ее. Однако Флавиан предпочитает, чтобы она находилась во дворце, и велит ей некоторое время жить отдельно и ждать. Затем, в 440 году, происходит казнь - можно даже сказать, убийство - Паулины. Все поздние греческие писатели рассказывают в связи с этим романтическую историю. Когда Феодосий и Евдокия идут в церковь утром в день Богоявления, крестьянин преподносит императору удивительно большое яблоко. Он отдает его Евдокии, которая втайне посылает его Паулину. К несчастью, Паулин в свою

очередь передает его императору, который сурово спрашивает Евдокию, что она с ним сделала. Она заявляет и повторяет с самой торжественной клятвой, что съела его. Паулина тут же отсылают прочь и обезглавливают. Гораздо более близкий и весомый авторитет, Иоанн Малала, по существу подтверждает эту историю с яблоком и говорит, что Паулину подозревали в близости с императрицей. Нет серьезных оснований сомневаться в этом, как нет и других причин для убийства Паулина; но была ли Евдокия виновна, или подозрение внушили слуги Пульхерии, мы не можем определить.

Евнух, по словам Феофана, подталкивает Евдокию к нападению на Флавиана и Пульхерию. Он напоминает ей "обо всем горьком, что она перенесла от Пульхерии", и прикрывает человеческий мотив притворством религиозного рвения. Мы знаем, по крайней мере, что Евдокия приняла ересь Евтихия, которую принял Хрисафий, и что в 441 году был созван церковный собор, который положил конец Флавиану. Интрига, однако, продолжается в неизвестности, пока Евдокия внезапно не просит разрешения удалиться в Иерусалим. Феодосий не мог развестись с ней, но мы легко можем поверить, что, как говорят эти авторы, он обращался с ней с такой суровостью, неоднократно напоминая ей о Паулине, что она была отправлена в изгнание. Пульхерия вернулась во дворец и возобновила контроль над императором и империей.

Гиббон исследует эти "греческие выдумки", но не только недостаточно учитывает Иоанна Малалу, чей авторитет он признает, но и добавляет деталь из еще более авторитетной "Хроники Марцеллина" (почти современной), которая дает очень серьезное подтверждение. В свите Евдокии, когда она отправилась в Палестину, были священник по имени Северус и дьякон по имени Иоанн, ее любимцы. Они еще не успели покинуть Константинополь, как офицер по имени Сатурнин из враждебной Евдокии фракции настиг их с приказом предать Северуса и Иоанна смерти. Похоже, что их тоже казнили за предполагаемую близость с императрицей. Евдокия потеряла самообладание от такого зверства и приказала своим слугам покончить с Сатурнином. Узнав об этом, Феодосий лишил Евдокию императорских прерогатив и оставил ее в положении простой гражданки. Эти подлинные показания Марцеллина убедительно подтверждают историю, и становится ясно, что византийский двор был запятнан грязной ссорой и несколькими жестокими убийствами.

Романтика карьеры Евдокии еще не закончилась. Марцеллин отправляет ее в Иерусалим в 444 году: более поздние авторы - в 442 году. Как бы то ни было, в 445 году она снова попадает в несчастливое приключение. Монахи Палестины были заражены ересью Евтихия, и они приветствовали столь могущественную покровительницу. С помощью ее слуг они сместили ортодоксального епископа Иерусалима, а на его место поставили энергичного монаха. Монах-епископ со своей воинственной армией из десяти тысяч монашеских последователей в течение двадцати месяцев удерживал Иерусалим, несмотря на императорские войска, изгнал всех православных епископов из Палестины, а многих их сторонников перебил и бросил на съедение собакам. В этой причудливой компании нежная греческая императрица три года продолжала строить церкви и монастыри, но, услышав наконец о несчастьях своей дочери, которые епископ Рима, а также дворы Равенны и Константинополя приписывают ее ереси, она посылает посоветоваться со знаменитым отшельником-столпником Симеоном Стилистом. Симеон рекомендует ей посоветоваться с неким святым монахом-пустынником. Но монах не хочет оставлять свою пустыню ради нее и не разрешает женщине войти в нее. Тогда она строит башню на холме в нескольких милях от него, и в этом безопасном и публичном месте монах просвещает ее от ереси.

Евдокия завершила свою авантюрную карьеру в 460 году, до последнего вздоха утверждая, что она невиновна в обвинении в безбрачии. Пульхерия продолжала править Восточной

империей от имени Феодосия, пока он не умер в 450 году, бесславно и без почестей. Теперь стало ясно, что процветание империи в прежние годы было пустым перемирием обстоятельств. Когда свирепые и хищные гунны приблизились к ней в 446 и 447 годах, Восточная империя трепетно покупала мир самыми позорными уступками. Когда Феодосий умер, она приняла единоличное управление империей, и голова евнуха Хрисафия была сразу же снята с его плеч. Но давление народа вынудило ее выйти замуж, и престарелый сенатор Маркиан согласился разделить с ней трон, не разделив ее девственного ложа. В его более энергичные руки перешли государственные дела, а Пульхерия до конца сохранила свою добродетель и благочестие. Но теперь мы должны оставить восточную пышность, выхоленную раму и великолепное благочестие византийского двора, чтобы завершить нашу историю на Западе.

ГЛАВА XXI

ПОСЛЕДНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЗАПАДА

В ходе нашего исследования мы прошли через пять веков перемен. Мы прошли путь от трезвой и мужественной целостности первой императорской пары, золотого века римской жизни и литературы до сменяющих друг друга глубин правления Цезарей. Затем мы видели, как дряхлый и развращенный город освежается притоком здоровой провинциальной крови, как на смену изнеженным патрицианским семьям на трон приходят энергичные солдаты, как новый период трезвости и процветания открывается при стоиках, чтобы затем вновь погрузиться под бремя порока и роскоши. Диоклетиан восстанавливает ее силы, и тогда на лицо империи надвигается необычайная и судьбоносная перемена. Белые дома богов погибают или приходят в упадок, шумные шествия больше не оживляют улицы, крест Христа возглавляет легионы и сурово возвышается над общественными зданиями и памятниками. Преддверие императоров заполнено христианскими епископами, а правители мира безропотно склоняются перед оборванными фигурами монахов и трепещут перед угрозами ничтожных священников.

Вернувшись в западный мир, мы обнаруживаем еще одну и более значительную перемену. Рим пал, границы стерты с лица земли, провинции, вплоть до Африки, трепещут под войсками варваров. Нищета, страдания и насилие разбросаны по империи, как будто уходящие боги, удаляясь на Олимп, засеяли ее поля солью или зубами драконов. Цивилизация, право, культура, искусство, кажется, обречены, и конец мира уверенно ожидаем. Но среди рушащегося каркаса огромной империи еще несколько теней императоров и императриц остаются на поколение, и мы можем вкратце рассмотреть их трезвые черты и авантурный опыт.

Главной фигурой, представляющей интерес, является *Ælia Galla Placidia*, сестра Гонория, которую мы застали во время посещения Константинополя в 423 году. Ее приключения начались, когда готы захватили Рим в 408 году. Упоминается, что она вместе с сенатом согласилась на жалкую казнь своей кузины, вдовы Стилихона. Плацидии тогда шел восемнадцатый год. Получив большой выкуп, готская армия отправилась преследовать ее бесполезного и трепещущего брата в Равенну, а Плацидия решила остаться в Риме. Она все еще обладала достаточным богатством, чтобы капитулировать перед варварами на честных

условиях. Но в 410 году готы вернулись. Рим был разбужен глубокой ночью воплями их труб, и, выглянув наружу, он увидел, что дворцы охвачены пламенем, улицы заполнены ужасными готами, и работа по разграблению уже началась. После шести дней грабежей они отступили на север, прихватив с собой Платидию. Мы не можем проследить ее путь в этом необычном походе. Однако с ней обращались как с принцессой, и через два года ее взял в жены новый король готов Атаульф. Атаульф был варваром только по имени; крупный, красивый мужчина, князь, умный и приветливый. Он стремился стать римским императором. Гонорий слабо возражал против этого предложения и потребовал, чтобы он доказал свою дружбу Риму, вернув Платидию. Два года она скиталась по Италии в составе готской армии.

Судя по всему, Платидия приглянулась изящному и любезному готу, и они поженились в Нарбонне - готы уже вернулись в Галлию - в 414 году. Когда она размышляла о великолепии свадебных подарков, то, возможно, думала, что даже союз с римским принцем не может быть более пышным. Пятьдесят прекрасных юношей, одетых в шелка, принесли ей сто блюд, нагруженных золотом и драгоценностями, которые готы привезли из Рима. Но в следующем году Атаульф был убит, и Платидия снова оказалась в положении пленницы. Ей пришлось пройти двенадцать миль пешком, среди толпы пленников, перед победоносным варваром, убившим ее мужа. Еще через год ее преследователь был убит, а его более гуманный преемник вернул ее - или продал - ко двору в Равенне.

Римский полководец Констанций, в руки которого она попала, сразу же потребовал ее в жены. Гонорий пообещал, что женится на ней, если любыми способами отвоюет ее у готов. Платидия с негодованием отстранилась от его объятий и сочла его грубую, крупную, угрюмую фигуру плохой заменой своему красивому готскому мужу. Свадьба состоялась, однако, в 417 году, и Платидия приступила к прозаическим обязанностям матроны, родив последовательно принцессу Онорию и будущего императора Валентиниана III. В 421 году ее супруг заставил слабоумного Гонория облачиться в пурпур. Платидия получила титул Августы, и перед ней, казалось, открылись лучшие перспективы. Но Констанций умер через несколько месяцев, и вскоре она жестоко поссорилась с Гонорием. Причина ссоры, как обычно, неясна. Некоторые поздние авторы предполагают, что Гонорий полюбил свою сестру в ее юном вдовстве. Мы знаем только, что дворец в Равенне был наполнен горькими упреками, дворы запятнали себя кровью своих приверженцев, а Платидия бежала в Константинополь вместе со своими детьми.

ПЛАЦИДИЯ

ЭНФЕМИЯ

УВЕЛИЧЕНО С МОНЕТ, ХРАНЯЩИХСЯ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

Гонорий умер через несколько месяцев (август 423 года), и Плацидия, подтвердив свой титул августы Феодосием, в следующем году была отправлена во главе значительного войска претендовать на трон для Феодосия. Во время ее отсутствия вакантный трон узурпировал секретарь. Весной 425 года они отправились из Фессалоник в Италию; Плацидия была с конницей, которая достигла и с большой скоростью взяла Аквилею. Там, через некоторое время, она приняла пленного узурпатора. В публичном цирке ему отрубили руку, посадили на осла и повели по городу, под насмешки толпы и актеров цирка, и в конце концов обезглавили. Затем они направились в Равенну. Валентиниан, мальчик шести лет, был провозглашен императором Запада, и Плацидия приступила к длительному правлению от его имени.

Поскольку последующее законодательство, носящее имя Валентиниана, но дышащее духом Платидии, носило в основном церковный характер, мы не будем на нем задерживаться. Она безжалостно расправилась с язычниками, иудеями, пелагианами, манихеями и всеми остальными, кто был несносен ее духовенству. Как и в случае с большинством последующих императриц, ее благочестие произвело такое впечатление на писателей того времени, что ее личность почти полностью скрыта от нас. Кроме ее указов о религиозном принуждении, мы знаем ее только как переживающую, а не делающую. Прокопий, не слишком пристрастный историк, сурово жалуется, что она воспитывала своего сына в роскошной мягкости, которая неизбежно привела к его поздним порокам и насильственной смерти; и часто возникает подозрение, что она не стремилась к тому, чтобы он получил надлежащее образование в области обязанностей принца. Кассиодор утверждает, что она вела дела государства с помощью колеблющихся и некомпетентных советов как раз в то время, когда Рим остро нуждался в твердом и просвещенном правителе. Тиллемон, восхваляя ее благочестие, с горечью признает, что она принесла большие беды своей пострадавшей империи.

Хотя Рим был разграблен готами в их свободное время, а варварские армии командовали в каждой провинции, дело империи еще не было потеряно. Разумная политика могла бы использовать взаимную ненависть различных племен и поставить во главе грозных армий способных полководцев, которые все еще находились на службе Рима. Но слабость и тупость Платидии, напротив, привели к потере ее лучшего полководца, последней свободной провинции и значительной части войск. Осмотрительно прислушавшись к злобным уговорам одного полководца, Этия, она приказала другому, графу Бонифацию, отказаться от должности в Африке под предлогом, что тот замышляет предательство. В то же время Ютий предупредил Бонифация, что отзыв вызван подозрениями, и доблестный офицер был вынужден взбунтоваться. Он пригласил вандалов в Африку, и вскоре двадцать тысяч высоких светловолосых северян с огромной толпой зависимых и последователей заволодели провинцию. Платидия слишком поздно обнаружила коварство Этия. Ее убедили отправить дружественного посла к Бонифацию, и обман был сразу же раскрыт. Но оттеснить вандалов не удалось. Бонифаций был убит (432 г.) в борьбе с ними, Итий был изгнан в лагерь гуннов, а Африка, житница Рима, была безвозвратно потеряна.

Следующим ударом, угрозавшим растерянной империи, стало вторжение гуннов. Платидия нельзя считать ответственным за последующие бедствия, так как Итий, крепкий в своем союзе с гуннами, силой вернулся к власти и стал настоящим правителем империи. Но его трудная задача осложнялась романтическим и несчастливым событием в домашнем кругу Платидии. Мы уже говорили о ее дочери Онории, которая с позором прибыла в Константинополь в 434 году. Великое отличие константинопольского двора - обладание тремя царскими девственницами - похоже, возбудило благочестивую ревность Платидии, и она, очевидно, решила, что ее двор не должен испытывать недостатка в весталке. Нам не сообщают, что на юную Онорию был наложен какой-либо обет, но она была воспитана в дисциплине монастырской послушницы, и ей дали понять, что ей полагается возвышенное состояние девственности. В 433 году в качестве компенсации за принесенную жертву ей был пожалован титул Августы. Но в жилах дочери Констанция текла более густая кровь, чем у дочерей Аркадия, а клаустральный режим - ограничение на посещение евнухами и женщинами - в Равенне, похоже, соблюдался не слишком строго. В 434 году семнадцатилетняя принцесса была обнаружена в болезненном состоянии, и возмущенная Пульхерия отправила ее в Константинополь и заточила в женский монастырь.

Но юная девушка обладала духом, превосходящим ее годы. Она слышала о грозном народе гуннов, который в окрестностях Дуная и Волги ожидал своей очереди выйти на

императорскую сцену; она слышала, что на трон этого народа недавно взошел молодой и могущественный Атила. Каким-то образом она заполучила гонца, который отнес ей письмо и кольцо к Аттиле, предлагая ему свое сердце и приданое, если он отпустит ее. Этому девичьему уродству суждено было иметь ужасные последствия для империи. О самой леди мы можем рассказать в двух словах. Похоже, что примерно до 450 года она находилась в тесном заточении на Востоке, время от времени посылая бесплодные послания своему романтическому возлюбленному. У Аттилы было достаточно занятий в течение этих пятнадцати лет, и он довольствовался тем, что вписал ее имя в длинный список своих жен. Когда в 450 году он официально потребовал ее персону, его заверили, что она замужем. Не исключено, что ее отпустили при условии, что она примет выбранного для нее мужа. Но ее конец неясен, и можно сомневаться, что она когда-нибудь вернула бы себе свободу, не присоединившись к победоносным гуннам.

Плацидия умерла в 450 году, оставив проницательного Этия предотвратить надвигающуюся катастрофу союзом с остготами против гуннов. В течение четверти века она обладала верховной властью над Западной империей. То, что она не смогла предотвратить удары, обрушившиеся на нее в этот период, возможно, свидетельствует лишь о ее посредственности, но для Рима это было катастрофой. Память о ней, как ни странно, сохранилась более чем на тысячу лет. Языческая привычка кремировать тела императоров и императриц была заменена египетским процессом бальзамирования, и Плацидия построила часовню в Равенне для принятия своего тела. Там оно пролежало в кресле из кедрового дерева до 1577 года, когда несколько детей, сунув в гробницу зажженную лампу, чтобы лучше ее рассмотреть, подожгли ее и превратили в пепел.

Тем временем появилась еще одна императрица Запада. В 437 году Валентиниан женился в Константинополе на Лицинии Евдоксии, четырнадцатилетней дочери Евдокии, и привез ее в Италию. За эту честь он отдал Пульхерии и Феодосию большой кусок своей империи и, как говорят, легкомысленно отнесся к ней. Дальнейшие события располагают к тому, чтобы поверить в его неправоту. Восемнадцатилетний юноша, легкомысленный, роскошный и легкомысленный, он наслаждался дворцом, оставив свою мать, а затем и Этию, исполнять свои обязанности. Евдоксия могла лишь безучастно следить за судьбоносными движениями народов и радоваться поражению гуннов в ужасной битве при Шалоне в 451 году, или содрогаться, когда в следующем году Атила подошел к воротам Рима, требуя половину империи в качестве приданого своей далекой невесты Онории, или когда в 453 году распутник Валентиниан вонзил свой меч в грудь своего великого министра Этия. Ее постигла тяжелая личная трагедия.

Двор обычно проживал в Риме, где Валентиниан наслаждался более масштабными и быстрыми развлечениями метрополии. Здесь, в 455 году, он был заколот своими солдатами, и в связи с его смертью рассказывается романтическая история. Эта история отвергается недавним историческим писателем, мистером Ходжкином ("Италия и ее захватчики"), но профессор Бьюри показал, что она, вероятно, правдива по существу. Полная история, к которой, возможно, были добавлены вымышленные детали до того, как она попала к Прокопию, гласит, что Валентиниан, играя в азартные игры с выдающимся сенатором Петронием Максимом, получил его кольцо в качестве залога за выигранные деньги. У Максима была красавица-жена, которую желал видеть император, и он послал ей кольцо с вызовом во дворец. Ничего не подозревающую даму привели в апартаменты Валентиниана, где он над ней надругался. За это преступление, вызванное всеобщим недовольством, Максим убил его и занял его трон.

Максим был богатым римлянином, из знатного рода, вел мирный и роскошный образ жизни, так что у нас нет оснований сомневаться, что возмущение жены внушило ему мысль об убийстве. Дальнейший ход событий придает повествованию дополнительную убедительность. Его жена умерла вскоре после смерти Валентиниана, и он пригласил или заставил Евдоксию выйти за него замуж. В неясности и неопределенности записей мы не можем понять, как Евдоксия согласилась, даже под давлением. Некоторые из поздних греков утверждают, что он совершил над ней насилие. По крайней мере, несомненно, что она вышла за него замуж в течение месяца или двух после трагической смерти мужа и почти сразу после этого попыталась его уничтожить. Наши поздние и неопределенные источники не лишены правдоподобия, когда утверждают, что однажды он признался, что из любви к ней подстроил убийство ее мужа. Рим вернулся к зловещим временам, и над его руинами разразилась трагедия.

В порыве негодования Евдоксия тайно предложила вандалам пересечь Средиземное море и отомстить за нее. Историки слишком легкомысленно признают, оправдывая ее преступный поступок, что у нее не было надежды на помощь с Востока. Престарелый и праведный Маркиан, правда, стремился к внутреннему процветанию своей империи, но крайне сомнительно, как покажет дальнейшее, что низложение Максима было бы сопряжено с большими трудностями, а Евдоксия была племянницей Пульхерии. Ее мстительный поступок ускорил конец империи. Гензерик быстро высадил свои свирепые войска на италийской земле, и римляне сразу же расправились с угрюмым или раскаявшимся Максимом и бросили его растерзанное тело в Тибр. Дальнейшие приключения Евдоксии, как бы интересны они ни были, укладываются в несколько строк. После четырнадцати дней грабежей вандалы вновь отступили из разрушенного города Октавиана, нагруженные золотом, серебром, женщинами и всевозможными ценностями. Генсерик заставил Евдоксию и двух ее юных дочерей сопровождать его. Их продержали в Карфагене семь лет. Восточный двор неоднократно просил об их освобождении, но получал отказ, пока в 462 году старшая дочь, Евдокия, не была выдана замуж за сына Гензерика. После этого Евдоксия и вторая дочь, Плацидия, были отправлены в Константинополь. Спустя годы в одной из легенд мы видим Евдоксию, последнюю выдающуюся императрицу Запада. Она стоит перед колонной Симеона Стилита и просит его приехать и пожить где-нибудь в ее обширном поместье. Евдокия шестнадцать лет прожила в Карфагене, затем бежала на Восток и закончила свою жизнь в Палестине. С Плацидией мы еще встретимся.

Мы вернемся к сокращающейся империи Запада, чтобы отбросить последние четыре императорские тени, мелькающие на ее руинах. Освободившийся трон занял командующий римскими войсками в Галлии Авит. Он был женат, поскольку мы знаем, что Сидоний Аполлинарий был женат на его дочери Папинилле, но его жена умерла, и нам остается только сказать, что, после того как он несколько месяцев наслаждался императорскими пирами, он был низведен до епископского сана командующим варварскими войсками с согласия отвращенных римлян, и вскоре после этого он умер. За ним последовал достойный и способный офицер, чье правление могло бы осветить более благоприятный век; но мы не находим императрицы, связанной с ним, и должны пройти мимо четырех лет его искренних усилий по спасению империи. После его смерти Ливий Северус номинально и неясно царствовал четыре года (461-5), и снова мы не находим императрицы в скудных записях.

Трон оставался вакантным почти два года, в течение которых вандалы преследовали жалкие остатки великой империи. В конце концов главнокомандующий в Италии Рицимер обратился за помощью к Восточной империи, и союз был скреплен тем, что восточный двор послал одного из своих самых богатых и прославленных вельмож, Антемия, занять трон. Его

императрицей стала Евфимия, дочь императора Маркиана от его первой жены. Но ее имя, имена ее отца и детей - это все, что мы знаем о ней, и нам нет нужды останавливаться на неудачах и ссорах, и последнем слабом отблеске римского язычества, которыми характеризовалось его неблагоприятное правление. В течение четырех лет он поссорился с Рицимером, и его жизнь была оборвана на улицах Рима.

На несколько месяцев трон заняла Платидия, дочь Евдоксии. В Константинополе, куда она отправилась вместе с матерью из вандальского плена, она вышла замуж за богатого знатного Олибрия. Он бежал из Рима, когда тот был разграблен вандалами, и не собирался менять безопасную роскошь Константинополя на беспокойный трон, когда Рицимер предложил ему его. Говорят, что его подтолкнула Платидия. Это было роковое приключение. Они вошли в Рим в сопровождении войск Рицимера, но Олибрий через несколько месяцев поддался этой атмосфере смерти, и мы не успели разглядеть черты дочери Евдоксии, прежде чем она перешла в большую категорию неясных императорских вдов. У его преемника Глицерия, марионетки главнокомандующего, похоже, не было жены. У него сразу же появился конкурент, и он сменил неопределенный скипетр Западной империи на солидный посох епископа.

Перед тем как опустится занавес, на сцену выходит слабая тень императрицы. Восточный двор снова обеспечил Италию, которая теперь была Западной Римской империей, правителем. Юлий Непос установил свой двор в Равенне, а императрицей назначил племянницу Верины, императрицы Востока. Но предводители варварской армии - единственной армии, оставшейся на службе Рима, - представили восточного захватчика и пошли на Равенну. Непос позорно бежал, и мы с интересом, хотя и сдержанно, читаем, что он был предан смерти своим предшественником, епископом Гликерием. Судьба его жены неизвестна, и последняя императрица западных провинций полностью ускользает от наших поисков.

Оборванный пурпур был предложен полководцу Оресту. Он отказался от него и позволил возложить его на плечи своего маленького сына (476). Имя этого милого и безобидного мальчика объединило, словно в насмешку, имена Ромула и Августа. В более поздние времена его жалкая фигура известна как Августул. Его отец был убит войсками сразу после этого, потому что отказался распределить между ними треть земли Италии. Империя теперь была всего лишь фразой, а Рим - игрушкой варваров, которых он покорял пять или шесть сотен лет. Одоакер, последний предводитель войск, приказал ребенку снять пурпурную мантию и удалиться, а через некоторое время после этого - Рим пал так низко, что год этого впечатляющего свершения невозможно точно определить - заставил сенат упразднить императорское престолонаследие на Западе. Италия стала королевством варваров. Британия, Галлия, Германия и Испания превратились в поля сражений тех свирепых племен, которые после насилия и мрака Средневековья, в свою очередь, рассеют семена цивилизации по земле. Галерея западных императриц была закрыта безвозвратной рукой судьбы, и длинная, причудливая галерея византийских императриц была открыта.

ПЯТНАДЦАТЬ

1 Титул "императрица" был неизвестен римлянам. "Император" - это название военного командования. Особое применение этого титула в отношении Октавиана и его преемников

заключалось в том, что он давался пожизненно. Более новый титул "Август" был распространен на Ливию, которая позже стала "Августой".

2 Плиний относит ее рождение к 54 г. до н. э., но Дио говорит о 57 г. до н. э., и эту дату подтверждает Тацит.

3 Неправильно, потому что это не отличительное имя, а общее для императоров. Ливия и Октавия получили титул "Августа" несколькими годами позже, но даже Ливия редко упоминается под этим именем.

4 "Non nisi plena nave tollo vectorem".

5 Писатели часто создают впечатление, что Юлия потакала в Рострах даже самым порочным своим наклонностям, но Дио говорит лишь о "веселье" и "гуляньях": ὥστε καὶ ἐν τῇ ἀγορᾷ καὶ ἐπ' αὐτοῦ γε τοῦ βήματος κωμάζειν νύκτως καὶ συμπίνειν. Возможно, имеется в виду опорожнение кубка фалернского вина в ростре по какому-то особому случаю дьявольщины или опьянения.

6 Vol. V, p. 353.

7 "Анналы", т. 3.

8 Следует извиниться за сохранение прозвища третьего императора, но оно, похоже, навсегда закрепилось в истории.

9 Тацит, за которым следуют Меривейл и другие историки, заставляет Клавдия также удалиться в Синуэссу. Вероятно, это ошибка, поскольку император заболел и умер в Риме.

10 "Жизнь и правление императора Нерона", 1903.

11 καὶ οὕτω γε ἑαυτὴν διὰ πάσης τῆς ἀρχῆς διήγαγεν ὥστε μηδεμίαν ἐπηγορίαν σχεῖν: lxviii, 5.

12 Дуруи цитирует Аврелия Виктора ("Эпитома", xiv): "Невозможно сказать, насколько Плотина усилила славу Траяна". На самом деле этот отрывок находится в с. xxxix "Эпитомы".

13 Грегоровиус указывает, что инцидент мог произойти в Риме, и что у нас нет положительных доказательств того, что Сабина сопровождала его в этом путешествии. Но из рассказа Спартиана следует, что она была в Британии, и мы увидим, что она сопровождала его в более длительном путешествии на Восток. Дуруи и другие авторы считают, что офицеры были уволены из-за недостатка, а не избытка уважения к Сабине, но слово "familiarius" в сочетании с угрозой развода, кажется, требует того толкования, которое я дал ему.

14 См. небольшую работу д-ра Бассани "Коммодо и Марсия".

15 Упоминания о Юлии Домне на монетах и в надписях были старательно собраны Мэри Гилмор Уилкинс, Американский археологический журнал, 2-я серия, том vi. Они не добавляют существенного к нашим знаниям о ней, но их так много, что они показывают, что она была императрицей исключительной известности и влияния. Она стала Августой в первый же год.

16 Я делаю вывод, что они уже приехали в Рим, потому что Элагабалу, сыну Соэмии, было уделено серьезное внимание в его последующем утверждении, что он был сыном Бассиана. Он родился в 204 году, и, если его мать не была во дворце до этой даты, утверждение не могло быть сделано.

17 Трудно представить, что Элагабал начал свою ужасную карьеру в таком возрасте, и Гиббон, рассчитывая возраст, указанный Александром Севером в "Historia Augusta" на момент его смерти, меняет его на семнадцать лет. Но "История Августа" очень часто ошибается в возрасте, который она приписывает императорам на момент их смерти. Профессор Бьюри признает, что Гиббон, вероятно, ошибается, и мы можем следовать за Иродианом.

18 Аммиан Марцеллин сообщает нам один факт, Зосима - другой. Ни тот, ни другой не упоминают ее имени, но мы узнаем его из монет.

19 Некоторые авторы предполагают, что на монетах Салонины после ее смерти встречается легенда "In Pace", что она стала христианкой. Эта фраза не встречается иначе, кроме как на христианских памятниках. Дуруи не соглашается с таким выводом и указывает, что она построила храм богине времен года.

20 Ее имя называют по-разному: Витрувия, Виктория или Викторина. Поскольку в "Истории Августа" оно фигурирует как Витрувия в копиях с Актов Сената, и ни один римлянин не стал бы переделывать Викторину в Витрувию, я полагаю, что первоначально оно было Витрувией и было латинизировано или изменено ею самой, когда она стала императрицей, на Викторину.

21 Высказывалось предположение, что пятнадцать месяцев Лактанция могут быть датированы их изгнанием со двора Максимиана. Это вряд ли возможно. Галерий умер в мае 311 года, и Валерия все еще оплакивала его и молилась о его недавней смерти, когда Максимиан попытался жениться на ней. Максимиан умер в апреле 313 года, так что смерть Приска и Валерии не может быть раньше лета того же года.

22 Греческий оригинал "Хроники" утрачен, и Иероним сообщает нам, что он добавил множество деталей в латинскую версию, которой мы сейчас располагаем.

23 В одном из самых авторитетных трудов по римским учреждениям, "Handbuch" Марквардта и Моммзена, говорится следующее: "Ehen, bei welchen der eine Theil der Römischen Bürgerschaft, der Andere den Latinern jüngeren Rechtes oder den Peregrinen angehörte, sind nach Römischen Recht nicht gültig" (vii. 29). Гетеке в специальном исследовании на эту тему ("Constantinum honeste et ex legitimo matrimonio natum") говорит, что специальные эдикты делали невозможным брак офицера в провинции, в которой он служил. Он полагает, что их действие не будет постоянным, но не учитывает неспособность Елены как *перегрины*.

24 Может возникнуть вопрос, не имел ли святой Августин в виду случай Константина, когда в своем моральном трактате "De Bono Conjugali" он отказывается осуждать человека, который, имея бесплодную жену, берет в придачу наложницу, чтобы обеспечить семью. По крайней мере, ясно, что раннехристианское мнение не было фиксированным. Гиббон снова улучшает мнение христианских писателей, утверждая, что Минервина была ранней женой, а не наложницей Константина; но, как указывает профессор Бьюри, документ, на который он опирается, не относится к этому императору.

25 Именно из-за путаницы в датах я уверенно приписываю эти слова Иерониму, а не Евсевию. Слова "девятый год" могут относиться только к девятому году кесарата Crispus, или к 326 году. Интервал в три года не имеет никакого значения ввиду путаницы в датах.

26 Гиббон, профессор Бьюри и мистер Ферт заставляют Зосима совпадать с Зонарой. Читатель увидит из моего буквального перевода его слов, что он отличается очень существенно. Он не предполагает, что Фауста обвинила Криспа, или что она действительно была виновна в каком-либо проступке; но он резко обвиняет Елену.

27 Мисс Гарднер в своем жизнеописании Юлиана замечает, что мы не знаем, была ли Елена старше Юлиана, но, хотя известно, что Юлиан родился в 331 или 332 году, поскольку ему шел шестой год во время резни 337 года, и он умер в тридцать два года, мать Елены была убита в 326 году.

28 Филосторгий говорит, что, когда она лежала больная, Констанций вызвал из ссылки епископа Феофила, и тот вылечил ее. Но Зонара заставляет ее умереть именно от этого недуга, разгадав арианское чудо.

29 Александрийская хроника неоднократно называет ее Мариной, и у нас нет монет, чтобы определить полное и точное имя. Козн, по крайней мере, не приводит монет, хотя Тиллемон на них ссылается.

30 Lib. xxviii. 1: Он говорит, что Грациан предал смерти некоего человека "по совету его матери". Зонарас говорит, что Севера еще жила во время второго брака.

31 Грациан, юный сын Севера, был облачен Валентинианом в пурпур "по наущению его жены и тестя", говорит эпитомист Аврелия Виктора, осенью 367 года. С другой стороны, брат Юстины был убит на службе у Валентиниана в 369 году, и второй брак, естественно, приходится на 368 год.

32 Однако святой Августин, который был в Риме на следующий год после смерти Грациана, говорит в своей "Исповеди" (viii. 2), что "почти вся римская знать" все еще придерживалась старой религии.

33 Следовательно, Тиллемон и другие, которые приводят эти даты, должны ошибаться, помещая ссору с Евтропием в 399 год. Филосторгий прямо говорит, что на руках у нее было две дочери, когда она обратилась к Аркадию.

34 См. книгу профессора Пюэха "Святой Жан Хризостом", 1891.

35 Любопытный читатель найдет удивительные строгости Хризостома по отношению к духовенству более чем подтвержденными в письмах Иеронима, а его яростное осуждение монахов - в трактате Августина о них.

36 Гиббон считает, что она пережила Хризостома и умерла в 408 году. Но Тиллемон указал, что "Жизнь Хризостома" Георгия Александрийского, на которую он, похоже, опирался, подделывает письма и является весьма ненадежной. Ранние авторы помещали смерть Евдоксии в 404 году.

НАПЕЧАТАНО ХЕЙЗЕЛЛОМ, УОТСОНОМ И ВАЙНИ, ЛД,
ЛОНДОН И ЭЙЛСБЕРИ.

Примечание транскриптора

Пунктуация, дефис и орфография приведены в соответствие, если в оригинале книги преобладали те или иные варианты; в остальных случаях они не изменялись.

Простые опечатки были исправлены; непарные кавычки были исправлены, когда изменение было очевидным, а в остальных случаях оставлены без пары.

Сноски, первоначально располагавшиеся в нижней части страниц, были собраны и перенесены перед указателем.

Указатель не был проверен на правильность алфавита или правильность ссылок на страницы.

Обложка создана транскриптором и помещена в общественное достояние.